ПОЛИТИКА ЭКОНОМИКА

ГОРИЗОНТ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СИНГУЛЯРНОСТЬ

БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА ПРОЙДЕНА?

АЛЕКСАНДР НИКОНОВ

ПЕРЕПОТРЕБЛЕНИЕ РЕСУРСОВ — МИФ?

ПРИЧИНЫ ПРОВАЛА ВСЕХ ПРОЕКТНЫХ ОБЩЕСТВ

ПОЧЕМУ ВЫДЕЛЯЮТ РАЗЛИЧНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ?

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ СНОВА ВЕРНЕТСЯ?

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ — ЭТО ПЛОХО?

ПОЧЕМУ СОВРЕМЕННЫЙ МИР ЕВРОЦЕНТРИЧЕН?

ПРАВЫЙ ПОВОРОТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вы держите в руках самую важную книгу первой половины XXI века, поскольку точка невозврата человечеством уже пройдена и сейчас оно стоит перед краем бездны, за которым либо падение, либо полет.

Нам говорят, будто на Земле конкурируют между собой разные цивилизации – российская, англосаксонская, китайская, христианская, исламская. Утверждают, будто нам сейчас, как никогда, нужен проект будущего. Это неправда. Цивилизация на планете всего одна. А любые проекты будущего априори провальны и ведут к катастрофе, потому что земная цивилизация находится в состоянии технологической сингулярности и мы уже пересекли горизонт исторических событий. Пути в прошлое нет, и оглядываться поздно – теперь только вперед! Золотой век не позади. Он впереди, и он не золотой.

- Александр Никонов
  - ○
  - ○ Голос автора из черной дыры
  - ○
  - ○ Часть 1
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
  - ○ Часть 2
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
  - ○ Часть 3
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
    - ■ Глава 6
    - ■ Глава 7
    - ■ Глава 8
    - ■ Глава 9

        - Глава 10
        - Глава 11
    - Приложение
        -
        - «А вот Китай…»
        - «Что же будет на Земле через 100 ближайших лет, когда мода на детей совсем пройдет?»
        - Ну, тупы-ые!
        - Правый поворот. Есть ли проблески?
        - О разумном невмешательстве и роевом интеллекте
        - Чего хотят левые в Америке
        - Абсолютная истина и постправда
        - Коротко о панспермии
        - Почему молчит космос
        - Что такое несущая способность кривой
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27

- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34

Александр Никонов
Будущее человечества
Точка невозврата пройдена?

Моему отцу, как звену в бесконечной цепочке, которая, верю, не окажется оборванной.

© Никонов А.
© ООО «Издательство АСТ»

Голос автора из черной дыры

Вы наверняка знаете слово «сингулярность». Да, это связано с черными дырами. И, может быть, вы даже слышали про некую «технологическую сингулярность», со звездным небом никак не связанную, а также читали про то, что земная цивилизация сейчас стоит перед точкой невозврата, которую и называют технологической сингулярностью. Так вот, это неверно! Точка невозврата нами уже пройдена. Вот об этом данная книга.

Книга пишется в непростые для моей страны и всего мира времена. А в такие периоды обостряются разного рода апокалиптические настроения, люди с тревогой всматриваются в будущее, гадая, а случится ли оно вообще, или цивилизация подходит к своему трагическому финалу, каковой во всех религиях носит поэтичное, но глупое название «конец света». Почему глупое? Потому что конец нашей цивилизации еще не означает конца света. Свет останется и будет по-прежнему лететь от звезд в бесконечную черную пустоту. Понимаю, это читателя не утешит, что нам до звезд, если натирает ботинок?! Поэтому люди ищут утешения в чем только могут – в религиях, искусстве, наркотиках, науке. И даже в философии. Философствования я к науке не отношу, но ради интереса все-таки прислушиваюсь иногда к тому, что говорят бабки у подъезда и другие «эксперты» – из телевизора и интернета. Ужас ведь, что несут!

Говорят, будто на земле конкурируют между собой разные цивилизации – китайская, американская, советская, русская… Говорят, что нам сейчас как никогда нужен проект будущего, а то неизвестно куда идти, в тупик, кажись, уперлись. У многих и правда полное ощущение тупика, «конца капитализма», «отсутствия смыслов», которые «надо нарабатывать». Ох уж эта неуемная вера в проектность!.. Будто цивилизацию, биосферу или организм можно построить по какому-то разумному проекту! Это – принципиальная ошибка, которая уже стоила человечеству мегалитров крови. А сейчас на кону нечто большее: всё.

Поэтому я хочу данной книгой закрыть вопрос будущего раз и навсегда. И начну со спойлера и утешения одновременно: шансы на будущее у нас есть. Но только если мы не начнем будущее «строить». И если откажемся от русскости, американскости, китайскости, советскости и прочих «традиционных ценностей» и национальных культур, став просто людьми. Будущее и традиции несовместимы, поскольку традиции и есть само прошлое, овеществленное в привычках. А еще несовместимы успешное будущее и наивная вера в Добро, Зло и твердую мораль,

потому что это абсолютистские и оттого тупиковые категории. А еще для нашего выживания цивилизация должна победить культуру.

Золотой век не позади. Он впереди. И он не золотой.

Поэтому данная книга – самая важная книга первой половины XXI века; про вторую не скажу, ибо неизвестно, будет ли там вообще кому читать книги, ибо мы с вами – переломные поколения. Тяжкая балка человеческой истории ломается сейчас о наши хребты. В истории земной цивилизации никогда не было ничего даже близко похожего. Впереди у нас – та самая черная дыра технологической сингулярности, и мы уже пересекли горизонт событий. Мы уже в ней! И возврата в прошлое нет. В прошлое можно вернуться только мертвым. Поэтому отныне только вперед с широко открытыми глазами!

Чем дальше назад в прошлое вы сможете взглянуть, тем дальше вперед вы, вероятно, сможете увидеть.

Уинстон Черчилль

Если долго всматриваться в бездну, бездна начнет всматриваться в тебя.

Фридрих Ницше

…если сотрудничество нескольких тысяч миллионов клеток в нашем мозгу может создать наше сознание, истинную сингулярность, правдоподобной становится идея, что сотрудничество человечества может определить то, что Кант называет Великим Существом.

Джон Б. С. Холдейн

Сингулярность не имеет ничего общего с сознанием.

Стюарт Дж. Рассел

Через несколько десятилетий машинный интеллект превзойдет человеческий, что приведет к Сингулярности – технологическим изменениям настолько быстрым и глубоким, что они представляют собой разрыв в ткани человеческой истории.

Рэй Курцвейл

Некоторые люди верят, что Судный день настанет для всех. Но я понимаю, что Судный день или Восхищение, которое я переживу как неверующий, не будет хорошей участью. В этом существенное отличие Сингулярности от того, что нам обычно рассказывают о судьбе наших вечных душ.

Рон Карри-мл.

Часть 1
Обыкновенный фашизм 2.0

Глава 1
Венская оперетта

Он был молод. Он хотел лучшей доли для всех и сразу. Он любил Римскую империю…

Думаю, все это можно сказать про всех нас, и про меня тоже. Все мы когда-то были молоды. Все были романтичны и, раздумывая о судьбах мира, хотели всех осчастливить. И почти всем, кто интересовался историей, нравилась великая Римская империя, этот огонь цивилизации, некогда разгоревшийся над миром древности. Свет античности так привлекателен!

Но я сейчас пишу не о себе и не о тебе, читатель. Я говорю о молодом и горячем итальянском публицисте, который тоже бредил эпохой античности и мечтал сделать жизнь всех лучше. Сделать жизнь всех людей счастливой непросто, это слишком масштабная задача, но какие-то локальные цели вполне достижимы. Наш герой наладил у себя на родине пожарную службу. Уже неплохо! Но это еще не все! Однако не будем забегать вперед.

Несмотря на то, что родился наш герой в простой семье, талантами он начал блистать с самого детства: в четыре года мальчик уже свободно читал, в пять лет играл на скрипке. Отец парня был анархистом, и мальчик вырос убежденным левым. Он точно знал, как именно нужно перестроить мир, чтобы всем было хорошо – это надо сделать по разумному проекту! К тому же провидение наградило его талантом складывать слова – скрипач оказался неплохим публицистом и оратором, поэтому социалистические газеты с ним охотно сотрудничали, а одну их них он даже возглавил.

Неплохо начала складываться и политическая карьера пылкого юноши. Эйнштейн еще не опубликовал свою специальную теорию относительности, мир едва-едва вкатился в XX век, а наш герой уже был руководителем рабочего комитета в небольшой итальянской деревне, где трудился школьным учителем, сеял в маленьких итальянцах разумное, доброе, вечное. При этом он был пацифистом – чтобы не служить в армии, даже бежал от призыва из Италии в Женеву. Помимо родного итальянского парень знал еще и французский, поэтому в Швейцарии оглашал перед слушателями свои пацифистско-социалистические идеи на беглом французском языке. В Лозанне наш герой познакомился с Лениным и углубился в изучение марксизма. Ленин произвел на него сильное впечатление.

Интересно, что и Ленину парень тоже понравился. В письмах к партийным товарищам вождь мирового пролетариата писал, что писательскому таланту и революционному пылу этого юного итальянского социалиста российским революционерам можно было бы поучиться!

Наш юный пылкий итальянец, который был моложе Ленина на тринадцать лет, в последующие годы написал несколько ярких книг, а став главным редактором социалистической газеты, поднял ее тираж в несколько раз. Талант, что тут говорить…

Но поскольку наш герой очень любил Италию и все, с ней связанное, включая национальную историю, а значит, и имперский период, он неизбежно скатился на желобке этой любви в ванночку национализма. Что ж, с революционерами такое бывает – Сталин, несмотря на свою декларируемую коммунистичность и интернационализм, по факту был русским националистом, бытовым антисемитом и имперцем. И в современной России по сию пору бегают революционеры с имперским окрасом, например, национал-большевики, в партии коих одно время состоял писатель Прилепин, а основал ее писатель Лимонов. Я бы их назвал просто сталинистами, ведь Иосиф Сталин тоже фактически был национал-большевиком.

Некоторые считают, что национализм – это нормально. Это, мол, просто такая сильная любовь к родине и народу, ничего страшного. Ну вот любит человек свою национальность по непонятным причинам, что ж тут поделаешь? Традиционные ценности, понимаешь ли. Уникальный генетический код. Лишняя хромосома. Любовь к отеческим гробам. Вот это вот все…

В голове у нашего героя любовь к отеческим гробам была представлена в избытке. И гробы, надо признать, были весьма качественными – монументальные каменные саркофаги древнеримских патрициев и героев. Настоящая великая империя и воистину великая история, без дураков! Но поскольку наш пылкий итальянец выкатился все-таки из социалистов, в его голове шизофренически уживались все идеи одновременно – и национальные, и социал-демократические. Он ругал капитализм, проповедовал необходимость восьмичасового рабочего дня и всеобщность избирательного права с восемнадцати лет, свободу вероисповедания, конфискацию помещичьих латифундий с передачей земли крестьянам, запрет детского труда и все такое прочее, знакомое нам по декларациям большевиков. При этом с позиции национализма и любви к традиционным ценностям он выступал за поддержку религии и католических школ, запрет разводов и абортов. А допустимость и даже нужность войны (взамен пацифизма) естественным образом прицепилась к этому

набору позже – в 1915 году он оказался на фронте, неплохо проявил себя, храбро воевал, стал капралом, был тяжело ранен. Ну прямо как Гитлер! Правда, ефрейтор Гитлер не дослужился до таких званий, как наш герой.

В общем, мы имеем в анамнезе эклектичный микст, помноженный на нервную активность его носителя и талант публициста, плюс неудержимый революционный азарт. Человек-мотор! Приквел Че Гевары. Все это и вывело нашего героя в большую политику… Насмотренный на такого рода людей Ленин, узнав в начале 1920-х годов, что его итальянский знакомец покинул лоно социалистических партий, посокрушался и попенял итальянским коммунистам: «Жаль, что вы его упустили, он бы привел вас к победе».

И он был прав. Архиправ! Наш герой – горячий любитель справедливости и народа, пылкий ненавистник капитализма (при котором все делается ради скучной прибыли, а не ради подвигов и всеобщего счастья) достиг в жизни самых высших должностей и вошел в историю, был любим и любил сам, а закончил свой путь в петле, будучи повешенным на пару со своей любимой женщиной. Вот и работай после этого для народа диктатором! Вот к чему приводят дум высокие стремленья…

Кстати, одна из его книг называлась «Третий путь». Запомните этот примечательный факт. И вспоминайте о нем каждый раз, когда вы слышите выражение «третий путь» или «особый путь» применительно в некоему альтернативному пути развития цивилизации или государства. Обычно поиском иной дороги в будущее начинают озабочиваться в какой-либо стране, которая норовит проскользнуть из своей сегодняшней отсталости в светлое технологическое будущее не так, как шли все прочие государства развитого Запада – по столбовой дороге демократии и прогресса – а норовят протиснуться между развратным холодным демократическим капитализмом и кондовым красным коммунизмом, как-то ухитрившись сохранить при этом свои «традиционные ценности», которые им дороги, как память. И на елку влезть, и рыбку съесть. Проскользнуть в будущее своим персональным путем, отдельной от прочих дорогой. А все потому, что у них своя, особенная цивилизация! И народ какой-то особенный, не такой, как прочие, совершенно уникальный, а в чем-то и принципиально отличный от других народов! Словно он от другой обезьяны произошел или даже не от обезьяны вовсе. Вон и пляски у нас другие, и обычаи, и мы все такие душевные, и у нас семейные ценности, представляете? И боги у нас немного другие, и история своя, на особицу героическая.

Еще раз… В первой половине XX века множество стран

догоняющего развития, с толикой завистливой ненависти наблюдая за передовыми странами мира и с ужасом глядя на большевистскую Россию (там тотальное обобществление и потому обвал экономики, голод, дефицит и нищета), задались вопросом: а нельзя ли нам и традиционные патриархально-посконные ценности сохранить, столь дорогие деревенскому сердцу, и в светлое технологическое будущее как-то проскользнуть, причем проскользнуть и мимо буржуазного разврата, и мимо тотального обобществления всего и вся, как у коммуняк? Чтобы и экономику не угробить, сохранив частную инициативу (в отличие от коммунистических стран), и патерналистскую социальность сохранить (в отличие от либерального капитализма с его волчьим оскалом, демократическим развратом и аморальностью, когда все на продажу, а не ради духовности). Вот хотелось бы как-то так ухитриться, чтобы государство было одновременно и корпоративным, и эффективным! Может, есть такой третий путь всеобщей солидарности капиталистов и пролетариев? А?

Но кто же будет руководить страной на этом пути? Сильное государство! Во главе с сильным лидером, вождем!.. Увы, мировая практика показала, что ни третьего, ни второго пути в будущее, кроме магистральной дороги естественного прогресса, нет. И мы об этом еще поговорим с формулами на руках. А пока вернемся к нашему герою, звали коего, как вы, наверное, уже догадались, Бенито. Кстати, Ленин называл его в своей манере «Бенитушка».

Бенитушка был славный мальчик! Восторженный. Склонный к причинению добра. И тем опасный. Вот вам мой совет: бойтесь справедливцев и любителей народа. Равнодушные люди вам не выстрелят в спину, не будут методично портить жизнь, поскольку им на вас просто наплевать. А вот если какой-нибудь горячий сердцем Че Гевара, Торквемада, Пол Пот, Иосиф, Адольф или Бенито решат, что вы враг народа, эгоист и несправедливец, вот тут бежать вам станет уже поздно и некуда – надо будет становиться героем или святым поневоле. Идейные и неравнодушные – это страшные люди, поскольку обратной стороной их социального добросердечия всегда является жестокость. Что естественно: наши недостатки – это продолжение наших достоинств. И чем фанатичнее придерживается человек идей добра и справедливости, тем большую жестокость он проявит по отношению к злу и несправедливости, то есть к тем, кто добро и справедливость понимает иначе, нежели психопат. И вот вам малюсенький, но прекрасный исторический пример.

Давным-давно в России проходила религиозная реформа, в которой одна церковная партия жестоко расправлялась с другой,

оппортунистической (на их языке оппортунисты называются еретиками). Сторонники патриарха Никона при поддержке государственной власти расправлялись со своими противниками, коих потом стали называть старообрядцами.

Старообрядцы были гонимыми. Они были жертвами. Их вроде бы даже жалко, как пострадавших. Старообрядцы были сторонниками традиционных ценностей (креститься надо двумя перстами, а тремя – это разврат какой-то!). С ними поступали весьма жестоко (потому что креститься надо тремя перстами!). Но глупо думать, что, если бы власть тогда поддержала староверов, они, перестав быть жертвами, относились бы к своим противникам иначе, чем те относились к ним.

Главарь староверов Аввакум, пребывая в остроге в ожидании казни, писал о преследовании его сторонников на Руси: «Наших на Москве жарили, да пекли: Исаию сожгли, и после Авраамия сожгли, и иных поборников церковных многое множество погублено, их же число бог изочтет… огнем, да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить! Которые же апостолы учили так [поступать]? Не знаю. Мой Христос не приказал апостолам так учить. Еже бы огнем, да кнутом, да виселицею хотят в веру приводить!»

В общем, налицо пострадавший гуманист, кидающий горькие упреки об извращении учения основоположника, не правда ли? Ан нет! В письме царю Федору Алексеевичу тот же Аввакум писал о своих религиозных противниках никонианцах: «А что, государь-царь, как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илья-пророк, всех перепластал в единый час… Перво бы Никона, собаку, рассекли начетверо, а потом бы никониян…»

В нашем представлении христианство – самая кроткая из всех религий, которая требует подставить левую щеку, когда тебя ударили по правой. Однако человеческая натура, как видите, вносит свои коррективы в идеологические догматы и установки.

Не менее кротки в нашем представлении также буддисты и всякие разные кришнаиты. Может быть, они даже более кротки, чем христиане. В конце концов, за плечами христиан стоит пыточная инквизиция, заживо сжигавшая людей на кострах. А за смирными буддистами и кроткими кришнаитами такого, вроде бы, не водилось. Но я помню, как однажды буквально двумя-тремя насмешливыми словами о религии мне удалось превратить лысого кришнаита с добрыми глазами в озлобленного агрессивного пса, которые едва не накинулся на меня с кулаками. Хотя Будда прямо рекомендовал потешаться над религией и над самим Буддой, чтобы расти над собой… Вот не зря говорят: от любви до ненависти – один шаг! Из двух людей – честного, но

фанатичного добряка и равнодушного жуликоватого торговца – я всегда предпочту второго, ибо воры мне милей, чем кровопийцы.

Если за твоей спиной Абсолютное Добро, то против Абсолютного Зла все средства хороши, не так ли? Святая инквизиция вам в качестве иллюстрации. А также гитлеризм и сталинизм с полпотовщиной.

Короче говоря, наш пылкий юный Бенито, любивший историю своего народа и свой народ, решил причинить народу добро – так, как он его понимал. Мы же все хотим, чтобы людям было хорошо. В теории. А на практике одни граждане (равнодушные к людским страданиям) оставляют улучшение жизни самим людям – пусть сами себе зарабатывают на жизнь, как смогут. А другие, неравнодушные, которые лучше прочих знают, что такое хорошо и что такое плохо, а также как правильно жить, начинают чужие жизни насильно исправлять, выгибая под свой шаблон – насильно «загонять человечество железным кулаком к счастью» (большевистская формулировка). Как результат – реки крови, зверства, репрессии, казни, рвы с трупами и лютейшая несправедливость (в понимании исправляемых). Насильно мил не будешь! Поэтому все идейные вожди входят в историю тиранами. А без вождизма и насилия в Обществе Добра ну никак не обойтись – если психопат точно знает, как правильно жить, он упорно будет препятствовать своему смещению с трона ради всеобщего же блага.

Так Бенитушка оказался стержнем фурункула под названием итальянский фашизм. Что такое фашизм? Чем итальянский фашизм отличается от германского нацизма (национал-социализма)? И чем национал-социализм Гитлера отличался от интернационал-социализма Сталина? Ответ на последний вопрос не входит в тематику данной книги, вы можете почитать об этом во всех подробностях в другой моей книге – «Ликбез по экономике: без иллюзий о работе общества и государства». А вот с фашизмом нам нужно вкратце разобраться, освежить, так сказать, память для лучшего усвоения дальнейшей программы.

Почему-то все время пишут, что итальянское слово *fascio*, от которого и произошел термин «фашизм», возникло от латинского *fascis* (связка, пучок). Мол, фасциями древние римляне называли связанные пучки прутьев для наказания провинившихся, которые таскали с собой ликторы – почетные охранники римских магистратов и других должностных лиц. Зачем это все время пишут, я, честно говоря, не очень понимаю, поскольку «фашизм» произошел не от древнеримских прутков, а от того самого итальянского *fascio*, которое означает просто «союз». Итальянский фашизм вытек из названия партии, которую создал Бенито

Муссолини, и которую он назвал «Союз борьбы» («Фашио ди комбаттименто»). Оттого их и окрестили для краткости фашистами (союзниками). Потом это слово расширилось в своем значении и охватило также германский нацизм, взяв его под свое смысловое крыло. И теперь, когда мы произносим «фашизм», первая ассоциация, которая всплывает – Германский рейх. И уже где-то на задворках внимания маячит его бледная тень – муссолиниевская Италия. И уж совсем люди забывают об остальных разновидностях фашизма.

А мы напомним!

Дело в том, что в те годы поисками третьего пути занимались во многих странах, неизменно приходя к фашизму разной степени фашизоидности. Фашистские и околофашистские режимы и идеологии цвели тогда по всей Европе. Давайте помянем их недобрым словом.

Испанские фалангисты, единственная законная партия в Испании при диктаторе Франко – это фашисты тамошнего разлива. Они выступали за автаркию, контролируемую экономику, корпоративизм, социальную гармонизацию, то есть классовое сотрудничество. Носили синие рубашки, кстати. Но поскольку Испании хватило ума не влезть во Вторую мировую войну на стороне стран Оси, синему цвету повезло, и слово «синерубашечники» как-то не вошло в обиход. Но римское приветствие в виде вскинутой вверх правой руки у них тоже было в ходу, как в Германии и Италии.

Хортизм в Венгрии – это фашизм («сделаем Венгрию снова великой», «вернем утраченные исторические земли», «будем бороться с коммунизмом»).

Ультранационалистическая и ультраконсервативная «Железная гвардия» с ее еврейскими погромами – румынская разновидность фашизма.

Режим Дольфуса-Шушнига был австрийской разновидностью фашизма.

Усташи – это фашисты хорватские.

Мало кто в курсе, но даже вишистский режим в недооккупированной немцами южной Франции был по факту полуфашистским. Режим Виши успешно осуществлял гонения на евреев, цыган и коммунистов, что позже послужило основанием для обвинений французского правительства в холокосте. Ну, и разумеется, вишисты исповедовали кондовые консервативные ценности, как и положено всем фашистам без исключения. Фашизм всегда вырастает из традиционных ценностей… Причем, что забавно, в вишистской Франции действовали аж несколько фашистских партий:

Французская народная партия (*Parti Populaire Français* или *PPF*) – фашистская партия, существовавшая с 1936 года, основана бывшим коммунистом Жаком Дориа;

Французская народная молодежь (*Jeunesse Populaire Française* или *JPF*) – фашистское молодежное движение, по сути, молодежный филиал Французской народной партии;

Национальное народное движение (*Rassemblement national populaire* или *RNP*) – национал-социалистическая партия социалиста Марселя Деа;

Революционное социальное движение (*Mouvement Social Révolutionnaire* или *MSR*) – партия фашистского корпоративизма;

Французская национал-коллективистская партия (*Parti français national-collectiviste*) крайне левого и при этом националистического толка;

Франкистское движение – движение французского национализма и корпоративизма, созданное по образу франкизма в Испании;

Французская лига или Лига антибольшевизма;

Французская социальная партия – национал-консервативная и католическая партия.

Остальные партии в вишистской Франции были не в ходу. А вот то самое римское приветствие в этой свободной Франции постоянно использовалось.

Не везде в Европе модный фашизм пришел к власти, но, скажем, английские фашисты и норвежские фашисты чувствовали себя прекрасно до поры до времени. Британский Союз фашистов и национал-социалистов великолепно просуществовал до 1940 года, когда по понятным причинам был запрещен. А норвежских фашистов закономерно поддержали немецкие фашисты после оккупации Норвегии.

Мелкие и средние фашистские партии были в Финляндии, Бельгии, Голландии, Швеции… Украинский же нацизм удачно презентовал Степан Андреевич Бандера.

Вывод: вся Европа в то время в острой форме болела различными социальными идеологиями – коммунизмом и фашизмом (в разных ипостасях). Разница между коммунизмом и фашизмом только в том, что коммунисты сеяли социальную рознь и опирались на класс пролетариев, а фашисты сеяли расовую и национальную рознь, объединяясь вокруг другого второстепенного признака – национального.

А что это мы все на одном пятачке тусуемся – в Европе?! Да, Европа – регион передовой, красивый, первым окунувшийся в индустриальную пролетарскую современность. Но давайте скакнем через океан и посмотрим на Аргентину. Век назад она

была одной из самых богатых держав мира, начала бурно входить в индустриализм! А потом, сразу после войны, в стране был избран президентом Хуан Доминго Перон. Он очень заботился о бедных. И о рабочих. Не меньше, чем Гитлер. Не меньше, чем Муссолини. Они все очень любили рабочих! Люди важнее экономики, полагал Перон, так давайте отнимем у экономики и дадим людям!.. Перон провел закон о том, что президент отныне может избираться сколько угодно раз и имеет право запрещать партии, ввел институт своих представителей на местах (полпреды), поставил под контроль законодательную и судебную власти – и все для блага аргентинского народа. Все очень знакомо, не правда ли? Перон тоже решил прошмыгнуть в щель между капитализмом и социализмом и угодил в ту же ловушку с теми же аналогичными результатами в виде репрессий, подавления свобод, дирижизма и закономерного обрушения экономики вследствие управления ею.

Как в книжных магазинах американских кампусов ныне полно марксистской макулатуры, точно так же и в книжных магазинах Буэнос-Айреса сегодня полно литературы о перонизме, названном так в честь Перона. Многочисленные авторы разбираются, что же такое этот «перонизм» (одно из самых распространенных слов в Аргентине). Но если спросить обычного аргентинца, что такое перонизм, он начнет невразумительно мычать, будучи не в силах ответить на вопрос, на который пытаются ответить многочисленные авторы десятков книг. А для меня ответ на этот вопрос труда не составит. Я знаю, что такое перонизм. Это самый обычный фашизм с клеймом на боку «сделано в Аргентине». И поскольку все, что сделано в Аргентине, имеет примерно такое же качество, как советская продукция со знаком качества, такой у них и фашизм вышел. Страна потеряла экономику, приобрела целый класс голосующих дармоедов и любовь к ежедневным забастовкам вместо труда. А взамен приобрела ничего.

Аргентина с тех пор не может выбраться из инфляции и нищеты. Потому что любой фашизм (без разницы, красный, коричневый, синий или черный) убивает экономику… Кстати, биографическая мелочь – еще до войны Перон встречался с Муссолини, у которого и понабрался идей, в том числе в области архитектуры. Ну, любят диктаторы ампир и всякий прочий классицизм – традиционные же ценности!

Но почему так случилось в мире в первой половине XX века?

Мир тогда требовал социальности, потому что в эпоху индустриализации на авансцену истории выходили из деревни в город новые, малообразованные и потому диковатые массы,

склонные к конспирологии и вере в простые решения. Эти массы выдвигали таких же лидеров из своей среды. «Отнять и поделить!» – в разной степени буквальности этого лозунга.

По некоторым причинам понятие фашизма не расширилось до покрытия собой сталинской системы. Видимо, это произошло потому, что красные с черными и коричневыми знатно повоевали, хотя первые два года мировой войны они были закадычными друзьями и действовали заодно. Но, как говорил Штирлиц, запоминается последняя фраза, а тут «последней фразой» стал воткнутый в купол рейхстага красный флаг. Плюс еще то обстоятельство, что коммунисты были на последнем этапе войны заодно с капиталистами. Наконец, сам поиск фашистами «третьего пути» и их нарочитое отделение себя от других социалистов (марксистского толка) тоже сыграл немалую роль в размежевании красных и коричневых. А вот коричневые и черные – немецкие нацисты и итальянские фашисты – попали в один каталожный ящик. Хотя, по сути, и красные, и коричневые, и черные – это левые, хотя степень левизны, то есть социальности и коллективности, у них разная [1].

Так что же натворили эти ужасные фашисты во главе с экспрессивным Бенито? Выше я перечислил кое-какие итоги правления Бенитушки, но далеко не полностью. Теперь нужно расширить список преступлений итальянского фашизма.

Итак, придя к власти, произвел ряд социальных реформ и действий: осушил знаменитые Понтийские болота, перестрелял мафию (потом этот трюк повторит диктатор Гитлер), ликвидировал забастовочное движение, модернизировал транспортную систему, практически устранил безработицу. Налог на зарплаты фашисты сходу понизили и теперь он составлял всего 10 %, шестидневную рабочую неделю законодательно сократили до 48 часов и установили восьмичасовой рабочий день (потом, правда, увеличили на час).

Бюджет итальянского государства при Бенитушке стал профицитным, несмотря на выросшие военные расходы. Были возведены несколько сотен телефонных станций, сотни новых мостов, протянуты тысячи километров автомобильных дорог, построены скоростные железные дороги. И – привет из Древнего Рима – сооружен впечатляющий акведук для подачи воды в Апулию, страдающую от частых засух. И строилось все это не только на самом Апеннинском сапожке, но и в колониях Италии – Ливии, Эфиопии, Эритрее, где до сих пор пользуются построенными при фашистах железными дорогами. В те же годы в Италии появилась и своя гражданская авиация.

Все диктаторы очень любят размножать народ, как

племенную скотину, поэтому всячески прославляют материнство, норовят запретить аборты, борются с гомосексуализмом и возвеличивают спорт. Не был исключением и наш Бенито. Он сам вел спортивный образ жизни, часто показываясь перед камерами с голым торсом, чем вызывал восхищение перезревших предклимактерических тетушек. А что касается материнства и детства, а также размножения народа, дуче приложил к этому немалые личные усилия, неустанно строгая детей от разных кривоногих женщин и обеспечивая детям и любовницам красивую богатую жизнь на виллах.

Стремясь увеличить поголовье своей паствы, Бенитушка ввел налоговые льготы для отцов многодетных семейств, а также придумал некий аналог сталинского звания мать-героиня – самые плодовитые итальянки автоматически становились почетными членами фашистской партии, имея от этого определенные преференции. Женщина, родившая семь детей, получала медаль. Ну, и естественно, фашисты придумали особый праздник – День матери и ребенка.

Прибавьте сюда декретный отпуск, государственные страховки и займы на рождение ребенка, а также пособия на детей. Аборт считался преступлением (как и у товарища Сталина, как и у камрада Гитлера). Сексуальное просвещение в школе было также под запретом, как противоречащее традиционным ценностям. Был даже введен аналог советского налога на бездетность – особый налог для холостяков. По службе должны были повышать самых плодовитых отцов семейств (женщины, как правило, не работали, занимаясь домом и детьми). Был даже случай, когда Бенито не произвел в генералы старшего офицера, узнав, что тот посвятил всю жизнь армии и в результате оказался холост.

И наконец вишенка на торте – по приказу главного фашиста все полицейские Италии должны были отдавать честь, встретив на улице беременную женщину. И ей-богу, я не вижу в этом ничего плохого и с удовольствием внедрил бы эту практику у нас в стране. Надеюсь, вы не заподозрите меня в фашизме на этом основании…

Что еще мы забыли перечислить? Пособия по безработице и инвалидности. Борьбу с туберкулезом и голодом. Досуг для трудящихся… О досуге нужно, наверное, сказать пару слов особо. Если у немецких фашистов была организация «Сила через радость», которая занималась досугом трудящихся (круизы, концерты, экскурсии, выставки, курорты), то в Италии досугом рабочих занималась фашистская организация «После работы». Эта контора обеспечивала простым итальянцам культурно-

оздоровительный отдых – тот же туризм, экскурсии, летние лагеря для детей (наподобие советских пионерских), а также ссуды под льготные проценты и просто материальную помощью для нуждающихся. А еще через эту контору можно было получать скидки на билеты в кино и театр, а также допуск в спецмагазины со сниженными ценами, где продавались еда и какие-то промтовары. Да и просто так зайти в организацию, чтобы посидеть где-то в тепле после работы, пропустить рюмку-другую, поговорить и поиграть в картишки, тоже было возможно. «Это все дала вам фашистская революция!» – говорила пропаганда народу. Не удивительно, что многие итальянцы вспоминали потом времена фашизма, как светлую эпоху высоких достижений, равенства и уверенности в будущем. Примерно за то же хвалили старые немцы Гитлера: «При нем автострады строились…» Примерно за то же хвалят Сталина: «Он индустриализацию провел и вообще…»

Я уже упоминал, что дуче был не прочь пощеголять перед прессой с голым торсом, занимаясь активным отдыхом, и других насильно загонял железным кулаком к здоровью – в фашистской Италии тоже был своего рода «комплекс ГТО», подобный сталинскому. Несчастные итальянцы, вне зависимости от возраста, пола и статуса должны были в конце недели непременно заниматься не только политической, но и военно-спортивной подготовкой. Причем, если в СССР нормативы касались только молодежи, а партноменклатуру никто сдавать спортивные нормативы не заставлял, то в фашистской Италии уклонение от спорта могло сломать карьеру чиновнику. В стране были построены тысячи бассейнов, стадионов и спортплощадок. Проводились грандиозные парады, потому что диктаторы всего мира очень любят синхронные движения тысяч людей, это якобы способствует выработке чувства коллективизма (у красных) и национального единства (у нацистов и фашистов).

Сам Муссолини задавал тон – он переплывал Неаполитанский залив, скакал на лошади, фехтовал, бегал, прыгал. Разве только ночами в хоккей не играл.

И разумеется, диктатор не упускал возможность лично «поруководить надоями», не гнушаясь появиться перед коровой, распекая чиновников, причем везде его сопровождала пресса, рассказывая народу о мудрых советах, которые дал трудящимся вождь.

И еще: итальянцы при Муссолини были признаны государствообразующим народом – фашисты приняли специальную хартию, которая объявляла итальянскую нацию «моральным, политическим и экономическим целым».

Ну, что тут сказать? Преступлениям фашизма нет оправданий! Как-то так… Вам кажется, что я иронизирую, но я говорю это без тени иронии. Почти. Ибо если с лица иронии убрать тени и прочую косметику, то останется голая неприкрытая правда, которая заключается в том, что за фасадом любой диктатуры всегда скрываются террор, репрессии и ликвидация личных и политических свобод граждан.

Тотальное подавление свобод ради временных экономических и социальных успехов напоминает мне чахоточный румянец у больного туберкулезом – кажется, что этот розовощекий здоровяк буквально пышет здоровьем, но внутри него сидит скорая смерть.

Конечно, мягкий итальянский фашизм не наворотил столько жестокостей, сколько педантичный немецкий нацизм. Но это не заслуга фашизма. Как сказал в свое время Гинденбург, когда Муссолини только пришел к власти и начал показывать первые успехи: «Даже Муссолини не удастся сделать из итальянцев нечто большее, чем итальянцы».

А что касается так называемых достижений тоталитаризма, типа дорог, пособий по безработице и прочей индустриализации, то строить автострады и заводы можно и не замешивая бетон на крови. Именно так и пришел к успеху обобщенный демократический Запад и в первую очередь США. (Возможно, кто-то скажет, что передовые капиталистические страны пришли к процветанию за счет ограбления колоний, но эту смешную байку мы развеем по ветру позже, всему свое время. Вера в то, что от трудов праведных не наживешь палат каменных, что все богатства создаются не работой, а грабежами и преступлениями, не объясняет успех богатых, а лишь характеризует конспирологическое мышление бедных, у которых в их проблемах всегда виноваты не они сами, а кто-то другой.)

К эскадронам смерти и прочему террору против собственного населения неизбежно приходит любой диктатор, какими бы благими намерениями он ни руководствовался на своем пути к власти и пребывая в ней. Тот, кто изучал историю итальянского фашизма, знает про кровавый путь, им пройденный, про фашистские трибуналы и бессудные расправы, про милитаристский угар, про то, что правящая партия составляла перед выборами свой список кандидатов, в который просто не включали врагов режима (эх, не изобрели тогда еще «умное голосование»!). И про то, что Бенито Муссолини втащил-таки свою страну в войну, к чему приходят почти все диктаторы, потому как рано или поздно их желание перестроить мир перестает умещаться в рамках своей страны и флюсом выпирает наружу – в виде бессмысленной войны с соседями. Обычно война

оправдывается стремлением «защитить соотечественников», восстановить «историческую справедливость» и прочей идеологической мишурой, на которую массы клюют как младенец на яркую погремушку.

Собственно говоря, за то, что Бенито не удержался и втравил-таки свою страну в бесполезную войну, которая неизбежно привела к падению уровня жизни, итальянцы его и повесили. Так часто бывает – сидящие на троне начинают какую-нибудь небольшую кампанию, как маленькую победоносную войну, в надежде укрепить трон славными победами, но пожар войны неконтролируемо разгорается, и в нем сгорает сам диктатор. Приятно… Правда, справедливость требует отметить, что так бывает не всегда. Скажем, у испанского фашистского диктатора Франко хватило ума не ввязываться в мировую бойню, и он усидел во власти аж до 1975 года!

Надеюсь, вы со мной согласитесь, что каждый фюрер достоин своей виселицы. И никакие былые заслуги («а зато при нем цены снижались…», «строились автострады…», «космонавта в космос запустили…», «индустриализацию сделали…») не являются оправданием диктатуры любого цвета – от красного до коричневого – по уже указанной выше причине: для запуска астронавтов, внедрения пенсий и строительства плотин с каналами не обязательно делать это на костях. Другие страны строили свои металлургические комбинаты вполне рутинно и с меньшими издержками.

Но мы как-то слишком сильно забежали вперед в нашем рассказе о юности одного итальянского публициста, горевшего идеями счастья для всех и сразу – да так, чтобы никто не ушел обиженным. Надо сделать несколько шагов назад и вернуться в начало века.

Наш герой, только начавший тогда свой жизненный путь, уехал из Италии в Европу. Он пожил в Швейцарии, где познакомился с Лениным, а позже, как пишут некоторые источники, побывал даже в Вене, где мог познакомиться с другими примечательными фигурами двадцатого века. С кем же? И почему мог? Потому что в одно и то же время, по одним и тем же венским улицам ходили небесталанный, но нищий австрийский художник, не поступивший в венскую художественную академию; а также революционер, прибывший из Кракова с фальшивыми документами на имя Ставруса Пападопулоса; а также неистовый, похожий на Дон Кихота пламенный русский революционер из Одессы Лейба Бронштейн; а также незаметный югославский гастарбайтер, работавший на автозаводе, которого звали Иосип.

Гитлер. Сталин. Троцкий. Иосип Броз Тито.

Все они ходили по одним и тем же венским улицам в одном и том же 1913 году. Последний год счастливого безмятежья. Последний год «длинного девятнадцатого века», как этот удивительный период называют историки. Из перечисленных лиц знакомы между собой были только Сталин и Троцкий, на квартиру последнего и приехал по фальшивому паспорту худой усач с рябым лицом. И все перечисленные бедные молодые люди даже предположить не могли, что станут вершителями судеб миллионов, правителями стран и будут творить историю.

Муза истории Клио, оказывается, иногда выкидывает подобные шутки, сводя таким вот образом в одном месте будущих тиранов, чтобы потомки поразились причудливости мировых судеб.

У всех этих тощих молодых людей город оставил в душе свой неизгладимый след… Что же представляла собой та довоенная Вена начала века, столица казавшейся незыблемой Австро-Венгерской империи? Космополитичная Вена была похожа на торт своей пышностью и имперской красотой. Художники и писатели; бесчисленные кофейни, в которых читались газеты и велись горячие разговоры о грядущей революции и устройстве будущего мира; знаменитый доктор Фрейд, произведший революцию в психологии, о котором судачила и знала вся Вена, а потом узнает и весь мир; здесь широко и всеми обсуждались новомодные научные веяния – открытие радия, рентгеновские лучи, кружащая голову теория относительности, модный марксизм. Все такое интересное!

Монументальной империей монументально правил император Франц Иосиф. Он тоже казался вечным, при нем родились три поколения жителей империи – император сидел на троне почти 70 лет, он воцарился еще в 1848 году, при нашем Николае I и правил аж до 1916 года, став таким образом современником четырех русских царей. Кстати, резиденция императора находилась неподалеку от двух кафе, которые любили посещать Троцкий и Фрейд.

Для Сталина, который попал в Европу прямо из дремучей российской ссылки, откуда дал деру в 1912 году, великолепная Вена навсегда осталась праздником в душе – весенний воздух терпимости и свободы, царивших тут, запах кофе и пирожных, гуляющие пары под зонтиками, красивый город, интересные люди. Впечатление Сталина от имперской столицы было столь сильным, что потом, через две мировых войны и десятки лет, он приказал не бомбить Вену и не обстреливать ее тяжелыми орудиями, а взять город, по возможности, без разрушений.

Историки это даже назвали «культурный штурм». Сентиментальный был человек!

И совсем иные впечатления оставила Вена у Гитлера, который абсолютно нищим художником шатался по ее улицам, рисуя картинки венских дворцов и домов для продажи. Порой он даже ел не каждый день и потому впоследствии писал:

«Вена! Город, который столь многим кажется вместилищем прекрасных удовольствий, городом празднеств для счастливых людей, – эта Вена для меня является только живым воспоминанием о самой печальной полосе моей жизни. Еще и теперь этот город вызывает во мне только тяжелые воспоминания. Вена! В этом слове для меня слилось 5 лет тяжелого горя и лишений. 5 лет, в течение которых я сначала добывал себе кусок хлеба как чернорабочий, потом как мелкий чертежник, я прожил буквально впроголодь и никогда в ту пору не помню себя сытым. Голод был моим самым верным спутником, который никогда не оставлял меня и честно делил со мной все мое время. В покупке каждой книги участвовал тот же мой верный спутник – голод; каждое посещение оперы приводило к тому, что этот же верный товарищ мой оставался у меня на долгое время. <…> кроме редких посещений оперы, которые я мог себе позволить лишь за счет скудного обеда, у меня была только одна радость, это – книги…»

Очень уж будущий вождь немецкой нации любил книги и оперу, такой, понимаете ли, он был культурный человек… И вот недодала ему Вена культуры! И потому позже, уже став диктатором, фюрер грозил: «Вене я не дам ни пфеннига…»

Но тогда, в 1913 году – последнем мирном году – все герои этой главы были бедными молодыми людьми с головами полными благородных идей о переустройстве мира. И хорошо было бы тогда же отправить их всех к господину Фрейду на обследование. Вот только думаю, модный психоаналитик не принял бы эту нищету: к тому времени он брал с клиентов за прием уже довольно приличные суммы – за его дневной заработок можно было две недели путешествовать по соседней Италии. И все потому, что сам он когда-то познал бедность. Фрейд признавался: «Мое настроение очень сильно зависит от дохода за лечение пациентов. Деньги для меня являются веселящим газом. По моей юности я знаю, что дикие лошади в пампасах, пойманные однажды посредством лассо, всю жизнь сохраняют тревогу. Так и я, познав беспросветную бедность, постоянно испытываю страх перед ней».

Позже, когда несостоявшийся пациент Фрейда по фамилии Гитлер пришел к власти и присоединил к своей восстановленной

Германской империи Австрию, евреем Фрейдом вплотную занялось гестапо. Гитлер не хотел выпускать великого психоаналитика из страны, но доктор был мировой знаменитостью и консолидированной мировой общественности, в которую входили даже президенты, удалось выкупить Фрейда с его семьей из нацистской ловушки. Перед отъездом гестаповцы потребовали от Фрейда написать расписку, что гестапо с ним обращалось корректно и претензий к службе он не имеет. Фрейд написал, что с ним в гестапо обращались культурно и вежливо, а в конце иронично осведомился, может ли он к этой расписке присовокупить «рекомендую гестапо всем своим друзьям».

Интересно, увидев в своем кабинете молодого прыщавого Гитлера четвертью века раньше, какой диагноз Фрейд бы ему поставил? А рябому Сталину, который потом тоже восстановил рухнувшую империю и даже прирастил ей территории? А неистовому Троцкому, грезившему о мировой империи победившей революции? А самовлюбленному Муссолини, мечтавшему о восстановлении Римской империи? А будущему югославскому диктатору Тито (который, кстати, потом тоже упорно лавировал в поисках «третьего пути», норовя проскользнуть и мимо Сталина, и мимо капитализма, строя свою балканскую микроимперию)?

Интуиция подсказывает мне, что все бесноватые должны иметь в характере примерно одинаковые черты и психологические травмы. Патологические черты их личности отражаются потом на характере всего общества, которым диктаторы руководят. У всех у них в анамнезе травмирующая нищета и оттого комплекс неполноценности. Оный комплекс бывает и у целых народов – униженная Версальским договором германская нация имела тяжелейший комплекс неполноценности, выразившийся потом в поддержке своего фюрера, у коего в прошлом был свой личный опыт униженности и появился соответствующий комплекс. Потеря империи всегда не очень гладко проходит для имперских наций, провоцируя желание «восстановить историческую справедливость» или «защитить соотечественников», оставшихся после распада империи за границами родины.

Мне это странно! Вот, вроде бы, проиграв войну (без разницы, горячую или холодную) империя становится условной веймарской республикой, совершенно нормальной с первого взгляда. В ней проходят выборы, идет бурная политическая жизнь, и людям, вроде бы есть дело только до себя и своего выживания. Но где-то в толще глубинного народа подспудно зреет обида, томится зависть-ненависть к победителям. Она

немного сродни зависти провинциалов к жителям Москвы, которые живут богаче и ярче, чем в их родных урюпинсках. Она сродни зависти мировых окраин к Америке и Европе. И это всегда зависть, перемешанная с нелюбовью, а иногда даже и с ненавистью. Хочется и жить так же хорошо (как в столице или в Америке) и вместе с тем изменить ее под свой привычный дикий уклад. Приехавшие в приличные страны жители мировых кишлаков, поправив свой уровень жизни, все равно ненавидят принявшую их страну и выходят на разного рода пропалестинские демонстрации, бурно радуются в соцсетях, когда дикари совершают очередной теракт против форпоста цивилизованного мира на Ближнем востоке – Израиля. Но стоит только израильским полицейским прийти домой к ликовавшей в соцсетях палестинке, которая приветствовала убийство евреев, чтобы выселить ее обратно в арабскую Газу, как она поднимает вой и начинает заламывать руки – почему-то не желает ехать к своим единоверцам, которых столь искренне поддерживала! Хочется и на елку влезть, и задницу не ободрать. И жить хорошо, как при либеральной демократии, и дикость свою не растерять, густо замешанную на ненависти к «развратному западу». Отсюда, кстати, и возникает тот самый поиск несуществующего третьего пути…

Короче говоря, вот эта как бы незаметная в молодой демократии обида на потерю империи, ностальгическая скорбь об утраченной славной эпохе (которой по факту никогда не было, она только в воображении) и порождает фашизм. Внезапно демократия оборачивается своей противоположностью, когда фрустрированный народ, состоящий из маленьких фюреров с мифологическим мусором в голове, усаживает самого крикливого своего представителя на трон. И тот начинает транслировать свои комплексы и свою конспирологию на всю страну, жадно это впитывающую. Евреи, интеллигенты и айтишники разбегаются из такой страны, кто куда. А уж если у фюрера в анамнезе еще и детство, проведенное в крысиных подворотнях…

Впрочем, я не дедушка Фрейд и не буду брать на себя смелость подробно описывать личностные особенности и детские травмы исторических персоналий. Но вот характерные черты, присущие всем фашистским системам разной степени свирепости, перечислить могу. Признаки эти, в принципе, общеизвестны, однако я возьму на себя труд напомнить о них публике, собрав веничком в кучку:

Вождизм. Диктатура полновластного несменяемого вождя, ущербная мировоззренческая картина коего распространяется на все общество. Картина эта, как правило, конспирологическая.

Провозглашение единства пастуха и стада (вождя и народа, труда и капитала). Отождествление диктатора с родиной: «Одна нация, один рейх, один фюрер».

Национализм или акцентирование внимания на «коренном народе» (коренных народах, «государствообразующей» нации). У гитлеровцев из-за психологических особенностей их фюрера это дошло до болезненных крайностей – физического уничтожения иных наций, которые «хуже».

Угарный патриотизм. Идейно-патриотическое воспитание со стороны государства, а попросту говоря индоктринация детей, начиная со школьного возраста, что характерно для всех тоталитарных государств. У нас на памяти только советские комсомольцы с пионерами и гитлеровский гитлерюгенд, но были свои аналоги в националистической Японии; был так называемый «Молодежный фронт» в Испании, которым руководил свояк генерала Франко; была детская фашистская организация (балила) в муссолиниевской Италии. И надо сказать, что везде, где провозглашается, что школа должна не только учить детей наукам, но и «воспитывать патриота и гражданина», улавливается легкий аромат фашизма. Ибо воспитание детей – приватное дело родителей, а если этим начинает заниматься государство, значит, оно частично отнимает у вас ваших детей.

Полицейщина. Политические репрессии. Закручивание законодательных гаек с ужесточением законов в стране.

Пропаганда сильного государства, возглавляемого сильной рукой.

Имперство и реваншизм. Постоянная отсылка к великому прошлому, которое надо вернуть вместе с былой славой и империей. Образ великого прошлого – непременный атрибут искателей Третьего пути. Какие были великие Победы! Какие завоевания! Какая славная история отличных войн!.. Иногда это устремление в прошлое доходит до смешных параллелей: как отмечал в своей книге «Гибель империи» еще Егор Гайдар, в Веймарской республике восстановили имперскую государственную символику через восемь лет после краха империи – в 1926 году, а в России – почти через тот же срок – через девять лет после краха красной империи, в 2000 году.

Милитаризм, поскольку кругом враги, которые шныряют у границ и так и норовят, так и норовят… Соответственно, пропаганда ненависти к внешним и внутренним врагам.

Территориальные претензии к соседям («это наша земля»).

Как правило, одна партия у власти, если же партий несколько, то они карманные и/или разделяющие ту же идеологию.

Зависимость судебной и законодательной систем от фюрера.

Отсутствие свободных СМИ, подчиненность прессы диктатору.

Попытки размножить народ, как скотину, чтобы было много солдат и производительниц будущих солдат. Попытки ограничений или полного запрета абортов и их криминализация, борьба с гомосексуализмом и пр.

Угрюмый крестьянский консерватизм вперемешку с ханжеством, страх опубличенной сексуальности (вот тут бы Фрейд, чувствую, разгулялся!). Опора на традиционные ценности антимодерна (деревенские). Вообще, надо отметить, что на традиционные ценности опирались все фашистские диктатуры.

Неприязнь всего авангардного в культуре.

Подчиненность фюреру крупного бизнеса, дирижизм в экономике (указивки бизнесу во имя «национальных интересов», как их понимают фюрер и его клика).

Тайные и явные убийства политических противников.

Расцвет доносительства в стране.

Травля и посадки инакомыслящих.

Государственная идеология, то есть мировоззренческая картина, которую разделяет фюрер и его правящая партия, распространяется на всю страну, становясь обязательной и индоктринируется в граждан с самого детства через образовательную систему. В этом смысле режимы авторитарные отличаются от тоталитарных только наличием или отсутствием обязательного для всех мировоззрения. Попытки перехода от авторитаризма к тоталитаризму всегда сопровождаются попытками внедрения идеологии – в конституцию, жизнь обывателей, политические практики страны, школу. Справедливо считается, что внедрить идеологию в постиндустриальном современном обществе невозможно в силу большого разнообразия его членов и, соответственно, разделяемых ими картин устройства мира. Но если внедрение единой идеологии вдруг становится возможным, это главный признак резкой архаизации общества, потери технологий, одичания и экономического упадка, экономического упрощения. Либеральное же общество приватизирует не только производство, но и идеологию, то есть передает ее в частные руки – государство в головы людей не лезет, в обществе развитой демократии каждый вправе придерживаться тех взглядов на мир, которые разделяет.

Я выше перечислил все черты деспотии в самых худших ее проявлениях. Потому что без деспотии и террора удержание фашистской власти невозможно: она слишком узка мировоззренчески и не может охватить интересов всех групп и

людей в разнообразном обществе. Это касалось и молодого промышленного городского общества сто лет назад, и уж тем более касается современного постиндустриального общества, еще более разнообразного. Совершенно не зря в конституцию России после крушения коммунистического режима был включен запрет на идеологию! И ясно, почему самые дремучие силы имперского реванша этот запрет пытаются отменить и ввести единую для всех идеологию в конституцию.

Поэтому сейчас, дорогие мои либеральные друзья, любящие свободу и всякие права человека, в качестве иллюстрации перенесемся в осень 2023 года, в Россию, где в Мариинском дворце в Санкт-Петербурге собрались в большом количестве некие деятели обсудить так называемую Русскую идею. Сам термин «русская идея» звучит, конечно, смешно, примерно так же как «негритянская математика» или «православная медицина», но участники шабаша были предельно серьезны. Сами себя эти господа считают патриотами и называли членами идеологического форума Всемирного русского народного собора. Почему я вдруг на них перескочил?

А просто идеи этих имперских патриотов мне показались смутно знакомыми! Я вот даже не поленюсь и процитирую их меморандум, надеюсь, вам понравятся перлы сих глубинно-посконных мыслителей, и у вас тоже возникнет аналогичное ощущение дежавю. Посчитайте, сколько раз и с каким сладострастием на протяжении этих коротких абзацев ими произнесено слово «деспотизм»:

«Россия – самостоятельная цивилизация, которая должна развиваться не по указке Запада… Дух выше материи, сильнее нее и должен главенствовать над нею, а не освинячиваться до животности в погоне за удовольствиями. Государствообразующим является русский народ, создавший обширный Русский мир… Для сохранения русского народа нужна забота о его демографии, что невозможно без укрепления семьи, ограничения абортов и серьезного отношения к рискам миграции.

Проблема не в том, как определить русскую идею, а в том, как заставить ее работать практически… Идея не может находиться только в "царстве идей". У нее должны быть принудительная "деспотическая" сила и исполнительный аппарат. Если у русской идеи их не будет, то русская материя распадется. Государство всегда имело важнейшее значение для русской истории, будучи формой русской национальной самоорганизации.

…нам необходимо, чтобы государство Российское функционировало "для русских и по-русски". Оно не может быть

безыдейным и пустить превращение идеологии… на самотек. Государство Российское обязано быть проникнуто русской идеей и действовать в соответствии с нею – организовывать и побеждать, награждать и наказывать, разрешать и запрещать. Оно обязано слышать голос народа, голос "земли", но не может быть над схваткой.

Но и сама русская идея обязана быть "деспотичной"… Всегда должен быть список того, чему мы говорим "нет". Первые пункты сегодняшнего нашего " нет" очевидны, это то, что навязывает либеральный Запад. Он сам себя назначил врагом России № 1… Однако только к антизападничеству русская идея, конечно, не сводится… Идея… не в том, чтобы русские подлаживались под весь остальной мир, а в том, чтобы… остаться самими собой».

Последняя фраза – о том, что русские должны не влиться в глобальную семью цивилизованных народов, а «остаться самими собой» – просто крик о своем особом, третьем пути. И объяснение его необходимости просто прекрасное: «Мы обладаем гением всех народов, и сверх того русским гением. Вот почему мы в состоянии понять вас, а вы нас – нет…»[2]

Не правда ли, прелесть?

Если вам показалось, что это фашизм, то да! Такой классический, рафинированный, незамутненный, патентованный фашизм. Все при нем. Просто красота!

Не замечающие капусты от вчерашних щей в своей бороде, толкающиеся у государственной кормушки мыслители пытаются нащупать Русскую идею. И что вы думаете? Нашли! Поиски много времени не заняли:

«Смыслы русской идеи ясны и многократно хорошо сформулированы. Но… ей необходим двойной стержень. Внутренний стержень самости, определенности, нерасплывчатости. И внешний стержень, который превратит внутренний деспотизм идеи в суровый закон и приказ принявшего эту идею суверенного государства (Да-да, это про сильное государство и принуждение, а то вдруг кто-то окажется недостаточно русским и идейным. – *А. П.*). …она давно найдена – ее развивали и мыслители Святой Руси в учении о третьем Риме, и граф Уваров, отчеканивший знаменитое: «Православие. Самодержавие. Народность».

Не правда ли, похоже на «Один народ. Одна страна. Один фюрер»? Не стану утверждать, что граф Уваров был фашистом. Нет. Он был патриотом, как Гитлер. Он хотел лучшего для своей страны. Он придумал объединяющий лозунг, как Гитлер. А время для фашизма в эпоху Уварова еще не пришло. Тогда новые социальные религии, типа фашизма и коммунизма еще только

проклевывались из мелких семечек патриотизма вместе с промышленным обществом и зарождающимися политическими нациями: фашизм вырастает из ростка традиционных ценностей только при поливе его водой промышленной революции.

Я давно за ними слежу – за этими угрюмыми, бородатыми, православно-национальными «мыслителями» со смурными лицами, похожими на печеный картофель. Которые своими «трудами» стараются остановить колесо прогресса и, обрядив нас всех в национальные одежды, задвинуть обратно в посконную хтонь, в деревенское прошлое, в сермяжные традиционные ценности (при этом будучи не в силах четко сформулировать, что же это такое и чем именно эти ценности так ценны). Процитирую типичную мечту одного о нашем с вами общем будущем:

«Я закрываю глаза, и мне рисуется такая картина. Семейная пара в расшитой рубахе и сарафане, он с красивой русой бородой, она с косой до пояса, загрузив в отечественный внедорожник своих пятерых ребятишек, едет на прекрасное озеро, где мальчишки удят рыбу, девочки собирают землянику, мама читает им нараспев былины про Илью Муромца и учит молиться перед едой, а папа учит стрелять из ружья по мишеням и рассказывает о происхождении и истории старинных русских городов – Екатеринослава, Елисаветграда, Бахмута, под одним из которых он когда-то воевал. А потом, через девять месяцев после этой замечательной поездки на свет появляется шестой. Вот они, русские семейные ценности моей мечты. Кто-то вдохновится. Кто-то умилится. Кто-то усмехнется. Кто-то заорет "Кринж! Фофудья! Архаика!". Но вот что важно. У каждого сколь угодно современного и продвинутого народа есть своя патриархальная семейная утопия, и он над нею не насмехается, а ее культивирует»[3].

Конец цитаты…

Ну, как вам? Хотите культивировать фофудью? Верите, что научно-технических прогресс вернет нас обратно в аграрное прошлое, где нараспев читают былины про навоз?

А некоторые православные бородатики и вовсе науку хотят запретить, называя ученых «колдунами».

Я понимаю, кому-то может просто нравиться вот это все – такое деревенское, благолепное, расписанное под хохлому и пропахшее кислым. И бог бы с ними! Но ведь проблема состоит в том, что адепты духа, коих по-научному называют консерваторами, нас всех хотят деспотически загнать в тот мир, который нравится лично им. Который они считают правильным. Который называют Добром. Пытаются уложить всех в свое собственное прокрустово ложе, ничуть не интересуясь нашим

мнением – а разделяем ли мы их моральные вкусы, то есть их представления о морали «времен Очакова и покоренья Крыма».

Для объективизации собственных вкусов и пристрастий они громоздят целые мировоззренческие картины, целую философию выстраивают! Иначе ведь не получится загнать всех в свой хлев! Это можно сделать, только обосновав необходимость закручивания гаек для спасения планеты, страны или нации, а потом завернуть всех в общее идеологическое одеяло какой-то теории, непременно приправленной семейными ценностями.

Какие только вычурные многоэтажные теоретические конструкты не громоздятся любителями фофудьи для того, чтобы загнать в стойло всех нормальных людей, которых пар деревенской дикости никогда не привлекал от слова «фу»!

И что им противопоставить? Что противопоставить их философии? Свою? То есть слово против слова, как говорят в суде? Философия – не наука. Наука – лишь та область знания, которая оперирует математикой. С математикой не поспоришь. Жаль только, что все многообразие жизни нельзя описать в формулах…

Или можно?

Вот если бы и вправду можно было описать формальным способом нашу цивилизацию, тогда мы с математической точностью могли бы делать некоторые заключения – о том, в какую сторону нужно идти, а куда лучше не соваться, кто прав, а кто не совсем. Тогда на разговорах о том, существуют ли русская и китайская цивилизации и о выборе между ними, был бы поставлен крест.

Так можно ли описать цивилизацию какими-то фундаментальными формулами типа знаменитой и очень простой формулы Эйнштейна $E = mc^2$?

Мало кто знает, но это давно уже сделано! Причем разными исследователями. Что доказывает только одно: траектория движения цивилизации всего одна, она описывается простой математикой, иными словами, вся земная цивилизация представляет собой единый образец. В котором, словно в металлическом образце, помещенном в печь, идет процесс перекристаллизации. И процесс этот неизбежно охватит весь образец. Называется это в науке фазовым переходом. А то, что мыслители от сохи именуют разными цивилизациями или вариантами развития цивилизации (китайский вариант, исламский, советский, православный, русский, американский, античный) – не более, чем цвета побежалости на поверхности этого образца. Просто цветные радужные пятна. Они могут быть любыми и никакого влияния на внутренние свойства всего

образца не оказывают. Нет ни американского типа цивилизации, ни русского, ни советского. Никакого нет.

Ни религии… Ни культуры… Ни этносы… Ни национальные обычаи… Ничто из этого не играет никакой роли в происходящем планетарном процессе, все перечисленное – просто шелуха, которую унесет бураном истории. И это будет доказано во второй части книги. А мы с вами возвращаемся к нашим подопытным фашистам в клетках политического вивария. Что они там вытворяют? Наведем-ка резкость!

Так. Что это у нас такое? Да это Португалия! Небольшая и не сильно вредная страна, казалось бы. Однако после Второй мировой войны и крушения мировой системы колониализма именно несчастная, маленькая, экономически отсталая, ведомая своим фюрером, затюканная санкциями Португалия дольше всех европейских стран Запада воевала за свои колонии, истощая себя. Как же это получилось?

Глава 2
На салазках Салазара

А это получилось только потому, что в Португалии долго сохранялся диктаторский режим Салазара, родной брат диктаторских режимов середины XX века. Салазар считал, что колонии – «это наша земля», за которую нужно умирать, и его личное мнение было через рупор диктатуры распространено на всю страну.

Антониу Салазар родился аж в девятнадцатом веке – в 1889 году – и оттуда поимел все понятия о Добре и Зле, Морали и Аморальности, Правильном и Неправильном. Мы сейчас удивляемся, что некоторые диктаторы умудряются править десятками лет. Таким политическим долгожителем был и Салазар, который помер в 1970 году, а пришел к власти даже раньше Гитлера (хотя и позже Муссолини) – в 1928 году.

По ходу дела Салазар переписал под себя конституцию, все правки которой были приняты единым пакетом после всенародного обсуждения, и счастливо правил страной практически до самой смерти. Формально выборы в стране проводились, но вождь португальского народа оставался на своем месте, как и его партия Национальный союз, потому что выборы безбожно фальсифицировались с применением всем известного «административного ресурса». Тайная полиция Салазара, как и тайная полиция прочих фашистских диктаторов, охраняла фигуру № 1, убирая политических конкурентов и вычищая политическое поле от национал-предателей.

Салазар, как и положено фашистским вождям, играл на тоске по утраченному золотому веку – великой Португальской империи, на идее исключительности и особой моральности португальской нации, ее уникальном, как сказали бы у нас, культурном коде. У Португалии, говорил Салазар, особый путь развития – отдельная португальская цивилизация, какой нигде нет, и пусть поучатся нашей моральности, нашей доброте и нашим семейным ценностям. Не нужны португальцам все эти западные «демократии», вы же видите, что не получается у нас с демократией ничего, кроме разврата и коррупции! Поэтому надо защищать родину от чуждого тлетворного влияния. Защищать традиционные португальские ценности! Семейные в первую очередь.

При этом у самого Салазара семьи не было, он спал на стороне с разными женщинами, его личная жизнь и внебрачные

дети были настоящей государственной тайной, абсолютно непроницаемой для прессы.

Любопытно, что, подобно большевикам и гитлеровцам, Салазар мечтал создать нового человека – не пошлого потребителя, а скромного в запросах творца – прямо как у господ Стругацких в их коммунистическом Мире Полудня… Все фашистские диктатуры уверяют своих сограждан, что главное в жизни не потребление – это фу! – а думы о высоком. «Работать надо на общее благо, а не на свой шкурный интерес, не нужно быть эгоистами!» – так учили коммунисты и фашисты. При этом, когда все работают на чужое благо, а не на свое, в результате ни у кого личного блага не оказывается, что естественно: работали-то на чужого дядю. Зато много благ почему-то оказывается в руках устроителей этого кровавого балагана – у вождя и его клики.

«Избыточное потребление и роскошь развращают людей, – учил Салазар, – но и бедность не добродетель. Истина посредине – в удовлетворении основных жизненных потребностей путем напряженного труда». И опять мы видим тот самый Третий путь, попытку проскользнуть мимо капитализма и коммунизма, пройти как-то на особицу.

Все диктаторы – ханжи и моралисты, для которых нарушение внешнего декорума страшнее, чем нарушение прав человека и даже убийство. Приехавший после войны в СССР Габриэль Гарсиа Маркес отмечал, что революционные сексуальные вольности давно канули в лету в советской стране: «Возможно, самой большой ошибкой Сталина было его желание во все соваться самому, вплоть до самых потаенных уголков личной жизни. Полагаю, с этим связана атмосфера мелочного деревенского ханжества, которая пронизывает все в Советском Союзе. Свободная любовь, рожденная из революционных крайностей – легенда прошлого». Аналогичным высоким моралистом был коллега Сталина по диктатуре Гитлер. Недалеко ушел от них и консервативный католик Салазар. Концлагеря – пожалуйста. Пытки – пожалуйста. Убийства политических противников – ради бога. Но грудь голую прилюдно показать – ни в коем случае! Это же неприлично!

Что касается экономики, то Салазар выступал, с одной стороны, за руководящую роль государства, как арбитра в спорах предпринимателей с рабочими. С другой, он не хотел, чтобы государство тотально командовало производством, дабы не душить экономику, как это произошло в СССР. (Страшный урок коммунизма напугал в начале века всех в Европе, включая огромное количество социалистов, отчего они и переключились на Третий путь.) При этом забастовки у Салазара и Муссолини

были запрещены в точности так же, как они по факту были под негласным запретом в СССР. В Советском Союзе рабочим в голову не могла прийти такая крамольная мысль – бастовать: все прекрасно понимали, к каким последствиям это может привести для устроителей мероприятия.

Что любопытно, экономика Португалии даже слегка поднялась при Салазаре – за счет продажи сырья (вольфрама, который был тогда всем необходим в качестве легирующей добавки для броневой стали). Но сильно этот подъем Португалии не помог, потому что она ввязалась в целую серию имперских войн, о которых чуть ниже.

Все партии, помимо ручной салазаровской, были под запретом. Парламент был совершенно марионеточным, дискуссии там вести было некому и не с кем.

Оппозиция преследовалась, «враги народа» отправлялись в концлагеря, где были созданы невыносимые условия пребывания. Права людей были ущемлены, всякая гражданская и политическая активность подавлялась. Репрессии против гражданских активистов должны были служить примером и нагнетать атмосферу страха. Для простых португальцев символом этих репрессий стал концлагерь Таррафал на Кабо-Верде, куда отправляли «врагов народа» и где процветали пытки.

Португальское гестапо называлась *PIDE* (*Polícia Internacional e de Defesa do Estado*). Вот любят политические полиции мира называть себя аббревиатурами или просто приватизировать слово «безопасность»! Гестапо (сокращение от *Geheime Staatspolizei*), НКВД, КГБ, Штази (*Ministerium für Staatssicherheit*), сигуранца, сигурими, сегуридад… В общем, португальская тайная полиция расправлялась с противниками Салазара, иногда совершая политические убийства. ПИДЕ была настоящим кланом или кастой, сотрудники которой, фактически оккупировавшие страну, старались женить своих детей между собой, проводили вместе отпуска, держась замкнутым орденом, нависавшим над простым народом как аристократы средневековья над крестьянами. У них было право бессудных арестов и посадок, а уж о прослушивании телефонных переговоров, цензуре СМИ и чтении переписки граждан я и не говорю. Тугая полицейщина! Избиения, аресты и убийства продолжались до самого падения режима. Зимой 1965 года тайная полиция Салазара с санкции диктатора убила видного лидера оппозиции Умберту Делгаду, который не боялся критиковать диктатора.

И поскольку бледный грибок Салазара выполз из давно сопревшего бревна XIX века, во второй половине века XX его замшелые взгляды уже давно не соответствовали обстановке и

взглядам нового поколения. Когда-то пришествие Салазара, который по образованию был экономистом, сопровождалось нормализацией финансовой и экономической ситуации в стране, поскольку получился эффект низкого старта. А потом выросло новое поколение, которое не знало дефицита, голода и нищеты. Которое воспринимало кусок хлеба с маслом как нечто естественное. И которому хотелось свободно чирикать и вообще быть свободными. Застой и душная атмосфера в стране им активно не нравились, как и нечестность выборов, которую Салазар считал всего лишь невинным инструментом стабильности. Когда молодые люди хотят свободы, а их давят консерватизмом, национализмом, клерикализмом и прочим, им это до ненависти не нравится. Особенно если их при этом хотят мобилизовать и погнать из Португалии в другие страны воевать за «величие».

Причем диктатора и его клику можно было понять – в то время активно рушилась система колониализма, колонии получали независимость, но не всегда это проходило гладко. Например, африканский Алжир считался в послевоенной Франции никакой не колонией, а обычным департаментом Франции, и его отделение воспринималось как угроза территориальной целостности страны. «Мы стоим перед угрозой распада страны! Нужно дать бой сепаратизму!» – в ужасе заламывали руки французские патриоты. Но в конечном итоге пришло понимание, что расстаться с некогда завоеванными землями, которые больше не хотят быть в составе одной страны, придется. И ничего страшного после распада не произошло. Все европейские страны отпустили свои колонии на свободу. Дольше всех сопротивлялась самая бедная и самая маленькая страна, у которой не было сил удерживать заморские территории – Португалия. Потому что там была не демократия, а застарелая диктатура, опиравшаяся на традиционные консервативные ценности, ценящая высокопарные слова больше человеческих жизней и потому наиболее склонная к войне. Такова уж диковатая культура чести.

У нас привыкли думать, что мировая система колониализма распалась почти сразу после Второй мировой, где-то в пятидесятых-шестидесятых. И мало кто помнит, что крохотная Португалия воевала за свои многочисленные заморские колонии, превышающие ее собственную территорию в несколько раз, почти до середины 70-х годов.

А как было не воевать? Ведь духовность! Ведь наши мальчики погибли не зря, защищая свою страну! Это же наши исторические земли!

И ведь правда – исторические. Когда Индия заявила свои права на португальскую колонию Гоа, расположенную, как знают все туристы, на полуострове Индостан, Салазар решительно заявил, что Гоа – это неотъемлемая часть Португалии, и она никогда не покинет родную гавань. Индия к тому времени уже давно была независимой, она получила независимость от британской короны еще в 1947 году, премьер-министром страны стал небезызвестный Джавахарлал Неру. Он и поднял вопрос перед Португалией о независимости Гоа. На что Салазар ответил: это историческая португальская земля, потому что Португалия владеет Гоа с 1510 года, здесь губернаторствовал еще Васко да Гама.

Согласитесь, Васко да Гама – это имя! Я бы сказал, мировой бренд. И XVI век тоже внушает. Для сравнения: Крым был взят Россией только в XVIII веке.

Ну, а дальше начались войны за «исторические земли» – в Индии и Африке. Португальская молодежь, которой совершенно не улыбалась идея погибать где-то вдали от своей страны за былое имперское величие, бросилась из страны врассыпную – в Англию, Францию, Испанию, Бразилию, Канаду.

Тогдашние «герои Верхнего Ларса» бежали из Португалии с такой интенсивностью, что один французский журналист (Франция к тому времени уже скинула с плеч все свое «величие» и дышала свободно) писал: «От чего они бегут?.. От казармы… Никогда из португальской армии не дезертировало так много людей, как сейчас, и по вполне понятным причинам. Из-за войн в Анголе, Гвинее и Мозамбике…»

Война – раковая опухоль экономики. И шли эти бессмысленные войны за удержание колоний почти полтора десятка лет, постепенно растворяя экономику несчастной Португалии, которая ранее накопила сырьевой жирок. Против Португалии страны свободного мира одна за другой начали вводить санкции, дабы прекратить кровопролитие и обуздать последний фашистский режим Европы. Мировая пресса обвиняла португальских военнослужащих в зверствах и военных преступлениях.

Причем, что интересно, Португалия продолжала вести войну даже после смерти диктатора, уже по инерции. Салазар отлетел на небо в 1970 году, а его сподвижники еще четыре года воевали, пока в Лиссабоне наконец не произошла революция гвоздик, положившая конец западноевропейскому фашизму.

Далее со всеми остановками – демократизация, послевоенный рост экономики, снятие санкций, рост уровня жизни и… ностальгия народа по ушедшему вождю. Все, как по

нотам. Все как доктор прописал. Народ «вспоминает минувшие дни и битвы, где вместе рубились они». Португалия вступила в Евросоюз в 1986 году и зажила прилично. А в 2007-м в португальском национальном телевизионном шоу «Великие португальцы» первое место с огромным отрывом занял Антониу де Оливейра Салазар. Стосковался народ по концлагерям.

«При нем было лучше!» – говорили старики. Рассказывали, что росла экономика и вообще с Португалией тогда считались, вон даже санкции на нее накладывали, настолько она самостоятельную политику проводила, настолько была суверенной! Фабрики строились, заводы, дороги…

Хм. Как я уже писал выше, после пришествия к власти Салазара (напомню, он был профессиональным экономистом) экономика Португалии действительно несколько раздышалась, поскольку поперли вверх цены на сырье, и Португалия, бывшая в ту пору сырьевым придатком Европы, неплохо поднялась. На что означает это «неплохо»?

Вот как описывал жизнь простого португальца эпохи позднего Салазара его современник: «Достаточно взглянуть на сельских жителей, чтобы увидеть, как скоро они делаются похожими на мешки с костями; женщины от 40 до 50 лет стареют с необыкновенной быстротой, а мужчины становятся сгорбленными и кривоногими, причем как мужчины, так и женщины быстро теряют все зубы». Как видим, до простого провинциального народа мало что дотекало, все деньги, принесенные в страну сырьевой конъюнктурой, были бездарно профуканы на бессмысленную войну.

Статистики приводят такие цифры португальского «благополучия» эпохи диктатуры – смертность от коклюша была в четыре раза выше, чем в Англии, от кори – в девять раз выше; половина португальских матерей рожали детей без медицинской помощи. Наконец, есть такой интегральный критерий качества жизни в стране, как средняя продолжительность жизни. Так вот, средняя продолжительность жизни в салазаровской Португалии составляла 49 лет (в Швеции того времени – 71, в Голландии – 69, в Англии – 68, в Японии – 70).

Резюмируя эту не слишком длинную иллюстративно-познавательную главу, можно еще раз констатировать, что поиск окольных путей в будущее не приводил к добру никогда ни в одной стране – все варианты фашизма закончились печально и кроваво. Третий путь неизменно заводил в тупик с человеческими костями.

Также необходимо добавить, что и Второй путь в будущее – красный, то есть коммунистический, марксистский – тоже к добру

не приводил никогда ни в одной стране, все попытки построить социализм закончились печально и кроваво. Этот путь неизменно заводил в тупик с человеческими костями. Причем еще неизвестно, какой из этих двух левых режимов – коричневый или красный – привел к большим жертвам. На счету красно-коричневых проектов десятки миллионов жизней.

А что у этих режимов еще общего, помимо левизны?

Прежде, чем ответить на этот очень правильно поставленный вопрос, нужно кое-что прояснить касательно самой левизны. Многих, особенно марксистов, дико триггерит констатация того простого факта, что разномастные фашистские режимы – такие же левые, как и разномастные коммунистические. Потому что фашистов принято называть правыми! Но правые они только относительно коммунистических режимов, однако коммунизмом и фашизмом политическая шкала не исчерпывается. И мы про это еще поговорим подробнее, дабы развеять любые сомнения в том, что коллективистские политические режимы противостоят индивидуалистическим; коллективистские режимы провозглашают примат коллектива (класса или нации) над правами индивида, а индивидуалистические – примат прав человека. А пока скажем лишь, что близость коричневых и красных коллективистов проявлялась и доказывалась на практике хотя бы тем, что в фашисты легко дрейфовали коммунисты и социалисты всех мастей. Декларируемая ими социальная политика легко позволяла этот переток осуществлять, поскольку разница между красными и коричневыми была только в том, что у одних коллективизм выражался в корпоративно-национальном подходе, а у других – в классовом.

Недаром Гитлер, долго варившийся в этой кухне, признавался: «Нас куда больше связывает с большевизмом, чем разделяет… Я всегда допускал и отдавал соответствующие приказы, чтобы бывших коммунистов принимали в (нацистскую) партию немедленно. Из мелкобуржуазного босса социал-демократического профсоюза никогда не получится национал-социалист, а из коммуниста – всегда». Какое потрясающе откровение!

И сразу примеры. Жил да был во Франции некий Жак Дорио. В 1920-е годы он вступил во французскую компартию, был членом Коминтерна, ездил в Москву, видел Ленина, говорят, даже дружил со Сталиным. А в 1930-е годы сколотил свою Народную партию Франции – национал-большевистскую по характеру, которая потом сползла в откровенный фашизм. Не скатиться туда она и не могла, поскольку фашизм и национал-социализм (национал-большевизм, национал-коммунизм – как хотите

назовите) похожи порой до степени неотличимости. Ничего странного, достаточно добавить в алый цвет пару бурых капель национал-патриотизма, и красное легко превращается в коричневое.

У Народной партии Франции Дорио был свой фашистский «комсомол», члены коего входили в отряды штурмовиков и били коммунистов, а в 1941 году комсомольцы-добровольцы от партии Дорио с криками «хайль Гитлер» поехали на Восточный фронт воевать с большевизмом. И неплохо себя показали, кстати.

Есть и примеры противоположных переходов – известный итальянский исследователь Арктики Умберто Нобиле, участвовавший в экспедициях вместе с Амундсеном, и бывший членом фашистской партии, после 1945 года добровольно вступил в итальянскую компартию. Хотя никто генерала и преподавателя Неаполитанского университета за хвост туда не тянул. Захотелось!

А сейчас мы видим на Западе и вовсе удивительное явление – многочисленные стада левых антисемитов с пропалестинскими лозунгами, которые ненавидят евреев ничуть не меньше, чем их ненавидели немецкие фашисты.

«Почему же тогда коммунисты и фашисты терпеть не могли друг друга, если они столь похожи?» – быть может, спросите вы. Почему фашистские режимы всегда преследуют коммунистов, кидают их в тюрьмы, расстреливают и всячески обижают?

А почему нацист Гитлер перерезал штурмовиков Рёма, они же вообще в одной партии состояли?! А почему католики резали гугенотов, ведь и те, и другие были христианами, то есть придерживались одной идеологии почти до степени неразличимости? А почему православные никониане заживо жгли и убивали православных старообрядцев? Почему большевики, придя к власти, в конце концов перестреляли и пересажали меньшевиков, ведь они были членами одной партии – РСДРП? Чему тут удивляться, если коммунист Сталин в мирной жизни перестрелял коммунистов больше, чем Гитлер [4].

Именно потому, что похожие! Самые близкие всегда наибольшие враги друг для друга. Волк не может ненавидеть медведя: у них разные экологические ниши. А вот собак волки ненавидят. Точно так же неандертальцы и кроманьонцы ненавидели друг друга, пока одни не уничтожили других полностью. И это естественно: между близкими видами самая большая конкуренция, потому что они претендуют на одну экологическую нишу, и соответственно, возникает самая большая эмоция.

Вот, кстати, еще один прекрасный пример. На Корейском

полуострове живут корейцы, некогда это была одна страна, ныне представляющая собой две непримиримые державы. И нет теперь для северных корейцев большего врага, чем южные. В 2024 году Любимый руководитель Северной Кореи назвал Южную Корею государством, «самым враждебным КНДР».

Ну а теперь ответим на тот вопрос, который был задан выше (и повторен тут, чтобы вы глазами не рыскали): а что еще общего у этих двух режимов – марксистского и фашистского – кроме левизны?

Проектность.

В отличие от эволюционно сложившегося капитализма, эти строились по какому-то плану. То есть в соответствии с какой-то идеологией. То есть согласно определенным представлениям о том, как «в действительности» устроен мир, и как его можно подправить в лучшую сторону – по проекту вождей и мудрецов, согласно теории мироустройства.

В последние годы со стороны патриотов я постоянно слышу крики о том, что «нам нужна идеология», а иначе «ничего не получится». Говорят про это либо престарелые постсоветские службисты (военные и гражданские), выросшие в тотально контролируемом обществе и привыкшие подчиняться вождю и партии, либо совсем зеленая молодежь, не нюхавшая жизнь в советские онучи. Именно от таких людей чаще всего раздаются голоса о том, что общество, не имеющее целей (образа будущего), обречено.

Но по факту мы видим, что жизнь сносит именно проектные общества – идеологически заряженные и построенные по плану, то есть в соответствии с какой-то идеей. Почему? Разве не прекрасно с помощью разума понять, как устроен мир *на самом деле*, чтобы его целенаправленно улучшить и построить социальный организм в соответствии с мыслями одной самой гениальной его «клетки» – Карла ли Маркса, Адольфа ли Гитлера или, скажем, Пол Пота, который тоже имел определенные представления о том, как должно быть устроено общество?

Правильный ответ: нет, это не прекрасно. Проектное общество, построенное по любому, сколь угодно прекрасному, проекту, нежизнеспособно. Потому что никакого *самого дела* нет. Есть только точки зрения на то, как устроен мир. А миру на эти точки зрения плевать. Потому что он никак не устроен в том смысле, что мир много обширнее любых теорий о нем. Идеологические картины всегда ограничены своими рамками. А мир безграничен. Полностью объять его одним теоретическим конструктом нельзя, потому как мир шире разума и разумных теорий, мир включает в себя разум, и разум – всего лишь

временный инструмент эволюции для решения неких сиюминутных задач – выживания, убегания от хищника, поиска еды и полового партнера. Эволюция началась не с разума и не разумом закончится.

Именно поэтому в нашем разуме не представлен внутренний мир нашего организма – о том, что у человека есть печень, билирубин или гормоны, мы узнаем только в школе и в институте, тогда как внешний мир в нашем разуме представлен прекрасно. И все потому, что разум не в состоянии управлять столь сложной системой как организм, состоящей из триллионов живых клеток. Столь сложная система разумом не управляется принципиально. Если бы вам нужно было каждую секунду принимать решение, сколько выделить миллилитров желудочного сока, амилазы, билирубина, соматотропного гормона или грелина, ваше тело быстро пошло бы в разнос и погибло. Такая задача решается всем организмом целиком, поэтому разум из решения этой задачи природой принципиально исключен – не его ума это дело! И вообще не ума… А экономика – это тоже организм, только социальный. И управляется он собой целиком, а не частью. Поэтому и окочурился Советский Союз, чья экономика была тотально плановой, где в роли разума, принимающего решения за весь организм, выступал Госплан.

С помощью разума нельзя построить по некоему плану сложные системы типа биосферы, биологического организма или социального организма – потому что живые системы живут не по плану, а в режиме перманентной адаптации к меняющимся условиям.

Всякие вассерманы и прочие любители казарменной справедливости, контроля и упорядоченности любят говорить, что Советский эксперимент не удался потому, что тогда еще не было суперкомпьютеров и оттого такую сложную систему, как народное хозяйство, нельзя было просчитать до последнего гвоздя. Но дело в том, что живые системы принципиально не просчитываемы! Они функционируют не в режиме вычислительной активности, то есть управляются не интеллектом и расчетом, а тем, о чем было сказано чуть выше – постоянной адаптивной подстройкой. Для выживания они жертвуют своими частями, чтобы сохранить целое – организм своими отмирающими клетками, экономика разорившимися фирмами, биосфера – вымирающими видами.

Если это нуждается в дополнительных пояснениях, скажу так: наш квантовый мир принципиально непредсказуем, неопределенность вшита в саму физическую основу бытия и, соответственно, будущее не предопределено. А план и есть

прогноз на будущее! Проект будущего. Случайно угадать будущее один разок, наверное, можно, а вот систематически попадать планом в жизнь – нет. И потому лучше не курочить жизнь, а пустить экономику на эволюционный самотек самоподстройки.

Отличный пример тут – итальянская забастовка. Напомню: если вы хотите остановить работу организации, формально не бастуя, вы просто начинаете работать по всем писаным правилам и составленным инструкциям, то есть по умозрительному плану о том, как нужно работать, чтобы работа шла хорошо и правильно. И работа идти перестает! Так вот, если даже в случае простых производственных процессов никакие планы не работают, а только мешают работе, что уж говорить о системах тысячекратно более сложных, типа человека, биосферы или экономики. Можно попробовать повлиять на системное нарушение в организме (например, гипертонию или диабет) одним каким-то фактором в виде химического препарата, именуемого лекарством, но к добру это не приведет – болезнь не исчезнет, исчезнут только симптомы. Именно так и поступает современная медицина, заметая под ковер симптомы. И именно так поступал советский агитпроп, когда маскировал гримом приписок трупные пятна советской экономики. Об этом мы еще поговорим подробнее…

Идеология – это система взглядов на мир. Так сказать, «теория мироздания». Соответственно, любая идеология предполагает проект или образ будущего. Это может быть конец света и последующий небесный рай. Или построение земного рая в виде коммунизма. Или пасторальный рай бородатого национал-консерватизма, подпоясанного кушаком и с кислой капустой во рту. Но он всегда есть, этот умозрительный проект. И это хорошо, ибо представляет собой очень ясный сигнал опасности: если вы видите, что вам предлагается образ будущего, можете не тратить время на пустые разговоры. Не сбудется. Потому что будущее принципиально непредсказуемо, и природа всегда выбирает неожиданный вариант, которого не было ни в чьей голове. Она всегда так делала, даже когда никаких голов на свете не было.

Любой, даже самый гениальный диктатор, который думает, что является носителем разумного плана, знает, как разумно построить общество. Но само общество подобного знания о себе не имеет или, иначе говоря, весь «план» или «разумный проект» общества размазан по всем членам общества в виде интересов этих членов. А они разные. Один нейрон на весь мозг не натянешь, а интересы одного человека на всех людей.

Общество, которое строит свое будущее по проекту, обречено. Общество, в котором проектов будущего столько, сколько в нем граждан, будет процветать. В живом и здоровом социальном

организме образ будущего – дело частного интереса. Образ будущего – второе имя идеологии. И если она одна на всех, каюк наступает всем сразу.

А сейчас пришла пора осветить пару мелких моментов, чтобы вы были во всеоружии в любых дискуссиях как с красными, так и с консерваторами, и не плавали, как двоечник у доски.

Глава 3
Белые господа – не потому что белые, а потому что умные

Прежде, чем мы перейдем к математике и физике цивилизации, я бы хотел закрыть следующий вопрос… Часто от разных левых и правых людей, которые не хотят бездуховности и капитализма, ставя между ними знак равенства, приходится слышать, будто капитализм только потому и вырвался вперед, став тем самым развитым Западом, который является маяком передовой цивилизации, что нещадно эксплуатировал колонии. И на том поднялся. И сейчас еще эксплуатирует Третий мир!

Такого мнения придерживаются леваки не только в Первом и Третьем мире. Но и во Втором мире, то есть в странах догоняющего развития. Работая над книгой, я случайно наткнулся на выступление одного китайского интеллектуала – пекинского профессора, чье мнение, как считается, формирует повестку в Поднебесной. И он буквально повторил вслед за западными леваками:

«Почему Запад стал гегемоном? Европа вырвалась вперед благодаря промышленной революции и благодаря колониям. Европа после Великих географических открытий захватила территории, в одиннадцать раз превышающие по площади саму эту Европу! А это все ресурсы, благодаря которым они нас обогнали».

Видите? Опять эта сказка о ресурсах. Но жизнь показывает, что изобилие ресурсов только тормозит развитие, позволяя ему идти по экстенсивному пути. А вот недостаток ресурсов толкает на путь интенсивного развития, то есть к очередному качественному скачку эволюции. К прогрессу.

Так что ограбление колоний – это миф. И потому с ним нужно покончить.

В истории колониализма есть два этапа. Этап первый начался сотни лет назад, когда развитая Европа начала колонизировать планету, то есть нести на отсталые окраины мира свет знаний и самые передовые на тот момент научно-технические достижения.

В нашем сознании слова «колонизация» и «колонии» несут негативный оттенок. Мол, приехали белые господа к наивным отсталым туземцам и давай их по-черному эксплуатировать! Отнимали бананы и ресурсы, везли к себе и наживались на этом. А те страдали. А эти жировали…

Но в своем самом первичном значении слово «колония» не

несло и не должно иметь никакой негативной коннотации. Мысленно произнесите про себя «колония на Марсе». Есть что-то негативное в этом? Нет, конечно! Сплошной позитивный смысл – мы будет колонизировать, то есть осваивать красную планету. Точно так же когда-то финикийцы на своих кораблях приставали к необитаемым островам и землям Африки, основывали там поселения и города, территории осваивали. Колонисты работали, торговали, строили, пахали, налаживали торговые связи. Знаменитый Карфаген – изначально финикийская колония в Африке…

Вот точно так же европейская цивилизация осваивала земной шар, неся местным туземцам, ежели таковые там присутствовали, свет цивилизации в виде знаний. Вывозили ресурсы? Не без этого. За знания нужно платить. Постреливали местных туземцев? Бывало. Не надо было хулиганить, прогуливать уроки цивилизации и бунтовать, защищая традиционные ценности. Кстати, об этих ценностях… Вот вам чудная история о них.

Как всем известно, английские джентльмены колонизировали полуостров Индостан (за исключением Гоа, который достался португальцам). А у индусов, как всем опять-таки известно, был древний обычай – если муж умирал, его вдову сжигали на погребальном костре мужа. Заживо. Если умирал знатный господин, сжигали всех его жен и наложниц. Этот чудесный обряд назывался сати.

Естественно, культурные англичане пришли в ужас от этой традиционной ценности индийской культуры и стали повсеместно зверский обычай запрещать. А индусы давай бунтовать! Англичане давай подавлять! И не без успеха, потому что у англичан организация и пушки. Легенда гласит, что однажды между сторонами состоялся диалог о традиционных ценностях. К английскому губернатору пришли туземные старейшины и высказали ему в корректной форме свою претензию:

– Вы, англичане, утверждаете, что готовы жить с нами в мире и уважать наши обычаи, не навязывая нам ваших чуждых ценностей. Но у нас есть древняя культурная традиция – сати. Это душа нашего народа! Зачем же вы пытаетесь запретить нам наши обычаи в нарушение своего слова?

На что английский губернатор ответил:

– Мы согласны уважать ваши традиции, если и вы, в свою очередь, будете уважать наши. А у нас тоже есть древний прекрасный обычай – если мы видим, как какой-то ублюдок тащит живую женщину на костер, мы этого ублюдка вешаем.

А вот сколь интересный пример приводит социопсихолог и

философ Акоп Назаретян в книге «Антропология насилия и культура самоорганизации»: «Английская колониальная администрация в Индии столкнулась с тем, что в группе племен существовали жертвенные рабы (так называемые мерия). Их выращивали, как скот, на заклание, и при определенных празднествах, привязав к особому жертвенному столбу, предавали жесточайшим физическим пыткам; считалось, что чем сильнее предсмертные муки и стенания жертвы, тем больше удачи это принесет племени. Племена, в которых такого обычая не существовало, безразлично (терпимо) относились к жертвоприношениям соседей. Англичане же, узнав о кровавых оргиях, сочли своим долгом их пресечь…»

Ну и что плохого в колонизации, я вас спрашиваю?

Да, англичане подавили пушками знаменитое национально-освободительное восстание сипаев в Индии. Но мизерное число погибших при этом бунтовщиков не идет ни в какое сравнение с числом женщин, спасенных англичанами от чудовищного обряда сати. А если вспомнить, что во время восстания сипаи перебили с необычайной жестокостью тысячи европейцев просто за то, что они европейцы, облик национально-освободительных героев как-то сразу тускнеет. В большинстве захваченных восставшими городов почти все британское население было истреблено мятежниками поголовно, независимо от пола и возраста.

Зато теми железными дорогами и мостами, которые построили британцы на полуострове, Индия пользуется до сих пор. Почта, Гангский канал, телеграф, системы орошения, система среднего и высшего образования – это тоже дары колонизаторов своей колонии.

Да, первоначально метрополии получали выгоду от своих колоний, что естественно: зачем что-то осваивать и развивать себе в ущерб? Но в XX веке ситуация кардинально изменилась – в результате научно-технического прогресса экономическая картина социальной системы перевернулась настолько, что колонии вместо прибыли стали приносить убытки. Они превратились в дотационные регионы. И только потому колониальная система рухнула. Метрополии сбросили с себя бремя убыточных, дотационных земель, которые теперь отнимали денег больше, чем приносили, и отпустили их на аутсорсинг.

Есть такая точка зрения: зря колонизаторы сложили с себя бремя белого человека, поскольку уход белых колонизаторов сразу же обернулся для недоумков из бывших колоний страшными бедствиями – гражданскими войнами, резким падением уровня жизни, голодом. Вот такую точку зрения и можно с полным правом назвать расизмом: мол, неполноценные

они слегка, без белых людей не могут справиться… Но дело не в неполноценности черных, красных, желтых, коричневых и серо-буро-малиновых по сравнению с белыми. Все гораздо проще: обвал произошел после того, как закрутили крантик, и прекратились финансовые потоки из метрополий на окраины, то есть закончилась финансово-силовая поддержка законности, и местные элиты начали драку за пересыхающие финансовые ресурсы. И поскольку людей оказалось больше, чем ресурсов, часть этого лишнего людского хвороста сгорела в кострах междоусобиц [5].

Советская политическая школа придерживалась «революционного» тезиса о крушении системы колониализма, который заключался в том, что колонии-де в результате антиколониальной революционной борьбы добились наконец свободы и независимости. Но это не совсем так. Впервые задумались о том, чтобы предоставить колониям независимость в метрополиях. Вот, например, какие голоса раздавались со стороны высших руководителей колониальных администраций Испании и кабинета министров Испании уже в конце XVIII – начале XIX веков:

«Его Величеству есть смысл отделиться от владений в Америке…»

«…единственное средство – это превратить наши провинции в страны… и сделать это надо решительно и быстро… Мы дадим им независимость, которой они желают, и которую видят на данный момент в Северной Америке, но в то же время оставим их в орбите влияния Испании».

«Мы всерьез задумывались превратить наместников в Новом Свете в регентов, чтобы они удовлетворили свое тщеславие и амбиции на радость тамошним туземцам. Согласно проекту, предполагалось учредить в колониях Сенат… и главной задачей мы видели улучшение и адаптацию законов к реалиям Индий (Индиями тогда назывались заморские колонии Испании в разных частях света. – *А. П.*). К сожалению, реализации этого проекта помешала война с Англией…»

Почему же у испанских чиновников возникла идея дать испанским колониям независимость? Да потому что уже к 80-м годам восемнадцатого века испанские колонии перестали приносить прибыль и начали постепенно становиться убыточными. Если в начале этого века доля общего дохода Испании от колониальных товаров составляла 11 %, то к восьмидесятым годам она уже сократилась до 4,8 % и продолжала падать. Просто потому, что из-за научно-технического прогресса убогие колониальные товары стали менее

конкурентоспособными, чем промышленные. При этом затраты на администрирование колоний росли не по дням, а по часам – менее, чем за век они выросли более, чем вдвое, с 40 миллионов песо до 90! Росло количество войск, численность гражданских чиновников и их зарплата, поскольку росло благосостояние метрополии.

Чтобы разобраться в ситуации, королевский двор даже послал за океан эмиссара – Хуана Франциско де Сааведра, военного, дипломата и талантливого экономиста, сторонника свободной торговли, как источника богатства для развитых стран. Тот поехал, в ситуации разобрался и написал в отчете королю, что ситуация там совсем не радужная, что убедило короля начать поиск выхода из нее.

Справедливость требует заметить, что указанный Хуан весьма любил испанские колонии как неотъемлемую часть Испании, поэтому его разрывало между пониманием необходимости отпустить и желанием удержать: «Наши заморские владения есть неотъемлемая часть нации. Между двумя частями испанской империи существуют священные связи, которые правительство метрополии должно укрепить всеми силами».

Чувствуете патриотический душок, апелляцию к исторической справедливости и прочие никчемные погремушки? Они никогда никому не помогали. Они не помогли и испанцам. Они не помогли потом Салазару выиграть. Они не помогли британской короне. Они не помогли Франции… Колонии получили независимость. Почему? Потому что экономика сказала свое слово – когда обладание колониями стало нерентабельным, они сразу были отброшены.

Но не всегда трезвый экономический расчет совпадает с порывами души. «Кемску волость» терять жалко, ибо душа болит! Зря что ли наши предки проливали кровь и другие физиологические жидкости, расширяя границы империи? Это исторически наша земля! Уже сотни лет! И тут не в деньгах дело, нельзя все мерять деньгами! Надо кровь проливать! За высшие ценности! Экие вы бездуховные! А ну-ка быстро пошли подыхать!..

Сколько крови пролила Франция, безуспешно пытаясь удержать колонии в конце сороковых – начале пятидесятых годов! Общие потери страны за девять лет войны в Индокитае составили более четверти миллиона солдат. Французское правительство обещало не отправлять на эту колониальную войну призывников, обещая, что все обойдется профессионалами. В конечном итоге из Индокитая Франции пришлось уйти. Причем любопытно, что тот самый премьер-министр Франции, который закруглил войну в

Индокитае, начал наращивать военное присутствие Франции в Алжире, заявив, что здесь уже никакого компромисса не будет, ибо речь идет о целостности страны. Он сказал буквально следующее: «Департаменты Алжира – часть республики, они являются Францией на протяжении длительного времени. Между Алжиром и основной французской территорией никакой раздел невозможен. Никогда Франция, никогда любой парламент или любое правительство не откажется от этого фундаментального принципа. Алжир наш». Его поддержал тогдашний министр внутренних дел Франсуа Миттеран: «Алжир – это Франция». И снова были обещания не посылать туда срочников.

Но в точности как когда-то Гитлер, напавший на Чехословакию под предлогом защиты соотечественников (которые после распада империи оказались в другом государстве), так и Франция отправляла в Алжир корабль за кораблем с солдатами защищать французских колонистов. И все равно все кончилось ничем. С экономикой и социальной эволюцией не поспоришь. Бабло побеждает зло!

После всех этих историй мы, люди доброй воли, думали, что колониальные войны за восстановление «исторической справедливости» и «воссоединение наших земель» ради «защиты соотечественников» закончились в XX веке. Мы думали, Португалия была последней страной, которая проливала кровь за «исконные земли». Но XXI век нас всех удивил…

Глава 4
Неоколониализм – это не колониализм

Один бородатый православный экономист как-то сказал, что колониальная система никуда не делась, она просто изменила форму. Раньше, мол, отсталые страны были под прямым управлением развитых, а сейчас получили формальную независимость, но сущность осталась прежней – развитый мир по-прежнему высасывает из них ресурсы, как высасывал их раньше, отчего и разбогател неимоверно, падла.

Ну, каким образом метрополии высасывали из колоний ресурсы, мы уже видели – на последнем историческом этапе колонии стали нерентабельными, то есть метрополии не высасывали, а напротив, вкачивали туда ресурсы. Таким образом, колонии жили за счет метрополий.

Это, кстати, касается и красной империи, которая развалилась последней. Советской России вообще не повезло, ее короткая история целиком пришлась на эпоху современности, и потому всю дорогу метрополия тащила на себе все бывшие царские колонии, ставшие советскими республиками. Из пятнадцати республик только две были донорами – РСФСР и Туркмения, причем последняя производила совсем на чуть-чуть больше, чем потребляла – можно сказать, выходила в ноль. Все же остальные советские социалистические республики плотно сидели на дотациях из центра. Глядя на то, как распределялся Союзный бюджет в расчете на одного гражданина каждой республики, впору схватиться за голову: все республики потребляли незаработанное, кроме РСФСР. Например, на каждого литовца приходилось по 997 рублей, эстонец имел 812 рублей и так далее. И только жители России сидели в глубоком минусе, потребляя на 209 рублей меньше, чем заработали. Иметь колонии – дело накладное в XX веке!

Источник: АН СССР, Гайдар Е. Т. «Гибель империи. Уроки для современной жизни»

Инфографика о распределении средств на одного гражданина в СССР // Sputnik. МИА «Россия сегодня». Электронный ресурс: https:// tj. sputniknews. ru/20211228/ekonomika-ussr-1044469658. html.

А почему же так произошло в мире, что колонии вдруг стали невыгодными, ведь раньше было наоборот? Потому что приключилась научно-техническая революция, которая привела к революции промышленной. Массовая фабричная продукция развитого мира стала дешевле кустарной и теперь колонии могли похвастаться разве что сырьем, а не рукодельными индийскими тканями. Да и то не все и не всяким сырьем. Сок гевеи, поставляемый когда-то из Южной Америки, заменили резиной. Благодаря ученым-селекционерам сахар приноровились делать из европейской свеклы, заменив ею заокеанский сахарный тростник. Гуано – химическими удобрениями. Синтетические ткани потеснили хлопковые. Иными словами, сырье, как традиционная вещественная ценность, замещалась наукой, то есть чистым умом.

Кое-какое нужное сырье в Третьем мире еще осталось, конечно. И его в Первый мир по сию пору вывозят. Но и сырье, и энергия, и пресная вода из-за научного прогресса стали играть все меньшую роль. И с каждый годом их доля в продукции уменьшается. А все большую долю занимает интеллект. И этот

факт ни для кого из мировых экономистов не является секретом. В других своих книгах я подробно останавливался на данном вопросе, а здесь пробегусь по фактам вкратце.

Организация экономического сотрудничества как-то подсчитала, что в первой четверти XXI века потребности экономик развитых стран в сырье должны уменьшиться в десять раз по сравнению с девяностыми годами. Эта оценка – не фантазия, она вытекает из объективной тенденции постиндустриального мира: если в 1996 году на производство 100 долларов национального дохода требовалось 300 килограммов сырья, то к 2025 году на те же 100 долларов хватит уже 30 килограммов. Мир находит новые решения, менее затратные и более эффективные. Классический пример тут – зависимость цивилизации от меди, которая (зависимость) казалась непреодолимой, тупиковой.

Как только человечество освоило электричество, сразу вырос спрос на медь, из которой делались провода. Естественно, цена меди по мере того, как планету все больше опутывали телеграфные, телефонные и электрические провода, росла. Потому что медной руды на планете больше не становилось. Медь, как и многие другие ископаемые, ресурс исчерпаемый. К середине прошлого века 80 % стоимости кабеля составляла медь, а остальное – изоляция, энергия, труд, амортизация станков, транспортные расходы. Потом изобрели оптоволокно, которое делается из дешевых материалов – стекла или пластика, и теперь стоимость сырья в кабеле составляет всего 10 %. Но и это еще не все! Пропускная информационная способность таких кабелей превышает медные почти на три порядка!

Но самый яркий пример того, как сияние чистого разума отказывается от физического сырья, это фотография. Еще полвека тому назад серебро в разных соединениях использовалось в производстве фотографических карточек. Сотни тонн серебра просто сливались в канализацию с остатками проявителя и закрепителя. При этом для построения изображения на фотобумаге тратилось только 20 % драгоценного металла, остальное тупо сливалось вместе с раствором.

После изобретения цифровой фотографии надобность в печати бумажных снимков практически отпала. Как и надобность в таких количествах серебра. Сырье оказалось вовсе не незыблемой вечной ценностью, а ценностью весьма преходящей, сиюминутной.

После того, как под крики об исчерпании нефти цены на нее выросли, люди придумали добывать нефть из сланцев. А потом и вообще найдут ей замену, как нашли замену углю, на котором

раньше работала вся промышленность, плавали корабли и ездил весь железнодорожный транспорт планеты.

Не удержусь и процитирую сам себя: «Вместо физической материи в производстве все больше используется "виртуальная материя" – информация, новые знания, изобретения, идеи. Затраты разных компаний на интеллектуальный продукт растут бешеными темпами. Вот пример: в тот год, когда из-за экономической несостоятельности развалились практически все социалистические страны во главе с самой большой (1991). Америка потратила на приобретение интеллектуального продукта (изобретения, программы, результаты исследований) 112 миллиардов долларов, а на сырье и материалы – 107 миллиардов. То есть на мозги уже тогда ушло денег на 5 миллиардов долларов больше, чем на сырье. Через шесть лет сумма, потраченная на материальные предметы, практически не изменилась, но зато разрыв между тратой на мозги и затратами на материалы вырос с 5 до 212 миллиардов долларов!» [6]

И все сказанное касается также энергетического сырья (газа и нефти) и энергии в чистом виде (электроэнергия от электростанций) – внедрение новых идей экономит не только килограммы, но и джоули. За последние два десятилетия прошлого века доля сырой нефти в 1 долларе американской продукции снизилась на 30 %.

Приблизительно с 1975 до 1985 года валовый продукт развитых стран вырос на треть, и можно было бы ожидать, что энергопотребление в киловаттах также вырастет на треть. Но оно выросло всего на 5 %. За тот же срок производительность сельского хозяйства в США увеличилось на 25 %, а энергопотребление не только не выросло, но и упало в полтора раза.

С водой та же картина. О пресной воде всякие леволиберальные экологи сильно беспокоятся. Типа, мало ее на Земле, поберечь надо планету, экология там, и вот это вот все… Однако факты таковы: рост промышленной продукции продолжается, а расход воды промышленностью при этом падает.

Отсюда следует три прекрасных вывода:

1) Нет смысла «спасать планету», экономить сырье «для будущих поколений» и вообще бояться исчерпания того или иного ресурса, любому сырью будет найдена более дешевая замена.

2) Бессмысленно утверждать, будто страны Первого мира или, как их еще называют, «страны золотого миллиарда», грабят страны Третьего мира, скупая за копейки их сырье. Сырье это скоро станет на фиг не нужно с такими тенденциями. А закупают

его не «за копейки», а по мировой рыночной цене.

3) Нет также смысла кричать о перепотреблении в мире и заявлять, будто если все в мире начнут жить, как страны золотого миллиарда, то «на всех ресурсов не хватит». Ситуация ровно обратная! Вовсе не развитые страны нуждаются в сырье стран недоразвитых. Это отсталые страны позарез нуждаются в том, чтобы продавать в развитый мир хоть что-то – хоть сырье, если уж сами ничего руками делать не умеют. При этом, как мы видим, Первый мир все меньше и меньше нуждается в сырье, заменяя его придумками мозга. Для справки и в качестве яркой иллюстрации: в современном компьютере стоимость материалов (сырья) составляет 2 % от его цены. И это касается почти каждой продукции. Например, себестоимость пошитых в Азии кроссовок, продающихся на американском рынке, составляет 25 % от цены. И складывается эта себестоимость из материалов, труда, энергии и транспортных расходов по доставке в Америку. Все остальное в цене – это вложенный интеллект и информационный продукт, то есть разработка, маркетинг, реклама. Плюс труд продавцов в магазине.

По указанным причинам современный мир называют миром нелимитированных ресурсов. Любому сырью можно найти замену, кроме одного – того сырья, которое ищет замену. Иными словами, главным незаменяемым сырьем современного мира стали мозги. Они и есть главный дефицит. Дураков-то много, как пустой породы, а вот крупицы гениальности оттуда нужно старательно извлекать.

Аграрный мир давно канул в лету. Промышленный мир тоже уходит в прошлое, постепенно заменяясь постиндустриализмом. И потому ни земля, ни ресурсы в этой земле больше не стоят войны – их проще купить, чем завоевывать и потом удерживать. И войны за территорию последние полвека носят характер фантомных болей государств – бессмысленные кровопролития ради мифической «былой славы» или «восстановления исторической справедливости».

С этим разобрались – никто недоразвитые страны не грабит, напротив, позволяют им зарабатывать по мере возможности, покупая у них сырье по мировым ценам. Но у леволиберальных выпускников американских кампусов, а также кондовых российских патриотов, есть и другой тезис о неоколониализме:

«Все равно мировая капиталистическая система может существовать только как система перманентной эксплуатации центром периферии. Передовые страны продолжают свою грабительскую политику, выводя свои грязные производства в страны Третьего мира, платя тамошним рабочим мизерные

зарплаты и продавая произведенные ими товары в странах Первого мира. Вот как теперь выглядит глобальная эксплуатация!»

Странная логика. Ведь вывод производства в недоразвитые страны – не что иное, как помощь в развитии отсталых регионов мира. Чтобы они могли продавать что-то, помимо сырья. И вот они уже могут, но левакам опять все не слава богу!..

Нельзя ребенку вырасти до полутора метров, не преодолев отметку в 1 метр 40 сантиметров. Нельзя покинуть царство аграрности и войти в современный мир постиндустриализма, минуя этап промышленного производства и, соответственно, урбанизации, высасывающей крестьян из села. Каждый этап в развитии эмбриона важен и отвечает за свои задачи. И перенос производства из Америки и Европы в Китай и другие регионы есть не что иное, как повторение того же пути, который прошли развитые капиталистические страны сто лет назад, только теперь в мировом масштабе. Центр подтягивает периферию. На периферии начинают расти зарплаты, как это происходит сейчас в Китае, возникают инженерные и академические школы, развиваются прикладная и фундаментальная науки. А дальше, если это страны авторитарные или тоталитарные, они упираются в незримый потолок, когда несвободная политическая система начинает тормозить свободное развитие экономики. И потом у них только два пути – либеральная политическая реформа, которая повлечет за собой дальнейшее освобождение экономики и ее рост, или же консервация застоя в форме авторитаризма, постепенное нагноение политического фурункула из гражданских противоречий, и наконец классическая буржуазная революция в кровавой форме или в относительно мягком виде преобразований сверху.

Процесс переноса производства в Третий мир – естественное следствие глобализации, когда текучий капитал уходит туда, где ему легче работается, где он приносит больше пользы, то есть прибыли. В данном случае прибыль и польза – синонимы, поскольку прибыль достается тому, кто лучше всего умеет распоряжаться деньгами, умело вкладывая их – капиталисту (а не бюрократу, который умеет только воровать и транжирить незаработанное). А поскольку проесть эту прибыль никакой капиталист в одну глотку не может, он неизбежно вкладывает деньги в дальнейшее производство. Так постепенно умноженные деньги капиталиста стекают вниз к новым рабочим местам и благоустройству социального пространства (через налоги). Причем даже та ничтожная доля прибыли, которую капиталист вкладывает в свое собственное роскошное потребление (о чем

постоянно завистливо причмокивают леваки и красные), все равно тоже вкладывается в производство – яхт, частных самолетов и роскошных машин.

«Да, но в Третьем мире, куда выводятся грязные производства, ухудшается экология, рабочие получают нищенские зарплаты, не сравнимые с зарплатами в Первом мире, а рабочие в развитых странах теряют работу! Вот к чему приводит ваш капитализм! Нужно более разумно устроенное общество», – таково следующее глупое возражение.

Ну, что касается разумности, то про это мы уже говорили: общество, насосанное из пальца, невозможно. (Напомню: главная причина провала всех проектных обществ, построенных по разумным началам, состоит в том, что один разум, несущий в голове проект, не может быть распространен на все разумы, коих сотни миллионов, поскольку все эти разумы и их интересы разные, а мир шире любых частных представлений о нем.) Что же касается разговоров про экологию и прочее… Запоминайте, как надо отвечать тем, кто изрыгает из себя вышеприведенные «аргументы». Вот вам целых три возражения – на выбор:

1. Да, экология в Третьем мире временно ухудшается, зато в Первом мире она улучшается за счет вывода оттуда грязных производств. Разве это не то, за что борются леворозовые, зеленые и прочие гринписовцы Первого мира? В Третьем же мире этих экологов еще нет, не народились еще, они обычно от жиру появляются, так что все в порядке… Зато в обмен на временное экологическое неудобство Третий мир получает билет в будущее. А на планете в целом растет количество прибыли. Мир богатеет!

2. Люди в Третьем мире получают не «нищенские зарплаты» (это оценочное суждение), а рыночные для условий своей страны (это объективная характеристика). Таких зарплат они бы не получали вовсе, не приди туда производство. А получать хоть что-то лучше, чем ничего. Вчерашние голодранцы, стирающие в корыте, теперь могут позволить себе стиральную машину и велосипед, потом мопед и мотоцикл, потом машину, дом, путешествия, образование для детей…

3. Потеря работы пролетариатом в Первом мире при переходе от индустриальной формы цивилизации к постиндустриальной – это тот же самый процесс, что потеря работы крестьянами в эпоху промышленной революции. Вот выросла из-за прогресса производительность труда на селе, и столько крестьян уже не нужно стало. Куда деваться сгрудившимся в городах вчерашним крестьянам? Этот ресурс поглотили фабрики. То же самое произойдет и с постпролетариями Первого мира – они найдут новые сферы занятости. И это уже происходит! Люди идут в

сферу услуг, люди начинают работать с людьми, а не с машинами. И это прекрасно! Человеку нужен человек.

Глава 5
На капитолийском холме

Надеюсь, вас не смутил тот факт, что в книге о будущем цивилизации, о сингулярности истории и прочей фукуяме, мы столько времени посвятили колониализму и какому-то там фашизму разных расцветок – от красного до черного? Если вдруг смутил, придется вкратце повторить пройденное и плыть дальше, оттолкнувшись от этого пирса.

Почему вообще в обществе затеваются все эти разговоры о различных цивилизациях – русской, американской, индейской, китайской, европейской, советской, португальской? Да вот как раз потому и затеваются, чтобы выделить свою страну с ее случайно сложившимися историческими границами в нечто особое, чудесное, непохожее, отделенное от остального человечества какими-то специфическими ценностями, принципиально несводимыми к ценностям других «цивилизаций», хотя все мы от одной обезьяны произошли, и от инстинктивной базы не уйдешь, несмотря на то, что одни обезьяны наряжены в джинсы, а другие обучены плясать вприсядку. И фундаментально общего в нас больше, нежели поверхностных различий. Причем дальше мы увидим, что это общее в нас лежит даже глубже обезьяны – та первопричина, которая нами в целом руководит (как цивилизацией), лежит в самой основе физической материи и тянется в прошлое почти до самого истока вселенной. Как ни странно это звучит.

Именно желание выделиться из общего ряда и сохранить покрой своих шароваров толкает людей и страны к фашизму, то есть к Третьему пути, проектному, рукотворному, а не естественно сложившемуся. Хотя, строго говоря, это никакой не третий рукотворный путь, а второй (первым был коммунизм), потому что общество, которое мы по привычке маркируем словом «капитализм», никто специально не сооружал, он вырос естественным образом, эволюционно. А вот фашизм с коммунизмом были обществами проектными, построенными в согласии с определенными доктринами и картинами мироустройства, угнездившимися в головах устроителей этого кровавого балагана [7].

Капитализм никто по плану не строил. Оно само… Это эволюционное зернышко однажды уже проросло раньше времени, демонстрируя удивительную одинаковость процесса роста, говорящую о его естественности, природности, натуральности.

Античный мир – древний Рим, финикийскую цивилизацию – недаром называют первыми буржуазными обществами. Там были все атрибуты современности с развитым финансовым сектором – акционерные общества, биржи, трасты, вексельные бумаги, кредиты, продуктовые пособия по безработице для граждан, страховые компании, расчеты по безналу, разделение труда и начала конвейерного производства, урбанизация, пролетариат и все такое прочее, столь привычное для нас по миру капитализма. Мало кто знает, но почти все граждане Рима могли участвовать своими деньгами в тех или иных финансовых предприятиях. Понятие юридического лица тоже впервые придумали в Древнем Риме. Единственное отличие античного буржуазного общества от промышленного буржуазного общества состояло в том, что римский пролетариат не был занят на заводах и фабриках в силу отсутствия таковых.

Насколько далеко успел убежать по дороге прогресса античный капитализм, взявший фальстарт, говорят следующие факты…

В 2018 году ученые из Великобритании и Скандинавии, исследовавшие толщу льдов Гренландии, обнаружили в кернах аномальный слой с огромным содержанием свинца. Отобрали более двадцати тысяч проб, так что ошибки быть не может. Этот слой накопившегося льда со свинцовой пылью соответствовал эпохе античности, когда великие цивилизации Средиземноморья вели грандиозную деятельность и добывали огромные количества серебра и свинца. Напомню, что в Древнем Риме мягкий свинец использовался для облицовки водостоков на акведуках и производства водопроводных труб. Кроме того, свинцом лудили медную посуду. Свинец металл легкоплавкий и при этом мягкий, удобный для холодной обработки, и требовалось его огромное количество, поскольку империя была огромная – например, для одного только знаменитого Лионского акведука, расположенного на территории нынешней Франции, римляне потратили 12 000 тонн свинца. Свинец был настолько тесно связан с водопроводом, что английское слово «водопровод» (*plumbing*) произошло от латинского «свинец» (*plumbum*).

Отвлекаясь на два абзаца от основного повествования истины ради, не могу не разгромить теорию, до сих пор кочующую по разным источникам и утверждающую, будто Римская империя пала из-за вырождения римлян в результате отравления свинцом: мол, пили десятилетиями воду из свинцовых труб – и вот результат. Этот тяжелый металл и вправду штука весьма токсичная, но наука выяснила это только ближе к XX веку, а до этого свинцовые трубы использовались в мире почти везде. Две

трети городов США использовали свинцовые трубы вплоть до начала прошлого века, а в бедных странах эти трубы не заменены до сих пор. Почему же нет и не было массовых свинцовых отравлений? Да потому что текущая по свинцовым трубам вода сбрасывает на их стенки растворенные в воде соли и образует таким образом нейтральную минеральную корку, защищающую воду от соприкосновения со свинцом. Ну, а те римляне, ископаемые кости которых и вправду содержат большое количество свинца, были просто алкоголиками: в дешевое вино вместо дорогого меда добавлялся тогда менее дорогой свинцовый сахар – прозрачные сладковатые кристаллы ацетата свинца или, по-другому, свинцовую соль уксусной кислоты. Чисто для вкуса! Кроме того, это вещество, которое римляне научились выделять и называли «соль Сатурна», добавляли в качестве приправы и в пищу. Свинцовый сахар до самых Средних веков бросали в вино в качестве подсластителя. Эксперименты показывают, что при выпаривании вина в емкости, луженой свинцом, содержание солей свинца в вине составляет до 500 мг на литр (современный ПДК составляет 0,1 мг/литр). Кроме того, свинцовые белила использовались римлянами – как мужчинами, так и женщинами – в качестве косметического средства для отбеливания кожи.

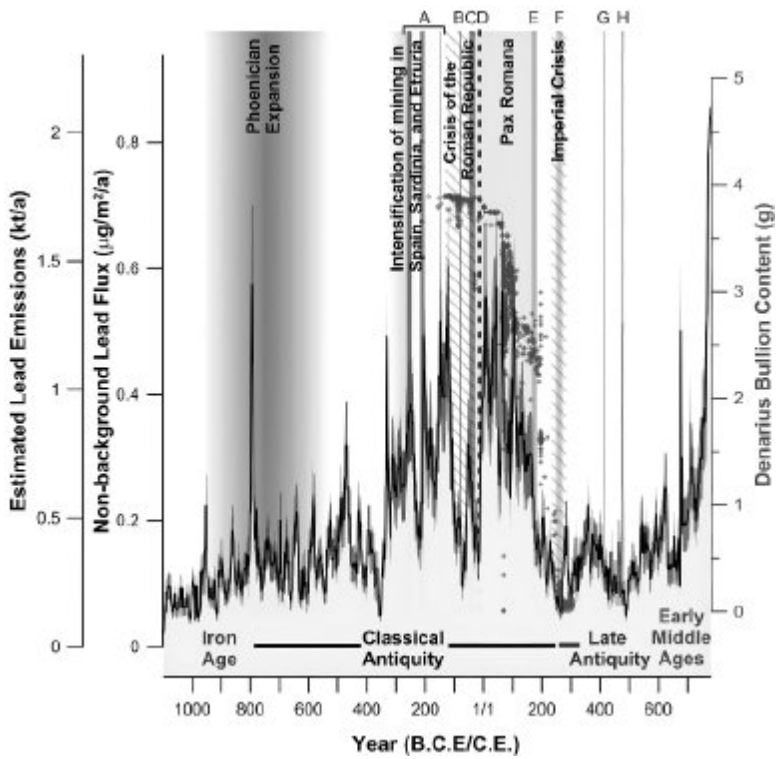
Однако не нужно недооценивать римлян! Это была великая цивилизация со своей наблюдательной наукой, и о вреде свинцовых соединений римляне знали прекрасно. Римский архитектор Витрувий еще в первом веке до нашей эры писал: «Преимущества водопроводов с глиняными трубами следующие… вода из этих труб гораздо здоровее воды из свинцовых, поскольку у свинца есть тот недостаток, что из него образуются свинцовые белила, которые вредны для человеческого тела. А раз то, что из свинца образуется, вредно, значит, и сам он не добавляет здоровья. Это можно видеть на примере литейщиков свинца, цвет тела у которых чрезвычайно бледен: когда свинец при литье плавится, пары его, оседая в частях тела, лишают находящуюся в членах кровь ее силы. Поэтому, если мы хотим иметь здоровую воду, никоим образом не следует проводить ее по свинцовым трубам». Как видите, тот факт, что свинцовые белила портят кожу, а свинец ядовит, был римлянам прекрасно известен. Однако красота требовала жертв!

Металлургия древности, добывая сотни тысяч тонн свинца, неизбежно выбрасывала свинцовую пыль в атмосферу. Кроме того, при добыче серебра из свинцово-цинковых руд в атмосферу также выбрасывались его соединения, а серебра для денежного оборота десяткам миллионов людей требовалось много. Эти свинцовые пары атмосферными потоками разносились по всему

северному полушарию и медленно оседали везде. И в Гренландии тоже, где их консервировал лед. Интересно, что слои свинца четко коррелируют с хозяйственной деятельностью – концентрация свинца меньше в тех слоях льда, которые хронологически соответствуют временам упадка и чумы.

Экономика, влияющая на концентрацию химических элементов в толще льдов и земной коре – это практически глобальная экономика! Бурный экономический рост античности начался примерно с X века до нашей эры, когда финикийцы стали разворачивать торговлю по всему Средиземноморью и потом выходить в Атлантику. Затем подтянулись товары из Индии и Китая. Торговля – это деньги; самые ходовые деньги – это серебро; добыча серебра – это выбросы свинцово-рудной пыли в атмосферу.

Специально для людей, любящих порассматривать картинки, привожу данные по отложениям свинца в гренландских льдах и содержанию серебра в римских монетах.



Ось X – годы, ось Y – содержание свинца в кернах и оценка выбросов. По оси Y справа отложено содержание серебра в римских монетах. Буквы: A – Пунические войны; B – Серторианская война; C – гражданские войны Рима; D – усмирение Галлии и Испании; E – чума Антонинов; F – чума Киприана; G – уход римлян из Британии;

Н – падение Западной Римской империи.

McConnell J. et al. Lead pollution recorded in Greenland ice indicates European emissions tracked plagues, wars, and imperial expansion during antiquity // PNAS. 2018. Электронный ресурс: https://www. pnas. org/doi/10.1073/pnas.1721818115.

Экономика Древнего мира была столь огромной, что после падения Рима цивилизации по некоторым показателям удалось выйти на те же уровни производства и качества жизни только к середине XIX века.

Известный британский экономист Энгас Мэддисон, много лет посвятивший изучению экономики древности, а также Элио Ло Кашио и Паоло Маланима [8] приводят нижеследующие данные по мощности античной экономики, из которых следует удивительный вывод: СССР, например, по уровню подушевого ВВП догнал Древний Рим эпохи расцвета только в 1934 году.

ДОГНАТЬ И ПЕРЕГНАТЬ АНТИЧНОСТЬ

В КАКОМ ГОДУ НОВОЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ ДОСТИГЛИ УРОВНЯ ПОДУШЕВОГО ВВП РИМСКОЙ ИТАЛИИ

	МЭДДИСОН, 2018*	ЛО КАШИО И МАЛАНИМА, 2011**
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	ДО 1700	1853
ГЕРМАНИЯ	1860	1884
США	ДО 1775	1853
РОССИЯ/СССР	1885	1934
ФРАНЦИЯ	1832	1886

Но античность – это не только Рим, но и Древняя Греция. И вот вам соотношение реальных зарплат в великолепной Элладе и постсредневековой Европе, то есть Европе, вылезшей наконец из темных веков.

Куда же делось все это великолепие? Почему цивилизацию накрыло дремучее христианское Средневековье с его грязью, вшами, религиозными кострами инквизиции и церковным мракобесием? Куда и почему пропали античные биржи, безналичные переводы, страховые компании, банки, акционерные общества, рынки и глобальная торговля – от Китая до Британских и Азорских островов в Атлантике?.. И отчего же такой прекрасный капиталистический старт закончился столь провальным фиаско?

УПАДОК НОВОЕВРОПЕЙСКОГО ЗАРАБОТКА

УРОВЕНЬ РЕАЛЬНЫХ ЗАРПЛАТ В XVI-XVIII ВВ.* ПО СРАВНЕНИЮ С АФИНАМИ 320 Г. ДО Н.Э.**

	НАЧ. XVI В.	НАЧ. XVII В.	КОН. XVII В.	КОН. XVIII В.
ВЕНА	118%	56%	52%	36%
ГОЛЛАНДИЯ	89%	73%	106%	63%
ГЕНТ	96%	55%	48%	44%
ЮЖ. АНГЛИЯ	85%	38%	52%	52%
ПАРИЖ	76%	58%	50%	63%
ФЛОРЕНЦИЯ И МИЛАН	42%	34%	60%	38%
СЕВИЛЬЯ И ВАЛЕНСИЯ	88%	64%	103%	40%

* VAN ZANDEN, JAN L. «WAGES AND THE STANDARD OF LIVING IN EUROPE, 1500-1800», *EUROPEAN REVIEW OF ECONOMIC HISTORY*, VOL. 3, NO. 2 (AUGUST 1999), PP. 175-197

** SCHEIDEL, WALTER «REAL WAGES IN EARLY ECONOMIES: EVIDENCE FOR LIVING STANDARDS FROM 1800 BCE TO 1300 CE», *JOURNAL OF THE ECONOMIC AND SOCIAL HISTORY OF THE ORIENT*, VOL. 53, NO. 3 (2010), PP. 425- 462

ИНФОГРАФИКА: VK.COM/HELLENISTICS T.ME/HELLENISTICS

Рим с его фальстартом сделал то, что потом цивилизации пришлось проходить повторно – урбанизация, сокращение рождаемости, буржуазность, развитие финансового сектора, эмбрионы конвейерного производства (на основе кустарных мастерских с предельным разделением труда)… Просто на территории Средиземноморья природа тогда поспешила. В эпоху античности этот зеленый росток буржуазности был случайным семечком, занесенным ветром на акведук, оно едва проросло в пыльном кирпичном углу и зачахло, оставшись без подпорки почвы. Потому что почвы для него научный прогресс еще не выработал. Зато во второй раз все получилось – почва была подготовлена научной и промышленной революцией, крупные производства открыли свои ворота на массовый прием пролетариев, и все срослось. Что должно было вырасти в таких условиях из зернышка, именуемого земной цивилизацией, то и выросло. А тогда…

Тогда эволюция показала направление своего естественного

движения. Укрупнение латифундий и обезземеливание крестьян приводило к урбанизации, стягиванию людей в города. Античный Рим был городом-миллионником. Римский урбанизированный пролетариат, который осел на шее казны тяжким грузом, требуя хлеба и зрелищ, мегапостроек колизеев и каракалловых терм, возводимых по всей империи (сооружений, сравнимых по тогдашним трудозатратам, наверное, с космодромами для современной цивилизации) не мог быть полностью вовлечен в массовую экономику в связи с отсутствием массовой экономики, то есть в связи с отсутствием промышленности, превратившей пролетариев в производителей и платежеспособных потребителей. Но это было даже не главной проблемой. Главное было в другом.

Высокая античная цивилизация с ее культурой и военной организацией проникала в дикие окраины – прежде всего в виде оружия и военного дела – и это привело в конце концов к тому, что плавильный цивилизационный котел Рима не справился со своей задачей. Факел цивилизации был буквально погашен топливом, как можно загасить любую топку, просто завалив пламя горой угля. Как это работает? Рождаемость на одну женщину в развитой экономике при высоком уровне жизни (который включает в себя не только ВВП на душу населения, но и социальные блага – канализацию, водоснабжение, школы, дороги, культуру) резко падает. В этих условиях дикари мировой ойкумены для общества, которое перестало размножаться, являются заемным топливом цивилизационного котла, что мы сегодня наблюдаем воочию – в развитые страны тянутся варвары из стран догоняющего развития. И у многих в этой связи возникает беспокойство: Рим погубили варвары, а современный плавильный котел цивилизации справится ли со своей задачей, или мы снова провалимся в новое средневековье?

Сейчас у нас шансов не провалиться в дикость больше. По нескольким причинам.

Причина первая. Рождаемость нынче резко падает повсеместно во всем мире, даже в отсталых странах [9], чего не наблюдалось в античности, где дикий мир окраин и размножался по-дикому, отсюда многочисленные нашествия и переселения народов, которым становилось тесно в своих ареалах. Страгивало эти людские лавины всегда перенаселение и/или локальное ухудшение климата, о чем подробнее можно прочесть в моей книге «Климат, или Что рулит судьбой цивилизаций».

Обычай был таков. Сначала очередной атилла резал своих, потом, объединив под собой многочисленные племена, шел воевать цивилизованные города и страны – римы, вавилоны, тиры

и прочие александрии. Смогут ли сегодня сделать то же самое любители Аллаха, например, у которых еще довольно много неприкаянной молодежи, каковая и является основной военной силой у нашего вида? И успеют ли до того, как демографическая ситуация у них станет напоминать такие же грибки с навесом из старого населения, как в развитых и полуразвитых странах?

Представляется сомнительным, что гипотетический арабский Атилла организует вокруг себя воинство, которое поскачет через океан завоевывать Америку и даже Европу – далековато для конвенциональной войны. У них нынче другая тактика – современные варвары проникают через миграционную форсунку и вопрос только в качестве этой форсунки, сможет она обеспечить дозированный приток, чтобы свечи не залило или нет?

Причина вторая, которая позволяет надеяться на то, что на сей раз нас пронесет мимо Средневековья. Из цивилизованного мира навстречу миграционному потоку дикарей идет другой поток, который не мог обеспечить Древний Рим – вывод производства в Третий мир. Что сопровождается процессом оцивилизовывания населения, с одной стороны, а с другой – процессом активной фашизации местных элит с поиском собственного пути развития. Того самого, Третьего. Какой идеологический процесс возобладает в эпоху интернета – национальной кристаллизации вокруг пожилого вождя сверху или процесс культурного размывания традиционных ценностей снизу? Я ставлю на интернет.

Сразу яркий пример. Вот Иран. Некогда этой стране крупно не повезло. Процесс бурного промышленного роста при шахе Мухаммеде Пехлеви [10], как у нас при царе Николае II, привел к революции, что закономерно [11]. Только в Российской империи религией революции стал марксизм, а там в роли идеологии выступил исламизм. Получилось единственное в современном мире теократическое государство с классической религией в основе – полиция нравов, средневековые дикости, традиционные ценности и прочие прелести.

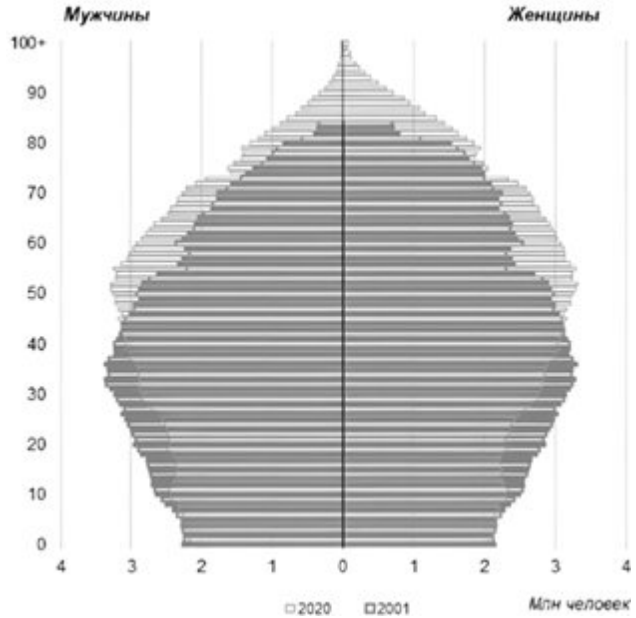
До сих пор Иран является страной традиционных ценностей или, если хотите, страной «религиозного фашизма», во всей его страшной полноте. Однако, несмотря на такой откат в дикость, случившийся после свержения шаха Пехлеви, современность берет свое, размывая эти самые дремучие ценности. Рождаемость в Иране сегодня составляет скромные и характерные для всего развитого мира 1,5 ребенка на одну женщину, а демографическая пирамида напоминает елочку, столь характерную для развитых стран Европы – с нависшими над немногочисленной молодежью многочисленными стариками и взрослыми. И что мы видим при

этом? Старики еще исповедуют те самые традиционные ценности, подкрепленные государственной идеологией и силовым диктатом, а уважения к ним у молодежи уже никакого.

Многие думают, что на Ближнем востоке все прям такие уж исламисты-исламисты. И, наверное, особенно их много в теократической республике Иран – единственном в мире государстве, официально построенном на религиозном фундаменте, да?

Нет!

Иранские женщины признаются, что их этот режим, требующий соблюдать шариатский дресс-код, уже изрядно достал, как и полиция нравов, следящая за его соблюдением. (Кстати, вы в курсе, что полиция нравов еще сто лет назад была в США и меряла длину юбочек на пляжных купальниках женщин в Нью-Йорке? А в СССР полуформальные молодежные патрули в свое время тоже следили за длиной волос у молодежи и шириной расклешенности брюк. Ничего, переболели.) Вспыхнувшие в 2022 году массовые волнения в Иране произошли из-за убийства в полиции нравов женщины, которую забрали туда за нарушение дресс-кода.



Иранская демографическая пирамида, характерная для развитых стран.

Iran single age population pyramid // Википедия. 2020. Электронный ресурс: https://ru. m. wikipedia. org/wiki/ %D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB: Iran_single_age_population_pyramid_2020. png.

Тут же для сравнения показана половозрастная пирамида ЕС (усредненная по странам).

Щербакова Е. Старение населения Европейского союза, 2021 год / Электронный ресурс: https://www. demoscope. ru/ weekly/2021/0923/barom01. php

Но самым ярким свидетельством ненависти современных иранцев и особенно женщин к режиму является их отношение к местным «политработникам» – муллам. Периодически их бьют, и мы знаем об этом, потому что видео таких избиений выкладывают в сеть, а про случившееся с завидной периодичностью сообщают иранские СМИ:

«В Исфахане в автобусе женщины избили муллу за то, что он фотографировал их, якобы из-за «неправильного» ношения хиджаба. Об этом сообщает Telegram-канал Azad İran. Они заставили его стереть все фотографии из памяти телефона, надавали тумаков и вытолкнули из автобуса».

«В Исламской Республике Иран во время проведения свадебной церемонии был избит мулла. Священник, приехавший на торжество, проходившее в поселке Хейрабад города Дараб (провинция Фарс), захотел помешать танцующим по случаю

торжества молодым людям и объяснить, что танцы – это грех и пережитки прогнившего Запада. Возмущенные этим несознательные участники свадебной церемонии избили муллу и выгнали его. Местные власти начали расследование инцидента».

«После двух выходных по случаю празднования окончания Рамазана в небольшом иранском городе Шахмирзад в провинции Семнан избит имам соборной мечети Сейед Али Бехешти. Нападавшими были две девушки, одетые с нарушением исламских норм женской одежды, а замечание, сделанное им имамом по этому поводу, послужило поводом для нападения. Сам Бехешти рассказал, что в тот день, несмотря на свой преклонный возраст и плохое самочувствие, он все же решил отправиться на богослужение в мечеть и по дороге встретил двух девушек, одна из которых недостаточно хорошо соблюдала нормы хиджаба. Имам вежливо указал юной особе на то, что она должна одеться скромнее, на что та заявила: «Закрой глаза!» Дальнейшие уговоры имама привели к оскорблениям и угрозам в его адрес. В конце концов, девушка схватила пожилого человека, тряхнула его, бросила на землю и стала бить его ногами, выкрикивая ругательства. Несмотря на тяжелые побои, имам все же нашел в себе силы дойти до мечети и провести намаз, после чего он потерял сознание и очнулся только в местной больнице. Там ему сделали рентген и другие анализы, а затем по причине тяжелого состояния перевели в центральную больницу провинции, где он пролежал три дня. В результате врачи поставили диагноз травма позвоночника и прописали больному постельный режим».

Ну никакого уважения к служителям культа!..

Однако тут надо отметить важный момент, говорящий о смягчении современных нравов в результате прогресса: времена нынче настали вегетарианские, а вот в России сто лет назад попов просто сбрасывали с колоколен и расстреливали, как ненавистных прислужников прежнего режима. Не то, чтобы мы с вами одобряли избиения пропагандистов, мы же гуманисты. Но и печали при чтении вышеприведенных историй про тумаки людям, агрессивно вторгающимся в личную жизнь других, как-то не возникает: мы же гуманисты!..

В общем, практически все дефективные «ветки» идейных обществ скоропостижно отсохли и отвалились – сначала фашистские, а чуть погодя – марксистские. Естественные общества продолжали жить. И вот в конце XX века, наблюдая, как рушатся один за другим красные социалистические проекты, американский мыслитель Фрэнсис Фукуяма написал знаковую работу, о которой наверняка слышал всякий интеллигентный человек – «Конец истории».

В работе этой говорилось со вздохом облегчения: ну, вот, история человечества со всеми ее кошмарами, тиранами и войнами закончилась, и мы теперь вступаем в естественный и ламинарный поток нормальности, выплываем из бурной реки постоянных войн в озеро спокойной современной жизни без потрясений. Это будет общество без войн, общество свободы, ибо ничто так не способствует развитию предпринимательской активности, ничто так не позволяет людям предпринимать усилия в разных областях жизни и творчества, как свобода, возможная только в условиях демократии (иначе это называют либеральным капитализмом или открытым обществом, если использовать не словарь марксистов, а вокабуляр философа Карла Поппера, который в сто раз лучше устаревшего Маркса).

Идея Фукуямы была понятна: в постисторическом мире царит такой общественный порядок, который к войнам не приводит. В этом мире люди работают, чтобы жить, а живут для того, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, а было хорошо и приятно. Да, где-то там, на периферии, какое-то время еще будет оставаться другой мир, в коем царят мифы – о величии, чести, мессианском предназначении, исторической справедливости и прочих романтических подростковых сказках. По этой причине там будут рецидивные вспышки региональных войн. Но потом цивилизация с ее тотальным нежеланием воевать за то, что можно купить, придет и туда. Волна фазового перехода долетит.

После выхода в свет этой работы Фрэнсис Фукуяма проснулся классиком. Всем очень понравился ход его мыслей, люди сели на попу, сложили ручки на коленях и стали ждать прихода светлого будущего, которое уже выглядывало краешком из-за горизонта. Однако за тридцать лет, прошедших со времени написания этой работы, произошло столько всяких малоприятных событий, что волна разочарования накрыла публику. Публика вообще быстро очаровывается и столь же быстро разочаровывается.

С одной стороны, мир действительно улучшался стремительными темпами, как и учил Фукуяма – начиная с 1993 года количество нищих на планете к 2011 году сократилось с 42 до 17 %, детская смертность упала, число производимых товаров выросло в разы… С другой стороны, вместо роста демократии во многих странах произошел цивилизационный регресс – откат пусть и не к тоталитаризму, но к авторитаризму; реальные доходы работяг в развитом мире по мере ухода оттуда производства перестали расти и даже начали чуток снижаться. Стали набирать популярность так называемые правые партии, которые косо смотрели на мигрантов, «отнимающих работу».

Войны какие-то снова начались на окраинах ойкумены. Неприятно.

Поэтому прогнозы Фукуямы сочли ошибочными и над ним начали посмеиваться. Особенно громкие смешочки раздавались со стороны национал-патриотического края политического спектра. Мол, ишь чего удумал япошка американский – конец истории и всеобщую глобализацию с экономическим подравниванием и культурной нивелировкой! Не бывать тому! Сохраним наши традиционные ценности и продолжим воевать во имя величия и вот этого вот всего. Не все же утробу набивать! Надо и о высоком подумать, бинтуя гнойные раны в стылом окопе. О духовности, о славных предках, о том, кто мы есть и за какие семейные ценности будем убивать тех, у кого ценности не настолько семейные…

Я, кстати, живого Фукуяму имел удовольствие наблюдать однажды на международной конференции в Баку уже в нынешнем веке. Выступление его оказалось пустым и невнятным, и было видно, что пригласили старика в Азербайджан на форум исключительно как свадебного генерала, чтобы поднять статус мероприятия. И что устроители видят в имени Фукуямы только громкое имя, только былые заслуги.

Значит, были заслуги!

Но американец Фукуяма не первый, кто заявил о конце эпохи войн и наступлении всеобщей эпохи благолепия. Капитолийскому холму Америки предшествовал Капитолийский холм Рима! Граждане Рима перед самым закатом империи, в периоды долгого мира (войны ведь шли где-то там, далеко, на варварских краях ойкумены, где железные легионы Рима неустанно поддерживали порядок и расширяли пределы империи, то есть цивилизации) считали, что человечество достигло своего расцвета и выше уже идти некуда – все изобретения уже сделаны, искусство на пике, нравы перестали быть варварскими, а вкусы стали утонченными.

Подобные мысли высказывались и в прекрасной Вене начала XX века. Да и во всей Европе тоже! Прошедший длинный девятнадцатый век, удививший невиданным прогрессом науки и техники, вскружил человечеству голову. Казалось, разуму подвластно все! Все с помощью разума можно улучшить – общество, экономику, воздухоплавательные средства. Развитая Европа всерьез полагала, что большие войны уже невозможны, потому как – а зачем? Все и так прекрасно, жизнь улучшается с каждым днем. Экономика стремительно глобализируется. Английский мыслитель Норман Эйнджел даже написал книгу, где с цифрами и экономическими выкладками показал, что современный капитализм противоречит войне: хозяйственные

связи между корпорациями и странами Европы стали столь тесными и необходимыми, что война просто перестала иметь смысл, а территориальные приобретения ничего не окупят! Ленин, находившийся тогда в эмиграции в Европе, прочтя эту книгу, раздосадованно резюмировал, хлопнув кружкой пива по столу:

«Конечно, хорошо было бы, чтобы разразилась война в Европе и открыла путь революции, но проклятые капиталисты такого не допустят!»

Это случилось буквально накануне Первой мировой войны. И вывод из этой истории прост: войны развязывают не капиталисты, для которых война – это крушение бизнеса и связей, прерванных войной. Войны развязывают совсем другие люди. Для которых слова о чести и духовности или какая-то идея важнее презренного заработка. Если у них власть – быть войне.

Буквально за час до написания этих строк мне в интернете попался ролик с одним военным добровольцем и нацистом, который на камеру высказал такую идею:

«Если воюешь за свой народ и за свое дело, тебе можно все!»

Хм… Когда-то Достоевский выкатил перед публикой следующий тезис: «Если бога нет, то, получается, все позволено?» И многие до сих пор так думают. На самом же деле все с точностью до наоборот – если за твоими плечами сияет свет абсолютной Истины и Добра, если за тобой стоит вселенская Правда, если ты представитель мирового Абсолюта, то тогда тебе и вправду все позволено. И касается это, как видим, не только религиозных фанатиков и инквизиторов, готовых ради бога подвергать еретиков самым страшным пыткам, но и нацистов всех мастей, готовых к тому же «ради нации». И коммунистов, те во имя счастья трудящихся этих самых трудящихся миллионами уничтожали.

Так что же – Фукуяма и его восторженные предшественники, ослепленные достижениями цивилизации, ошибались? Неужели правы скептики, и войны бесконечны?

И тут я должен возразить возражателям и скептикам: дедушка Фукуяма-то был прав! Не спешите его хоронить. Просто японский мыслитель из Америки поторопился. Развитие идет неравномерно, да еще по спирали. Те откаты к авторитаризму, что мы видим в разных странах сегодня, это повторение на другом уровне того, что мы видели сто лет тому назад. Только тогда диковатая деревня валила в города внутри своих стран, просаживая средний уровень городской культуры, потому приехавший из развитой Америки в сталинскую Москву Зворыкин отмечал, насколько одеревенилась и одичала Москва,

затопленная вчерашними крестьянами, по сравнению с царскими временами. Сейчас тот же процесс происходит уже не в рамках отдельных стран, а в мировом масштабе – диковатые кишлачники рвутся в развитый мир, неся с собой свои кишлачные ценности.

Пристойную купеческую Москву и культурный Питер эпохи позднего царизма, конечно, не сравнить с полудеревенской серой постреволюционной Москвой и таким же угрюмым Ленинградом, символом коих стала коммуналка. Переход от царской вежливой сдержанности и кружевных зонтов чеховских дачников к расстрельным рвам и телогрейкам был ужасным… Пышную Вену эпохи поздних Габсбургов, в которой расцветали сто цветов культуры, где творили Малер, Климт и Муха, не сравнить с зажатой фашистской Веной, в которой полуграмотные гестаповцы из вчерашних сельских лавочников преследовали Фрейда, а позже загоняли евреев в концлагеря…

В прошлом веке на фоне культурной просадки расцвели цветы тоталитаризма. Сейчас же болезнь повторяется в более легкой форме – кое в каких странах с неустоявшимся демократическим иммунитетом распускается чертополох авторитаризма. Но все же триппер легче сифилиса! Мы имеем затухающий колебательный процесс, который демпфируется спадающей демографией и растущим образованием. Когда-нибудь колебания неизбежно затухнут.

Да, диковатые потоки мигрантов из стран Третьего мира подтапливают красивые культурные устои стран Первого мира, зато производство, требующее технологической культуры, идет им навстречу – из стран Первого мира в Третий. Западный развращающий интернет играет свою благую роль в размывании дикой агрессивной Традиции – это плюс. А минус – это массы мигрантов из Третьего мира, несущие свои традиционные ценности в цивилизованный мир. Идет великое перемешивание, только теперь уже не в рамках отдельных стран, в которых сто лет назад проходила индустриализация, а в рамках ставшего глобальным мира.

Если резюмировать все сказанное выше, то идейно выдержанные общества героизма и подвига, вооруженные «духовными ценностями», постепенно проигрывают и неизбежно проиграют безыдейным обществам, в которых мировоззренческие вопросы отняты у государства и отданы в частные руки, а стало быть, ядовитое жало вырвано из крючковатых лапок государства, и оно занимается своим прямым делом – фонтанами и ловлей жуликов… Таков тренд. Таково направление движения. Такова цель, в которую летит эволюционная стрела. Попадет ли в яблочко? Увидим дальше…

Европа в свое время оказалась тем зерном кристаллизации, с коего начался фазовый переход внутри цивилизационного образца. Почему процесс начался именно с Европы – отдельный вопрос, не имеющий принципиального значения, география тут вообще не важна: откуда-то ведь процесс должен был начаться! Он закономерно начался и по историческим меркам мгновенно захватит весь образец, переформатировав его. Мы все живем внутри этого взрыва и мгновенным его не воспринимаем только потому, что время жизни отдельного человека короче времени протекания этого процесса. Физика и математика тому свидетельство.

Часть 2
Физика и математика цивилизации

Глава 1
Почему так?

Ну наконец-то мы приступили к самому главному в этой книге – к тому, что невозможно оспорить. А с чем спорить невозможно? С наукой! Но что является именно наукой, а не просто суммой разрозненных знаний? То, что сшивается стальными прутьями математики. Какой лозунг висел у вас в школе в математическом классе? У нас такой: «Математика – царица всех наук». Нет математики – нет науки. А есть литература, история, музыка и труд.

Математика – это голая предельно формализованная логика. Но в математике есть своя вселенская тайна. Поэтому прежде, чем приступить к основной симфонии, придется нам сыграть небольшую увертюру и поговорить чуть-чуть о главной тайне математики и ее роли во вселенной.

Вся физика нашего мира строится на математике. Не было бы никакой науки под названием физика, если б не эта абстрактная, придуманная из головы математика. И возникает вопрос, на который ни физики, ни математики не имеют сегодня ответа: а почему, собственно говоря, мир математичен? Почему он, черт бы его побрал, должен подчиняться взятым из головы формальным правилам оперирования с придуманными значками?

Однако ведь подчиняется! И более того – не раз и не два в науке бывали случаи, когда нечто, вытекающее из математики, потом становилось физикой, отыскиваясь в реальном мире. Классический пример с Нептуном, который был открыт на кончике пера, приводить не буду в силу его банальности. Расскажу нечто более яркое и показательное. Впервые меня на эту историю натолкнул московский физик Алексей Семихатов, который частенько приводит ее в своих лекциях.

Жил да был на белом свете мужичок Максвелл. Мужик он был справный, самостоятельный, имел мечту. И она заключалась в том, чтобы объединить все на тот момент известное про магнетизм и электричество в один математический аппарат. Дело доброе! Джеймс Максвелл подпоясался, сытно крякнул, да и собрал в кучу все, что было открыто и выражено в виде законов разными людьми до него – Кулоном, Ампером, Фарадеем и другими титанами. Разложил перед собой и начал складывать из всего этого свой математический пасьянс. И до Максвелла эти формулы прекрасно работали, поэтому Максвелл решал чисто формальную задачу сведения всего под крышей единого

математического аппарата, который назывался векторное дифференциальное исчисление. Он сам этот аппарат придумал и переписал все ранее известные законы по электромагнетизму просто в другой форме. И оказалось, что уравнения выглядят как-то криво. В них чего-то не хватало, чтобы удовлетворить тот математический язык, на котором решил поговорить с природой Максвелл. И ученому пришлось совершить форменное насилие – просто взять и вручную дописать в свои уравнения еще один искусственный кусок формулы прямо из головы, чтобы привести все в математически непротиворечивый вид.

Но ведь за каждым куском математических формул в физике должно что-то стоять, какая-то физическая реальность! Что же стояло за тем куском, который написал Максвелл? И было ли это потом открыто в природе?

Да. Это было открыто. И назвали это электромагнитным излучением.

То есть существование этого члена уравнения на момент его добавления никаким опытом не подтверждалось. Всю математику для сведения вместе под одной крышей ранее существовавших физических формул выдумал Максвелл. И оказалось, что реальность отчего-то математична настолько, что придуманное из головы описывает реальный мир, который железно подчиняется логике математики. Почему вообще можно выдумать какие-то значки и правила их взаимодействия, а потом вдруг выясняется, что этими значками описывается кусок нашей действительности?

Так было с мнимой единицей, которая является абстрактной придумкой мозга и которой, казалось бы, не может существовать даже в рамках математики: мы же со школьной скамьи знаем, что минус на минус дает плюс, то есть никакого квадратного корня из минус единицы быть не может! Ну откуда там минус-то возьмется?! У отрицательных величин просто не бывает квадратных корней! Нет числа, которое бы при возведении его в квадрат давало отрицательное значение!

Говоря иначе, квадрат – это прямоугольник с равными сторонами, а площадь любого прямоугольника равна произведению двух его смежных сторон. В нашем случае из-за равенства сторон их произведение и называется просто квадратом. А корень квадратный из площади квадрата дает нам сторону квадрата. То есть площадь квадрата со стороной, например, 1 метр равна 1 квадратному метру. Это нормально, пристойно и протестов не вызывает, а вызывает только радость и удовольствие. Но вы можете себе представить отрицательную площадь, равную –1? Таких фигур просто не существует! Потому корень из несуществующей площади такого несуществующего

квадрата и назвали мнимым числом.

Казалось бы, бесполезная придумка ума, не имеющая никакущего отношения к реальному миру! Однако позже выяснилось, что мнимая единица и вообще комплексные числа (на основе мнимой единицы) вполне себе применяются для расчетов в электротехнике и буквально царят в квантовой механике. То есть нашлось две области мира, где и такая дикая математика работает!

Но почему? А хрен его знает! Некоторые авторы, и ваш покорный слуга в их числе, полагают, что происходит это потому, что в основе мира лежит математика. В смысле, мир в базе своей состоит из математики, которая по мере увеличения размеров объектов «сгущается» до плотной вещественной физики. А чем дальше вглубь материи мы погружаемся, тем меньше привычных нам физических свойств остается у вещества. Теплопроводность, цвет, теплоемкость, запах, адгезия, шершавость, электропроводность, твердость, диэлектрическая и обычная проницаемость, температура кипения и плавления – все это коллективные (эмерджентные) свойства материи. Одна молекула меди, или воды, или чего угодно не имеет ни теплопроводности, ни электропроводности, ни цвета, ни твердости, ни температуры кипения. Свойства просто исчезают с погружением в микромир. И в пределе остаются только несколько «голых» чисел, характеризующих частицу – заряд (–1 или +1), спин (+1/2 или –1/2), барионный заряд (0 или +1 или –1), масса. И с этой точки зрения математика – вовсе не голая абстракция, а само существо мира, и ее тогда можно и нужно называть самой естественной из всех наук.

Вот еще пример всесилия математики. В середине XIX века норвежский математик Софус Ли разработал область математики, которую нормальным человеческим языком объяснить нельзя. Но она была разработана и поставлена на полку в виде книги с закорючками. По принципу «пусть будет, раз есть теперь». Там она простояла целый век. А через сотню лет физики, работающие на ускорителях, зашли в тупик – число открытых элементарных частиц у них начало расти как на дрожжах. Никому они не были нужны! Зачем их столько? При копании вглубь природа должна упрощаться, становиться более элементарной, а тут – какое-то фонтанирующее разнообразие! Пытаясь разобраться в этом зоопарке и как-то классифицировать «зверей», физики сняли с полки ту самую математическую книгу и увидели, что описанный в ней раздел математики, который до сих пор пылился без применения, почему-то управляет всем их «зверинцем» и более того – из математики Ли вытекает, что весь этот хаотичный набор

частиц должен быть сложен всего из трех частиц. То есть в математической книге, разумеется, ни про какие частицы речь не шла, там было просто числа, при переводе которых на язык физики исследователи поняли, что те описывают не только частицы, полученные учеными на ускорителях, но и еще не обнаруженные (!) частицы, которые должны быть основой всего. Так были открыты кварки – просто вынуты из учебника математики. Извлечены из голых формул. Из абстрактной математической логики, взятой из головы.

Описывающая природу выдуманная математика просто творит чудеса. Вот, например, что сказал однажды о логарифмах английский математик и астроном Лорд Мултон: «Изобретение логарифмов было для научного мира как гром среди ясного неба. Никакая предшествующая работа не вела к нему, не предсказывала и не обещала это открытие. Оно стоит особняком, оно прорывается из человеческой мысли внезапно, не заимствуя ничего из работы других разумов и не следуя уже известным тогда направлениям математической мысли».

А сколько было случаев, когда ученые просто угадывали нужные формулы, которые вообще ниоткуда не вытекали! Так было с Ньютоном, Шредингером, Дираком. Свои знаменитые уравнения они просто угадали, пользуясь своим научным чутьем. И это не столь удивительно, сколько поразителен сам факт, что природа вообще подчиняется выдуманной из головы математике. Почему материальное подчиняется идеальному? Ответ на этот вопрос выходит за рамки данной книги, но вы можете найти ответ в другой моей книге – «Квантовая механика и парадоксы сознания».

Мы же с вами, запомнив, что голая логика математики лежит в основе всей объективной науки, теперь обратим самое пристальное внимание на тех красивых ученых, которые пытались применить инструментарий точных наук к процессам, проходящим в кипящей реторте планетарной цивилизации. Смелая попытка – описать простыми формулами такую сложнейшую и непредсказуемую вещь, как человечество! А почему именно простыми? Вон в сопромате какие сложные формулы! Но сопромат – штука приземленная, прикладная. А наиболее фундаментальные формулы всегда просты. Напишите в своем воображении белым мелом на черной классной доске закон всемирного тяготения или формулу Эйнштейна, не помнить которые приличному человеку стыдно, и вы сами в этом убедитесь.

Читатель, однако, может справедливо возразить, подняв вверх указательный палец:

«Но ведь человечество – штука тоже приземленная (во всех смыслах) и конкретная, можно сказать прикладная! Невозможно написать никаких формул, которые бы описывали поведение такого огромного количества непредсказуемых по своему поведению объектов, как люди!»

И я с вами почти соглашусь. Конечно, поведение каждого описать никакими формулами невозможно. Однако поведение общей массы – почему бы не попробовать? Мы ничего не можем сказать о поведении каждой отдельной молекулы в баллоне с газом, но поведение всех молекул сразу через интегральные показатели – давление, объем и температуру – газовые законы описывают прекрасно. И они очень простенькие и очень точные, их малые дети в школе проходят, эти газовые законы – Гей-Люссака, Бойля – Мариотта… Так давайте же попробуем описать и человечество! Вам не будет больно. Вам будет математика…

С кого начать? Ну, давайте начнем с австрийского физика и математика Хайнца фон Фёрстера. Родился благородный фон еще до Первой мировой войны в той самой Вене, с которой мы начали книгу, в те самые золотые годы империи, когда шатающиеся по ее улицам худые и голодные молодые люди – Сталин, Гитлер, Троцкий, Тито – даже не подозревали, что рядом с ними делает первые шаги двухлетний малыш, который через полвека впишет их самих и их страны (все такие непохожие, с уникальными традиционными ценностями) в общий контекст цивилизации. Но он взял и вписал! А умер фон Фёрстер уже в XXI веке в Америке. Как видите, жил наш Хайнц не только долго, но и весьма плодотворно.

Самая знаменитая работа фон Фёрстера называется «Судный день. Пятница 13 ноября 2026 года» и опубликована она была в далеком 1960 году. Почему она называлась столь поэтично, расскажу потом… А здесь заявлю, что статья эта была первой серьезной попыткой математического подхода к истории и скажу даже больше – первой в мире по-настоящему научной работой по истории! Почему первой научной? Потому что историки не владеют математикой и полагают, будто история – это события: полководцы, войны, императоры, династические браки и переселения народов. Но наукой исторические изыскания можно считать только условно, и если история хочет претендовать на что-то больше, чем просто свалка согласованных сведений, пусть включит в свой научный инструментарий математику – таков мой приказ! Полагаете, это невозможно? И снова почти согласен! Поэтому и говорю: не наука. Вернее, наука настолько, насколько ее попробовал сделать таковой фон Фёрстер.

Впрочем, сам фон Фёрстер не считал, что занимается

историей. Он полагал, что изучает демографию – науку о населении. Но мое мнение вам известно: все, что историки называют историей – князья, битвы, рост и упадок империй – это все внешняя мишура, а фундаментальные движущие силы социальной эволюции должны изучать не историки, а математики, физики и демографы. Вот это и есть костяк истории, ее ствол, на котором нарастает переменчивая листва случайных событий, которые не меняют базы. И численность населения здесь – тот самый интегральный показатель, аналогичный давлению газа в физике.

Фон Фёрстер открыл формулу цивилизации – ни больше ни меньше. Он ее вывел, исходя из эмпирических данных и по этой формуле обратным ходом можно определить число людей на нашей планете в любой год нашей эры (фон Фёрстер считал областью определения своей функции период от рождества Христова до наших дней).

Формула очень простая:

$$N_t = C/(t_0 - t),$$

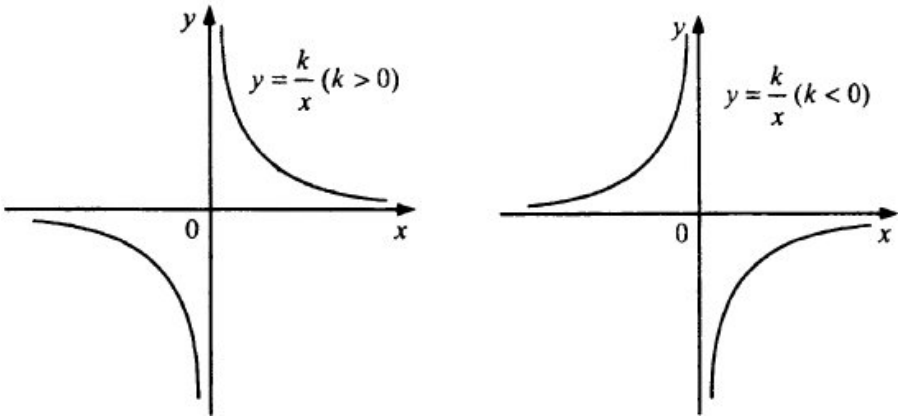
где N – численность населения в миллионах человек в год t,

t – искомый год,

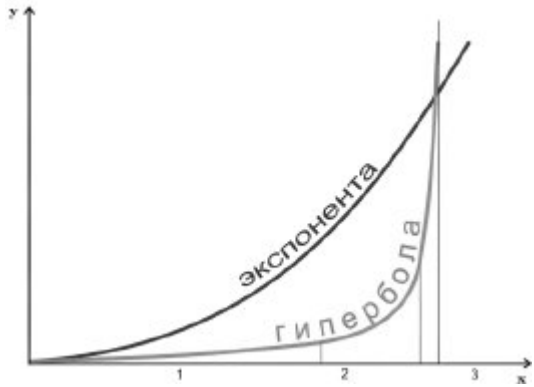
C и t_0 – константы, они равны, соответственно, 215 000 и 2026,87.

Я уже приводил эту формулу в одной из книг, но здесь мне придется кое-что повторить, понимая, что полное собрание моих сочинений есть не в каждой читательской голове. Итак, если вы хотите узнать, сколько народу проживало на планете в 1900 году, подставляем число 1900 в формулу на место t и производим вычисления. Их я приводить не стану, оставлю вам для досуга. После получения результата лезем в справочники и убеждаемся – все точно! Работает эмпирическая формула в пределах области своего определения!

Если вы заканчивали школу недавно, вы можете эту зависимость даже узнать. Правда, в школе данную функцию записывали чуть иначе: $y = k/x$, где k – константа, а x – переменная. Узнали или нет? Это формула гиперболы! Иными словами, рост населения на планете имеет гиперболическую зависимость. Иногда в просторечии можно услышать, будто население планеты растет по экспоненте, то есть очень быстро, с нарастающей скоростью, но это неверно. Потому что в реальности рост еще круче – он гиперболический! Посмотрите на картинки ниже.



Формула гиперболы и сами гиперболы. Знакомо? Что-то брезжит? А хотя бы, как звали вашу учительницу по математике, помните?



Гипербола и экспонента. Гипербола-то покруче будет!

Чем вообще характерна гипербола? А тем, что она асимптотически устремляется к некоему пределу по одной оси, никогда его не достигая, и уходя при этом в бесконечность по другой оси. На втором рисунке гипербола никогда не достигнет значения «3» по оси *X*, уходя по мере приближения к этому пределу в бесконечность по оси *Y*. Такова математика, управляющая гиперболической функцией. Это первое обстоятельство, заставляющее глубоко задуматься.

Второе обстоятельство, наверное, от вас укрылось. Посмотрите на выражение в скобках в формуле фон Фёрстера. Там от константы t_0 отнимается значение *t*, выраженное в годах. И поскольку мы имеем тут дело не с голой математикой, а с физикой реального мира, физика вносит в вычисления свои коррективы, одевает голую математику в одежды здравого смысла. В физике окружающего нас макромира практически нет

пустых чисел, а всегда есть конкретика – амперы, килограммы, вольты, метры, фарады, омы, джоули, ватты, секунды. И у нас тут, в настоящем мире, нельзя отнимать от апельсинов яблоки, от амперов градусы, а от секунд килограммы. В физике нужно следить за размерностями! Тем и отличается физика от математики, что она немножко вещественна. И если в формуле Фёрстера мы отнимаем годы от чего-то, то это что-то также должно иметь размерность, выраженную в годах, не правда ли? Иными словами, коэффициент t_0, равный 2026,87, имеет размерность года.

А что такое 2026,87 год? Это, говоря привычным бытовым языком, 13 ноября 2026 года. Это будет пятница, между прочим. Как нарочно, да? Пятница 13… И это – временной предел функции. Если мы захотим узнать, какова будет численность населения планеты в этот день, мы получим в знаменателе 0. А на ноль делить нельзя – эту простую истину знает каждый, закончивший школу. А кто не знает, для того в школе розги пожалели. Мало драли сволочь такую!

В общем, в теории гиперболическая кривая роста населения по мере приближения к пределу (13 ноября 2026 года) никогда этой отметки не достигнет, уходя в бесконечность по количеству народа.

Понятно, что в действительности такого быть не может. Ахиллес догонит черепаху! Чертова планка будет преодолена! Планета продолжит наматывать эллипсы вокруг Солнца…

Физические процессы, в которых столь взрывным образом нарастает показатель и уходит в бесконечность, называют «режим с обострением». И в реальности в какой-то момент бесконтрольный взлет ломается через кризис, преодолевает временной порог на оси абсцисс и начинает жить по другой формуле. Иными словами, рост численности населения неминуемо затормозится. Он уже начал тормозиться, рождаемость падает, о причинах и последствиях чего мы еще поговорим [12]. А сейчас скажем главное – взрывной рост перед кризисом свидетельствует о фазовом переходе в системе.

Что такое фазовый переход? Это уже чистая физика.

С пятого класса мы про фазовые переходы знаем! Любой детеныш человека в курсе, что есть три основных агрегатных состояния вещества – твердое, жидкое и газообразное (есть еще четвертое – плазма, но на нем в пятом классе как-то не акцентируют внимание). Переход между ними называют фазовым переходом. Однако бывают фазовые переходы, которые не меняют агрегатное состояние вещества, а происходят в твердом состоянии. Самый известный пример такого перехода –

превращение серого непрозрачного мягкого графита в прозрачный бесцветный твердейший алмаз в результате нагрева и давления. Студенты-металловеды изучают многочисленные фазовые переходы в сплавах, когда волна перекристаллизации бежит внутри образца, не меняя его химических свойств (вещество остается тем же), но здорово меняя физические свойства. Процесс этот очень резкий! Сначала медленно растет, растет, растет температура, и вроде бы ничего в образце не происходит, он просто греется, греется, греется. А потом, по достижении некоей критической точки, раз – и за кратчайшее время, начавшись с неких отдельных зерен кристаллизации, «взрывная» волна перекристаллизации пробегает весь образец! И вот мы имеем уже не куколку, а бабочку.

То же самое происходит и в образце под названием «земная цивилизация». Этот образец «химически» останется тем же, сделанным из тех же атомов – людей. Но его общие свойства изменятся кардинально. И об этом стоит поговорить. Это самое главное, что происходит сейчас на планете. Меняются эмерджентные свойства образца.

Асимптотический временной предел, к которому на полном ходу летит паровоз цивилизации, назвали технологической сингулярностью – потому что показатель функции уходит в бесконечность, а асимптота на графике играет роль горизонта событий. Напомню, что горизонтом событий в астрофизике называется такой предел, из-за которого нет возврата. (Для черной дыры, например, горизонтом событий является сфера Шварцшильда. Но это так, для общего развития…) За этим горизонтом исторических событий история человечества, какой мы ее знаем, заканчивается, а Гиперболический Закон фон Фёрстера перестает действовать. И какой функцией будет описываться физическая система после перелома, мы не ведаем, потому что кризис – это точка бифуркации, то есть такая точка, в которой малая случайность может направить систему по кардинально различающимся путям развития – по катастрофическому или, напротив, благополучному.

Справедливость требует отметить, что Хайнц фон Фёрстер был не единственным человеком, который обнаружил эту гиперболическую закономерность. В том же направлении работали и работают Шкловский, Макэведи, Джонс, Кремер, Коротаев, Малков, Халтурина и многие другие. Исследователей было много, и у разных ученых получались немного разные даты сингулярности в пределах точности исследования, однако все они лежат в первой половине XXI века. Одним из самых ярких ученых, кто решил приложить методы физики и математики к социальной

эволюции, был небезызвестный советский и российский физик Сергей Капица, который на склоне лет увлекся общими вопросами цивилизации. Сергей Петрович, вообще говоря, человек-легенда, и не столько потому, что он был династическим физиком (сыном нобелевского лауреата Петра Капицы, коего уважал даже Сталин, который вообще мало кого уважал), сколько из-за того, что в годы Советской власти Капица-младший вел на телевидении знаменитую научно-популярную программу «Очевидное – Невероятное».

«О сколько нам открытий чудных // Готовят просвещенья дух // И опыт, сын ошибок трудных, // И гений – парадоксов друг», – эти пушкинские строки мы все знаем не от большой любви к классику и не из школьной программы, а исключительно благодаря авторам этой телепередачи, откопавшим их в пушкинских черновиках. Старики еще помнят характерное и неоднократно пародируемое юмористами приветствие Капицы в начале телепрограммы: «Добрый де-е-ень».

Так вот, увлекшись демографией в планетарном масштабе, Капица внес в науку о социуме нечто такое, чем ранее демографы не баловались: математические методы, применяемые в физике частиц. Люди ведь те же частицы – такие же принципиально непредсказуемые и такие же атомарные – мельчайшие неделимые частички общества. О своем междисциплинарном исследовании, в которой земную цивилизацию он представлял как единую динамическую систему, а также о примененном им физическом методе сам Капица писал с некоторым сожалением к «гражданским» исследователям: «Такой подход к описанию роста и развития человечества требует <…> известных усилий со стороны тех, кто мало знаком с <…> методами, развитыми в теоретической физике». Мечтой Капицы было создание «общей теории развития человечества» [13]. И во многом ему это удалось!

Если фон Фёрстер доказал гиперболический закон развития цивилизации в пределах от начала нашей эры до начала шестидесятых годов XX века, когда рост начал тормозиться, то Макэведи продлил его еще на пять тысяч лет в прошлое, Коротаев проследил зависимость на сорок тысяч лет назад, а Капица продлил ее на несколько миллионов лет (!) в прошлое, показав, что Гиперболический Закон работал с момента возникновения на планете разумного человека (точнее, разных «моделей» разумных приматов, с которыми природа экспериментировала, пока одна рестайлинговая модель под названием Homo sapiens не вырвалась вперед в эволюционной гонке). И это был еще не конец изысканий! Потому что нашлись люди, которые проследили этот закон еще глубже, далеко-далеко за хронологические пределы

существования нашего вида, о чем мы еще поговорим с большим удовольствием. Люблю масштаб!

Я с Капицей встречался у него дома на Ленинском проспекте (когда ж его переименуют?!), и мы долго разговаривали о судьбах человечества. По ходу беседы Сергей Петрович поделился некоторыми соображениями, коих не раскрывал в своих чисто научных работах. Соображения эти небезынтересны, и вы о них узнаете. А начался наш разговор, конечно же, с графика взрывного роста населения, который Капица положил передо мной с первых же минут разговора.

Едва взглянув на знакомый график и поняв, что он хочет сказать, я кивнул:

– Типичный фазовый переход!

– Да, – ничуть не удивившись моим глубочайшим познаниям жизни, кивнул Капица. – Точное определение. Причем, если продолжить график влево в том же масштабе, начало кривой роста населения находилось бы в километре отсюда! Закономерность начинается примерно полтора миллиона лет назад, именно тогда кривая плавно пошла вверх строго по формуле. Но период наиболее быстрого роста пришелся на последние четыре-пять тысяч лет – это время существования цивилизации, на графике он занимает несколько сантиметров. Самая резкая вспышка – последние пару сотен лет, на графике это буквально миллиметры. А потом рост населения резко – в течение сотни-полутора сотен лет – прекратится…

Тут я вынужден прервать Капицу и кое-что напомнить читателю. Когда-то знаменитый Томас Мальтус, исходя из тех данных, что у него были, напророчил человечеству катастрофу и тотальный голод, потому как по его расчетам население росло во много раз быстрее, чем количество производимых человечеством продуктов питания. Эта теория получила название мальтузианство и уже устарела, поскольку рост населения начал тормозиться. Деревья не могут расти до неба, это всем понятно, но все же самозамедление роста вызвало у многих ученых удивление. Это самоторможение назвали демографическим переходом. (Иногда его еще называют Вторым демографическим переходом, имея в виду под Первым переходом резкий рост населения. Но поскольку эти два события сидят на одной функции, мы будем говорить просто – Демографический переход, подразумевая под ним фазовый переход цивилизации.)

Доселе человечество знало только неуемный рост. Его численность сокращалась лишь внешними факторами – голодом, эпидемиями и войнами. И вот теперь, впервые в своей истории оно столкнулось с имманентным фактором торможения, то есть

фактором, внутренне присущим самой системе. Зря китайское правительство в свое время принимало закон «Одна семья – один ребенок», чтобы избежать перенаселения! Все, что идет от ума в строительстве общества, добром никогда не кончается, теперь вот китайцам приходится спешно отказываться от ручной регулировки из-за возникших в китайской экономике сложностей. Надо было не пороть мальтузианскую горячку, а просто подождать начала действия природного фактора, который касается всего человечества в целом, а не только китайцев. И это еще одна небольшая иллюстрация к главному тезису данной книги – проектные общества теряют свою естественную жизнеспособность.

А теперь вернемся к Капице, который сидит передо мной, усиленно предлагает чай и выкладывает график за графиком, статью за статьей.

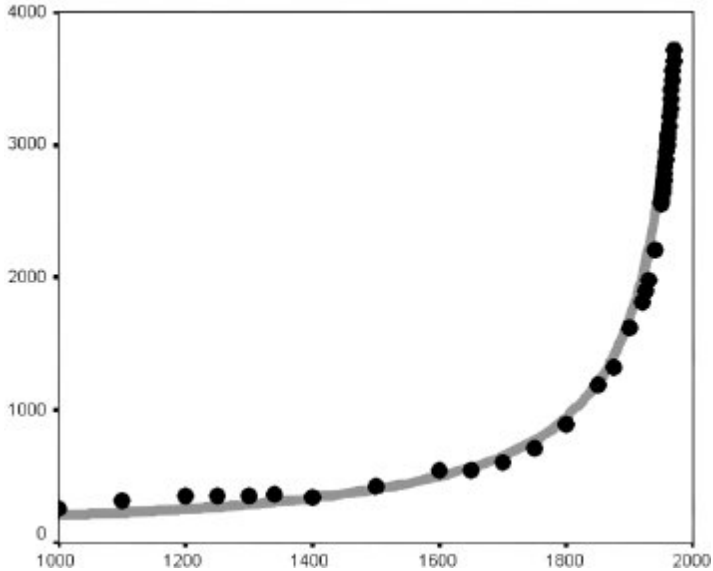
Для научных статей характерен безэмоциональный стиль. И все же в формулировке Капицы, которую он использовал в одной из своих работ, мне чудится эмоция легкого потрясения: «Демографический переход, несомненно, представляет собой самое существенное событие в истории человечества…»

И вот еще: «…изменения коснутся всех сторон нашей жизни, а мы волей случая стали свидетелями этого величайшего переворота в истории человечества… Никакие события – ни войны или эпидемии, ни даже изменения климата – несоизмеримы с теми, которые разворачиваются ныне».

Это правда! Мы сейчас стоим перед трансформацией, с которой цивилизация не сталкивалась еще никогда. Но прежде, чем перейти к этому Кризису Кризисов, нужно понять механизмы самоторможения. Из самых общих соображений было ясно, что система просто обязана войти в режим стабилизации – такова физика всех фазовых переходов. Но какие именно внутренние механизмы здесь сработали? И как все это выглядит на графиках? Каково оно, лицо демографического перехода?

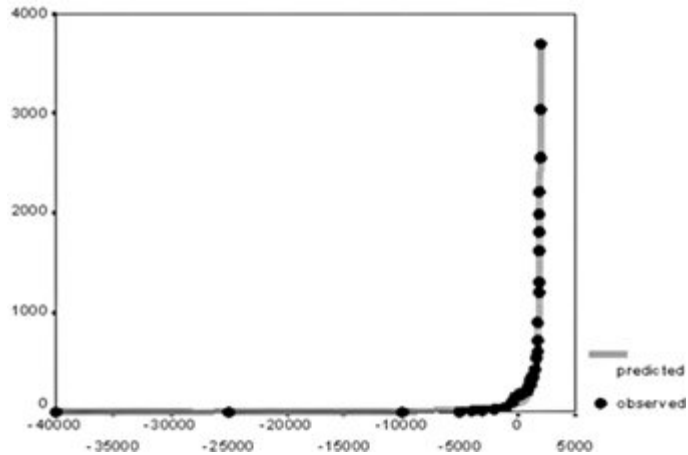
Говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Поэтому я предлагаю вам несколько картинок для красоты и вразумления.

На первом рисунке – график фон Фёрстера [14]. Прекрасное наложение фактических данных на эмпирическую кривую.



Корреляция между эмпирическими оценками долгосрочной динамики численности населения мира (в миллионах чел., 1000–1970 гг.) и кривой, генерируемой уравнением фон Фёрстера

На втором рисунке – график Капицы [15]. Вот так необычно выглядит Гиперболический Закон роста населения планеты в координатах с другим временным масштабом. Словно клюшка!



Динамика численности населения мира (в млн. человек, 40 000 г. до н. э. – 1970 г.): корреляция между эмпирическими оценками и гиперболической моделью.

Какой самый главный вывод может сделать человек разумный, взглянув на эти графики и чуть-чуть подумав?

Подскажу. Всем известно, что в цивилизационной гонке

Европа вырвалась вперед, распространив науку и технологии по всему земному шару в процессе колонизации, за что ей большое спасибо и земной поклон. Но всего каких-то тысячу лет назад Америка была культурно оторвана от Евразии. И только потом Колумб и бесчисленные мэйфлауэры [16] пристегнули Америку к науке. А до того контактов не было или практически не было (если не считать эпизодического мерцания викингов в Америке и гипотетических редких контактов древних финикийцев с обеими Америками) [17].

В античные времена Европа и государства майя, ацтеков и инков ничего друг о друге не знали. Да, античный мир стремительно глобализировался, протягивая торговые связи, которые охватывали практически всю Евразию от Британских островов до Китая с запада на восток и от Рейна до Эфиопии с севера на юг. Но Америка оставалась вне зоны досягаемости. И тогда, учитывая отсутствие связей, мы, вроде бы, имеем право сказать: да, действительно, были в Америке другие, совершенно отдельные цивилизации (майя, инков, ацтеков).

Но один только взгляд на кривую и формулу, ее описывающую, приводит нас к поразительному и «потустороннему» выводу: человечество вело себя как единое целое даже тогда, когда две его основные части были разделены и, как мы теперь считаем, не имели никаких контактов. Это что еще за трансконтинентальная цивилизационная телепатия? Что за квантовая запутанность такая?

А никакая это не телепатия. Это простое доказательство того, что единая физическая закономерность руководила человечеством. И этому природному закону было совершенно плевать на разность культур, религий и умение танцевать вприсядку. На формулу не влияло ничего! Эволюционный процесс работал сквозь культуры, традиции и религии, просто не замечая этих мелочей и прозрачно намекая, что мы все – одно целое, один вид, кровные братья, одно холистичное неделимое, неумолимо подчиняющееся всеобъемлющему гулу природы.

Демографы этого никогда не понимали. После открытия фон Фёрстера и его продолжателей они не побежали к физикам с поздравлениями и раскрытыми объятиями. Они не вооружились этой фундаментальной формулой и вообще не обратили на нее внимания. Потому что демографы – люди мелкие, они всегда изучали народонаселение отдельных стран, никогда не поднимаясь до высот всего человечества, поскольку не могли объяснить, как вообще население одних стран и континентов может быть связано в единое неделимое целое с населением других стран и культур. Население планеты казалось им просто

суммой населения всех стран.

Но оказалось, человеческий мир был глобальным всегда, даже в те времена, когда закон эволюции еще не проявил это внешне через современную глобальную экономику. И пытаться процесс экономической глобализации остановить – все равно, что пробовать остановить поезд, тормозя головой о шпалы. На такое годна только плохая голова. Впрочем, тут и хорошая была бы бессильна, просто плохую не жалко.

Ну и раз уж мы упомянули плохую голову, нужно пару слов сказать о Сэмюэле Хантингтоне. Этот резкий парень накропал историко-философский трактат под названием «Столкновение цивилизаций» в качестве ответа Фукуяме. И если Фукуяма де факто признавал сплавившуюся из разных культур планетарную цивилизацию единой, то Хантингтон, как видно из самого названия его работы, постулировал наличие на планете разных «цивилизаций». Которые, по его мнению, и будут воевать друг с другом. Хантингтон выделял на планете девять «цивилизаций» – исламскую, западную, китайскую, православную, японскую, индуистскую, латиноамериканскую, буддийскую и даже почему-то африканскую. Хотя само наличие в его дискурсе африканской «цивилизации» с головой выдает в этой концепции левацкий тренд, поскольку из «африканской культуры» торчат уши политкорректности, видимые за версту. Мы же, люди не политкорректные, а честные, говорим по этому поводу прямо: никакая это не «африканская культура», а попросту отсталость. И чем страна более недоразвита экономически и ментально, тем больше в ней традиционных ценностей – прямого наследия Деревни, малообразованности и дикости. Хантингтону помстилось, что раз регионы отличаются друг от друга историей, языками, культурой и традициями, то этого вполне достаточно для непримиримых противоречий, которые непременно приведут к конфликтам. Мол, это коренные цивилизационные противоречия! Однако ничто из перечисленного не является фундаментальным, а представляет собой лишь декор, типа вышивки на рубахе. Но основная функция рубахи – прикрывать тело, и вышивка этой цели не способствует никак. Правда, и не мешает. Могут внешние противоречия приводить к конфликтам остроконечников с тупоконечниками? Могут, конечно… Стирает ли культурно-экономическая глобализация эти местечковые особенности, сглаживая их и растворяя в мировом плавильном котле? Стирает конечно.

А что победит? Культура или цивилизация? Война или мир?

Цивилизация. Потому что она глобальна и подчиняется тектоническим, неуправляемым тенденциям. Уничтожить всю

цивилизацию в пожаре ядерной войны можно. Изменить законы природы, ею управляющие, нет… Вырвать зеленый росток из почвы можно. Изменить его генетику и законы роста – нет.

Как проявляли себя эти законы во времена гиперболического роста, мы знаем – по формуле Фёрстера. А каковы были причины этого взрывного разгона? И каковы внутренние причины торможения? Вопросы правильные, и мы на них сейчас ответим.

Причиной разгона была положительная обратная связь. Рост населения, как метко выразился Капица, был «самоподобным». Что это значит? Дифференциальный анализ показал, что скорость роста населения в каждый момент времени зависела от показателя N^2, где N – это и есть сама численность населения. Иными словами, рост численности зависел от квадрата самой численности! Потому что информационные взаимодействия внутри системы (между людьми) и являлись причиной ее роста, а нарастающее ускорение зависело от «коллективного взаимодействия».

Привычный демографический подход тут уже не работает – система в целом не является результатом взаимодействия ее частей, а представляет собой нечто большее, не сводимое к ее составляющим. Так человек не является простой суммой клеток, а представляет собой совершенно новое качество, не сводимое к отдельным клеткам. Так мышление нельзя свести или вывести из отдельных нейронов, отдельные нейроны не мыслят, мышление – коллективное свойство нейронов, сознание висит над нейронами. Как верно писал Капица о поведении организма под названием «земная цивилизация», «взаимозависимость, нелинейность сильно связанных событий и механизмов заставляет искать интегративные принципы для описания поведения сложной системы… квадратичный ее рост не аддитивен и не линеен, и его нельзя применять для отдельной страны или региона, а только целиком для всего населения планеты».

Цивилизация – это не просто совокупность людей. Это нечто большее, на что отдельные люди повлиять не могут. Вернее, могут, но только в «минус» – как могут повлиять раковые клетки на организм, погубив его бесконтрольным размножением. Но пока что иммунная система нашей цивилизации с разными видами социального рака успешно справлялась (коммунизм, фашизм, религии). Однако это не значит, что идеологические клетки, мечтающие захватить весь организм, перестали в нем существовать. Любой живой организм борется за свое существование ежесекундно. Залог выживания – здоровый иммунитет и преобладание здоровых клеток, что обеспечивает только естественный образ жизни (для отдельного организма) и

свободное экономическое и политическое дыхание людей-клеток (для организма социального), иначе случится «экономическая гипоксия». Свобода личности с полным раскрытием ее способностей – вот залог здоровья социума. Другого нет.

Если описывать гиперболический рост населения по-простому и вкратце, то положительная обратная связь была такой: чем больше людей, тем больше гениев и изобретателей, которые делают новые открытия и изобретения —> изобретения и открытия повышают производительность труда, увеличивая тем самым несущую способность ареала, то есть возможность территории прокормить большее число народа —> это способствовало дальнейшему росту населения, что увеличивало число ученых и изобретателей, и раскручивающаяся спираль выходила на новый оборот: человечество надстраивало очередной этаж техносферы. А техносфера – это искусственная, созданная нами надстройка над биосферой, вне которой мы выжить уже не можем.

Если бы люди оставались животными, нас было бы на всей планете примерно сто тысяч – как прочих зверей, сопоставимых с человеком по массе и типу питания. Но благодаря искусственной среде обитания, нас – миллиарды. И сопутствующих нам домашних животных, которых мы пригласили с собой в искусственную среду и в искусственные ландшафты, тоже на порядки больше, чем было бы этих коров, свиней, овец и собак с кошками в естественной среде обитания. Человек взял в руки палку-копалку, потом нарисовал на стене пещеры бизона, и с этого момента начал работать с информацией и передачей накопленного технологического и эмоционального опыта следующим поколениям. Язык позволил качественно расширить эту трансляцию, а «законсервированный язык» – письменность – осуществлять передачу опыта через поколения и расстояния. А также вести бухгалтерию. И исчислять налоги. Трансляция информации осуществлялась как во времени – через поколения, так и в пространстве – вместе с торговыми караванами и судоходством начался глобальный культурный обмен, размывающий местечковые духовные скрепы, зато обогащающий чужим опытом.

Квадрат от численности населения в формулах прямо говорит о том, что рост был обусловлен взаимодействием людей. N^2 – это параметр коллективного взаимодействия, сетевая функция. Медленный поворот от жесткой силовой иерархии в стае и племени к более гибким и более сетевым (торговым) взаимодействиям в социуме человечество начало тогда, когда люди придумали обмен товаров, который повлек за собой

неизбежный обмен идеями, хотя бы потому, что любой товар – это овеществленная концепция.

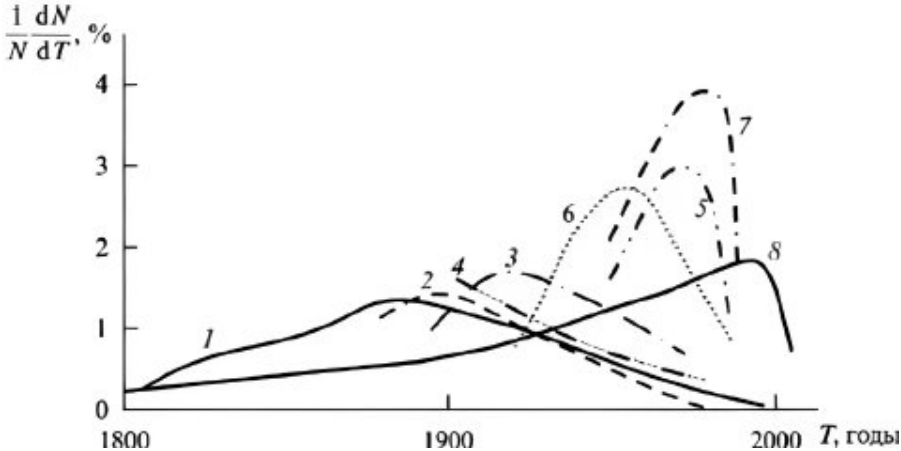
И самым парадоксальным образом то самое информационное обогащение, которое подключало к обменным операциям все большее число людей, сыграло позже свою роль в торможении гиперболической функции. В наши дни кривая роста населения выходит на плато и по расчетам выйдет на насыщение к середине – концу века, достигнув пика в 10–11 миллиардов человек.

Начался процесс торможения в самых передовых странах Европы. Скажем, в Швеции он стартовал аж в середине XVIII века и длился примерно до середины XX века – скорость роста населения там после достижения своего пика постепенно замедлилась, затем вышла на ноль, а теперь вот достигла отрицательных величин (1,5 ребенка на женщину). Приходится Швеции добирать человеческий капитал из стран Третьего мира.

В странах догоняющего развития демографический переход уже не занимает так много времени, как в Швеции – чем позже страна входит в него, тем быстрее снижается там рождаемость. И лучше всего это видно на следующем графике.

Это график скорости прироста населения по странам. Видите, чем более отсталая страна, тем позже до нее докатывается волна фазового перехода и тем быстрее проходит там процесс взлета и торможения. Словно отстающие ученики отвечают урок по чужим подсказкам. Сама несущая способность кривой Гиперболического закона заставляет отстающих ускоряться, прозрачно намекая, что закон этот природный, общефизический, и касается всех, вне зависимости от цвета кожи и культуры.

Капица С. П. Очерк теории роста человечества демографическая революция и информационное общество. Институт физических проблем им. П. Л. Капицы, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 2008. Электронный ресурс: https://spkurdyumov. ru/biology/ocherk-teorii-rosta-chelovechestva-kapica.



Демографический переход в разных странах. Графики сглажены и рост дан в % в год. 1 – Швеция, 2 – Германия, 3 – СССР, 4 – США, 5 – Маврикий, 6 – Шри-Ланка, 7 – Коста-Рика, 8 – для мира в целом.

Так почему же все-таки, совершенно не сговариваясь, человечество синхронно перестает размножаться, несмотря на непохожесть языков, культур и религий (разность «цивилизаций» по Хантингтону)?

Причин тут несколько – урбанизация, женская эмансипация, рост знаний, которые нужно поглотить ребенку, чтобы стать социально взрослым и начать успешную карьеру… Прошли те времена, когда человек мог быть самостоятельным в восемнадцать лет, а девчонок выдавали замуж в тринадцать. Сейчас того же уровня самостоятельности гражданин развитого мира достигает годам к тридцати. Больше того, нынче все чаще говорят о том, что учиться нужно всю жизнь, дабы поспевать за меняющимися технологиями. Получается какая-то образовательная неотения [18]… То есть с образованием мы уже уперлись в некоторый биологический предел.

– Недавно я был в Англии в музее викторианской эпохи, это вторая половина XIX века, – поделился со мной Капица, пока я прихлебывал чай. – Там экспонировалась табличка из паба. На ней написано: «Спиртные напитки отпускаются лицам, достигшим 13 лет». А в то самое время, когда я гулял по музею, в США разразился скандал. Дочерей Буша, двух великовозрастных восемнадцатилетних дур, в Техасе арестовали за то, что они пили пиво. Потому что в Техасе пиво отпускается только с 21 года. Викторианская Англия при всей строгости тогдашних порядков и морали считала, что с тринадцати лет человек уже взрослый. В бурном современном Техасе полагают, что человек до 21 года – ребенок. А ведь физиологически люди современные ничем не

отличаются от тех, что были 150 лет тому назад.

Прерву гостеприимного Капицу. Что означает его фраза «при всей строгости тогдашних порядков»? Викторианская эпоха славится своим консерватизмом, то есть теми самыми «традиционными ценностями», которые блюлись строго. И вот оказывается, что традиционные ценности – это, по нашим меркам, сущая дикость (детей спаивают) и сплошная педофилия (замуж выдают с тринадцати лет). Больше того! К несомненно традиционным ценностям относится и детоубийство, которое запросто практиковалось по деревням в консервативной царской России вместо абортов, о чем спокойно писал Лев Толстой. Деревня жестока! А также традиционна, косна и богобоязненна…

Ниже я дам более фундаментальные – биологические – причины торможения роста населения, а сейчас вернемся к нашей беседе с Капицей. Один интересный момент, упомянутый им в разговоре, мне запомнился своей парадоксальностью. Прозвучало это настолько странно и неожиданно, что я поначалу даже не понял смысла сказанного, в чем и признался собеседнику. Началось с того, что я уточнил:

– В вашей математической модели рост населения зависит только от квадрата численности населения?

– И от времени. Между прочим, в момент демографического перехода в формулах происходит изменение переменных. Грубо говоря, население уже начинает управлять временем.

Вот тут я, признаться, слегка завис:

– Не понял.

– Это довольно тонкий, чисто математический эффект, связанный с нелинейностью функции. Функция-то квадратичная. Поэтому, кстати, модель нельзя применять к одной, отдельно взятой стране, ведь сумма квадратов не равна квадрату суммы. Модель позволяет увидеть, как глобальное развитие влияет на отдельную страну, но не наоборот. Знаете, вся современная наука и общественное восприятие основаны на редукционизме, то есть люди полагают, что если они разберутся в психологии человека, общины, города, региона, страны… то из этих кирпичиков сложат общемировую картину. Это ошибка. Общую картину дают только общие законы. А возвращаясь к вашему вопросу… В нелинейных системах нельзя рассуждать в терминах причинно-следственных связей. Здесь причина и следствие перепутаны. Даже само строение формул не позволяет сказать – население зависит от параметра времени или время от населения.

– Погодите, – замотал я головой. – Если отбросить всю эту математическо-мистическую заумь, то из физики ясно, что население четко зависит от времени: чем больше времени

прошло, тем больше народу успело народиться.

– Нет, здесь имеется в виду вот что – историческое время и физическое время существенно отличаются друг от друга! Историческое время – это логарифм астрономического времени. Поэтому тут нужно рассуждать не в терминах причин и следствий, а в терминах инвариант. Произведение времени на население – величина постоянная, это инварианта. Иными словами, с ростом населения историческое время начинает сокращаться – те процессы, которые раньше занимали тысячи и сотни лет, сейчас занимают десятки лет и считанные годы.

– Теперь понял.

– Демографический переход происходит не по какой-то определенной причине, а просто потому, что он происходит. Таковы общие свойства системы! Это многофакторное пространство, в котором нет главной причины, а все причины взаимно запутаны. Но есть главная переменная – общая численность населения. Точнее, ее квадрат. Чем нас больше, тем больше мы взаимодействуем друг с другом – общаемся, смотрим кино, летаем на самолетах, производим товары и рожаем ученых, воюем, покупаем, создаем секты, конфессии и комиссии… Мы – тесто. Наше общение между собой – дрожжи. Нужно учесть одно важное соображение: если раньше система развивалась адиабатически, медленно, в квазистатическом режиме, то теперь, при распространении ударной волны фазового перехода, система находится в крайне неравновесном состоянии. Так называемого нормального распределения свойств в ней не происходит, потому что на его формирование нужно время. Отсюда весь мировой раздрай, как прямое следствие физической неравновесности системы. Мы разбирали это на примере Первой мировой войны. Демографическая система тогда находилась на грани устойчивости, благодаря интенсивному развитию. Экономики России и Германии развивались по 10 % в год. Это слишком много. Соответственно, и в России, и в Германии складывалась предреволюционная ситуация. Вообще, ситуация в Европе была накаленной. Любой звук мог спровоцировать сход лавины. И такой звук раздался – выстрел в Сараеве. Началась Первая мировая война, которая плавно перетекла во Вторую мировую – это ведь на самом деле два боя одной войны.

– Бог любит троицу, как у нас говорят. Будет ли Третья мировая война, по-вашему?

– В любом случае это не будет война между развитыми странами. Потому что в западном мире нет демографических ресурсов для такой войны. Не лучше ситуация и в других цивилизованных странах с аналогичными половозрастными

характеристиками. Очень много стариков, мало молодежи – длительность жизни высокая, рождаемость маленькая. Кем воевать-то?

– Ладно, к войне мы еще вернемся… А что будет дальше, после того как численность населения планеты достигнет пика в 10–11 миллиардов? Стабилизация в виде плато или падение?

– Сейчас ясно только, что количественный рост закончится. Дальше начнется качественное совершенствование человечества. Сложится совершенно другая временна2я структура истории. Начнется бурный рост продолжительности и качества жизни, подъем культуры, науки.

– Золотой век, что ли?

Я посмотрел в глаза Капице, стараясь взглядом не выдать эмоции недоверия. Сергей Петрович встретил мой взгляд, не отводя своего. Он был серьезен:

– Не век. И не тысячелетие. Эра. Новая эра. Это уже можно совершенно четко сказать.

– Эра… Получается, мы, как цивилизация, только рождаемся, с криком вылезая из утробы… Но если в планетарных масштабах система цивилизации развивается объективно, как физический процесс, значит, что бы мы ни делали, избежать счастья все равно не удастся?

– Главное – не попасть под колесо Фортуны. Процесс-то, конечно, объективный. Но он, как и все процессы, может идти в пределах определенных допусков – плюс-минус. В нашей ситуации эти допуски могут обернуться миллионами жизней. Пользуясь критерием Ляпунова, можно оценить устойчивость системы. Для западных стран, у которых демографический переход начался раньше, чем у стран Востока, пик неустойчивости приходился как раз на мировые войны. И они случились. То есть для западников, кризис миновал. Но сейчас ударная волна демографического перехода как раз дошла до стран Третьего мира. И у них тоже вполне может случиться потеря устойчивости. В виде огромной войны.

– Значит, Третья мировая война все-таки возможна, но уже не для нас – мы свое отхлебали в XX веке, – а для стран Третьего мира? Но их мировая война не может ли отразиться на нас в такой степени, что мы уйдем с исторической арены?

– Отразится, конечно. Но с исторической сцены мы не уйдем. Мы не ушли с нее во время своих мировых войн, почему должны уйти из-за чужих? Но если мировая война в Третьем мире и случится, и они между собой передерутся, могут погибнуть уже не сотни миллионов, как в XX веке, а миллиарды людей. Если такое случится, нам будет нелегко, поверьте. А случиться может –

Китай и Индия находятся на взводе, и все признаки этого есть, включая их бурный экономический рост… Но если взрыва удастся избежать в течение ближайших двадцати лет, считайте, что пронесло: сама возможность больших войн тогда сойдет на нет, потому что демографическая кривая минует участок неустойчивости и выйдет на плато насыщения. Вероятность военных конфликтов будет стремиться к нулю. И дальше нас ждет счастливое будущее.

В общем, как видите, Капица был в этом смысле оптимистом. Я тоже. Но не все исследователи таковы, и об этом мы еще поговорим, многие настроены пессимистично. А сейчас надо закончить с механизмами торможения и посмотреть, как демографический переход уже отражается на качестве земного населения…

Итак, цепная реакция информационного обмена разогнала взрывной процесс роста населения. И она же его начала тормозить. Проследим за процессами…

Урбанизация, новые открытия, изобретения, наука, санитария и гигиена, развитие медицины, распространение всеобщей грамотности, которая помогала талантам раскрыться и увеличивала конкурентоспособность государств, отчего все они стремились эту самую грамотность внедрять – это все, как мы уже отмечали, увеличивало несущую способность ареала обитания. Раньше, в донаучную эпоху, когда бесконтрольное размножение населения, словно саранчи, превышало несущую способность территории, все заканчивалось локальной мальтузианской катастрофой – эпидемиями, войнами или переселением народов, релаксируя таким образом возросшее напряжение и избыточное экологическое давление на среду. Однако научно-техническая и промышленная революции, овладение новыми источниками энергии, столь резко подняли несущую способность территорий, а внедрение канализации и санитарии, изобретение антибиотиков, так резко сократили младенческую и детскую смертность, что это привело к той самой «клюшке», которую мы наблюдали на графике – взрывному росту населения за последние 100–150 лет. Войны XX века, конечно, это население проредили, но они уже не были вызваны последствиями истощения ареалов, Земля теперь вполне могла прокормить такое количество народу! Причины мировых войн были в том, что психологически население уже не успевало за технологическими переменами, живя еще старыми традиционными, консервативными ценностями в новом мире, требующем иных моделей поведения – менее агрессивных и более терпимых.

Еще раз: настал очень короткий период времени, когда

привычки населения к размножению по деревенскому типу (множество детей) еще не успели смениться городским типом размножения (один-два ребенка на семью), а прогресс уже резко убрал детскую смертность, что и разогнало рост населения взрывным образом. Вот откуда «клюшка». Но этот взрывной рост все равно математически строго укладывался в ту же гиперболическую функцию и был ее частью, словно сама природа нашего мира заранее предусмотрела этот вариант и облекла его в формулу природного закона.

Потом перечисленные чуть ранее вещи – грамотность, наука, урбанизация – начали этот процесс тормозить, сокращение числа детей на семью скомпенсировало падение детской смертности. И самый большой вклад в торможение внесло, как считается, женское образование. Как только перед вступившей на арену истории женской половиной человечества открылись возможности карьеры, так интерес этой половины к деторождения резко пошел на спад.

Мужчины инициировали демографический взрыв, преобразовав с помощью прогресса социальную среду и сократив тем самым детскую смертность. А женщины этот взрыв погасили – когда разрыв в грамотности между женщинами и мужчинами сократился, и женщины начали занимать мужские социальные позиции, то есть позиции нерожающих самцов, они сами стали рожать меньше, предпочитая иные жизненные приоритеты, а проще говоря, заимствуя «самцовые» ценности.

Исследование, проведенное в США в далеком 1997 году, обнаружило прекрасную корреляцию между образованностью женщин и числом рожденных ими детей. У женщин с восемью классами было в среднем по 3,2 ребенка, у женщин с десятью классами – 2,7 ребенка, а у выпускниц колледжа – от 1,6 до 2,0, в зависимости от расы.

Этот процесс прослеживается на примере не только отдельных стран, но и всего мира в целом: по данным Всемирного банка, относительные темпы роста населения в мире начали быстро уменьшаться после того как уровень женской грамотности превысил отметку в 40 % от мужской.

В семье моего отца было четверо выживших детей. У меня только одна сестра, то есть детей у моего отца было двое. У меня – один ребенок. И у сестры один. И у всех моих однокашников по одному ребенку, кроме пары-тройки многодетных, у которых двое и более детей. Такова работа этого закона природы на примере моей семьи. Количество детей сменяется их качеством.

Если же вас все еще интересует вопрос, почему современный мир евроцентричен, почему именно Европа и обобщенный Запад

«навязывают» отсталой периферии свои нормы и правила, то на него есть два ответа.

Первый. Ну, откуда-то же процесс фазового перехода должен был начаться! И, как уже говорилось, конкретная географическая точка тут совершенно не важна, важен сам процесс, все равно он мгновенно по историческим меркам охватит земной шар, превратив весь его в одну сплошную «европу», то есть цивилизованную развитую область.

Второй. Именно на западе Старого Света сложились условия для того, чтобы страны Европы послужили зернами кристаллизации фазового перехода. Не в Австралии они сложились. Не в Антарктиде. И даже не в Китае, хотя Китай какое-то время Европу опережал по всем экономическим параметрам. Но именно Европа была более сетевой, то есть более децентрализованной, разбитой на успешно конкурирующие государства-млекопитающие, в то время как монструозный динозавр Китая управлялся из одного центра императором. Которому не с кем было особо соревноваться, а монопольно принятые неправильные решения не компенсировались ничем. Некем было! Китай был монолитен и един. И Китай заснул – пока европейские канонерки не разбудили Азию.

Конкуренция в Европе заставляла учиться, бежать, внедрять новое, более эффективное, чтобы не обогнали соседи. Судьбоносные решения принимались в разных центрах. Отказали предпринимателю генуэзцы, он пошел к португальцам, отказали португальцы, пошел к испанцам, а те возьми и согласись: «Плыви, Христофор!..» Потом, по мере прогресса, эта межгосударственная конкуренция сместилась вниз, внутрь государств, где принимать экономические и политические решения стали уже отдельные фирмы и отдельные буржуа. Кто осваивал Индию, неся туда свет цивилизации? Ост-Индийская компания. Которая имела больше сотни акционеров, управлялась советом директоров и размещала свои акции на бирже… А кто осваивал Сиам, Китай, Персию и другие регионы Востока, неся туда свет Европы? Голландская компания «Ван Верре», основанная группой голландских купцов, а также группа аналогичных компаний, позже объединившаяся в один акционерный консорциум под названием Голландская Ост-Индийская компания со стартовым капиталом в 6,5 миллионов форинтов. Если бы не жажда наживы, не было бы и эпохи Великих географических открытий.

Интересно, что в начале позапрошлого века экономический разрыв между Европой и мировой периферией был не так уж и велик – их ВВП на душу населения различался всего лишь в два раза. А через полтораста лет разрыв уже достигал восьми.

Почему? А потому что в Европе было больше грамотных. И больше свобод. Это хорошо видно на графиках ниже. Обратите на них внимание – с начала вывода производства из Центра на Периферию этот разрыв начал сокращаться! Что может служить лучшей иллюстрацией полезности вывода производств в Третий мир, от чего так стонут левые и патриоты?

Обратите также внимание, что примерно с середины прошлого века разрыв между Центром и Периферией в уровне грамотности стал так же быстро сокращаться, причем скорость роста грамотности в Третьем мире превышает историческую скорость роста грамотности в Центре – точно так же, как скорость падения рождаемости на Периферии не идет ни в какое сравнение со скоростью демографического перехода в развитых странах Европы, которые начали раньше. Первым всегда трудно! А догонять по проторенной дорожке легко. И всегда быстрее.

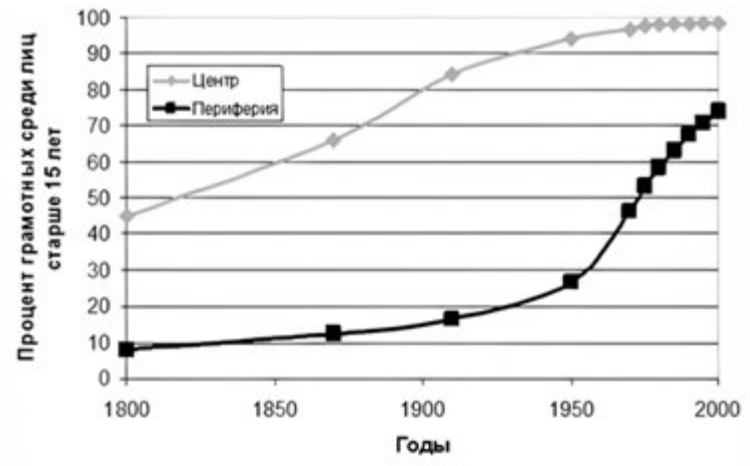
Взгляните на графики, расположенные далее, это разрыв между мировым центром и мировой периферией по ВВП на душу населения. И разрыв за тот же период в уровне грамотности [19].

Интересно, что по своему виду график гонки грамотностей между странами очень похож на график гонки женско-мужской грамотности в развитых странах: если возле верхней кривой написать не «центр», а «мужчины», а возле нижней – не «периферия», а «женщины», характер кривых останется точно таким же. Женщины развитых стран ускоренными темпами догоняли мужчин, быстро вливаясь в экономику и активно пополняя резервы научно-трудовой армии цивилизации.

Роль грамотности населения недооценивать нельзя. Отчего Советский Союз с его дефицитной экономикой и тотально нищим населением, которое испытывало нужду в самом элементарном, тем не менее демографически вел себя именно как развитая (богатая) страна? И почему Россия, покатившаяся в начале 20-х годов нашего века назад в архаику, имеет все же низкую рождаемость и является типичным городским обществом? А именно потому, что общество урбанизировано, и уровень грамотности был и остается высоким. Грамотные люди ведут себя совершенно по-другому, нежели люди неграмотные. Например, меньше рожают.

Динамика разрыва (в разах) между центром и периферией по ВВП на душу населения.

Рассчитано А. С. Малковым и Ю. В. Божевольновым / Источник данных: World Bank, 2009; Maddison, 1995, 2001, 2003, 2009.



Динамика грамотности населения центра и периферии Мир-Системы.

Рассчитано А. С. Малковым и Ю. В. Божевольновым / Источник данных: Мельянцев, 1996; Morrison, Murtin, 2006; UNESCO 2007.

Урбанизация сама по себе делает людей более мягкими и терпимыми по отношению друг к другу. И это уже чисто биологическое – специалистами в области поведения животных было отмечено, что повышение плотности проживания приматов

на одной территории приводит не к повышению агрессии по отношению друг к другу, как можно было бы подумать, а к ее снижению. В тесноте, да не в обиде! Именно так срабатывают врожденные механизмы сдерживания агрессии у стадных видов.

Интересно, что в среде широкой публики и даже кое-где в научной литературе продолжает жить миф о том, что если концентрацию животных повысить, то вырастет и межвидовая агрессия. Типа, начнут драться за жизненное пространство, как Гитлер. На первый взгляд это должно быть именно так. Гитлер же не мог ошибаться!

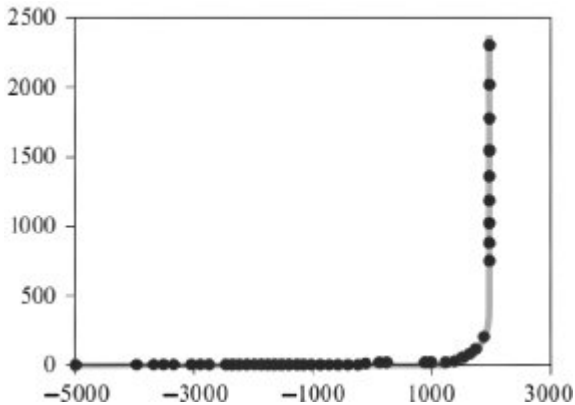
Миф этот в науке возник не на пустом месте. Просто когда группу обезьян пересаживали из крупных вольеров в более тесные помещения, практически сразу вспыхивало пламя взаимной агрессии. «Вот он, эффект коммуналки!» – с узнаванием радовались ученые. Однако позже выяснилось, что точно такой же вал агрессии возникал и в обратной ситуации – когда стаю обезьян переводили в более просторные вольеры. Исследователи (Э. Рос и Б. Александер), которые впервые столкнулись с этим феноменом, с удивлением отметили бурю жестокой агрессии в стае японских макак – вплоть до убийств! – когда стаю перевели в новый вольер, превосходящий старый по площади в 73 раза.

Оказалось, стрессогенным фактором были не теснота или простор сами по себе, а незнакомая обстановка. В дальнейшем данный факт был неоднократно подтвержден экспериментально. И ярким примером тут может служить зоопарк в небольшом городе на востоке Голландии, где стая шимпанзе летом обитала в огромном открытом вольере, а зимой перебиралась в отапливаемое закрытое помещение, которое по площади было в двадцать раз меньше летнего вольера. Обе территории стае были прекрасно знакомы, и конфликтов между шимпанзе при перемещении в более тесное помещение не возникало. Напротив! В тесноте срабатывал механизм торможения агрессии, что естественно: бежать-то некуда и надо быть поспокойнее. Обезьяны старались сглаживать внутренние напряжения, чаще демонстрировали жесты дружелюбия, занимались взаимным грумингом. В общем, их поведение становилось аффилиативным [20], по-научному выражаясь. В тесном помещении даже те шимпанзе, которые в просторном летнем вольере не общались, поскольку испытывали друг к другу неприязненные отношения, начинали выказывать друг к другу позитивное отношение.

Аналогичное поведение наблюдали и у других приматов – макак – резусов, у которых уровень доброжелательности возрастал при повышении плотности проживания. Потому что худой мир лучше доброй ссоры! То же самое происходит и с

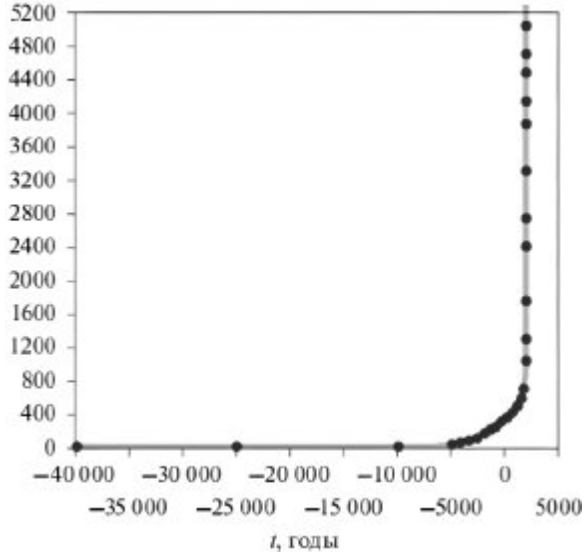
людьми в процессе урбанизации, то есть при повышении плотности проживания. Гуманизация и смягчение нравов по мере прогресса и огорожанивания – давно отмечаемый антропологами и социологами факт. И не только антропологами и социологами, но и просто внимательными людьми. Писатель XIX века Николай Помяловский, написавший знаменитую книгу «Очерки бурсы» о жестоких нравах, царящих в церковных учебных заведениях той эпохи, констатирует как нечто само собой разумеющееся: «Семенов был мальчик хорошенький, лет шестнадцати. Сын городского священника, он держит себя прилично, одет чистенько; сразу видно, что училище не успело стереть с него окончательно следов домашней жизни. Семенов чувствует, что он городской, а на городских товарищество смотрело презрительно, называло бабами: они любят маменек да маменькины булочки и пряники, не умеют драться, трусят розги, народ бессильный и состоящий под покровительством начальства».

Вот как он о горожанах! Народ бессильный и находящийся под покровительством начальства…



Гипербола роста городов

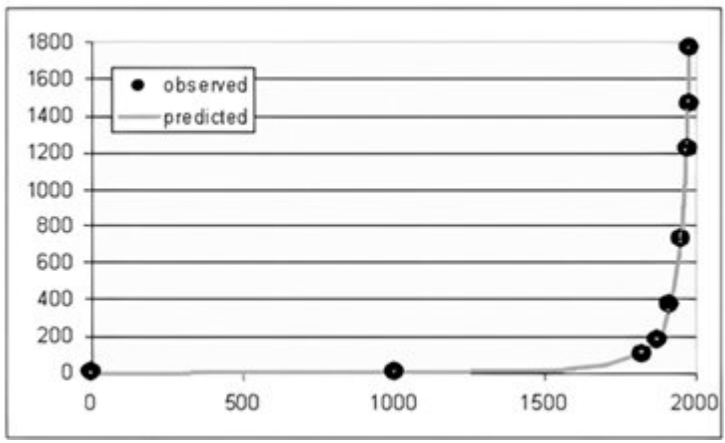
Динамика численности городского населения мира для городов с населением более 10 000 человек (в млн. человек, 5 000 г. до н. э. – 1990 г.): соответствие квадратичной гиперболической модели эмпирическим оценкам.



Гипербола роста открытий и изобретений

Динамика индекса технологического развития (40 000 г. до н. э. – 1970 г.): соответствие гиперболической модели эмпирическим оценкам.

В общем, города производят цивилизацию и гуманизм, а деревня производит еду и воспроизводит дикость (которую именует традиционными ценностями). И чтобы в этом окончательно убедиться, достаточно сравнить три графика – роста городов, образованности и числа открытий и изобретений.



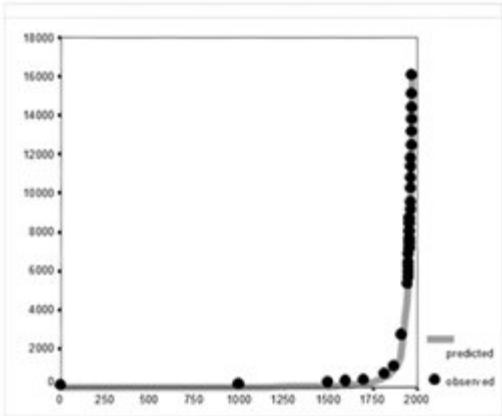
Гипербола роста грамотности в мировом масштабе

Динамика численности грамотного населения мира (в млн. чел.), 1–1980 гг.: соответствие квадратичной гиперболической модели наблюдаемым данным.

Синергетика. Будущее мира и России (под ред. Г. Г. Малинецкого). – Издательство: ЛКИ, 2008. С. 92–132. – Электронный ресурс: https://www. demoscope. ru/ weekly/2009/0359/analit02. php.

Как видите, характер всех трех кривых совпадает с гиперболическим характером роста численности населения планеты. И удивления это не вызывает, потому что города строят люди, и изобретения делают тоже люди.

Можно также поглазеть на график мирового экономического развития, он тоже зависит от людей.



Гипербола экономического роста

Динамика мирового ВВП, 1–1973 гг. (в миллиардах международных долларов 1990 г.): соответствие динамики, генерируемой квадратично-гиперболической моделью, эмпирическим оценкам

Любопытно отметить, что в последнем графике зависимость не просто гиперболическая, а квадратно-гиперболическая, поскольку описывается следующей формулой:

$G = C / (t_0 - t)^2$,

где *G* – это мировой ВВП в миллиардах долларов 1990 года в паритетах покупательной способности в год *t,*

C и t_0 – коэффициенты, равные, соответственно, 17355487,3 и 2005,56.

Мы уже знаем, что t_0 на временной оси означает асимптотический предел на хронологической шкале, к которому должна стремиться функция, в теории никогда его не достигая и уходя при этом в бесконечность по вертикали. Экономический горизонт событий мы преодолели, судя по коэффициенту, в 2005

году. При этом планету потрясло немного экономическими кризисами, и еще потрясет, но турбулентность – еще не катастрофа, а просто потряхивание ракеты, выходящей на орбиту. И вообще, все пертурбации, которые пришлись на XX век – это все дребезжание системы, вошедшей в критический режим. Режим входа в сингулярность.

Во всем этом для нас важно сжатие пружины истории, ускорение исторического времени. Естественный предел для этого ускорения – продолжительность самой человеческой жизни, которая в теории может стать длиннее исторических эпох и этапов. Не лопнет ли заведенная до упора пружина?

Глава 2
Царь-кризис

Меня сделал Назаретян. Несмотря на то, что он был философом. Я, вообще-то, философов на люблю! Но и философ Акоп Погосович Назаретян тоже не любил философов. Говорил о них, повторяя полюбившуюся ему фразу своего коллеги: «Не нужно приглашать на научные обсуждения философов: заболтают любую проблему!» И был, конечно же, прав – пустопорожние рассуждения более всего присущи этой «науке», философии. Но как же тогда получилось, что именно философ Акоп Назаретян оказался тем человеком, который во многом сформировал мое мировоззрение, а я теперь формирую ваше?

А потому вышло так, что был он философ необыкновенный. Неклассический. Системный мыслитель, пришедший в философию не с философского факультета. Он закончил психфак и кандидатскую защитил по психологии. А вот докторскую ему пришлось защищать уже по философии, потому как не было ничего ближе к той сфере знаний, которой он увлекся. А увлекся он междисциплинарными исследованиями, находящимися на стыках разных наук – астрофизики, антропологии, истории, психологии, неравновесной термодинамики, этологии, кибернетики. Раньше это новое направление называли синергетикой, потом стали называть Большой историей или Универсальной историей. Предметом изучения этой области знания является Эволюция. Именно так – с большой буквы. Потому что исследует Универсальная история историю Универсума, то есть эволюцию вселенной от момента ее рождения до наших дней и, соответственно, сюда включаются физическая эволюция материи, химическая, биохимическая, биологическая, антропологическая, социальная. И за последние десятилетия этой молодой науке, которой сейчас интересуются все больше людей, удалось сформулировать несколько общих законов, которые одинаково работают и на мертвой материи, и на живой [21]. Мы о них непременно поговорим.

Интересно, что познакомился я с Назаретяном в самом конце 80-х годов – аккурат в то время, когда указанная наука только-только начинала складываться, приобретать очертания. Он хотел написать по этому поводу свою первую научно-популярную книгу и обратился ко мне. А я, будучи хорошо излагающим мысли технарем, согласился. И хотя книга тогда по причинам краха страны не вышла, мы сдружились, и великий сын армянского

народа стал называть меня на свой манер «Саша-джан».

Это сейчас именем Назаретяна названы законы и университетские аудитории, это сейчас он один из самых цитируемых в мире исследователей в своей области, это сегодня его называют «личностью огромного масштаба», а тогда, много лет назад, ничего еще не было, кроме двух сидящих на диване человек, один из которых (Саша-джан) пытался помочь другому (скромному профессору) в донесении идей универсальной эволюционной парадигмы до широкой публики и вникал в премудрости междисциплинарных исследований. То есть получается, я тоже стоял у истоков! Всегда приятно…

Именно к концу восьмидесятых в мировой науке созрело время для рождения синергетики / Большой истории – примерно в те годы первые работы по ней одновременно появились и на Западе, и в СССР. Здесь случилось, как с параллельным изобретением радио Поповым и Маркони – кто их них более матери истории ценен?.. И если родоначальником универсальной истории в нашей стране был Назаретян, то на Западе ими стали Дэвид Кристиан и Грэм Снукс. Оба прекрасно знали Назаретяна, который приглашал их в Россию на симпозиумы по Биг Хистори. Между прочим, Дэвиду Кристиану на конференции в Дубне я даже подарил свою книгу «Апгрейд обезьяны», отчасти посвященную как раз Универсальной истории.

Так что всю эту главу можно считать вербальным памятником Акопу Назаретяну…

Сам Назаретян был далек от точных наук, и чтобы придать веса Универсальной истории, пытался внести туда побольше математики, привлекая соответствующих специалистов. И однажды познакомил меня с тогда еще молодым московским физиком Александром Пановым, который ныне так же, как и Назаретян, попал в скрижали – его именем названа «вертикаль Снукса – Панова», о которой мы сейчас и поговорим…

Зная, что за всяким физиком стоит математика, я незамедлительно набрал номер этого неизвестного мне тогда еще человека. И убедился, что в своих рекомендациях Назаретян не ошибся – Панов внес в Универсальную историю тот самый строгий универсализм, которого ей так не хватало, сделал последний необходимый штрих, объединивший всю историю эволюционирующей материи во времени и пространстве. И сделал это красиво, не просто на словах, как было раньше, а математически.

В ту пору астрофизик Панов еще работал в астрономическом институте имени Штернберга при университете, поэтому встретились мы на территории МГУ в его келье и, как водится,

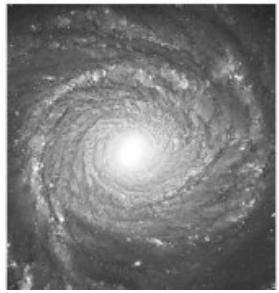
стали пить чай за мироздание. По ошибке Панов поначалу насыпал мне в стакан с плавающими чаинками добрую ложку соли вместо сахара, но я был не в претензии – великанам нужно прощать мелкие ошибки.

А начал рассказ о своем открытии Панов с констатации известного факта: многие ученые давно замечали, что историческое время как будто уплотняется, словно грозно сжимается неведомая пружина. И правда ведь! Еще советский историк и лингвист Игорь Дьяконов, далекий от математики, обозначил в человеческой истории восемь переломных моментов, отметив, что после каждого из них следующий период спокойного ламинарного развития оказывался короче предыдущего. Частота кризисных «миганий» растет! Поняв, что историческое время стремится к какому-то пределу, Дьяконов даже ввел понятие исторической сингулярности.

Австралийский эволюционист Грэм Снукс рассматривал знаковые события уже в биосфере и тоже обнаружил сокращение времени между кризисами примерно втрое, то есть по Снуксу каждый следующий этап развития был примерно в три раза короче предыдущего.

Панов же не только включил в рассмотрение геологическую эволюцию, но и, как я уже сказал, математически обработал данные – представителю точных наук это было сделать легко. Он уточнил коэффициент сокращения этапов, который получился у него равным 2,67, что с хорошим приближением устремляется к знаменитому числу *e*, равному, как мы все помним со школы, 2,71, и являющемуся основанием натуральных логарифмов. Самое название «натуральные» как бы намекает на природность числа. И действительно, это загадочное безразмерное число выскакивает и в физике, и в химии, и в биологии, и в психофизиологии, и в астрофизике, и в экономике и является в нашей вселенной признаком естественного роста чего-либо. Числа правят миром!.. Спираль раковин у многих моллюсков раскручивается по логарифмической спирали. Рукава спиральных галактик раскидываются по логарифмической спирали. Шишки, подсолнухи, ураганы – все это подчиняется великому числу *e*.

Так удивительно ли, что спираль эволюции, включающая в себя эволюцию разума, закручивается с той же натурально-логарифмической зависимостью? Это естественный природный процесс усложнения материи в открытой системе. И живая материя в этом смысле от неживой ничем не отличается, поскольку существует в том же физическом мире.



Логарифмические спирали в природе. Они везде!

В общем, оказалось, эволюция идет рывками. Сначала ползучим образом медленно накапливаются изменения, достигая некоего критического значения, после чего происходит революционный скачок. За которым следует новый этап постепенного накопления изменений, а затем новый выход из накопившихся противоречий через кризис. Периоды накоплений при этом сокращаются в геометрической прогрессии. Это явление наблюдается в геологии, палеонтологии, истории, плавно перетекая из одного в другое. И получается, что эволюция, как процесс, едина, просто ее внешние проявления различны, и наша цивилизация – прямое и закономерное продолжение не только геологической эволюции, но и эволюции всей вселенной. Из математики процесса это следует прямо!..

Но вернемся к прихлебывающему горячий чай молодому Панову, которому вторит своими прихлебываниями молодой в ту пору автор данной книги. Сразу скажу, за меня в этой ситуации читателю беспокоиться совершенно не нужно, потому как соленый чай Панов мне заменил на сладкий, сыпанув в следующий стакан уже из другой банки, за что ему большое человеческое спасибо, век буду помнить.

Знаю, что читатель любит диалоги, они делают любой текст более воздушным, но я для краткости изложу сказанное Пановым своими словами и лишь потом передам слово ему (и себе) для некоего оживляжа.

Итак, пробежимся вкратце по истории планеты. Четыре миллиарда лет назад на Земле возникла жизнь в виде простейших прокариот. Это такие примитивные анаэробные одноклеточные организмы, у которых даже нет ядра. Продуктом их жизнедеятельности был кислород, они его выделяли. Затем в течение двух миллиардов лет ничего особенного на Земле не происходило. Прокариоты просто размножались, захватывая планету. Правда, около двух с половиной миллиардов лет назад возникли эукариоты – одноклеточные организмы с клеточным ядром – но существенной роли в экосистеме они не играли, на

планете царили прокариоты.

Затем случился первый в истории планеты экологический кризис – прокариоты настолько отравили земную атмосферу кислородом, что начали в массовом порядке вымирать от этого продукта собственных выделений. По счастью, у эволюции к тому времени был уже подготовлен запасной игрок – те самые эукариоты, которые дышали кислородом. Они и подхватили эволюционную эстафету.

Вторым революционным скачком был кембрийский взрыв, когда всего за несколько десятков миллионов лет (то есть практически мгновенно по геологической шкале времени) возникли типы и классы живых существ, которые есть и сейчас, вплоть до позвоночных. Это было началом палеозойской эры. В течение палеозоя жизнь постепенно завоевывала новые пространства – выходила из моря и осваивала сушу. За двести миллионов лет суша была завоевана.

Палеозой закончился 235 миллионов лет назад, когда произошел очередной биосферный кризис. Причина его не вполне ясна, но известно, что кризис привел к вымиранию мегалитических земноводных. Тогда лидерами эволюции были огромного размера земноводные, похожие на гигантских лягушек и тритонов. После их безвременной кончины лидерами стали пресмыкающиеся, которые доселе болтались где-то на задворках эволюции. Революция произошла и в растительном мире. Папоротники, хвощи и плауны уступили место голосемянным – предкам наших хвойных. Начался мезозойский период, который кончился 60 миллионов лет назад.

Затем последовал очередной кризис – динозавры вымерли, а лидерами эволюции стали млекопитающие. Преобладающей растительностью становятся покрытосеменные – цветковые растения.

Следующим существенным событием было начало неогена – 24 миллиона лет назад. Вымирают мегалитические млекопитающие – гигантские ленивцы, индрикотерии, фауна приобретает практически современный вид, возникает человекообразная обезьяна. Именно с неогена началось постепенное перетекание чисто биологической эволюции в эволюцию разума.

Очередная революция – начало антропогена, когда возникают прямоходящие пралюди.

Дальнейший шаг – палеолитическая революция – появление первых орудий труда и быстрое их распространение.

Следующие периоды антропологи связывают с прогрессом в обработке орудий труда, то есть с возрастанием

инструментальной мощи разумных обитателей. Начало периода Шель – 600 тысяч лет назад. Ашель – 220 тысяч лет назад. Период Мустье (культурная революция неандертальца) начался 80 тысяч лет назад.

Примерно 30 тысяч лет назад случилась Верхнепалеолитическая революция – наши предки кроманьонцы уничтожают неандертальцев, и дальше за эволюцию на планете уже «отвечает» наш вид. Тогда же широкое развитие получила так называемая охотничья автоматика – лук со стрелами, ловчие ямы.

Десять тысяч лет назад случился очередной экологический кризис – людей стало так много, а охотничьи технологии так развились, что это привело к массовому уничтожению крупной фауны – мамонтов, шерстистых носорогов и пр., – каковая мегафауна была основой питания человека. Стало голодно. В результате этого тяжелейшего кризиса население планеты уменьшилось на порядок, что привело к знаменитой Неолитической революции – человечество перешло от хищнического истребления окружающей среды к более щадящим технологиям, то есть к земледелию. Это уже начало исторического периода.

Три тысячи лет до нашей эры – городская революция, начало Древнего мира.

Следующее событие – старт железного века и неразрывно связанная с ним так называемая революция Осевого времени, когда возникли первые мировые религии, взошли первые ростки гуманизма. Произошло это примерно с 1000 по 300 год до нашей эры. Этот кризис породил Сократа, Будду, Конфуция с их взглядами. Стальное оружие лучше и дешевле бронзового, соответственно, повысилась убойность и доступность, возникли массовые армии, и человечеству стали нужны новые культурные регуляторы, чтобы цивилизация просто не истребила себя. Они и появились – в лице мировых религий и гуманистических философий, призывавших к любви к ближнему. Еще одним «параллельным» ответом на появление железа стало возникновение больших империй – «мировых жандармов», типа Римской империи.

Далее – 500–600 годы нашей эры – гибель Древнего мира и начало Средневековья. Затем первая промышленная революция – 1500 год нашей эры – новые изобретения, географические открытия, начало книгопечатания.

Далее специалисты выделяют Вторую или Большую Промышленную революцию – эпоха пара, угля и электричества – 1840 год.

Наконец, последняя – информационная революция – 1950

год. Как и прочие революции, это было комплексное событие, не только включавшее в себя собственно изобретение электронных вычислительных машин, но и ознаменовавшееся окончанием мировых войн.

Из сказанного уже видно, что чем дальше мы продвигаемся по шкале времени в будущее, тем плотнее сжимаются витки времени. Этот феномен так и назвали – «эффект ускорения исторического времени». Именно о нем и говорил Капица, а также другие исследователи.

– И до меня многие отмечали, что исторические периоды хорошо укладываются в геометрическую прогрессию. – Панов поставил кружку на стол. – Моя заслуга в том, что я продлил этот ряд назад и вышло, что не только историческая, но и биосферная эволюция также укладывается в ту же самую прогрессию. Точки кризисов очень точно ложатся на так называемый гладкий автомодельный аттрактор. Промежутки времени между кризисами сокращаются, железно подчиняясь математической закономерности. Возникает резонный вопрос: где же сходится эта последовательность? То есть, где тот предел на временной оси, когда частота революционных вспышек устремится к бесконечности, а период между ними – к нулю, где спираль сворачивается в точку? Этот предел можно вычислить! Существует хорошо разработанная математическая процедура – оптимизация или, по-другому, регрессионный анализ. Проделав этот анализ для известной последовательности эволюционных революций, можно найти, где находится ожидаемая сингулярность. Если использовать точки, относящиеся ко всей планетарной истории – и биосферной и социальной, – получается 2004 год. Но это в теории. На практике же всегда существует некая ошибка, разброс. Как найти этот разброс? Нужно рассматривать разные участки эволюции. Экстраполяция только человеческой истории дает предельную точку в 2027 году. А если взять ту часть кривой, которая относится к новой эре, получается 2011 год. Другими словами, мы уже в ней, в сингулярности. И это значит, что реакция, которая была запущена четыре миллиарда лет назад, завершает свой цикл, упираясь в естественный предел. И дальше она продолжаться не может – это простой математический факт. Так же, как нельзя дальше заводить уже заведенную до предела спиральную пружину часов – некуда. Формально мы находимся вблизи точки, где скорость истории становится бесконечной. Но поскольку физически такое невозможно, это означает переход в совершенно другой рукав истории. Получаем Предельный кризис, Кризис кризисов. Материя шла к нему четыре миллиарда лет в разном своем

обличье.

Во вселенной среди миллиардов триллионов звезд и планетарных систем чисто статистически существуют триллионы планет, где наличествуют условия для возникновения жизни. И учитывая законы эволюции, которые являются всего лишь следствием общефизических законов сохранения, на них закономерно должна возникнуть и будет развиваться жизнь, в том числе разумная. И вот вопрос: а могут ли вообще цивилизации преодолеть этот предельный кризис, при котором историческое время сворачивается в точку, или это естественный конец процесса? А если могут, то все ли? Или, как из миллиона икринок выживает меньше одного процента, превращаясь в мальков, так и предельный переход преодолевает ничтожное число цивилизаций, а остальные сметаются внутренними противоречиями? Это было бы вполне в духе природы!

Ныне считается, что мироздание плодит бессчетное, практически бесконечное число универсумов (вселенных) с разными физическими константами, и лишь в ничтожном числе вселенных физические константы случайным образом подбираются так, что в них возможно существование сложных структур, звезд, химических элементов, жизни. Наша вселенная из таких.

После Большого взрыва в нашей вселенной произошла взаимная аннигиляция вещества и антивещества, и лишь благодаря ничтожному перевесу частиц вещества над частицами антивещества во вселенной остался строительный материал для звезд, планет и туманностей. Расклад таков: из каждых двух миллиардов образовавшихся при Большом взрыве частиц уцелела лишь одна (!) частица, остальные успешно аннигилировали. Вот такова ничтожная выживаемость вещества даже в тех вселенных, где константы чудом подобрались удачно. То есть наша вселенная состоит из жалких остатков былого обильного «икрометания».

И точно так же расточительно природа играет дальше… Из сотен миллиардов звезд нашей Галактики не все имеют планетарные системы… Из имеющих не везде есть планеты, подходящие для возникновения жизни… Из имеющихся пригодных не везде жизнь может добраться до вершин разума, не угаснув, едва возникнув, по тысячам причин…

Из 200 миллионов сперматозоидов добирается до цели только один, да и то в лучшем случае… Так почему из миллиона разумных цивилизаций преодолеть барьер схлопывания истории должны все? Процент выживаемости цивилизаций в Предельном кризисе нам не известен. Он может быть не слишком отличен от нуля.

С другой стороны, если малек рыбы или человек выросли до взрослого состояния, вероятность погибнуть для них меньше. И коли цивилизация добралась до стадии взрослости и «исторического окукливания», нет никаких принципиальных запретов для нее превратиться в бабочку. Более того, процесс этот прямо предполагается теми же законами эволюции. Пока что наша цивилизация и вообще жизнь на Земле всегда успешно преодолевала все внутренние кризисы. Есть, наверное, шанс преодоления и самого главного Кризиса кризисов?

И тут необходимо сделать одно важное замечание.

Опасности бывают двух видов. Пример опасности со стороны внешнего мира – одна икринка из сотни тысяч выживает, потому что остальные икринки просто съедаются хищниками. А есть еще опасность внутренняя, которая приключилась из-за накопления внутренних противоречий в системе. Она приводит к смертельно опасному кризису, но при этом одновременно является драйвером эволюции – тех самых скачков, которые приводят к усложнению систем с целью их выживания в новых условиях.

Смертельные примеры внутренних опасностей мы уже приводили:

отравление атмосферы Земли кислородом, что привело к почти полному стиранию прежней жизни и торжеству новой,

катастрофа, связанная с истреблением мегалитической фауны, что привело к гибели 90 % людей на планете, но послужило ступенью для возникновения новой формы социальной жизни – Неолитической аграрной революции, которая усложнила общество и привела к появлению государств и городов.

Эволюция так и работает – накапливает загрязнения и проблемы, связанные со способом прежнего существования и преодолевает их путем надстройки сложности, то есть революционным скачком. Но чтобы система не погибла, она для преодоления кризиса должна обладать *избыточным разнообразием*. То есть для того, чтобы эстафету жизни кто-то подхватил вместо устаревших и погибающих конструкций, этот кто-то уже должен заранее существовать на задворках мира. Мир должен породить уродца и терпеть его существование.

Эукариоты на момент экологического кислородного кризиса уже существовали.

Млекопитающие к моменту вымирания динозавров уже существовали.

Первые, чисто религиозно-ритуальные практики проращивания семян в эпоху охоты и собирательства уже существовали к тому моменту, когда прежний способ жизни

оказался исчерпанным и стало востребованным нечто странное – кидать семена в землю вместо того, чтобы их съесть. Технология была уже знакомой и те, кто о ней знал и практиковал в религиозных целях, выжили. Остальных природа смела с игровой доски.

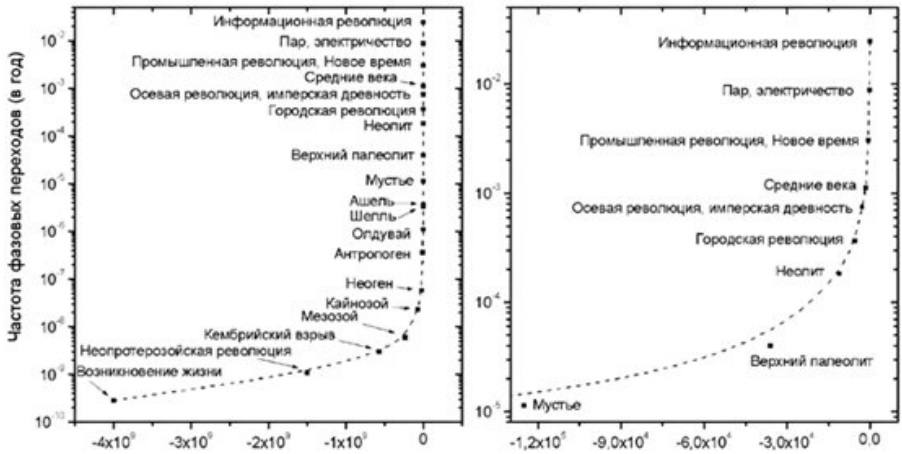
Парашют должен быть в самолете до катастрофы. Запасной вариант должен лежать в кармане еще до наступления экологического кризиса. (Экологический кризис – это не просто загрязнение среды, как привыкли упрощенно думать обыватели и Грета Тунберг, это прежде всего кризис исчерпания прежней модели существования.) Именно поэтому в социальной жизни так важно разнообразие, ибо неизвестно, что выстрелит, какие странные социальные практики послужат вариантом спасения – заранее этого сказать никогда нельзя, только постфактум, хлопнув себя по лбу: ну, про это можно было догадаться!..

Сам Назаретян в смысле возможности преодоления цивилизацией Кризиса кризисов и ее выживания был пессимистом. Я же – оптимист. Земная биосфера множество раз преодолевала кризисы исчерпания прежней модели и каждый раз выживала. Да, на памяти человечества спираль эволюции никогда не достигала той предельной точки сингулярности, в которую мы угодили сейчас, но обязанности умереть у нас нет. Есть только возможность – и погибнуть, и выжить.

Я не зря написал «на памяти человечества». Вселенная существует дольше, чем мы. И эволюция материи в ней началась задолго до появления нас на планете. А поскольку математическая формула не различает материю разумную и неразумную, давайте посмотрим, а не было ли в нашей вселенной другого такого же Кризиса кризисов, и экстраполируем на себя. Ну, хотя бы одного! И выясняется, что был. Вот ровно один! И материя нашей вселенной его успешно преодолела – тот взрывной «вертикальный кризис» буквально родил Вселенную как раз из сингулярности. Его так и называют – Большой взрыв. Об этом кризисе мы поговорим чуть позже, и его преодоление тогда вовсе не значит, что именно земная цивилизация спасется сейчас, а не какая-то другая. Но совершенно точно значит, что эволюция будет продолжена, даже если не выживет ее версия на планете Земля.

А погибнуть мы можем потому, что момент кризиса – это уже упомянутая выше точка бифуркации, то есть такое состояния системы, в котором опрокинуть ее и повести *по кардинально отличающимся траекториям*, может мелкое событие. Иными словами, как убить систему, так и вывести ее из кризиса может случайность, которая в обычном состоянии вообще никакого

влияния на систему не окажет – слону дробина! А вот в моменты неустойчивости может систему опрокинуть.



То, что в науке получило название «вертикаль Снукса – Панова». Представлена здесь в двух разных масштабах в полулогарифмических координатах.

Панов А. Д. Завершение планетарного цикла эволюции. Философские науки 4: 31–50., 2005.

Наверное, только самый внимательный читатель обратил внимание на одну незамеченную абсолютным большинством тонкость. Мы знаем, что эволюция никаких «разрывов» не имеет, и усложнение мертвой материи плавно превратилось в жизнь, а эволюция жизни перетекла в эволюцию разума. То есть предшественником жизни была химическая эволюция. А это значит, что химический период развития материи должен быть втрое дольше биологического. А он почему-то на удивление короток – всего каких-то 500 миллионов лет прошло от момента возникновения планеты до появления на ней жизни. Хотя следовало бы отвести ей 5,5 миллиардов лет (если экстраполировать прогрессию назад).

И тут Панов делает следующий шаг, развернувший земную историю в галактическую. Он говорит: возможно, химическая эволюция действительно продолжалась положенные ей по теории пять с половиной миллиардов лет, но не на Земле. Как же она попала на Землю? Процесс этот хорошо известен и носит название «панспермия» – перенос вещества от одной планеты к другой на метеоритах, выбитых в космос с поверхности планет при падении астероидов или просто на кусках породы, выброшенных в результате извержения вулканов. На Земле, например, нашли метеориты, выбитые с Марса, а на них –

сложные органические соединения, возможно, говорящие о существовавшей когда-то на Марсе жизни. Так что в рамках одной планетной системы такой заброс – факт подтвержденный. Но ничто не мешает метеоритам путешествовать из одной звездной системы к другой. Более того, расчеты показывают, что на Землю примерно раз в тысячу лет падает метеорит, прибывший к нам из глубин космоса, то есть из другой звездной системы.

Если теперь к четырем миллиардам лет развития жизни на Земле прибавить недостающие 5,5 миллиардов лет, мы отъедем в прошлое примерно ко времени формирования нашего галактического диска. То есть химическая эволюция должна была бы начаться в момент формирования первых планет земного типа в нашей галактике, чтобы успеть к нашей сегодняшней сингулярности истории. Если эта гипотеза верна, продукты предбиологической эволюции (устойчивые автокаталитические цепочки, то есть вещества для самоподдерживающихся цепочек химических реакций) должны были разноситься по всей галактике еще до первого возникновения жизни. Таким образом, с помощью панспермии химическое вещество в течение одного галактического года (примерно 200 миллионов лет – оборот галактики вокруг своей оси) «перемешивалось», и эволюционные процессы на разных планетах таким образом могли синхронизироваться с точностью до пары сотен миллионов лет. (Чуть подробнее я освещу этот момент в Приложении к книге.)

Мысль небезынтересная, но что это значит?

Есть такой парадокс в радиоастрономии – Великое молчание космоса, он же парадокс Ферми – мы почему-то не слышим никаких радиосигналов от сверхцивилизаций, желающих вступить с нами в контакт. Мы, правда, и сами не слишком стремимся установить контакт с муравьями, но все же – почему старшие братья по разуму молчат? Возможно, как раз потому, что из-за синхронизации эволюции в галактике, мы находимся как раз на фронте эволюционной волны, и никаких сверхцивилизаций пока просто еще нет.

Внимательно выслушав аргументы Панова про панспермию и фронт цивилизационной волны, я, помнится, возразил:

– Даже если эти соображения верны, из них совершенно не следует отсутствие сверхцивилизаций. Вы же сами говорите, что синхронизация имеет «допуск» в 200 миллионов лет. Для развития планеты это – пустяк. А для цивилизации – гигантский срок! Всего пятьсот лет назад мы воевали луками и стрелами, а сейчас овладеваем сверхпроводимостью и покоряем термояд. Невозможно даже представить, чего мы достигнем через сто лет. Тем более через тысячу. А уж о ста миллионах лет форы и

говорить не приходится! Сверхцивилизации вполне могут существовать при таком допуске!

– Могут, – согласился Панов. – Если только они вообще в состоянии преодолеть эту странную точку – «сингулярность истории». Ведь как обычно преодолевался обычный эволюционный кризис? Биосфера, человеческое сообщество всегда состояли из отдельных подсистем. Те части, которые не могли дать адекватного ответа кризису, вымирали. А которые дать ответ могли, выживали и переходили на более высокую ступень эволюции. Динозавры вымерли, а млекопитающие выжили и захватили планету. Рим победил, а Карфаген пал… Но сейчас, в связи с завершающимся процессом глобализации, вся планета постепенно становится одним целым. Фактически на Земле не останется подсистем, которыми эволюция могла бы пожертвовать. Если уж рухнет, то рухнет все, как целое. Либо мы спасемся все, либо все погибнем. Возможно, большинство цивилизаций не преодолевают такой кризис, и он преодолевается только за счет большого числа цивилизаций.

– Понятно, одни «зерна» не взошли и погибли «целиком», а какие-то взошли. Но если какие-то цивилизации в нашей галактике этот кризис уже преодолели, неужели они нам по-братски не помогут? Мы же придумали акушерство и родовспоможение. Отчего бы и им не стать акушерами для других цивилизаций?

– А почему же мы их не видим? Космос-то молчит, – грустно сказал Панов, отхлебнув чай.

Я его печали не разделил:

– Да по той же причине мы их не видим, по которой ребенок в утробе матери не видит свою маму. По той же причине, по которой куколка не видит мира, пока не станет бабочкой. Просто рано еще.

Панов поставил полупустой стакан на стол:

– Есть и другое объяснение: эволюция после кризисной точки развивается по интенсивному сценарию – не путем внешней экспансии, а как бы внутрь. То есть цивилизация не стремится в космос, а остается на своей планете. Например, уходит в виртуальную реальность. Или же вырабатывает такие этические принципы существования, которые запрещают ей вмешиваться в жизнь на других планетах.

– И такое может быть. Даже у нас на планете эта тенденция прослеживается, – поддержал я мысль Панова. – Смотрите, первые колонисты Америки начали массовую охоту на бизонов и индейцев. Первых истребили всех, вторых – почти всех. Сейчас происходит ровно наоборот! Бизонов хотят восстановить с

помощью беловежских зубров, индейцам платят пособие и поддерживают их народные промыслы, а аппараты, которые отправляются на Марс, стерилизуют, чтобы не повредить возможной жизни на Марсе…

– Да, рождается экологическое миропонимание. Так что на колонизацию дальнего космоса цивилизацией может быть наложен самозапрет. Такой же сильный, как наложила наша цивилизация на каннибализм. Хотя, с другой стороны, я не могу исключить вашего сценария – что за нами втихую присматривают, в этой гипотезе нет ничего ненаучного. Лев Гиндилис – старший научный сотрудник Государственного Астрономического института имени Штернберга и директор научно-культурного центра «SETI» – полагает, что с нами не вступают в контакт, чтобы не лишать собственной истории.

– И зря! Потому что история в привычном нам смысле все равно заканчивается, Фукуяма был прав. А по поводу «близких контактов третьего рода» скажу так… Детей в мир взрослых допускают только после взросления. И, возможно, сингулярность истории и есть критическая точка взросления и перехода человечества в новое фазовое качество. Наблюдений НЛО-подобных объектов на планете так много, включая наблюдения инструментальные, что инопланетяне как персонажи давно и плотно вошли в нашу культуру. О них снимают фильмы, рассказывают анекдоты, пишут книги, рисуют карикатуры. К ним привыкли. Может, это и есть их цель? Если ребенку можно спать до будильника еще целый час, мама будет ходить по квартире как можно тише. Но если до звонка осталась минута-другая, она уже не станет ходить на цыпочках, вот и наши «акушеры» не считают нужным особо скрываться. Все равно пружина истории заведена, и будильник вот-вот взорвется.

Как вы поняли, последняя часть нашей беседы – уже чистые спекуляции, игра ума для развлечения почтенной публики. А реальность дня завтрашнего может оказаться совершенно непохожей на любые представления о ней. Мы привычно экстраполируем вперед сегодняшний день, грезим о каких-то межпланетных и межзвездных перелетах и контактах с братьями по разуму, но вполне возможно, что их никогда не будет, а наша песенка окажется спета вовсе не по нотам ядерной или любой другой катастрофы, а прозвучит в тональности естественного угасания. В лучшем случае – с передачей эволюционного факела кому-то другому. Каким-то «млекопитающим», которые придут на наше место, на место устаревших «динозавров».

Глава 3
Сжатая в тугую спираль пружина распрямится

Та самая сингулярность, в которую мы уже влетели, как поезд в туннель, сплетается, словно косичка, из нескольких «нитей» – из исторической сингулярности, отмеченной Дьяконовым, из демографической сингулярности, экономической, технологической… О последней, технологической сингулярности, писали такие исследователи, как Курцвейл, Моравек, Гуд, Винж. Самым известным широкой публике из перечисленных является Рэймонд Курцвейл – американский футуролог с книжками. Именно его восторженные читатели и почитатели с необычайным воодушевлением говорят о том, что скоро технический прогресс станет столь скоростным и стробоскопичным, искусственный интеллект будет настолько мощным, что мы вообще перестанем понимать, что происходит, и дальнейшую эстафету эволюции понесет уже искусственный интеллект и прочие роботы-киборги. А мы, люди, возможно вообще не сохранимся, как вид, или станем киборгами, тело которых состоит, словно муравейник, из целого сонмища нанороботов, которые его постоянно починяют даже лучше, чем кот Бегемот керосиновый примус.

Действительно здравое зерно в этих рассуждениях-опасениях-восторгах есть. Мы его чуть позже отыщем, несмотря на микроскопические размеры. Но сразу скажу, что не все так просто, наивно и феерично, как представляется Курцвейлу и его адептам.

Да, действительно, уже сейчас поколения смартфонов меняются чаще, чем физически устаревают. Уже сейчас, как мы видим по политическим событиям в мире, длина человеческой жизни с ее неизбежной старостью и косностью стала тормозом на пути прогресса и причиной войн: старые политики с их древними представлениями не успевают за новыми взглядами и реалиями жизни.

Но на чем основывается Курцвейл? Что говорит этот техно-оптимист? Чему учит незрелые умы?

Смотрите, говорит Курцвейл, есть такой закон Мура! Этот самый Мур еще в 60-е годы прошлого века заметил, что мощность компьютеров возрастает вдвое каждые полтора года. С тех пор процесс ускорился, и их мощность удваивается менее, чем за год! Вы представляете, что вообще будет через сотню лет? Да такими темпами за двадцать первый век мы продвинемся по пути

прогресса не на сотню лет, а на двадцать тысяч лет!

И он уже ошибается, этот взрослый восторженный ребенок.

Он увлеченно тычет пальцем в ту самую вертикаль Снукса – Панова, которая представляет собой улетающую вверх в бесконечность кривую на графике ускорения научно-технического прогресса, которую футурологи и называют сингулярностью. (Воодушевленные этим взлетом сторонники и поклонники технологической сингулярности стали даже употреблять термин «вертикальная эволюция», делая таким образом отсылку к вертикальному асимптотическому взлету кривой Снукса – Панова.)

Но так не бывает. В реальном физическом мире процессы с обострением неизбежно претерпевают фазовый переход и переламываются. Деревья не растут до неба. И научно-технический прогресс, вопреки уверениям восторженных юношей со взором горящим, уже начал замедляться. Он не мог не замедлиться, поскольку зависит от количества людей, а демографическое торможение идет вовсю. Население еще увеличивается в числе по инерции. Но скорость его роста уже упала. Прежние законы перестают работать, выйдя за область своего определения.

Один только пример.

Тот самый закон Мура, на который так любит ссылаться Курцвейл, уже не работает. К 2020 году, как предполагала экстраполяция Курцвейла, у настольных компьютеров будет мощность в петафлопс (10^{15} операций в секунду), согласно закону Мура, а на самом деле она сейчас на два порядка меньше, то есть пророк ошибся в сто раз.

Курцвейл – это разновидность Илона Маска, последний начитался фантастики 60-х годов, хочет строить вакуумные трубы для невероятно скоростных поездов и грезит колонизацией Марса. Хотя сам вопрос о покорении космоса и нужности этого мероприятия остается без ответа. Для чего колонизировать Марс? Это уже неактуально! Это инерция древнего мышления. На протяжении всей своей истории человечество все время что-то колонизировало. Колонии греков в Крыму, колонии финикийцев в Африке, европейские колонии по всему земному шару. Из-за перенаселенности обжитых территорий людей постоянно выдавливало в колонии, как пасту из тюбика, пока они не колонизировали всю планету и не случилась Современность с ее демографическим переходом – явлением совершенно беспрецедентным в истории. Доселе люди только росли в численности, неукротимо размножаясь. И потому линейно экстраполировали свое прежнее поведение в будущее: раньше

колонизировали Африку, а потом настанет черед Марса. До сих пор еще снимаются фантастические фильмы про какие-то колонии землян на других планетах и их приключения там. В этих произведениях бригантины и каравеллы заменились на звездолеты, мушкеты на бластеры, континенты и острова на иными миры, но психология экстенсивного захвата территорий осталась прежней. Однако в условиях, когда население планеты через полвека стабилизируется или даже (в худшем варианте) начнет сокращаться в численности, колонизация Марса просто теряет всякий смысл. Зачем?

Один мой знакомый историк науки по этому поводу метко заметил:

«К чему вам Марс? Если уж приспичило что-то колонизировать, так колонизируйте пустыню Гоби. Там тоже зимой ужасно холодно, там тоже нет воды, там тоже нечего делать, но там по крайне мере дышать можно! И лететь так далеко не надо».

Логика убийственная. На Марсе нет ничего такого, чего не было бы на Земле. Да и во всей Вселенной нет, она вся состоит из тех же самых химических элементов, что мы имеем в округе. Но на Земле добывать и производить их удобнее. И в этой связи возникает вопрос: а куда же тогда развиваться? У нас в сознании развитие чаще всего связано с внешней экспансией, с экстенсивным расширением, а не интенсивным внутренним усложнением. Нам это проще себе представить. Однако фазовый переход является переходом именно качественным, а не количественным.

И для поисков ответа на этот вопрос нужно будет чуть ближе познакомиться с той новой наукой, о которой шла речь в предыдущей главе – Универсальной историей. Точнее, с ее законами. Ведь у каждой науки должны быть свои законы, иначе это не наука, а сущее безобразие!

Те несколько открытых законов, которыми оперирует Большая история, позволяют понять механизмы, по которым работает природа, усложняя конструкции. Часть из них мы уже проходили, однако напоминание о них не будет лишним.

Первый закон эволюции. Всякое усложнение неизбежно сопровождается разрушением. Левацкая розовая болтовня о том, что нужно жить в гармонии с природой, это просто безграмотный бред людей, не знакомых с физикой. Ежесекундная работа системы против энтропии требует энергии и ресурсов. Энергия и ресурсы забираются из окружающей среды, разрушая ее. И только за счет деградации окружающего пространства оплачивается существование в среде сложных структур, которые тем самым

поддерживают свою выделенность из среды. Хищник пожирает травоядное, травоядное пожирает растение, растение пожирает почву, постепенно приводя ее к деградации. И если вы будете на одном поле год из года сажать одну культуру, почвы истощатся. Приходится строить заводы и фабрики по производству химических удобрений. Заводы и фабрики также оплачиваются за счет разрушения окружающей природы. Ну, а вся биосфера целиком существует за счет деградации Солнца. Как только топливо звезды иссякнет, праздник жизни в рамках отдельной взятой планеты закончится.

Таким вот образом физика XX века ответила на вопрос, который волновал науку: а почему вообще в мире происходит усложнение систем, если второй закон термодинамики, открытый еще в XIX веке, гласит, что все должно только деградировать, ломаться и портиться, а энтропия (хаос) торжествовать? Неравновесная термодинамика, разработанная бельгийским физиком Ильей Пригожиным и его последователями, ответ на этот вопрос дала: второй закон термодинамики справедлив только для закрытых систем, то есть таких, куда не поступает внешняя энергия, а усложнение происходит в открытых системах, то есть в тех, куда постоянно закачивается энергия.

Но тут есть одна тонкость. Как вы думаете, какой процент от проливающегося на нее солнечного излучения наша Земля с пользой поглощает, то есть забирает себе для роста своих растений, функционирования биосферы и работы погодной машины, для функционирования цивилизации, наконец? Ведь не всю же энергию светила планета поглощает, не правда ли? Часть энергии Земля, как нагретое тело, неизбежно излучает в космос. Так сколько же она забирает себе из того, что на нее подает Солнце? 90 %? 50 %? 20 %? 1 %?

Правильный ответ – нисколько. Ноль процентов! Всю ту энергию, что Земля получает от Солнцу в виде излучения, она сбрасывает обратно в космос. Иначе планета просто тупо нагревалась бы и постепенно превратилась в расплавленный шар. Но она не нагревается, а поддерживает стабильную среднепланетарную температуру (глобальным потеплением пренебрежем за малостью). Тогда за счет чего же происходит эволюция и жизнь? А за счет деградации высокоорганизованного высокочастотного излучения и переизлучения его обратно в космос в виде низкочастотного. То есть Земля «какает», то есть сбрасывает энтропию в виде излучения теплового диапазона. Биосфера работает именно на разрушении упорядоченности.

Абсолютно аналогичным образом функционирует и организм. Если человек не растет, как это делают дети, и не

жиреет, то вся поглощенная им масса еды с точностью до миллиграммов сбрасывается им в унитаз, выделяется с потом, слезами, соплями, отстриженными волосами и ногтями, а также отшелушивающейся кожей. Общий баланс нулевой! Потому что человек питается не материей, а организацией материи, ее деструкцией. И сбрасывает энтропию в унитаз в виде более простых молекулярных соединений, нежели поглощенные.

Второй закон эволюции. Это закон избыточного разнообразия. Чтобы система успешно преодолевала кризисы, она должна обильно генерировать «лишнее». То есть элементы системы должны отличаться значительным разбросом свойств. Тогда изменение внешних условий среды сметет виды (или модели жизни) с теми свойствами, которые для новых условий не годятся. И росток новой жизни дадут те вчерашние аутсайдеры, которые ранее считались избыточностью и никакой особой роли не играли. Но жирующая прежняя система непременно должна от своих излишеств производить лишнее – про запас. Такими лишними в Средневековье были, например, всякие астрономы-механики-алхимики, которых содержали богатые меценаты и из которых потом выросла наука, сотворившая Современность. Мы этот момент уже отмечали: разнообразие, в том числе в социальной жизни, необходимо ценить, а не подавлять.

С какой целью герцог Чезаре Борджиа содержал при своем дворе талантливого механика и изобретателя Леонардо да Винчи? Да ни с какой! Просто так! Ему нравилось то, что Леонардо делает. Сильные мира сего запросто могли обойтись без придворных алхимиков, механиков, художников, поэтов, музыкантов и звездочетов. Но если денег хватает, почему не позволить себе такие развлечения? Избыточный ресурс (в данном случае богатство) притягивает к себе непрагматичные излишества, творя разнообразие ради неизвестного будущего.

Третий закон эволюции. Экологический кризис или кризис исчерпания среды всегда преодолевается путем дальнейшей надстройки сложности, переходом системы на высший уровень организации. Иными словами, система переходит на новые технологии взаимодействия со средой. Раньше кислород выделяли простейшими прокариотами, теперь поглощаем более сложно устроенными эукариотами. Раньше просто отбирали у природы еду, теперь будем ее выращивать – и скот, и зерно. Правда, для этого придется менять целые природные ландшафты – вырубать леса на половине Европы, но что ж… созидание и внутреннее усложнение оплачивается разрушением, ничего не попишешь.

Какая система сложнее – пресмыкающееся или теплокровное?

Тот, кто мечет икру и откладывает яйца «на волю», всем хищникам на пропитание, или тот, кто сберегает потомство, выращивая его в себе, как это делают плацентарные, а потом потомство обучает? Какая социальная система обладает более развитыми технологиями – простые собиратели или те, кто умеет пахать и сеять, удобрять и собирать, обрабатывать и сохранять? У кого горизонт планирования дальше?

Какая техносфера сложнее – там, где подкидывают уголек в топку, или там, где мутят с термоядерной энергией? Какая больше насыщена наукой?

Мы уже говорили, что каждое усложнение социальной системы, увеличивает емкость ареала обитания, его способность прокормить большее количество народа. Простой переход с угля на нефть и овладение электричеством позволил населению планеты вырасти в четыре раза всего за сотню лет (с 1,6 миллиарда в 1900 году до 6 миллиардов в 2000 году). То же самое было при переходе из века бронзы в железный век – бурный рост населения. То же самое было при переходе от охоты и собирательства к аграрному строю.

Интересные цифры в порядке иллюстрации приводит в одной из книг А. Назаретян – на широте Москвы одному охотнику-собирателю в диком лесу требуется двадцать квадратных километров, чтобы прокормиться. Таким образом на территории Москвы внутри МКАД (немногим более 900 км^2) могло бы прожить всего 45 охотников-собирателей с каменными топорами. Сейчас, при современных технологиях в Москве живет больше десяти миллионов человек. Вот насколько выросла несущая способность наших ареалов благодаря техносфере.

Четвертый закон эволюции. Закон иерархических компенсаций или закон Седова (открытый ученым-кибернетиком Е. А. Седовым и названный его именем). Он, если коротко, звучит примерно так: внутреннее усложнение системы сопровождается ее внешним упрощением. Или так: разнообразие на верхнем уровне системы растет, а на нижнем уменьшается.

Как ни странно, именно закон иерархических компенсаций обычно вызывает больше всего непонимания и даже странной радости у фашизоидной публики всех мастей. Поэтому с ним нужно разобраться по чесноку!

Когда более четверти века тому назад ваш покорный слуга впервые в популярной литературе знакомил широкую публику с этим законом, я придумал следующую иллюстрацию для его объяснения, ставшую с тех пор уже классической. Между прочим, это было написано в той самой книге, которую я подарил Дэвиду Кристиану, одному из отцов-основателей новой науки:

«Современные автомобили, напичканные электроникой, все внешне похожи на обмылки – это влияние аэродинамики. (Более того, сейчас многие машины выпускаются просто на стандартных базовых платформах, внешне различаясь лишь мелкими внешними деталями и убранством салона.) А вот более примитивные кареты XVIII века были на удивление разнообразны – все украшены вензелями, виньетками, имели разный диаметр колес и габариты».

Вот что такое внутреннее усложнение при внешнем упрощении!.. Я предпочитаю именно такую формулировку закона (противопоставление внешнего и внутреннего), несмотря на то, что в литературе устоялась менее вразумительная формулировка с противопоставлением верхнего и нижнего уровней системы. Именно эта некорректная формулировка и дает повод фашиствующим молодчикам утверждать, будто свобода личности по мере прогресса падает, а государства – растет! Мол, вот же, закон Седова утверждает, что на нижнем уровне разнообразие должно падать и должна происходить унификация личности, но за счет этого неизмеримо вырастет сложность Государственной Машины! Мы – винтики великого Молоха! Бред, конечно. Но весьма популярный среди тех, кто пытается поставить универсальный эволюционизм на службу собственным комплексам.

Суть закона Седова применительно к нам состоит в том, что при внешнем упрощении внутренняя сложность человека неизмеримо выросла. Это раньше разнообразие народностей и племен было так велико и столь разительно, что антропологи прежних эпох даже определяли людские племена и этносы по их внешним, зачастую невероятно вычурным признакам – одежде и татуировкам, обычаям и диковинному шрамированию. Сейчас горожанина одного полушария не отличишь от горожанина другого полушария – пиджак, галстук, брюки, смартфон, «Фольксваген», ноутбук, унитаз. Проснулся и на работу в офис пошел…

Техносфера сделала нас внешне одинаковыми. А ведь насколько разнообразными внешне были люди раньше! Чукчи и прочие жители Арктики били нерпу и вели один образ жизни, обитатели равнин – другой, жители джунглей – третий, обитатели пустынь – четвертый. Биосфера диктовала! Жизнь лепилась средой. Теперь у нас на всех одна среда – техносфера. Унифицированная.

При этом внутренняя когнитивная сложность современного жителя городской техносферы, работающего и общающегося в сети, не идет ни в какое сравнение с шаблонным крестьянином

двухвековой давности. У крестьян одинаковость приемов выживания, зависящих от природных условий обитания, плюс отсутствие образования делали селян одного природного ареала примерно одинаковыми консервативными болванками, боящимися нового, заточенными под традиционные ценности и местечковые табу, отчего одинаковых крестьян можно было запеленать одной на всех идеологией (религиозной). Переход крестьянской массы из Деревни в Город сопровождался поначалу просто сменой идеологической одежки – на смену классическим религиям пришли неоклассические – марксизм и фашизм. Но сегодня единой идеологической накидкой горожан уже не обнимешь, они слишком многообразны внутренне, при всей своей общемировой внешней схожести. Смартфон – это свобода в кармане. Люди разбились по клеточкам увлечений и мировоззренческий течений, они читают разное, смотрят разное, обитают в собственных информационных пузырях и чувствуют себя там вполне комфортно, выполняя общие для «организма» функции только на основной работе – просто работают и просто платят налоги. А в свободное время думают о мире ну совершенно как хотят. И миру на это наплевать.

Не наплевать только марксистам и фашистам разных мастей, которые хотят загнать всех в свою лунку, что уже невозможно. Да и единой лунки этой уже нет, по большому счету, она рассыпалась на десятки оппортунистических марксистских течений, ненавидящих друг друга. Поэтому современные лайт-фашистские (авторитарные) режимы обходятся без идеологии, хотя по ней и тоскуют. Но в эпоху атомизации и индивидуализма тосковать о коллективизме поздно! Мегаполис – это не коллектив, а сборище индивидуальностей. Современный горожанин не имеет ни национальности, ни принадлежности к классу. Эти понятия уже стерлись и вышли из моды.

Здесь под национальностью я понимаю так называемую этничность, а не принадлежность к политической нации, то есть гражданство. Если спросить аргентинца или жителя США о национальности, он ответит, что он аргентинец или, соответственно, американец. И только дальнейшие уточнения о корнях пояснят ему, что вы имеете в виду, и он скажет, что его предки по отцу приехали из Италии (Норвегии или Германии), а мамины были из Словакии или Одессы. Нет больше никакой этничности в современном городе, если только она искусственно не окукливается в каком-нибудь китайском квартале или уругвайской деревне русских староверов. Но надолго ли хватит этих кварталов? Это уже экзотика типа амазонских дикарей, до сих пор бегающих с копьями. Такая же экзотика как

сохранившиеся прокариоты в нашу эру эукариотов. Это я вам как эукариот эукариоту говорю.

А лучше всего убирает этничность буржуазный образ жизни, то есть классический капитализм. Он, бросая в котел буржуазности племена гасконцев, нормандцев и прочих жителей Вандеи, сплавляет их в единую нацию французов. (Но, слава богу, глобализация на этом не останавливается и уже в этом веке целиком объемлет земной шар в одну «нацию» землян.) И только в странах, где искали свой собственный путь развития, например, строили социализм, до сих пор сплавления народностей в единую политическую нацию не произошло. В России доселе еще существуют чеченцы, татары, чуваши, русские и прочие, а слово «россиянин» (как обозначение политической нации) до сих пор выглядит в глазах людей странновато. А все потому, что технология плавки была нарушена!

То же самое касается и классов, некогда разлинованных бородатым Марксом. К какому классу принадлежит рабочий, имеющий акции своего предприятия и еще десятка других? К какому классу принадлежит миллионер, сделавший свои миллионы самостоятельной работой на себя (артист, адвокат, врач, программист, юрист, художник, иной фрилансер)? Относится ли к пролетариату наемный менеджер? А инженер? А завтрашний робот с искусственным интеллектом, которому левые либералы дадут права и гражданство?

Ну, а вместе с образом жизни неизбежно меняется и психотип человека. Тот самый фазовый переход делает человека менее агрессивным и воинственным, менее склонным причинять другим добро, менее категоричным, более толерантным, более внутренне свободным. Антропологически человек Деревни, то есть человек традиционных ценностей, очень отличается от урбанизированной личности, от человека Города. И так было всегда.

Даже во времена дикой древности и обыденной жестокости мегаполис уже подразумевал внутреннюю свободу горожанина для своего функционирования. Город иначе не работает! «Даже собака становится свободной, когда входит в Вавилон!» – гласила поговорка этого древнего кипящего мегаполиса, где, несмотря на царизм, было местное самоуправление и выборные должности, где уже тогда начало зарождаться первое предбуржуазное общество. И в гораздо большей степени это относится к современным мегаполисам, а учитывая информационные сети, которые опутали планету, вскоре уже всех жителей Земли можно будет называть жителями планетарного вавилона.

В одной из своих книг я приводил небольшую иллюстрацию, как отличить общество современное от общества с

провинциальной психологией на примере двух городов:

«Город А. Человек взбирается на скамейку и начинает речь, обращаясь к прохожим, идущим по тротуару. Одет он слегка необычно и говорит немного необычные вещи. Вокруг сразу же собирается толпа и начинает внимательно слушать, не соглашаться и бурно, а порой и весьма агрессивно спорить с проповедником.

Город Б. Человек на улице начинает речь, обращаясь к прохожим. Одет он не просто необычно, а совершенно вызывающе, он практически голый! И рассуждения его возмутительные! Но вокруг него не только не собираются слушатели, напротив, прохожие норовят побыстрее пробежать мимо проповедника, чтобы он не дай бог не ухватил за рукав и не заставил слушать. Их совершенно не интересуют чужие взгляды и теории, у них своих теорий и взглядов в башке полно».

Первый город – глухая ментальная провинция, деревенский тип мышления. Второй – современный мегаполис, где на фриков просто не обращают внимание.

В городе А живут люди, которых очень возмущает, если кто-то думает неправильно, говорит возмутительные вещи, ошибается или «врет». Его тут же начинают поправлять, то есть приводить к общему знаменателю, порой даже силой.

В городе Б всем наплевать на чужое мнение, здесь давно привыкли, что каждый имеет право быть странным, непохожим на остальных и обладать любой точкой зрения. Лишь бы не цеплялся.

Город А, кстати, это Киев, где в 2008 году я наблюдал именно такую картину, вполне характерную для Москвы какого-нибудь 1988 года.

Пятый закон эволюции. Все новое строится на базе старого и потому несет в себе все родовые черты прежних конструкций.

Кажется, что это совершенно естественно и даже не нуждается в награждении высоким титулом закона. Ну, а как иначе?! Раз мы все произошли от одноклеточных, то в своей конструкции и несем клетки со всеми их мелкими деталькими!.. Раз уж разумный вид на нашей планете произошел от обезьяны, то все родовые черты приматов – и в поведении, и в обличье – у нас налицо! Куда ж от обезьяны внутри денешься? Раз уж у нашего вида самец доминантен, то и вся цивилизация имеет налет патриархальности, столь ненавистный феминисткам. Раз уж мы произошли от моногамного вида, подавляющее большинство людей планеты живут именно так, что нашло свой отпечаток даже в конструкции власти и экономики [22].

Этот закон, кажущийся столь простецким, игнорировать тем

не менее нельзя. Несмотря на то, что эволюция каждый раз собирает новые конструкции на базе старых, и новое без включения в себя старого работать не может, все-таки был ключевой момент в истории мироздания, когда этот закон не сработал. И сейчас мы находимся ровно в такой же точке – второй раз за всю историю нашей вселенной. Это очень важный момент, и мы его непременно затронем, от него зависит наша судьба.

Шестой закон эволюции. Он носит имя Назаретяна, в честь первооткрывателя. Хотя сам первооткрыватель скромно и безлично назвал его законом техно-гуманитарного баланса. В чем его суть?

Поскольку мы несем в себе (см. пятый закон) все родовые черты примата, а обезьяны импульсивны, агрессивны, порой жестоки, эгоистичны, визгливы и драчливы, но при этом не обладают от природы хорошим вооружением – у них нет клыков и когтей, как у хищников, нет рогов, как у буйвола, – то одной обезьяне голыми руками трудно убить другую. Поэтому природа в них и не поставила мощных предохранителей от убийства себе подобных, каковые есть у всех вооруженных видов. Хищники редко убивают друг друга, в них это вшито на уровне инстинктов. И называется сей предохранитель популяциоцентрическим инстинктом. Если у тебя сильное вооружение, твой вид не выживет в случае регулярного применения этого оружия по отношению к себе подобным. А раз вид существует, значит, внутренний предохранитель на убийство себе подобных природой поставлен и прекрасно работает. Драки, конечно, случаются – в борьбе за самку, за территорию – но популяциоцентрический инстинкт их останавливает, не дав случиться убийству… Хищники редко дерутся до смерти, и у них есть специальные жесты и знаки «сдаюсь», после демонстрации которых побеждающий сразу утрачивает всю агрессию и прекращает нападение. Таково врожденное благородство хищника, вшитое ему на уровне инстинкта.

Ну, а у плохо вооруженных видов популяциоцентрического инстинкта нет за ненадобностью, вшитые запреты на убийство себе подобных у них крайне слабые или отсутствуют. И вот классический пример такого отсутствия: голубь методично может заклевать до смерти ослабевшего сородича, его ничто не останавливает. Не ту птицу назначили символом мира…

Обезьяна – животное тоже неблагородное. Зато хитрое. Обезьяна в нашем лице даже придумала орудия для убийства. А значит, для того чтобы исключить взаимоистребление, эволюции нужно было ставить предохранители. И поскольку зверь биологически сформировался, эти предохранители ставила уже

не биологическая, а социальная эволюция. И чем более убойными орудиями обзаводился примат, тем больше культурных ограничений по истреблению себе подобных эволюция наворачивала на наш вид. Появление мировых религий с их показным миролюбием, запретами убивать ближнего, отнимать его имущество и самок – это и было внешним проявлением того регуляторного механизма, о которым мы говорим. Протез популяциоцентрического инстинкта. Социальная система обзавелась судами, следственными органами, законами Хаммурапи, скрижалями и заповедями, чтобы затормозить внутривидовую агрессию. Чтобы можно было получить нечто большее, чем стадо, а именно – государство, а затем и техносферу.

Как же работает культурный протез популяциоцентрического инстинкта у нашего вида? Долгое время моральные ограничители на убийство служили инструментом в конкурентной борьбе между социальными организмами – племенами и государствами: мораль была смещена в сторону своих. Своих нельзя убивать, а чужих нужно. Формально религия декларировала лозунги про «несть ни эллина, ни иудея» и рассказывала, что обидчику, кем бы он ни был, нужно подставить вторую щеку для удара. Но при этом институции, сросшиеся с государствами (церковь) и их представители (фронтовые капелланы и попы всех мастей) учили, что блажен тот, кто отдаст на фронте жизнь «за други своя». То есть за веру, царя и отечество. И поскольку священное писание – толстая книга ни о чем, из нее всегда можно надергать соответствующих цитат. Даже из Нового завета, где, казалось бы, сплошное человеколюбие, но нет-нет, да и проскользнет в устах Христа: «Не мир я принес, но меч». И даже обоснования для гражданской войны, где брат идет на брата, у того же Христа с его всепрощением можно найти запросто: «Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку домашние его! Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня».

В общем, вперед за идею! А что такое идея? Идеология. Мировоззренческая картина. Взгляд на то, как устроен мир «на самом деле». Но мы с высоты научного полета и сегодняшнего дня уже понимаем: никакая идея и никакая теория весь мир никогда не объемлет, ибо помещается внутри одного разума, а мир представлен миллиардами разумов. И у каждого разума свои, вполне конкретные животные интересы… Ничего, что я иногда повторяюсь? Это только на пользу! Повторенье – мать ученья. Вы

же ничего не имеете против матери? Мать – это святое!

Но по мере прогресса и роста убойности оружия гуманистическая мораль распространялась на все большие человеческие коллективы. Католическая церковь признала индейцев людьми, возникали правила и обычаи ведения войны… Назаретян и многие другие исследователи доказательно и с цифрами на руках пишут, что в силу гуманизации люди с каждым тысячелетием все меньше в процентном отношении убивают друг друга (не в абсолютном выражении, а в относительном исчислении). Так срабатывают культурные ограничители. Аналогично, между прочим, срабатывают у нас и правила о чистоплотности, коих в базе у Homo sapiens конструктивно не было. И за этим, между прочим, весьма интересно пронаблюдать, чтобы на данном примере в очередной раз убедиться: то, чего ей нужно, природа добьется не мытьем, так катаньем. Поэтому давайте совершим небольшой экскурс в сторону дерьма. Я люблю такого рода развлекательно-познавательные отвлечения!

Обратите внимание, лошади и прочие травоядные гадят, где попало. Хищники же – врожденно чистоплотные существа. У них в инстинкте это заложено. Кто видел, как наши одомашненные хищники ходят гадить в лоток и потом закапывают произведенный «товар» лапами, тот понимает, о чем речь. Потому что хищники имеют гнездо, логово. В котором ежели гадить, твое потомство сдохнет от заразы. И, кстати, касается это не только хищников! Во все модели живых существ, которые имеют дом, эволюция вложила инстинкт чистоплотности. Грызуны в своих многометровых длинных домах-норах делают отдельные помещения для отправления естественных потребностей. Помню, я в детстве держал в клетке хомячков. Клетка была птичья. Так вот хомяки додумались сделать туалет в самом дальнем углу клетки, подальше от гнезда – по счастью, аккурат там, где конструктор клетки предусмотрел выдвигаемую кормушку для птиц. Убирать какашки хомячков с помощью этого лотка было очень удобно! А крысы, даже если дефекация приключалась с ними в неудобном месте клетки, потом брали свою продолговатую какашку в зубы и аккуратно относили в дальний угол, в выдвигаемый лоток. Почему?

Потому что ради здоровья логово нужно содержать в чистоте, а кто не содержал, не выжил. В нас с вами это заложено мамой и папой на уровне слов: «Где жрут, там не срут!» Потому что природа в нас, приматов, не имеющих дома от природы, этого не заложила. Пришлось выдумывать и облекать в слова. И даже упаковывать в священное писание – кто читал Библию, видел там священные указания о том, что в пределах стана нельзя

опорожняться, а нужно взять лопатку, отойти подальше, а потом закопать! Советую перечитать Библию, кто позабыл. А в Коране написано про омовения. Но умываются не только мусульмане и христиане, но и хомяки, кошки и прочие создания Аллаха, не читавшие Корана. Если природе что-то действительно необходимо для выживания, например, санитария, она ее обеспечит – и неважно с помощью разума и культуры или с помощью непосредственно вшитых в биос программ.

У обезьян нет дома. Есть только временные гнезда, сплетенные на ночь из веток. Ну, а раз постоянного логова у нас от природы нет, нет и врожденной чистоплотности: порой зоологи наблюдают, как обезьяны гадят прямо в эти сплетенные ими гнезда, благо гнездо после ночевки будет покинуто. Поэтому разумному виду, который повадился жить сначала в пещерах, а потом и в домах, пришлось уже на уровне разума надстраивать себе нужные запреты. Древнеримская клоака максима, как и наши современные очистные сооружения, наши мусорные свалки и мусороперерабатывающие заводы – это придуманные разумом средства удаления отходов социальных организмов подальше от «гнезда». А с точки зрения физики отходы жизнедеятельности организмов и социальных систем есть не что иное, как отвод от системы энтропии.

Кстати, о клоаке… Эволюция хитра! Посмотрите в этом смысле на птичек. У них клоака. Где приспичило, там и нагадила. Но нагадила в полете или с ветки. Все улетело вниз, подальше от птички, к чему об этом заботиться? А вот дома, в гнезде, где птенцы вылупляются, птички ведут себя совершенно по-другому – выставляют задницу наружу и выстреливают дерьмом подальше. Кто видел гнезда ласточек под стрехой, знает: вокруг все обгажено, а внутри чистота. А то, чем нагадили в гнезде глупые птенцы, родители уносят в клювах подальше от потомства. Если вы никогда не интересовались орнитологией, то наверняка не знаете, что такое фекальный мешок. А я вам расскажу. Ничего не утаю!

Фекальный мешок представляет собой слизистую оболочку, которая образуется в организме птенцов и окружает выделяемые фекалии. Это позволяет родителям легко удалять отходы жизнедеятельности из гнезда. Причем птенцы инстинктивно подают определенные сигналы о том, что сейчас мешок будет выброшен и лучше бы его побыстрее удалить, пока в гнезде не лопнул. Птенцы некоторых видов даже инстинктивно откладывают эти мешки с фекалиями прямо на край гнезда, чтобы родителям было проще их выкидывать из дома.

То есть природа обустроила птицам обеспечение чистоты не

только на программном, но и на аппаратном (!) уровне – не только в виде встроенных от рождения инстинктов в мозгу, но и конструктивно – в виде специальных природных «памперсов» – фекальных мешков!

К чему я это все говорю? К тому, что религиозные и моральные запреты на кражу и убийство – это наши искусственные «фекальные мешки» социальных контактов. Аналог памперсов, только в области гигиены взаимодействия.

Резюме: в отсутствии природных запретов на убийство себе подобных, какие есть у хищников, эволюция выработала эти запреты в культурном поле. И чем более убийственными становились средства поражения и разрушения, тем сильнее должны были становиться запреты. И они становились сильнее! Иначе цивилизация просто не выжила бы, опережай агрессия средства сдерживания агрессии. Исследования показывают, что от века к веку, от эпохи к эпохе число насильственных смертей на сто тысяч населения снижается. По статистике, в этом веке от самоубийств погибает больше людей, чем в результате войн и убийств, и это прекрасный результат.

Тот же Назаретян постоянно приводит ставший уже классическим (благодаря ему) пример с племенами горных кхмеров во Вьетнаме. Они исчезли во время Вьетнамской войны. Обе воюющие стороны обвиняли в истреблении этих племен друг друга, а потом выяснилось: в результате войны племенным дикарям попало в руки современное автоматическое оружие, которым они быстро научились пользоваться, дурацкое дело нехитрое. А поскольку племена дикарей всегда враждуют друг с другом (это естественное состояние дикарей) они, не имея свойственных современной цивилизации культурных правил ведения войны, понятий о пленных и прочих ограничителей, просто истребили друг друга. Средства истребления оказались сильнее предохранителей. Так работает эволюционный отбор. Он довольно безжалостен.

Глава 4
В поисках насилия

Любопытно пронаблюдать на примере нашей цивилизации, как на пару срабатывают четвертый и шестой законы эволюции – Назаретяна и Седова. С одной стороны, люди по всему миру становятся все более стандартными горожанами в кроссовках и бейсболках, практически полностью потеряв цветастые перья этничности, национальные песни-пляски и во многом национальную кухню, перейдя на пиццу, гамбургеры и все прочее, что дарит людям глобальный мир (то есть не ограничиваются исключительно национальной кухней). С другой стороны, современный человек по своему внутреннему психологическому устройству, накопленным знаниями, количеству прочитанных книг и числу освоенных профессий гораздо богаче и разнообразнее своих предков.

Люди стали сложнее – не действуют импульсивно, по-детски поддаваясь первым эмоциональным порывам, могут просчитать ситуацию на несколько ходов вперед, меньше стремятся натянуть свои представления о правильности на других. А главное – если раньше они работали «под внешним управлением», то есть руководствовались религиозными установками и общественной моралью («а что соседи-то скажут?!»), то теперь ограничители переместились внутрь – человек во многом сдерживает себя сам, чтобы не причинять неприятностей другим людям, потому что «ну, неудобно как-то». Раньше человека пугала религиозная палка: согрешишь – попадешь в ад на вечные муки. Теперь же он ограничивает себя сам – его поведение определяют совесть, светский гуманизм, сочувствие к другим людям и то самое «неудобство».

Кто по-настоящему благороден – тот, кто не совершает преступления из страха быть наказанным (Богом или законом), или тот, кто не хочет причинить боли другим людям по внутренним соображениям? Первый – это человек традиции с деревенским, полудикарским сознанием. Второй – гуманистический человек с современным городским сознанием. Это и есть усложнение внутреннего мира. Его эволюция прошла путь от животного разума – эгоистичного и импульсивного – до разума высокочеловеческого, обладающего сложной системой внутренних сдержек и противовесов.

При этом надо понимать, что так пока далеко не везде. Мы живем внутри пробегающей по образцу ударной волны. Какие-то

места волна уже прошла, до каких-то еще не долетела. Срок ее пробегания по историческим и уж тем более космическим меркам мгновенен. Но наша жизнь еще короче, и внутри этой вспышки уместилась жизнь нескольких поколений.

То, что насилие в обществе по мере прогресса снижается, давно стало общим местом. Это и невооруженных глазом видно, и многочисленными исследованиями подтверждается. Сей факт отмечал в своих работах не только Назаретян, но и другие авторы. Однако самыми известными книгами, которые с цифрами и графиками доказывают тотальное снижение насилия в мире, стали книги Стивена Пинкера, гарвардского профессора. Причем Пинкер рассматривает не только бытовые убийства, но и войны, пытки, геноцидные практики и прочие формы насилия. Его труды довели идею падения насилия до широких масс, популяризировав ее. Именно поэтому, то есть исключительно в силу своей известности, Пинкер и подвергся самой массовой критике со стороны угрюмых пессимистов.

Пинкера усиленно ругали и ругают! С ним не соглашались и не соглашаются. Говорят: нет-нет-нет, насилие не снижается, как можно!.. Причем критика была как бы дуальной, одна ее часть касалась математического аппарата и самих данных, которые использовал Пинкер, и эта критика Пинкера осталась широкой публикой не сильно замеченной, потому что была специальной и мало кому понятной. Вторая часть критики касалась попыток Пинкера ответить на вопрос, отчего же в обществе падает насилие.

Здесь Пинкер и правда оказался послабее в коленках. Обнаружив, наряду с другими исследователями, эффект падения внутривидовой агрессивности, он сделал попытку его объяснить. И на мой взгляд попытка оказалась не самой удачной. Не нужно было даже пытаться. Констатировал факт – иди на диван отдыхать! К чему тужиться, насасывая объяснения из пальца? Надо придерживаться правила великого Исаака Ньютона – когда того спросили, чем объясняется открытый им закон всемирного тяготения, Ньютон пожал плечами: «Гипотез не измышляю». Мол, есть и есть, а почему есть, бог весть. Вот формула, вот цифры, считайте, проверяйте.

И потому сначала о цифрах…

Основываясь на раскопках доколумбовых индейских захоронений в Колорадо и Массачусетсе, раскопках захоронений в Британской Колумбии и в Швеции, а также на архивных документах о статистике убийств в Англии, Амстердаме и в Риме, ученые узнали много интересного о нравах тогдашних дикарей. Оказалось, что в доисторических поселениях от 50 до 75 % людей

погибало насильственной смертью. Чаще всего им пробивали голову. В средние века уровень убийств был в среднем на уровне 55 трупов на каждые 100 000 жителей. Разброс был таким: в Англии – 100 убийств на 100 тысяч, в Амстердаме и Риме – по 50. Для сравнения: сейчас в Риме – одно убийство на каждые 100 000 населения, в Англии и Норвегии – два. Из чего Пинкер и другие делают простой и незамысловатый вывод о том, что в современной развитой стране у человека шанс быть убитым в пятьдесят раз меньше, чел полтысячи лет назад.

Обычно критики возражают против гуманизации нравов от века к веку, приводя в пример XX век, который принес на алтарь бога войны десятки миллионов жертв, мол, о каком же сокращении насилия можно говорить!?

Отвечу: об относительном! XX век удался в этом смысле только потому, что у гитлеров, сталиных и прочих пол потов были другие инструментальные возможности, совершенно не сравнимые со средневековыми. Но и народу на Земле в XX веке были больше! Поэтому в относительных единицах, то есть на 100 тысяч населения, вероятность погибнуть насильственной смертью у человека XX века была сильно ниже, чем когда бы то ни было раньше в человеческой истории.

Вспомним глубокую древность и книгу книг – Библию – которая откровенно прославляет геноцид – тотальные убийства стариков, женщин и детей, полагая это делом не только нормальным, но и богоугодным. А вот в XX веке даже фашисты старались не афишировать то, что творили в своих концлагерях. И советские чекисты, не уступавшие в зверствах фашистам, во время расстрелов заводили грузовик, чтобы городские обыватели не слышали выстрелов и криков, а на сталинских автомобилях-душегубках, которые еще до всяких гитлеровцев в 1930 году изобрел начальник административно-хозяйственного отдела УНКВД Московской области Исай Берг, было целомудренно написано «Хлеб».

Если в современной войне двух относительно цивилизованных стран вдруг возникает какая-то подозрительная буча, если вспыхивает скандал с какими-нибудь зверствами, попаданием чьей-то ракеты в подъезд жилого дома или детскую больницу, обвиняемая сторона начинает яростно отрицать свою причастность, переваливая всю вину на другую сторону конфликта. Потому что в нынешнем мире ни одно приличное государство просто не может взять на себя что-то, хотя бы отдаленно похожее на геноцид или бомбардировки мирного населения. Чай, не 1945 год! Мы люди культурные!.. В прежние эпохи никто бы даже не понял: а в чем проблема, ну, вырезали

половину города, другую изнасиловали, так ведь город взяли! Сейчас же будут отрицать эксцессы исполнителя до последнего. Потому что в XX и уж тем более в XXI веке публично геноцидить уже как-то неловко: вон и теорема Пифагора давно доказана, и Вагнер музыку написал, и Пинкер книгу выпустил…

Насчет Вагнера и Пифагора, это, кстати, не шутка. Облагораживание нравов, то есть снижение жестокости и уровня насилия начинается именно с благородных слоев населения – с читающей аристократии и образованных богачей, тогда как диковатое простонародье оставалось таковым еще какое-то время, пока не переплавилось в нормальных людей. Именно в образованных слоях населения происходит первое отмеченное историками снижение частоты убийств. Так что теорема Пифагора и теория относительности имеют не меньший гуманистический заряд, нежели лирика Пушкина, который «чувства добрые лирой пробуждал», как он сам нескромно, но верно написал о себе, а потом зарядил волыну и пошел убивать на дуэли человека во имя дикарской средневековой чести.

Этот моральный разрыв между образованным дворянством и необразованной деревенской массой был интеллигенцией отрефлексирован. Вот, например, как описывает французский маркиз, писатель, философ и экономист XVIII века Виктор Рикети Мирабо своих соотечественников, которые во время праздника потянулись из своих деревень в город:

«С гор, точно лавина, хлынули вниз толпы дикарей. Мы все сидим в отеле и не показываемся на улице. Для соблюдения порядка в город введены военные патрули с саблями наголо, за порядком наблюдают также священник в полном облачении и судья в напудренном парике. Заиграла волынка, начались танцы, но не проходит и четверти часа, как они прерваны начавшейся дракой – плач и крик детей, кто-то из толпы подзадоривает дерущихся, точно собак. Страшен вид этих людей, так и хочется сказать – зверей: рослые, они кажутся еще выше из-за деревянных башмаков на высоких каблуках; одеты они в грубошерстные кафтаны, подпоясанные широкими кожаными поясами, которые для красоты обиты медными гвоздиками. Чтобы лучше разглядеть драку, они приподнимаются на носки, расталкивая друг друга локтями; кто-то топает в такт ногами. Длинные сальные волосы, худые, изможденные лица, которые искажены злобой и зверским хохотом».

Проходит сто с лишним лет, а картина не меняется. Коллега Мирабо по перу, писатель Максим Горький в статье «О русском крестьянстве» констатирует: «Жестокость форм революции я объясняю исключительной жестокостью русского народа… Он не

скоро задумается над теорией Эйнштейна и научится понимать значение Шекспира или Леонардо да Винчи». Дворянин Ленин был согласен с Горьким и говорил, что Россия – это сплошной океан невероятной крестьянской дикости; со своей университетской высоты он видел разницу, хотя сам дедушка Ленин, между нами говоря, недалеко ушел от в сторону гуманизма. Пистолетов, как Пушкин, он не заряжал, а просто писал записки со словами «повесить» и «расстрелять».

И все-таки по мере огорожанивания и распространения образования люди постепенно пришли к минимальному насилию за всю историю. Это факт.

Но почему все-таки пришли?

Прекраснодушный Пинкер пытаясь ответить на этот вопрос, вываливает целую кучу причин разного калибра и веса, не избегнув при этом обязательной для западного общества политкорректности. Например, в число причин он, помимо появления современных государств, монополизировавших насилие, помимо глобализации и расширения торговли, включает также «рост уважения к интересам и ценностям женщин», что выглядит довольно смешно [23]. А вот с торговлей Пинкер не промахнулся. Торговля – прямая антитеза насилию, поскольку у человечества есть только два способа получить желаемое – отнять и купить. То есть применить насилие или договориться полюбовно. Кнут или пряник. Доллар или пуля. Чем плотнее торговые связи, тем меньше насилия.

Тем не менее простые обыватели с тезисом о сокращении насилия в мире часто не соглашаются. Но их заполошные интеллигентские крики о том, что мир катится в тартарары и погряз в насилии и жестокости, сопровождаемые многочисленными газетными примерами всяких гадостей, свидетельствуют как раз об обратном – о резкой морализации мира. Современный мир с большей нетерпимостью относится к любой жестокости, которую раньше люди вообще не замечали, считая нормой жизни. Иными словами, такие крики – лучший маркер благополучия.

Как бы сейчас отреагировали газеты на случаи порки ученика в школе за неуспеваемость? Да взорвались бы! А когда-то это было нормой.

В 2024 году Турцию охватило всеобщее негодование. Причиной тому было жестокое убийство бездомного кота, которое совершил один житель Стамбула. Убийство попало на камеры, преступник был арестован, приговорен к пятнадцати месяцам тюрьмы условно, поэтому в зале суда вышел на свободу. Вот тут-то страна и взорвалась! Возмущенные люди, в том числе

знаменитости, выходили с плакатами на улицы. Да что это такое! Куда катится мир! Как подобное можно терпеть вообще! Это ведь жестокость!

Дошло до того, что президент страны Эрдоган ночью позвонил министру юстиции с вопросом: «Как такое возможно в нашей стране, эфенди?» Широкие общественные протесты привели к тому, что дело было пересмотрено, и срок преступнику был увеличен до двух с половиной лет тюремного заключения. А общественность еще долго потом бурлила, вспоминая, что последний преступник, убивший свою собаку, получил в Турции «всего» год и восемь месяцев тюремного заключения.

После этого примера я даже не предлагаю читателю мысленно отъехать из нашей эпохи, в которой страны одна за другой запрещают смертную казнь, куда-нибудь в сторону Средневековья с его религиозными кострами и пыточно-христианской инквизицией.

В общем, в современную эпоху жизнь человека дорога, а нравы мягче, и во многом благодаря как раз тому, что жизнь стала стоить дороже в долларах: рождаемость падает, а учить специалиста приходится долго, ибо объем знаний, накопленных человечеством, огромен. Соответственно, и цена человека взлетела. Современный мегаполис это вам не деревня, где куча голозадых детей бегает по двору, половина из которых вскорости помрет от дизентерии и дифтерии, а остальные с восьми лет начнут помогать родителям по хозяйству. В городе бабы еще не нарожают!

Помимо Пинкера, феномен снижения насилия отметили другие ученые. А Назаретян так даже и объяснил его лучше, чем Пинкер, введя в научный оборон свой закон техно-гуманитарного баланса. Причем, что поразительно, культурные запреты оказались даже сильнее инстинктивных! Мы знаем, что в хищников матушка эволюция встроила тормоза на убийство себе подобных в виде предустановленного популяциоцентрического инстинкта. В нас такого инстинкта нет. И вот что по этому поводу пишет тот же Назаретян (пардон за длинноватую цитату, но она показательна):

«…серия сравнительно-антропологических исследований внутривидовой агрессии [Wilson E., 1978] [показала], что в расчете на единицу популяции львы (а также гиены и прочие сильные хищники) убивают друг друга чаще, чем современные люди. Этот результат прозвучал сенсационно не только для моралистов, объявляющих человека самым злобным и кровожадным из зверей. Он требует серьезного осмысления, так как контрастирует с рядом хорошо известных обстоятельств.

Во-первых, лев действительно обладает гораздо более мощным инстинктивным тормозом на убийство особей своего вида, чем человек; к тому же палеопсихологи зафиксировали, а нейрофизиологи объяснили механизм подавления большинства природных инстинктов уже на ранней стадии антропогенеза [Поршнев Б. Ф.,1974], [Гримак Л. П., 2001].

Во-вторых, плотность проживания животных в природе несравнима с плотностью проживания людей в обществе <…>

Наконец, в-третьих <…> в распоряжении людей гораздо более разрушительное оружие.

Удивительные результаты демонстрируют и сравнительно-исторические исследования. Например, австралийские этнографы сопоставили войны между аборигенами со Второй мировой войной. Как выяснилось, из всех стран-участниц только в СССР соотношение между количеством человеческих потерь и численностью населения превысило обычные показатели для первобытных племен [Blainay G., 1975]. (Это не удивительно, поскольку социализм есть откат в архаику. – *А. П.*)

По нашим подсчетам, во всех международных и гражданских войнах XX века погибло от 100 до 120 млн. человек (ср. [Мироненко Н. С., 2002]). Эти чудовищные числа, включающие и косвенные жертвы войн, составляют около 1 % живших на планете людей (не менее 10,5 млрд. в трех поколениях). Приблизительно такое же соотношение имело место в XIX веке (около 35 млн. жертв на 3 млрд. населения) и, по-видимому, в XVIII веке, но в XVI–XVII веках процент жертв был выше.

Трудности исследования связаны с противоречивостью данных и с отсутствием согласованных методик расчета (ср. [Wright Q., 1942], [Урланис Б. Ц., 1994]). Но и самые осторожные оценки обнаруживают парадоксальное обстоятельство. С прогрессирующим ростом убойной силы оружия и плотности проживания людей процент военных жертв от общей численности населения на протяжении тысячелетий не возрастал. Судя по всему, он даже медленно и неустойчиво сокращался, колеблясь между 4 % и 1 % за столетие.

Более выражена данная тенденция при сравнении жертв бытового насилия. Ретроспективно рассчитывать их еще труднее, чем количество погибших в войнах, но, поскольку здесь нас интересует только порядок величин, воспользуемся косвенными свидетельствами.

В XX веке войны унесли не меньше жизней, чем бытовые преступления, а также «мирные» политические репрессии (так что в общей сложности от всех форм социального насилия погибли, вероятно, около 3 % жителей Земли)[Rummel R. J., 1990, p. XI].

Но в прошлом удельный вес бытовых жертв по сравнению с военными был иным. Особенно отчетливо это видно при сопоставлении далеких друг от друга культурно-исторических эпох.

Так, авторитетный американский этнограф Дж. Даймонд, обобщив свои многолетние наблюдения и критически осмыслив данные коллег, резюмировал: «В обществах с племенным укладом… большинство людей умирают не своей смертью, а в результате преднамеренных убийств» [Diamond J., 1999, p. 277].

При этом следует иметь в виду и повсеместно распространенный инфантицид, и обычное стремление убивать незнакомцев, и войны между племенами, и внутриплеменные конфликты. В качестве иллюстрации автор приводит выдержки из протоколов бесед, которые проводила его сотрудница с туземками Новой Гвинеи. В ответ на просьбу рассказать о своем муже ни одна из женщин (!) не назвала единственного мужчину. Каждая повествовала, кто и как убил ее первого мужа, потом второго, третьего…»

И знаете, что…

Вот не удержусь и расскажу вам одну историю! Просто каждый раз, когда я гляжу на вертикаль Снукса-Панова в большом масштабе или на кривую роста населения в таком же большом масштабе, меня поражает ее Г-образная форма. Ну, просто палку переломили! При таком резком переломе изменения в людской нравственности и даже в физических свойствах населения можно пронаблюдать на примере жизни всего лишь пары-тройки поколений. И сейчас мы это сделаем – не в порядке доказательства, но в качестве иллюстрации.

Вы смотрели шикарный фильм «Банды Нью-Йорка»? Действие происходит в середине XIX века. Помните одного из главных героев – предводителя банды со стеклянным глазом? Который постукивал лезвием ножа по своему стеклянному глазу, символизируя тем самым решимость побеждать и одновременно демонстрируя цену, которую он заплатил когда-то за свое верховенство в банде – и ниже этой цены он не опустится… В фильме есть живописная и кровавая сцена битвы двух банд Нью-Йорка не на жизнь, а на смерть. А где-то там, вдалеке от Нью-Йорка идет большая война Севера и Юга.

Так вот, я расскажу вам реальную историю «банд нью-йорка», которая перешагнула девятнадцатый век и жила своей жизнью в нашей стране со всеми своими типажами. Это история моего отца, который родился в 1929 году в деревне Медведиха Калининской области (ныне Тверская), и войну встретил и пережил уже вполне сознательным мальчонкой. Но война войной,

а русское крестьянство при этом живет своей обычной жизнью – работает в поле, варит пиво, гонит самогон и… ожесточенно воюет друг с другом всем, что под руку попадется.

Деревня на деревню! С немыслимым остервенением! Убивая друг друга в этой внутренней войне с не меньшей ожесточенностью, чем их отцы – немцев на фронте.

В основном, в дело шло холодное оружие – самодельные ножи, топоры, пики, дубины… Если вы читали мрачные книги Чарльза Диккенса о диком капитализме XIX века, например, «Оливера Твиста», то наверняка вспомните жуткую атмосферу Англии того времени, олицетворением которой была окровавленная дубинка с прилипшими к ней волосами. В описываемых мною баталиях в качестве дубин использовались колы, собственно дубины и песты. Пест – это огромная «толкушка» для дробления зерен льна. Пест сделан в виде большой дубины и его рабочая часть обита металлом. (Эти песты двигались вверх-вниз в высоких ступах, приводимые в движение ходящими по кругу лошадьми, и толкли зерна, извлекая из них льняное масло. Оставался жмых, именуемый дурандой, которую деревенские дети ели как козинаки.) Вот эти обитые металлом песты и использовались в боях.

В качестве еще одного экзотического холодного оружия упомяну рапиру. Кому-то из деревенских удалось где-то достать учебную рапиру с шариком на конце, шарик был, естественно, спилен, а кончик тщательно заточен…

Из-за чего же дрались? Почему ходили деревня на деревню? Что не поделили?

«Да вот почему-то все окрестные села ненавидели нас, медведихинских и объединялись против нас – Трубичиха, Рязанчиха, Семунино, Сорокино, Лысиха, Железово, Баскаки, Шемнино. С Ивицы приходили, с Собакино. И даже с Бакшеихи, – рассказывал отец. Не знаю, почему они нас так ненавидели…»

Медведиха и вправду была большой богатой деревней, раскинувшейся на берегу полноводной (когда-то) реки Медведицы. И я знаю, почему их ненавидели. По той причине, по которой болельщики одного клуба ненавидят болельщиков другого.

«Сейчас я хожу по этим деревням, и там уже порой ни осталось ни одного человека, – сказал отец. – Бурьян…»

А я подумал: ну, и хорошо, что не осталось, потому что Деревня – это дикость.

В общем, собирались молодежно-подростковые банды, совершали набеги, бились не на жизнь, а насмерть. Это была настоящая война, с набегами, засадами, боями…

И вот однажды успевший повоевать с немцами и быстро комиссованный по причине контузии фронтовик Филиппов, то есть уже относительно взрослый дядя, вернувшийся в деревню в самом начале войны, недовольный тем, что чужое племя приходило с набегом на Медведиху, собрал медведихинских ребят и повел в ответный поход в сторону Семунино. Там походников уже ждали: разведка донесла. Впереди банды семунинских стоял Макан.

«С Маканом этим я до четвертого класса в школе учился», – пояснил отец.

Макану в ту пору было лет четырнадцать, наверное. И они там все действительно учились вместе – мой отец, Макан, Балда и Херота. А вот теперь жизнь развела, понимаешь по разные стороны «фронта».

Банды сблизились. На секунду замерли – строй перед строем, и Макан, размахивая топором, побежал на Филиппова. Фронтовик Филиппов не сробел, конечно, при виде несущегося на него с топором Макана, махнул пестом и срезал подростка ударом в голову. Тот рухнул как сноп. Но не умер. Головой только потом скорбел всю свою оставшуюся не очень долгую жизнь – болела голова у него сильно.

«У Макана сын, кстати, еще жив, в Медведихе живет, – говорил отец, возвращаясь из прошлого в день сегодняшний. – Я его иногда вижу. Здороваемся. Не говорю ему, правда, отчего его отец так рано умер…»

После этой первой стычки медведихинского Пересвета с семунинским Челубеем началась битва, во время которой парень рядом с контуженым Филипповым, который вышел на бой с рапирой, ловко проткнул насквозь одного из нападающих. И в тот день победа досталась медведихинским.

В этот момент повествования моя сестра задала отцу смешной вопрос. Дело в том, что по многочисленным рассказам она помнила, насколько тяжелой была тогда жизнь – после окончания учебного года и начала страды одноногий председатель колхоза с утра стучал в окошко и выгонял на сталинскую барщину всех, включая детей. Работали от зари и до зари. Потому сестра и спросила:

– Да когда же вы находили время на войну, если днем приходилось работать в поле от зари до зари?

Отец даже слегка подрастерялся:

– Вечерами и в праздники.

А в другой раз медведихинское войско повел на врага атаман Леха по кличке Сибря. Он собрал войско, чтобы идти походом, кажется, на Собакино… И тут пару слов нужно, наверное, сказать

про этого атамана. Сибря был весь в отца – тот был хулиган, и Леха в него. Драчуны были оба, отец Лехи сел в тюрьму, потом сел и Леха. Леха все время ходил с ножом, поэтому не сесть он не мог, так как пырнул кого-то. И случайно в тюрьме оказался в одной камере со своим отцом, где они быстро установили в камере свои порядки… А поскольку пырнул не до смерти, отсидев, вернулся на родину, окруженную врагами – в Медведиху.

Едва вернувшись, Сибря снова сделал себе длинный нож и с этим ножом повел молодежную ватагу в поход. Причем по пути Сибря зарезал сына кирпичника – своего же, медведихинского! Сына кирпичника вызвали во двор, чтобы взять с собой в поход. Но тот идти отказался, видать, слово матери дал больше не драться, а за ум взяться, потому развернулся и пошел в дом. Такого предательства и поругания своего авторитета атаман Сибря не стерпел, сунул сыну кирпичника нож в спину, развернулся и пошел. Убил наповал.

Битва состоялась где-то на окраине деревни. Во время боя Сибре саданули по голове отточенным топором, но удар получился скользящим, Сибре только ухо срезало, да и то не до конца. Ухо повисло на мочке. Сибря своим длинным окровавленным ножом отрезал болтающееся ухо и завопил: «Погром!»

После чего его банда разгромила все Собакино, побив окна и поувечив множество жителей.

Темнело. И вечером, вернувшись после этой славной победы домой, Сибря, понимая, что его опять возьмут за убийство и посадят теперь уже надолго, достал ружье, сел в лодку и произнес слова, которые запомнил мой отец, запомнил я и которые благодаря этому остались в истории: «Застрелюсь теперь. Как услышите выстрел, знайте, меня больше нет».

И уплыл в темноту. Вскоре со стороны реки раздался гулкий в ночи выстрел, отразившийся эхом от стены леса за рекой. И тело мертвого викинга унесло вниз на лодке по течению куда-то в сторону Валгаллы…

Но самое поразительное, что роднит эту реальную историю из детства моего отца с выдуманным американским фильмом, так это исторический антураж вокруг. Описанные деревенские микровойны проходили в 1941 году, на фоне большой войны. Немец уже взял Калинин и стоял в сорока километрах от Медведихи. И ни у кого не было сомнений, что через несколько дней немцы войдут в деревню, потому что толпы оборванных, растерянных, голодных красноармейцев без винтовок и командиров, просящие хлеба, пробрели неорганизованной толпой через деревню, отступая на восток. А еще через день над деревней

прошел на бреющем немецкий самолет-разведчик, высматривая советские войска. Он прошел так низко, что деревенские пацаны видели защитные очки летчика. Интересно, как его звали, этого немца, который увидел босоногим пацаном моего отца, задравшего голову вверх вместе с другими мальчишками?..

Ну, а дальше вся эта деревенская жуть перетекла в города, неся с собой деревенские привычки на переплавку. Помните у Высоцкого – «рукоятки легкие, трехцветные, наборные»?

Этот диковатый мир, олицетворенный моим отцом, отучившись в сельской школе, уходил после войны из деревни в большую жизнь, неся в себе деревню. Уходил босиком, закинув сапоги на спину: а чего зря подметки-то снашивать, чай, не казенные! В городе наденем, там-то по приличному надо. Эта картинка, которую я никогда не видел, но хорошо себе представляю, стоит у меня перед глазами – отец и несколько его одноклассников уходят в будущее из прошлого навсегда. А выйдя за пределы деревни, они у разрушенной большевиками колокольни еще раз оборачиваются в точке невозврата, чтобы принять последнее решение.

«Помню, оглянулись мы, – рассказывал отец. – Защемило: а стоит ли уходить из дома? Мать там. И вроде бы жизнь налаживается в деревне. Может, остаться? Развернулись и пошли».

И хорошо, что ушли…

Я рос в Москве 70-х. И у нас уже не было никаких тебе драк район на район и районных подростковых банд, а было какое-то почти открыточное советское детство, если вы советские открытки видели. Но по всей стране они еще были, все эти районные банды! Ударная волна гуманизации, начавшись в мегаполисах, уже полетела от мегаполисов по стране. Кое-где хватило одного поколения, чтобы все перевернулось. Кривая дикости сломалась. Вот возьмем городок Александров в ста двадцати километрах от столицы. Есть у меня там один знакомый на полтора десятка лет меня младше, то есть его детство пришлось на конец 80-х.

«Помню перевели меня в другую школу, и меня, естественно, тут же страшно избили, потому что новенький. Обычное дело, я же не ихний, а чужой. Сейчас, конечно, времена изменились, я уже второй раз сына в другую школу перевожу, так теперь даже намека нет ни на какую агрессию. Наоборот, все обнимаются почему-то».

Агрессия к новичку, к новому человеку – типичная черта дикаря и вообще многих человекообразных приматов. Недаром в примитивных языках два разных понятия – «враг» и «чужой» –

обозначаются одним словом. Тот же Пинкер, ссылаясь на этнографов, приводит в пример сохранившиеся по сию пору дикие племена, где пришельцев встречают копьями и стрелами, не задавая никаких предварительных вопросов. Чужой = Враг.

Так что прекраснодушные левые либералы, рассказывающие друг другу сказки о природной доброте дикарей, сразу могут отправляться к черту. А лучше – к таким дикарям. Только нужно поторопиться, потому что ударная волна гуманизации продолжает лететь по миру, и уже в этом веке захватит весь образец.

Вообще же, подчеркнутое уважение к культуре дикарей, столь ревностно декларируемое леволиберальной политкорректной шушерой, является на мой взгляд одной из форм расизма. Что означает призыв левых к бережному сохранению туземной культуры? Вы и правда хотите, чтобы туземцы оставались в рамках своей культуры в то время, как вы будете летать на самолетах и пользоваться белым унитазом? В чем смысл этой консервации отсталости? Чтобы дети этих туземцев не имели возможности ерзать пальцем по смартфону, как ваши дети? Отнять у дикарей цивилизацию ради культуры? Зачем? Да и невозможно уже: если вы им принесете медицину, вместе с ней придут и смартфоны.

Глава 5
О случившемся невозможном

Летом 2024 года один читатель задал мне следующий вопрос:

«Вот у вас в книгах написано, что насилие снижается, и что больших межгосударственных войн фронт на фронт больше не будет. Однако случился российско-украинский конфликт – самый большой после Второй мировой. Противоречие! Вы ошиблись».

На что я коротко ответил:

«Никакого противоречия. Напротив, случившее только убедило меня в моей правоте и лишь подтвердило мою точку зрения: фронтовые войны между постиндустриальными странами невозможны. Вы только посмотрите, во что превратился этот конфликт, как он ведется и как начался! В России решили, что сопротивления не будет, «наркоман» сбежит, и за неделю все будет кончено, мир и ахнуть не успеет. Но в Гостомеле повторения Праги-68 не случилось. Знай Кремль, во что все выльется, и не начинал бы…»

А потом подумал: наверное, надо прояснить мою точку зрения. Развернуть, так сказать мысль. Разворачиваю.

Я исходил и исхожу из того, что ни по экономическим, ни по политическим, ни по психологическим, ни по демографическим соображениям большие войны между урбанизированными странами теперь невозможны. Западные СМИ писали о позиционном тупике и напрямую сравнивали русско-украинскую с Первой мировой, ставя рядом черно-белые снимки скошенных снарядами лесопосадок 1915 года и аналогичные фото с Украины. Но внешнее сходство не говорит о внутреннем – Первая мировая и Российско-Украинская похожи как оригинал и пародия. И дело не только в масштабах!

Давайте начнем с материальной базы…

Наверное, никто не будет спорить с тем, что данная война стала возможна только потому, что у России были накоплены неисчислимые военные запасы Советской империи, которая в течении многих десятилетий (!) являла собой сплошную военную фабрику, а на стороне Украины оказались все развитые страны с общим мировым ВВП более 50 % и складскими запасами времен Холодной войны.

Начиная с конца 20-х годов весь СССР строился как одна большая военная фабрика. Все в стране было подчинено Военно-промышленному комплексу (который в результате и сожрал страну). Весь цветной металл и львиная доля черного проходил

по ведомству оборонки, а гражданскому сектору доставалось по остаточному принципу. Все предприятия изначально проектировались так, чтобы в случае отмашки быстро перевести их на выпуск военной продукции. ВПК не просто имел лобби в Советском правительстве, а часто и вертел правительство на огромном, красном, вздыбленном, похожем на ракету детородном органе. Горбачев рассказывал, что в 1983 году «…нас с Н. И. Рыжковым и В. И. Долгих не подпустили к бюджету, к данным о военных расходах. А ведь я был в то время членом Политбюро, ведшим заседания Секретариата ЦК» («Правда», 10 декабря 1990 года).

Могучая советская индустрия, которой так гордятся нынешние неосовки, была совершенно бесполезной в практическом смысле: доля военного барахла во всей производимой продукции Союза составляла около 70 %, а нормальной продукции 30 %! При этом на войну работало 80 % всей промышленности страны, то есть почти две трети населения РСФСР вкалывало на выброс – на военные склады («Финансовые Известия», 19 апреля 1994 г.).

В этой связи вспоминается рассказ Черномырдина. Когда Союз развалился, то крякнул и военпром. И вот однажды премьер Черномырдин был в поездке на Урале, где к нему пришел уважаемый директор завода по производству гаубиц и начал жаловаться:

– Военные отказываются покупать нашу продукцию, а у нас она на уровне мировых стандартов. Что же мне теперь, закрываться и людей увольнять?

– Почему отказываетесь покупать, если пушки хорошие? – Повернулся Черномырдин к генералу из Министерства обороны.

– Да у нас их девать уже некуда.

Черномырдин вышел во двор и увидел гигантскую площадь, чуть ли не до горизонта заставленную гаубицами. То же самое было в СССР и с танками, и с другой бронетехникой – целые поля, заставленные до горизонта. Вот с чем пришлось иметь дело Украине. Понятно, что огромная часть всего этого океана техники к началу 2022 года уже была не на ходу, разворована, а запчастей к ней не производилось. Но методом каннибализации удалось частично реанимировать эти чудовищные накопления. И вся эта техника, пушки и снаряды, которые копились много десятилетий, причем копились страной более индустриальной и более военизированной, чем Россия, сгорели почти полностью, показав дно уже на третьем году конфликта. Пришлось побираться по миру у таких же. И по признанию одного российского полковника, если бы не помощь КНДР в 2023 году, Россия уже

тогда бы проиграла.

А с другой стороны фронта этому советскому богатству противостояли такие же советские запасы, которые Запад начал собирать для Украины по всему миру и параллельно предоставлять свои запасы времен Холодной войны. Обе стороны в процессе конфликта пытались развернуть производство, но текущий конфликт пожирал на порядок больше, чем могла поставлять современная промышленность с колес. На третьем году доедались остатки снарядов, ракет и бронетехники. При этом современная демография показала весь свой «могучий» запас прочности: в 140-миллионной России с, казалось бы, неисчерпаемым мобилизационным потенциалом при частичной мобилизации в армию всего 300 тысяч человек образовался дефицит рабочей силы в военной промышленности в 160 тысяч человек. И это при том, что людям начали платить с три короба денег.

А полностью мобилизовать страну, сделав ее целиком военной, как при Сталине во времена ВОВ, чего требовали турбопатриоты, было невозможно по двум причинам:

1) современные заводы – это не советские предприятия, которые сразу проектировались с двойным назначением; это только в советском анекдоте «как ни соберу, все пулемет получается»; а сейчас на современном оборудовании получится только холодильник;

2) для тотальной мобилизации нужно превратить в рабов все население, как это сделал Сталин, а Кремль не мог этого сделать: население в массе своей и слышать ничего не хотело про конфликт, всячески отгораживаясь от него и отреагировав даже на частичную мобилизацию 2022 года «истерически», по выражению пресс-секретаря российского президента.

Этот урок Кремль запомнил. О стенаниях турбопатриотов по поводу того, что в народе так и не удалось разжечь патриотический пожар, Кремль тоже был осведомлен. В стране образовался трагический разрыв между кошмарами фронта и гуляющей публикой столиц. Эта публика спокойно фланировала и поддерживала экономику своим гулянием только потому, что поверила: больше кошмар мобилизации не повторится – тем, кому не повезло, тем не повезло, а мимо нас прокатило, и туча ушла навсегда, теперь берут только за деньги, а у нас они есть и нам больше не надо…

Не хочет современный человек воевать, даже защищая родину! Первый патриотический порыв быстро прошел даже у украинцев, и они устремились в Тису, а опросы, проведенные в Европе, показали, что лишь малый процент молодых людей (даже

среди поляков!) пойдут на фронт защищать страну в случае нападения. Вместе с падением насилия в развитом мире пропал и военно-патриотический задор.

Плюс физическая и моральная деградация современного человеческого материала. В США пришлось снижать требования к кандидатам в армию, иначе набрать солдат просто не получается. Как сообщает NBC News по данным источников в Пентагоне, такого кризиса с набором в армии США не было со времен Вьетнамской войны, после которой Штаты и перешли от всеобщего призыва к контрактному. Во-первых, катастрофически снизилось количество желающих служить – опросы, проводимые Пентагоном среди американской молодежи, показывают, что только 9 % допускают для себя такую возможность. Во-вторых, среди волонтеров, кто все же пытается наняться на службу, резко сократилось количество годных к ней: в когорте тех, кто считается в обществе самыми здоровыми – среди молодежи от 17 до 24 лет – годными по здоровью признаны только 23 % (против 29 % всего несколькими годами ранее). Остальные либо жирные, либо больные, либо жирные и больные. Эти данные были опубликованы в июне 2022 года, в самый пик призывной кампании, которая заканчивается в конце финансового года, то есть 30 сентября. На момент публикации призыв был закрыт только на 40 %.

И в общем-то не удивительна ни просадка по здоровью, ни отвращение к армии. Если уж боевые поляки не горят желанием подыхать, то что говорить о просоциалистиченной левацкой Америке – всех этих выпускниках марксистских кампусов, многополых пропирсингованных и протатурированных любителях целовать черные ботинки, ожиревших феминистках с розовыми волосами, небритыми подмышками и дипломами об освоении специальности в области гендерных исследований и африканского макраме. Молодежь на обобщенном Западе даже трахаться постепенно перестает – согласно исследованию, проведенному специалистами Университета Индианы и Каролинского института Швеции, которое было опубликовано в медицинском журнале JAMA Network Open, у юных американцев сейчас меньше секса, чем было у их родителей в молодости – процент сексуально неактивных мужчин в возрасте от 18 до 24 лет за два десятка лет, начиная с 2000 года, вырос с 18,9 до 30,9 %.

Среднее содержание сперматозоидов у среднестатистического мужчины в развитом мире также упало более, чем вдвое, что подтверждают исследования, проведенные в целом ряде стран, начиная от Америки и заканчивая Австралией.

Приведу данные только одного из них (К. М. Кинлох Нельсон и Реймонд Бунге) – если в 1951 году в миллилитре спермы содержалось в среднем 107 миллионов сперматозоидов; то уже в 1970-м их число упало до 48 миллионов.

И процесс этот даже не думает останавливаться, приняв обвальный характер. Так, в некоторых скандинавских государствах до 20 % мужчин уже имеет столь критически низкий уровень живчиков, что это делает процесс естественного оплодотворения практически невозможным.

Средний вес людей в развитых странах вырос на пятнадцать килограммов, поскольку, по данным известного медицинского журнала New England Journal of Medicine, с 1980 года калорийность питания в расчете на душу населения выросла на 1000 килокалорий в сутки.

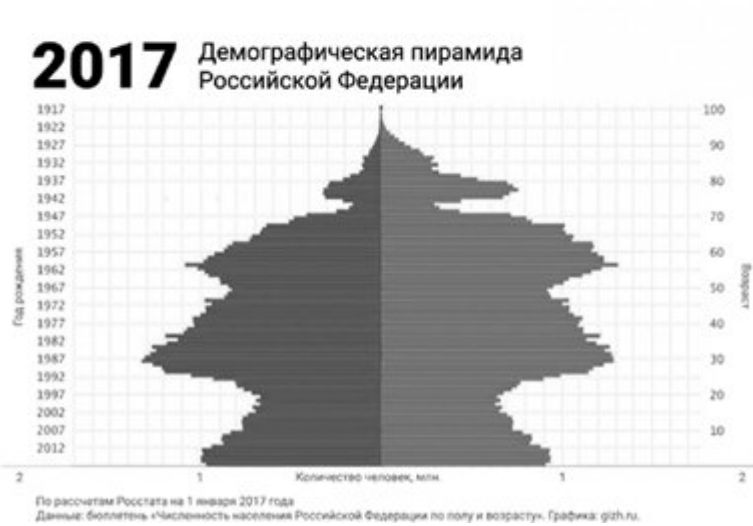
Упали и силовые показатели. Антропологи из МГУ сравнили силовые данные современных школьников со школьниками семидесятых годов прошлого века. И вот результат: полвека назад средний столичный школьник выжимал на пружинном кистевом динамометре 55 кгс, а сегодняшний – 36 кгс. Падение на 35 % всего за два поколения! Этак скоро и до мышей дойдем…

Антрополог, историк и социолог Андрей Коротаев характеризует ситуацию так: «Если в 1930-е 17-летний парень мог тягать мешки весом до 50 кг, то его ровесник сегодня едва поднимет и 35».

Американское исследование 2021 года показало, что уровень тестостерона в популяции за последние 20 лет упал на треть – с 650 до 450 нанограммов на децилитр. Это означает, что средний уровень тестостерона у 22-летнего мужчины сегодня примерно равен уровню 67-летнего мужчины в 2000 году!

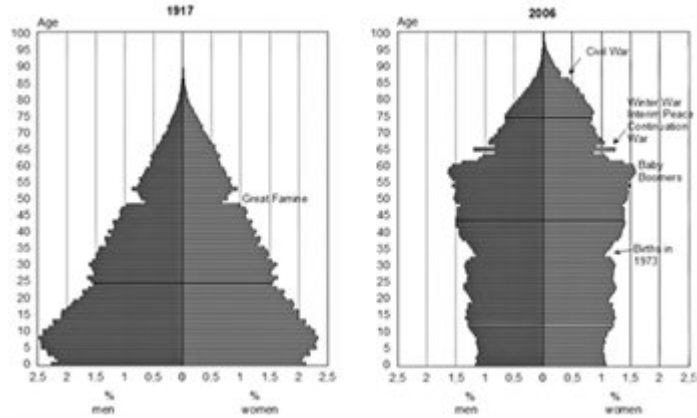
Это вырождение. Без кавычек. Самое натуральное физическое вырождение популяции. Ну и куда им воевать? Для войны нужен тестостерон, а не значок за волонтерскую помощь голодающим Африки.

Сказанное касалось качества потенциальных современных солдат. Но и ситуация с их количеством тоже аховая. Демография развитых стран воевать не позволяет – просто некем! Если сто лет назад демографическая пирамида напоминала елочку с большим числом молодежи, то нынешняя – грибок с малым числом молодежи. Потому и образовался мгновенно дефицит рабочих рук в российской экономике при изъятии всего 300 тысяч мужиков, что страна переполнена людьми пенсионного и предпенсионного возраста, составляющими основной демографический массив.



Вот для примера демографические пирамиды двух Россий.

Та же самая ситуация во всех урбанизированных странах. Вот для примера Финляндия [24].



Когда начался российско-украинский конфликт, в общественное пространство тут же вылезли военные эксперты и стали на полном серьезе говорить: вон оно как! Мы-то думали, что крупные конфликты более невозможны, и развитые страны будут только тапочников гонять в диких углах мира, а оказывается, придется нам всем переходить опять с контрактной на призывную армию, то есть армию невольников. Жизнь, мол, показала!.. Хотя жизнь показала ровно обратное.

Жизнь показала, что это последняя в истории человечества колониальная война, каждый день доказывающая свою невозможность по всем перечисленным выше причинам. Кончатся запасы техники и снарядов. Кончатся люди, согласные воевать за деньги. Закончится экономика.

На третьем году конфликт выродился в памфлет. Из-за глобальных систем слежения стали почти невозможны накопления войск для прорывов, а соответственно, клещи и окружения, то есть вся классическая школа прежней большой войны. Мы видим, как солдаты наступают по двое, по одному, по пятеро. Мы видим, как они едут в атаку на гольф-карах и мотоциклах, словно в «Безумном Максе», а война все больше ведется «игрушками» – дронами.

Командиров также не хватает. А не хватает их по чисто экономическим причинам – все страны сокращали военные училища. Зачем столько офицеров в мире без больших войн? Их дорого учить и дорого содержать при полной ненужности. Этот шаг был неизбежен при современном рисунке экономики. А потом оказалось, что командовать на фронте некому. Когда конфликт затихнет, можно будет какое-то время сохранять развернутое производство снарядов – на склад. Но военные училища в прежнем числе возрождены уже не будут никогда: люди на порядки дороже снарядов и едят каждый день. Зачем

содержать столько офицеров? Чтобы они изнывали от безделья в своих кадрированных частях и выходили рано на пенсии, становясь ярмом на шее налогоплательщика? Не раздувать же ради них армию, которую никакая современная страна не сможет в мирное время содержать?

Больших войн больше не будет: диктаторы, убивающие свою экономику – уходящая натура.

Часть 3
Конец истории

Глава 1
И снова она!

Внимательный читатель, наверное, уже крепко задумался, ероша чубатую голову: «А не является ли то самое резкое сокращение насилия в социуме простым свидетельством биологической деградации, признаком вырождения носителей цивилизации?»

Хороший вопрос.

Действительно, обвал насилия в мире на последнем этапе истории был столь резким, буквально за одно-два поколения, что криминологи в США тоже ерошили свои чубы в полнейшем недоумении: а что вообще происходит? Раньше, в связи с притоком мигрантов, насильственная преступность в стране росла и, делая свои обычные примитивные экстраполяции, свойственные науке, криминологи предрекали в будущем полный хаос. А кинематографисты на фоне таких прогнозов любили снимать апокалиптические фильмы о той криминальной жути, которая нас всех ждет в будущем. Действительность, однако, посрамила всех – совершенно неожиданно, что называется, без объявления войны, преступность в девяностых годах вдруг начала валиться вниз ошеломляющими темпами.

Выдвигались разные версии для объяснения этого феномена, но мы сейчас сосредоточимся на биологической. Почему?

Потому что от базы не уйдешь. А в базе нашей цивилизации лежит биология. «Биология – это судьба» – данный тезис феминистки ненавидят. Леваки и прочие граждане социалистическо-идиотских убеждений этой истины не понимают

и понимать не хотят. Более того, она их злит. «Как это так – генетика все определяет!? – возмущаются они. – Воспитание все определяет! Общество виновато в том, что он старушку топором зарубил! Все мы виноваты, коллектив недосмотрел!»

Я очень люблю иногда послушать одну умную даму – широко известного политолога. Она и про Пинкера правильно говорит, и про политические режимы разных мастей. И даже иногда, отвечая на вопросы о разных сценариях грядущего, раздумчиво произносит: «Ну, законам физики это не противоречит…» Моя любимая фраза, кстати… Но вот когда дело касается феминизма – тут хоть святых выноси, их нее начинают сыпаться лозунги. И она сразу забывает про базу.

Чем блистательна эта фраза про законы физики, которую многие теперь стали употреблять? Тем, что она как раз и выдает основу: не может в этом мире случиться ничего, что противоречит фундаментальным законам природы, то есть законам физики. Но ведь на физическом фундаменте мира стоит первый этаж – вся химия и биохимия. А на химии – биофизика и биохимия. А следующим этажом – биология. И так далее вплоть до политологии. Каждый нижний этаж является «фундаментом» или базой для верхнего. И ничего такого, что противоречит законам химии, в биологии произойти не может. А в социальной жизни не может произойти то, что противоречит биологии. Если нет у человека хвоста, он никогда на нем не повиснет.

Если у нашего вида самец доминантен, получаем неизбежный патриархат.

Если наш вид моногамен, то именно таков основной рисунок цивилизации и экономики.

Наш вид, в отличие от других стадных существ, например, кабанов или парнокопытных, воюет детьми. Это стадо бизонов загоняет в центр самок и молодежь при нападении волков, и волка встречает рогами огромная башка матерого самца. А вот приматы выставляют на бой молодежь, вожак же, как учил Чапаев, командует сзади. Потому и призывают в человеческую армию пацанов с восемнадцати лет, вчерашних школьников. Это тоже видовой признак.

Но если фундамент трескается, ломается и надстройка. Ее может перекосить или обвалить. И мы это наблюдаем. Падает среднее содержание тестостерона в социуме (за счет количественного сокращения молодежи и за счет качественного сокращения – падения уровня гормона у молодежи), в результате резко обваливаются агрессивность и готовность воевать.

Сексологи утверждают, что в последнее время переломилась вековая тенденция – теперь уже не мужчины, а женщины

жалуются на падение у их партнеров интереса к сексу. Ну, чем женщин можно утешить?.. Зато не бьет! Прогрессисты, американские демократы, феминистки и левые радикалы всех мастей восторгаются падением насилия в мире, забыв, что насилие – это тестостерон. Да, насилия стало меньше! Покупайте вибраторы, девушки…

Здесь срабатывает биологический фактор, который известный этолог, доктор биологических наук Виктор Дольник называет коллапсирующими сообществами. То есть старику нашему Пинкеру можно было не изобретать свои социально-культурные объяснения, когда он констатировал факт падения агрессивности внутри нашей популяции, а сразу обратиться к биологии. И он был бы в дамках.

Что такое коллапсирующие сообщества или коллапсирующие скопления?

У самых разных видов есть встроенный тормозящий агрессию механизм, который срабатывает при повышении скученности. Когда плотность особей на одной территории растет, падает число стычек за лидерство в иерархии, включаются инстинктивные программы кооперации, а проявления агрессии друг против друга становятся редки. Одновременно падает и половой инстинкт, то есть сокращается размножение. Природа кибернетична и мудра: куда уж дальше размножаться, если и так друг у друга на головах сидим, а сбросить демографический избыток некуда [25]. Поскольку агрессия есть производная от концентрации тестостерона в крови, падает и его уровень.

Вот что пишет по поводу коллапсирующих сообществ Дольник, спорить с которым означает спорить с базой:

«В условиях обострения социальных отношений часть особей утрачивает интерес к борьбе за территорию, иерархический ранг и снижает агрессивность. Тогда преобладание получает альтернативная агрессивности программа – сближения, объединения, окучивания. Такие особи собираются в плотные группы, которые либо кочуют, либо просто держатся на одном месте. В группах животные или совсем не размножаются, или размножаются очень ограниченно, меньше, чем нужно для воспроизводства. У насекомых описаны самые яркие случаи: коллапсирующие группы перестают даже питаться. Обычно же главным занятием в таких группах становится разного рода общение, причем в гипертрофированной форме.

У людей скучивание принимает несколько форм, но самая мощная из них – урбанизация, собирание в городах. Достойно удивления, что в гигантских городах (в отличие от маленьких) у многих народов плодовитость горожан во втором поколении

падает настолько, что не обеспечивает воспроизводство. Так было в Древнем Риме времен империи, так и теперь повсюду – от Нью-Йорка и Мехико до Москвы, Санкт-Петербурга, Токио и Сингапура. Урбанизация, сопровождающаяся коллапсированием в городах, может быть самым естественным, простым и безболезненным путем снижения рождаемости в современном мире и в мире будущем.

Для социолога или демографа это неожиданный и не бесспорный вывод. Но прежде, чем отвергать его, надо понять биолога: биолог знает, что агрегация ведет к снижению плодовитости у многих видов животных; город для него – форма агрегации, и он знает от демографа, что рождаемость в городах ниже компенсирующей смертность. Отсюда биолог делает вывод, что чем бы еще ни были города для людей, для чего бы они ни возникали, попутно они срабатывают как коллапсирующие агрегации. Еще раз напомним, что биологические популяционные механизмы работают вне сознания особей и групп животных. Эта их особенность должна проявляться и у людей…

Зачастую при возрастании численности потомство перестает быть главной ценностью для членов популяции (включая иногда и родителей); они избегают размножения… Сходные феномены наблюдаются и в неблагополучных человеческих популяциях. Одно из таких проявлений – эмансипация женщин… при эмансипации избегают иметь много детей. Это самый безболезненный путь снижения рождаемости в наши дни. И не только в наши, если вспомнить указы цезарей, призывавших древних римлянок рожать детей, не заменять их собачками, ручными львятами и обезьянками. Призывы, видимо, безрезультатные, раз их приходилось повторять вновь и вновь.

У антропологов и социологов действительно есть свои объяснения, я их даже приводил (эмансипация + образование женщин выдвинули их на социальные роли самцов и, соответственно, привели к «самцовому поведению»). Это верное объяснение, но это объяснение уже второго уровня, а в его базе все равно лежит биология, как в базе биологии лежат химия и физика. По всей видимости вступление на социальную арену самок нашего вида было вызвано умиротворением самцов по мере коллапсирования популяции во время ее коагуляции в города.

Биологический вид – это сложная система по передаче наследственной информации от поколения к поколению. Тот факт, что инстинкт умиротворения в коллапсирующей популяции включается и у млекопитающих, и у таких далеких от нас существ, как насекомые, говорит о том, что кибернетика (наука о закономерностях передачи информации в сложных системах) есть

наука точная, и ее законы срабатывают сами по себе, как и законы физики, приводя в одинаковых условиях к одинаковым результатам в совершенно разных системах.

Понимаю, что левакам и прочим прекраснодушным прогрессистам неприятно бывает узнавать, что все их поведение на 99 % регулируется животными инстинктами, лежащими в базе той конструкции, внутри которой они сидят, но ничего не попишешь: мир материален и материей обусловлен. Поэтому специально для них приведу тут чисто факультативно две – три картинки о груминге. Так сказать, из серии «найдите 10 отличий».

Фарфоровая скульптура XIX века «Ищутся».

Завод Гарднера, Вербилки. Около 1890 г.

Полотно голландского мастера XVII века

Маурицхёйс – Терборх, Герард. Мать расчесывает ребенка

(Охота на блох). Около 1652–1653. Королевская галерея Маурицхёйс в Гааге.

Груминг у других приматов

И это все, что мы с Дольником хотели сказать старику нашему Пинкеру о том, куда исчезла агрессия. Просто случился коллапс волновой функц… ой, простите, коллапс биологической популяции.

Кстати! А какие есть синонимы у слова «коллапс»? «Схлопывание». А еще?

А еще – «сингулярность».

Глава 2
Не пришей к чему рукав?

Коллапсирование популяции с естественным снижением рождаемости и агрессивности – это штатный природный механизм сброса численности. Постепенное сдувание пузыря. Без военно-инфекционного хлопка. Можно прикинуть даже скорость падения ради интереса. Мы знаем, что число людей на Земле достигнет своего пика в 10 миллиардов к концу нынешнего века. Допустим, к этому сроку число рождений на одну женщину упадет в среднем до одного (младенческой и детской смертностью, а также материнской смертностью во время родов пренебрежем для простоты подсчетов). Дальше начнется плавное сокращение численности – по 2 % за год. И если столь низкая рождаемость сохранится хотя бы на протяжении четырех поколений, то есть ста лет, за этот век число людей на планете упадет до 1,3 миллиарда с копейками. Еще один век в таком режиме, и нас останется на всей планете 150 миллионов.

Вроде бы тревожно, но если мы исходим из биологизма, то можно надеяться, что при такой депопуляции механизм коллапсирования рано или поздно выключится. Однако…

Однако помимо этого плавного штатного спуска численности есть и второй фактор, куда более опасный – генетическая деградация. Попросту говоря, вырождение. И об этом нужно сказать пару слов, потому что здесь проглядывается настоящая катастрофа.

Отдельные признаки этой деградации мы уже наблюдаем во всех развитых странах – падение силовых и гормональных показателей, ожирение, ранний диабет, растущая невозможность зачать ребенка как по вине мужчин, так и по вине женщин. Причина деградации известна – гуманизм. А еще – прогресс науки. Как только медицина стала спасать всех задохликов, которые раньше помирали бы, не успев оставить потомство… Как только с помощью ЭКО в женщин буквально силком начали запихивать оплодотворенную яйцеклетку, не задумываясь о том, кого она может выносить, если ее организм даже простое зачатие не вытягивает… Как только стали спасать преждевременно родившихся недоносков массой в 500 граммов, вывалившихся из квёлой матки на пятом месяце… Так сразу естественный отбор идти у нашего вида практически прекратился. Селекционеры, генетики и биологи знают, к чему это приводит – к физическому вырождению. И происходит это вырождение в экспериментах

очень быстро – буквально за десяток – другой поколений. И у нашего вида оно происходит столь же быстро. Примерно со скоростью падения агрессии. Еще чуток – и пиши пропало, человечество просто физически вымрет из-за груза накопившегося и не выметаемого отбором генетического мусора.

«Мы строим приюты для имбецилов, калек и больных, – обеспокоенно писал Чарльз Дарвин, – мы ввели законы для бедных, наши медики изо всех сил стараются спасти жизнь каждого до последней секунды… Таким образом, слабые члены общества продолжают производить себе подобных. Всякий, имеющий хоть какое-то отношение к разведению домашних животных, подтвердит, что это губительно для человеческой расы».

Современные биологи слова классика только подтверждают. Вот, например, что пишет доктор биологических наук Александр Марков: «…вырождение в таких условиях (когда нет никакого отбора) происходит быстро и неотвратимо. Очень скоро мы получим поколение настолько слабое, чахлое, болезненное и бессильное, что никакая суперсовременная медицина не поможет… Без отбора любой вид должен быстро выродиться и погибнуть. Просто потому, что: 1) мутагенез остановить невозможно; 2) большинство не нейтральных мутаций вредны».

А еще быстрее вредных мутаций накапливается груз так называемых слабовредных мутаций. Каждая из них сама по себе не несет большого вреда, но все вместе эти мутации представляют собой «серую грязь» генофонда, которая при накоплении критической массы может обвалить систему.

Зная об этой тревожный проблеме, биологи даже проводили эксперименты по выключению естественного отбора на своих любимых дрозофилах. Эти мушки быстро размножаются и потому за короткое время сменяют множество поколений, не затягивая эксперимент слишком надолго.

Интересно, что отбор мухам выключили не полностью. По условиям эксперимента был выключен только половой отбор – мухи не могли сами выбирать себе полового партнера по вкусу, пару для размножения им выдавали экспериментаторы, не оставляя выбора. То есть это было не выключение, а всего лишь до некоторой степени ослабление естественного отбора. Но даже этого хватило, чтобы через тридцать поколений мушиная популяция пришла к полному угасанию – у них резко упала плодовитость (!), они стали вялыми, ослабленными и даже перестали жужжать.

У нас с вами ситуация хуже, чем у этих мух, которым отбор лишь слегка тормознули. У нас сейчас он выключен почти

полностью. Потому что, как отмечает тот же биолог, «благодаря развитию медицины, изобретению антибиотиков, решению продовольственной проблемы и росту уровня жизни… у жителей развитых стран стали выживать почти все родившиеся дети. Кроме того, слабое здоровье перестало быть серьезной помехой для размножения…»

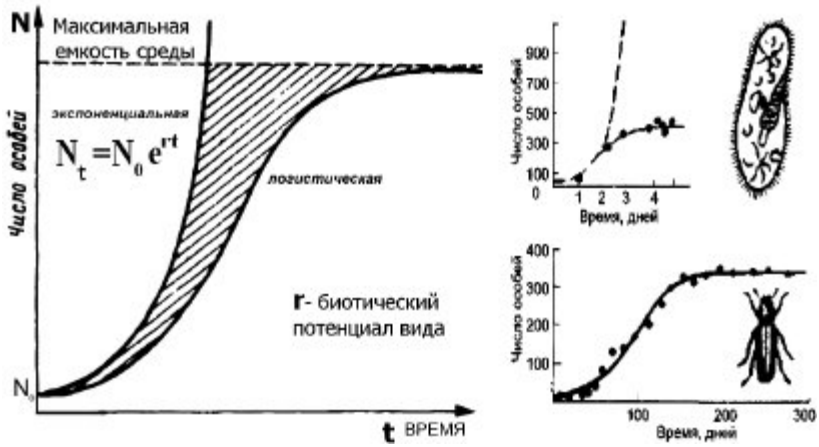
Какой же выход предлагают биологи? И кто (или что) мешает их рекомендациями воспользоваться? Об этом мы непременно поговорим. Но сейчас нужно привести, до кучи, третий природный фактор (помимо вырождения и коллапсирования), намекающий на возможность человечества сойти с арены истории. И фактор этот не биологический. А, как ни странно, астрофизический.

Давайте вспомним, что формулы, описывающие эволюцию материи, прослеживают ее развитие на миллиарды лет назад. Эти математические функции имманентно присущи вселенной и являются частью ее физических законов (или следствий из них). Точкой отсчета Великой Гиперболы является либо формирование нашей звездной системы, либо даже, если верна гипотеза Панова о панспермии, эпоха формирования галактического диска.

История эволюции берет свое начало в те стародавние времена, когда формула начинает поначалу неспешно, а потом все быстрее и быстрее разгонять кривую, пока та не выстреливает вертикально вверх, в бесконечность, упираясь в сингулярность – свой асимптотический предел. На этом пределе кривая переломится и, в теории, выйдет на насыщение, на плато. И получится так называемая логистическая кривая, имеющая S-образную форму. Посмотрите на картинку ниже.

Логистическая кривая. Именно такие кривые описывают самые разные процессы в экономике, биологии, физике, геологии, эпидемиологии, медицине и прочих областях знания, тонко намекая на естественно-природный характер происходящих процессов. Спрос

на товар в зависимости от дохода, рост популяции майских жуков или количество заболевших во время эпидемии в зависимости от времени – все это описывается логистической кривой.



Примеры логистических кривых в биологии

Посмотрели на примеры логистических кривых в биологии? Мы тоже биологические объекты, и с нами, по идее, должно произойти то же самое. Но, строго говоря, аналогия между обычной логистической кривой и нынешнем преодолением сингулярности неверная! У нас есть принципиальное отличие от жучков. Размножение жучков тормозит внешний фактор – предельная емкость среды. Мы же не исчерпали емкость среды, Земля может прокормить больше, чем живет на ней людей сейчас, благодаря техносфере! То есть нас тормозит не внешний ограничивающий фактор, а внутренний. И к чему этот процесс приведет дальше, после сингулярности, – к выходу на плато, как у жучков, или обвалу – мы пока не знаем. Поэтому вернемся к спокойному рассмотрению вопроса и поиску ответов в истории вселенной…

Итак, процесс эволюции объективен, формула Великой Гиперболы не различает мертвую материю и живую, не отличает одну культуру от другой, одну религию или расу от другой религии или расы. Несущая волна поднимает все щепки. Она тащит усложняющиеся системы к точке сингулярности, к водовороту Кризиса кризисов, и что будет с нами, когда мы преодолеем горизонт событий, провалившись в черную дыру сингулярности, мы не знаем. Ибо это – принципиально иное качество. Такого еще не было.

Или все-таки было?

Внимательный читатель вспомнит, что этот вопрос мы уже задавали. И даже дали на него ответ: один такой переход через

сингулярность в истории нашей Вселенной уже был. Это Большой взрыв. Начало начал. Сотворение мира. И я обещал читателю вернуться к нему, чтобы посмотреть, а что там было такого интересного и характерного, что мы можем спроецировать на себя. Выполняю свое обещание.

Мы не можем сказать, что было «до» Большого взрыва, такой вопрос, скорее всего не имеет смысла, потому что время, материя и пространство родились в точке «Ноль», а до этой точки никакого времени не было, потому что не было событий. Но в данном случае нам это и не важно. Нам важно то, как эволюционировал наш мир от момента «Ноль».

В первые мгновения существования Вселенной события развивались невероятно быстро. Вселенную инфляционно раздуло, образовав пространство и материю, по перемещению которой в пространстве (событиям) можно было бы отслеживать время, но тогда заниматься такой ерундой было некому. За крохотную долю секунды возникли первые частицы, случилось разделение взаимодействий, объединение кварков в протоны и нейтроны, появились атомы. Возникли черные дыры и квазары, первые звезды и галактики. Причем события эти шли с замедлением. Например, та самая аннигиляция вещества и антивещества, о которой мы ранее вскользь упоминали, случилась, когда Вселенной от роду была одна секунда. Когда ей стукнуло десять секунд, начался первый нуклеосинтез – появился гелий. Этот этап длился минуты. Потом в течение примерно 70 тысяч лет электроны встречались с протонами, образуя электронейтральное вещество. Затем проходят сотни тысяч лет темных веков, когда молодая вселенная наполнена водородом и гелием. Дальше на рубеже 500 миллионов лет от Начала начинают образовываться звезды, галактики и так далее.

Чувствуете мощное замедление эволюции материи после сингулярности? Вселенная вышла на плато! После чего началась вторая серия эволюции – наша. После выхода на плато события начали ускоряться и докатились до нас и до второй сингулярности, на сей раз технологической, о которой данная книга.

Эти две серии эволюции уже знакомый нам Панов назвал рукавами истории. Самому ему слово «рукава» не нравится, потому что при слове «рукава» люди представляют себе рукава куртки или рубашки, никак друг с другом не связанные. Но представлять их нужно как рукава пожарного брандспойта, которые можно состыковать друг с другом через специальные муфты или соединительные головки характерного вида. Вы их наверняка видели. А если не видели, выйдите на лестничную

клетку, откройте пожарный шкаф и посмотрите.

Вот в этой соединительной муфте все и дело! Она и является характерной точкой истории, которая намекнет нам на нашу печальную участь.

Давайте вспомним пятый закон эволюции, который всем представляется самым простым – все новое строится на базе старого и потому несет в себе старую конструкцию.

По мере эволюции и усложнения материи кварки слепились в нейтроны и протоны, а те потом скомбинировались с электронами в атомы, и все в мире, включая нас, из атомов и сделано.

Жизнь на Земле возникла в виде одноклеточных, в результате мы теперь из клеток и сделаны.

Разум возник на животной основе, так мы приматы и есть! Мы не можем вынуть из себя обезьяну, потому что это мы в ней, а не она в нас.

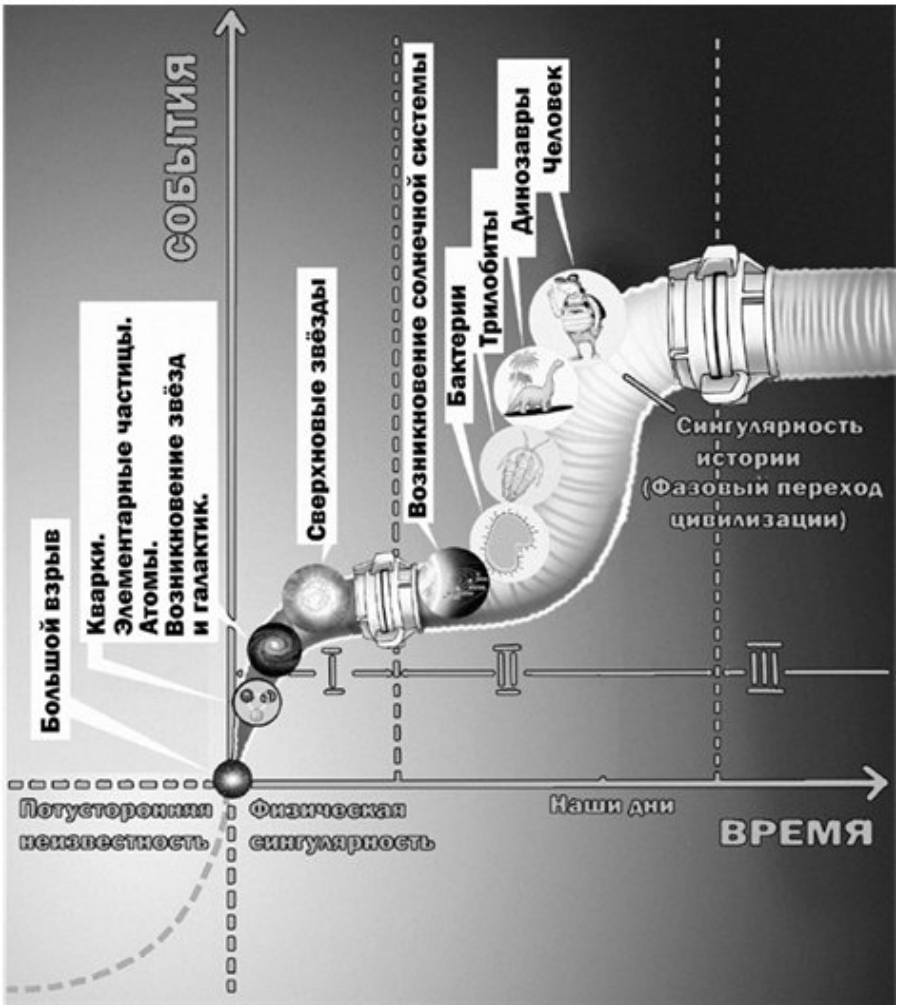
Это все настолько понятно и естественно, что и говорить тут не о чем, не правда ли?

Но был в истории материи момент, когда следующие конструкции не включили в себя предыдущие! Это случилось в самой серединке горизонтального плато, как раз тогда, когда замедление эволюции после первой серии сменилось последующим ускорением в начале второй серии.

Смотрите, мы сделаны из атомов, наработанных в сверхновых звездах, которые взорвались, раскидав звездное вещество по космосу. Это звездное вещество затем гравитационно сконденсировалось в протозвездную туманность, в центре которой зажглась звезда второго поколения, а на периферии пылевого диска из остатков звездного вещества слепились планеты. То есть вторая серия эволюции, приведшая к появлению жизни, началась только во втором поколении звезд, когда догорело и взорвалось первое поколение, наработав внутри себя материал для жизни.

И вот, представьте себе, сверхновые звезды, а равно любые другие звезды, в нас с вами почему-то не входят. Мы не несем в себе их конструкцию, только мусор от нее, звездную пыль. То есть стыковка двух рукавов Универсальной истории или, если хотите, двух серий эволюции допускает момент «разрыва сплошности». И эта характерная точка, стыкующая два рукава, находится на плато, то есть на горизонтальном участке Логистической Кривой Мировой Истории.

По идее, после технологической сингулярности мы должны выйти на такое же плато насыщения. Это будет уже Второе плато.



Три состыкованные логистические кривые развития мира от момента Большого взрыва. Римскими цифрами обозначены три серии или три рукава эволюции. Вертикальные участки – рывки сингулярности. Горизонтальные – входы на плато. Мы сейчас в конце второй серии.

Теперь вопрос: что означает преодоление технологической сингулярности и выход на плато ко второй стыковочной станции?

«Старт третьей серии эволюции, которая начнется опять с медленного разгона!» – скажет добрый читатель.

Это верно. А еще это означает, что с данной станции поезд эволюции может уехать дальше уже без нас. Просто использовав то, что мы наработали, как мы сейчас используем в своих телах всю таблицу Менделеева, наработанную в сверхновых звездах. А сами сверхновые звезды нам уже без надобности. Эволюция собрала пыль с их трупов и на этом материале сделала новые

конструкции. Сверхновые оказались больше не нужны. Они не вошли в состав новых конструкций, не стали героями второй серии эволюции.

Мы не обязательны для будущего. Нас не будет в третьей серии.

Новая сложность начнет строиться на том материале, который наработали мы, но уже без нас. Третья серия эволюции начнется опять с медленного разгона. Но что же мы наработали? Кому или чему мы передадим факел разума? И разума ли вообще? Кто вообще сказал, что эволюционное усложнение конструкций должно завершиться разумом или идти в его русле?

Глава 3
Поверх разума

Если я вас спрошу, что такое разум, как вы ответите?

Ну, наверное, скажете, что разумный мозг – это такая живая машинка по обработке информации и ее анализу – вот первое, что приходит в голову почти всем. Мысли, сознание, способность думать – вот это вот все… Феномен сознания в этой книге мы рассматривать не будем, а если вам интересно, почитайте про это мою книгу «Квантовая механика и парадоксы сознания». А вот про обработку информации поговорим.

Компьютеры ведь тоже обрабатывают информацию. И первое, что приходит людям в голову, когда они узнают, что человечество может и не быть вечным: «Ну, что ж, тогда мы передадим эстафету разума искусственному интеллекту. А сами сойдем с арены».

Второй вариант: «Нашим наследником станет искусственный человек, то есть человек генетически модернизированный или вообще киборг какой-нибудь. Животный разум уступит место искусственному».

Есть в поле зрения науки и третий вариант, вообще странный. Этот вариант рисуют для такого варианта будущего, в котором межзвездные перелеты, не говоря уже о межгалактических, оказались под физическим запретом, и мы прикованы к своей планете до самой смерти Солнца. И другие цивилизации тоже. Что делать в этом случае?

Представьте себе человечество, удачно перевалившее за порог технологической сингулярности, которое строит по всей планете приемные и передающие станции, чтобы в выбранном диапазоне (лазерном или радио) передавать в космос всю накопленную цивилизацией информацию, которую мы наработали за тысячелетия. Раз за разом. Раз за разом. Эти пакеты могут не попасть к братьям по разуму. И мы сами можем не поймать из космоса никакого сообщения. Но может быть и по-другому: галактические цивилизации, связанные в целую сеть такого рода трансляций. И к этой сети постепенно присоединяются другие постсингулярные цивилизации, успешно перевалившие свой Кризис кризисов. Получается Великое Кольцо цивилизаций, описанное еще фантастом Ефремовым. И какая картина у нас тогда вырисовывается?

Цивилизация может давно не существовать, погибнув по тысяче причин, а ее сигнал все еще летит и кем-то будет принят.

Информация о ней сохранилась. И даже обогатилась принявшей сигнал другой цивилизацией, которая дополнила сообщение своей информацией и разослала другим адресатам. Мы получаем сеть точек, постоянно обменивающихся информацией. Но именно так и работает мозг! Нейроны постоянно передают другу полученные сигналы, причем иногда просто повторяя сигнал, а иногда видоизменяя.

Да, в Галактической сети электромагнитные сигналы будут лететь десятки и сотни тысяч лет. Но почему нас должен беспокоить масштаб?

Идея такого «галактического разума», который потом свяжется с другими галактиками в одну Вселенскую сеть, каковая сеть постепенно будет охватывать раздувающуюся Вселенную, «стягивая» ее информационно, конечно, красива. Если тут вообще применимо слово «разум», потому что под разумом мы обычно имеем в виду что-то очень животное, что-то нуждающееся в конкуренции за ресурсы для своего развития и надстраивания сложности. А тут никакой тебе конкуренции, один «голый» обмен взаимосвязанными сигналами. И мы, люди, задач и целей (если они вообще будут) этого галактического разума никогда не сможем понять принципиально. Мы сможем его понять не больше, чем лисица теорему Пифагора. Мы не сможем понять этот вселенский «мозг» так же, как нейрон не может понять весь мозг: ему нечем.

Смелый научный ум, рисующий столь грандиозную картину третьей серии эволюции, готов отказаться даже от фундаментальных принципов эволюции, которые нам на сегодня известны. Этот ум – уже знакомый нам Панов, который наряду с другими деятелями науки пишет об этом статьи. Во время работы над книгой я с ним связался и задал вопрос, ответ на который меня удивил. А вопрос у меня был простой:

– Эволюция – это конкурентная борьба с себе подобными за ресурсы среды с целью выживания. Эта цель и стимулирует развитие с усложнением. А с кем и за что будет конкурировать Галактический разум? В чем его дефицитность, которую он будет стараться преодолевать? Чего он хочет?

– Встречный вопрос: а с кем и за что конкурировал Александр Леонидович Зайцев, когда готовил и посылал в космос свои космические передачи Cosmic Call 1, Cosmic Call 2, Детское радиопослание? [26] Какую дефицитность он преодолевал? Между прочим, это недешево стоило.

– Человечество в лице Зайцева сделало это от избыточности, – ответил я, имея в виду то самое избыточное разнообразие моделей поведения в системе, которое и позволяет

системе выживать и надстраивать сложность (см. законы эволюции).

– Вот и ответ! У эволюции могут быть иные причины – не обязательно конкуренция за ресурсы. На самом деле я думаю, что весь дарвинизм – это феноменология досингулярной эволюции. Система, не преодолевшая в себе дарвинизм, не пройдет фильтр сингулярности. Система, прошедшая фильтр сингулярности, будет иметь абсолютно иные двигатели эволюции, к дарвинизму отношение не имеющие. Либо такой системы не будет. Экстраполяция любых аспектов дарвиновской эволюции за сингулярность абсолютно необоснованна и крайне наивна. Это если коротко.

Ну, что ж…

Смело! Красиво! Но не убедил. Я по-прежнему считаю: нет конкуренции – нет развития с усложнением. А зачем, если не припекает? Впрочем, в такие дальние дали мы лезть не будем. Нас устраивает любой вариант будущего. Лишь бы оно состоялось! Лишь бы миллиарды лет эволюции на нашей планете не оказались тупиковой ветвью. А то жалко.

Но для того, чтобы любой из вариантов будущего случился, человечеству нужно как-то преодолеть тот самый порог сингулярности, а времени осталось мало: все решится в течение буквально нескольких следующих поколений. Поэтому давайте внимательнее посмотрим на те опасности, которые перед нами стоят.

Нам нужно на бреющем полете, на остатках генетического керосина дотянуть до того времени и до тех научно-технических достижений, когда мы сможем передать эволюционную эстафету на третий этап. Ну, чтобы успеть породить того или что, кому или чему было бы передавать! Ведь до киборгов, генетически модифицированного человека или настоящего планетарного Искусственного интеллекта, которого можно было бы назвать Планетарным Мозгом, мы пока еще не доросли. А сами в генетическом смысле уже на последнем издыхании.

И все усугубляется тем, что нам грозит такая вещь, как разрыв фронта знаний. Поэтому давайте сосредоточимся на опасностях и затронем их все.

Глава 4
На бреющем

Две этих опасности – генетическое вырождение и вырождение интеллектуальное – между собой тесно связаны, в чем мы сейчас и убедимся. Начнем с первой, с физической деградации.

Одного из тех неполиткорректных биологов, которые задумываются о будущем человечества, видя наше вырождение с высоты своей профессиональной колокольни, вы уже знаете – это Александр Марков. Хороший человек. Книжки научно-популярные пишет про биологию. Вернее, он думает, что они популярные, а на самом деле читать их местами нелегко. Впервые я увидел его живьем на международной научной конференции в Дубне, посвященной как раз Универсальной истории.

А потом, через несколько лет уже специально встретился с ним как раз с целью поговорить о делах наших скорбных и о том, какие сложности нас ждут в генетической оркестровке человека. Мне интересно было спасти человечество.

Мы с вами люди грамотные и знаем, что все наши признаки, включая особенности характера, определяются генами. Даже возраст рождения первого ребенка является наследуемым поведенческим признаком матери, поскольку наше поведение, рисунок судьбы, наличие или отсутствие чувства юмора, причина естественной смерти, способности, в том числе талант к предпринимательству – все это задается генетически.

В последнее время генетики установили, что даже такие сложные поведенческие особенности, как пристрастие к политическим партиям или число разводов тоже определяется генами. Точнее сказать, гены задают вектор, а уж пойдет по нему человек, пожнет он посеянную генами судьбу или нет, зависит не только от генов, но и от обстоятельств жизни. Так насколько нашу жизнь определяют гены, а насколько среда? И в какой степени всем этим можно управлять? Это ведь ключевой вопрос генетики!

– Ключевой, – кивнул косматой головой Марков. А чаю мне не предложил! Забыл, а может, не было у него. Ладно, бог простит… – У нас есть генотип, как вся совокупность генов, и есть фенотип – вся совокупность внешних признаков, которые определяются генами. И практически все фенотипические признаки определяются не только генами, но и влиянием среды. А для определения, что больше влияет на тот или иной признак, служат разные методы, например, близнецовый анализ, когда

берут генетически идентичных людей, которые выросли в разных условиях и смотрят, насколько у них отличаются те или иные признаки – интеллект, доброта, крепкая память, любовь к кошкам, склонность поддерживать те или иные политические партии, прочность семейных связей и тому подобное. Так изучают влияние среды на признак. А влияние генов определяют, поместив особей с разными генами в однородную среду, в одинаковые условия. И вот, проведя такого рода исследования, уже можно сказать: такой-то признак на столько-то процентов определяется средой и на столько-то генами. А доля изменчивости, которая определяется генами, называется наследуемостью. Кстати, сама наследуемость может зависеть от условий, в которых идет развитие.

– Как это?

– Вот интересный пример из недавних исследований. Выяснилось, что наследуемость интеллекта зависит от социального статуса людей. То есть в богатых, благополучных, обеспеченных семьях наследуемость IQ высока, а в маргинальных слоях общества, бедных и малообеспеченных наследуемость IQ гораздо ниже. Казалось бы, как такое может быть, ведь это же биологический признак?

А вот как… Богатые семьи могут обеспечить своим детям лучшее образование, и потому каждый ребенок может развиться до своего потолка, определяемого генами. И, стало быть, различия в интеллекте среди обеспеченных людей в высшей социальной страте, это генетические различия. А в бедной среде слишком велика неопределенность, и судьба зависит от кучи случайностей. Кому повезло развиться, а кому-то нет. Поэтому различия в интеллекте в бедной среде – это не генетическая, а средовая изменчивость.

Но вообще, в современном обществе наследуемость психологических признаков довольно высокая. По базовым признакам темперамента – экстраверсия, интроверсия, невротизм, склонность к перепадам настроения, открытость к новому опыту, добросовестность или разгильдяйство, консерватизм – наследуемость составляет порядка 50 %. То есть половина признака определяется генами, а половина средой.

Вот, скажем, такой интересный признак, как женские мечты. У незамужних женщин спрашивали, какие качества в мужчинах они ценят. Они ставили баллы, и результаты сравнивали у разных женщин. И оказалось, что даже у такого признака, как осознанные предпочтения в выборе мужа, есть существенная генетическая составляющая. Правда, когда измерили параметры реальных мужей, а не воображаемых, здесь достоверной наследуемости

обнаружить не удалось – гены женщины до реальности не дотягиваются. Понимаете?

Теперь уже я согласно кивнул:

– А чего тут не понять? Мечтают о принце на белом коне, а женятся на алкоголике Геннадии из соседнего двора…

– Так ведь не только женские мечты! Но и оценки на выпускных экзаменах, например, тоже наследуемый признак, как оказалось! Это в Англии определили… А вот недавно было проведено в Америке и Исландии похожее исследование на огромной выборке в сотни тысяч человек, где изучалось влияние генов на уровень образования. Это ведь тоже фенотипический признак – у кого-то высшее образование, у кого-то среднее, а кто-то аспирантуру закончил. Вот и изучалась наследуемость этого признака. Выяснилось: у этого признака в развитых странах весьма высокая наследуемость! То есть, какое образование вы получите, зависит от ваших генов. Нашли даже конкретные гены, которые отвечали за это. Причем эти же гены отвечают и за лучшее физическое здоровье, долголетие и высокие когнитивные показатели, то есть интеллект. Это хорошие гены, они повышают и умственное здоровье, и физическое.

Еще момент – люди, у которых этих генов меньше, то есть глупые и менее здоровые, начинают рожать детей раньше, чем люди более умные и более здоровые. И поэтому детей успевают наплодить больше. А вот люди умные и здоровые менее эффективно размножаются. Иными словами, в современном обществе хорошие гены, а с ними и качественные люди подвергаются отрицательному отбору, проигрывают конкуренцию маргиналам и тупицам.

– А почему? Должно же быть наоборот, раз мы пришли от каменного топора к паровозу!

– Ну, да. До паровоза, кстати, так и было. А теперь, увы, наоборот. У нас в течении двух миллионов лет рос мозг. Более умные, более способные, а в историческую эпоху и более богатые оставляли больше выжившего потомства. И так тянулось, видимо, до конца XIX века. После чего тенденция поломалась, и репродуктивное преимущество оказалось на стороне более бедных, более глупых, менее здоровых, то есть с «плохими» генами. Почему это произошло? Исландское исследование показывает нам механизмы этого поворота – более умные, более ответственные люди думают сначала о карьере и начинают рожать детей не в шестнадцать лет, как маргинальные слои, а много позже. Но поскольку наука, сделанная умными, снизила детскую смертность для всех, выживаемость младенцев в маргинальных слоях общества сравнялась с выживаемостью у

богатых. В результате бедные и глупые стали оставлять больше потомства, потому что рожают они чуть ли не со школьной скамьи. Соответственно, их репродуктивная успешность превысила таковую у богатых.

…Тут я прерву интересного Маркова и обращу внимание просвещенного, но не слишком внимательного читателя на тот факт, что перелом от плюса к минусу случился аккурат тогда, когда человечество начало вкатываться в сингулярность, в демографический переход, в гуманизацию, достигшую ныне ультразвукового писка политкорректности. Что еще раз говорит о кризисности этого исторического этапа.

– Есть такой неполиткорректный и весьма комедийный американский фильм «Идиократия» – о закате цивилизации в результате того, что идиоты размножаются больше людей приличных. Смотрели?

– Смотрел, – без улыбки сказал Марков.

– И что же делать? – спросил я, хотя знал, что он ответит.

– Я надеюсь на высокие биотехнологии. Уже сейчас существуют зачатки генетической коррекции: прежде, чем с помощью ЭКО имплантировать яйцеклетку, проводится генетический скрининг – удаляются те яйцеклетки, которые имеют грубые генетические отклонения. Это поможет решить и вторую проблему, о которой я еще не сказал. Есть гораздо более страшное явление – накопление вредных мутаций, то есть генетическое вырождение человечества, в результате того, что медицина и гуманизм почти полностью выключили у нас естественный отбор. Отбраковка больше не идет, вредные мутации накапливаются и бьют в первую очередь по когнитивным способностям, потому что умственные способности – самая уязвимая наша часть, так как для работы мозга необходима согласованная работа многих тысяч генов. И поскольку в работе мозга задействована огромная часть генов, вероятность попадания случайных мутаций именно на эти гены, довольно велика.

…И опять прерву речь Маркова, чтобы остановить внимание читателя на этом месте, которое даже повторю в силу его важности: «…вредные мутации бьют в первую очередь по когнитивным способностям, потому что умственные способности – самая уязвимая наша часть, так как для работы мозга необходима согласованная работа многих тысяч генов. И поскольку в работе мозга задействована огромная часть генов, вероятность попадания случайных мутаций именно на эти гены, довольно велика». Тупеем скоропостижно!

Запомнили, куда направлен главный удар деградации?

Именно туда. Тогда снова послушаем биолога:

– Таким образом, генная терапия – один из выходов. Другой выход – замораживать сперму молодых мужчин для последующего использования. Сейчас очень четко показано, что число новых мутаций у детей очень быстро растет с возрастом отца. Потому что клетки-предшественники сперматозоидов быстро делятся, и чем старше отец, тем больше они успевают пройти клеточных делений и, соответственно, накопить ошибок. Каждый год жизни отца прибавляет полторы новые мутации. И поскольку большинство не нейтральных мутаций вредны, имеет смысл заморозить свою сперму в двадцать лет, чтобы заиметь здорового ребенка в сорок.

Ну, со спермой ясно, а вот вопрос генной инженерии мне захотелось утоптать получше. У меня ведь свое мнение на этот счет. Я ведь великий прогрессист! И потому немедленно изложил Маркову свою картину будущего:

– Вот смотрите, как я это вижу… На первом этапе генная инженерия будет убирать самые грубые мутации – синдром Дауна и тому подобные. Собственно, при ЭКО это уже происходит. Потом наступит черед менее грубых патологий – склонности к раку, инсультам, гипертонии. Потом скорее уже косметических – уберем склонность к облысению, ожирению… Потом родители будут выбирать потомству пол, цвет глаз, волос. И наконец настанет черед сложных признаков – математические или музыкальные способности и прочее. Это получится?

– Современной науке очень далеко до возможностей решать такие задачи. Потому что все признаки, которые нас в человеке интересуют, полигенны, то есть зависят от сотен генов. Но беда в том, что не только на один признак влияют сотни генов, но и каждый ген при этом влияет еще на сотни других фенотипических признаков! Очень запутанная сеть влияния. Поэтому подкручивая один ген для улучшения одного признака, вы одновременно меняете еще несколько признаков. И не факт, что в лучшую сторону. Известны, например, некоторые гены, влияющие на склонность к ожирению. Но нам неизвестны все их эффекты, кроме влияния на ожирение. И, возможно, убрав склонность к ожирению и вытекающих из него болезней, мы получим букет других болезней.

– Или дурной характер – злобного мизантропа. Не зря же говорят, что полные люди добродушны. Вы, кстати, тощий…

– О! Вот тут мы подошли к еще одной интересной теме, – оживился Марков, крутя головой с огромной копной волос. – Я недавно сделал генетический скрининг. И меня, и мою жену мой генетический анализ немало развеселил. Потому что там

написано, будто я склонен к облысению, ожирению и весьма эмпатичен. Жена, которая считает, что мне эмпатии сильно не хватает, смеялась: ну, точно, это ты – толстый, лысый и чувствительный!.. Действительно, у меня есть версия гена FTO, повышающего аппетит и замедляющего чувство насыщения. Но его действие перекрылось действием других генов, про которые мы пока ничего не знаем. А всего генов у человека порядка 20 тысяч. При этом сотни генов формируют один признак. И каждый ген сдвигает этот признак на какие-то ничтожные доли процента, имея при этом кучу дополнительных эффектов на другие признаки! Попробуйте такую систему аккуратно отрегулировать, чтобы достичь нужного эффекта – что-то улучшить и ничего при этом не испортить. Конечно, грубые физические моногенные патологии, то есть вызванные мутацией одного гена, легко починить. А вот подкрутить, например, склонность к шизофрении… пока даже непонятно, как к этому подступиться.

Надеюсь, читатель понял мысль – начав крутить регуляторы сотен генов, стараясь вывести один признак в максимум, мы тем самым затронем тысячи других признаков. Система просто разойдется, развалится. И сейчас Марков проиллюстрирует это на примерах мух и евреев…

– То есть если у нас стоит задача сделать Паганини, то мы не настроим?

– Пока мы не в состоянии сделать Паганини.

– Ну а хотя бы чуть поумнее сделать, повысить IQ будущего ребенка с 110 до 130 единиц?

– Пока невозможно и это сделать, потому что на людях проводить эксперименты нельзя. А на мышах или дрозофилах – пожалуйста, это легко достигается с помощью искусственного отбора. У нас на биофаке отбирали мышей на способность решать разные задачки и вывели породу сообразительных мышей, мозг у них увеличился. И даже на дрозофилах это проходит – по скорости обучения отбирали и вывели линию умных мух. Но что характерно, умные мухи имели массу побочек – они были больными, слабыми, у них сократилась продолжительность жизни, и они страдали массой врожденных дефектов. Отбор на интеллект не дается даром, это дорогая вещь.

– А отчего, кстати? Это же нелогично. Ведь интеллект – это приспособительный признак.

– Действительно, при прочих равных иметь повышенную сообразительность животному выгодно, поэтому природа всех животных по этому критерию максимизирует – поднимает планку до того предела, пока выдерживает конструкция, пока это не становится обременительно с телесной точки зрения. Когда мы

пытаемся искусственно приподнять планку еще выше, то выводим систему за границы благоприятного функционирования. Система получается несбалансированной. Она уже разрушается. Поэтому умные – болезненные, слабые. Есть неполиткорректная гипотеза голландских ученых о том, что так называемые еврейские болезни, то есть наследственные нейродегенеративные заболевания, которые характерны для европейских евреев-ашкенази и больше ни для кого, возникли в результате чересчур жесткого естественного отбора на интеллект, которому подвергались в своих гетто европейские евреи на протяжении сотен лет. В тех тяжелых условиях, в которых они жили, наибольший репродуктивный успех имели самые умные и изворотливые. В среднем интеллект ашкенази действительно выше среднеевропейского. И возможно, те модификации генов, которые в гомозиготном состоянии приводят к болезни, в гетерозиготном повышают интеллект [27].

Схожую теорию выдвинули и канадские генетики. Они проводят массу исторических фактов о том, что в Квебеке действовал аналогичный жесткий отбор на интеллект среди французов. И результат аналогичен – нейродегенеративные заболевания местного населения.

Читатель может закручиниться. А вообще это сводимая система? Или расходящаяся? Сможем ли мы в принципе когда-нибудь отрегулировать двадцать тысяч генов так, чтобы нужные признаки были, а ненужных не было? Или при попытках подкрутить генами нужные признаки до нужной кондиции, все остальные признаки уйдут в разнос, и организм окажется далеко в зоне нежизнеспособности?

Это всё правильные вопросы. И тут мы выходим на сложность второго порядка, которую Марков обозначил следующим образом:

– Регулируя генотип инженерный путем, надо еще учитывать, что влияние генов зависит еще и от среды, то есть среда может продиктовать, как проявит себя тот или иной ген. А как предсказать среду завтрашнего дня?

Пара примеров. Есть такой ген DRD4, один из вариантов которого усиливает открытость к новому опыту, поиск новых ощущений. Это ген поиска новизны. Его назвали геном авантюризма. Частота этой аллели повышена у кочевников и снижена у оседлых народов. Так вот, на социальном плане этот ген проявляет себя очень интересно – его действие зависит от среды. Те носители этого гена, у которых в детстве было много друзей, становятся потом либералами. А если друзей было мало, никакого влияния гена на политические пристрастия не прослеживается. Другие аллели (варианты) этого гена тоже не

оказывают никакого влияния на политические пристрастия.

Кстати, у запретителей, склонных поддерживать всякие охранительные меры – ограничить мигрантов, запретить аборты, запретить гомосексуализм, увеличить расходы на оборону и тому подобное, – сильно развит отдел мозга, который называется миндалевидное тело. Этот отдел отвечает за страх. То есть это люди, ведомые страхом перед новым и непривычным, у них сильнее реакция на пугающие стимулы – больше скачет давление, повышается потоотделение. А величина миндалевидного тела – генетически детерминированный признак. То есть склонность к либерализму или консерватизму может быть генетически детерминирована и при этом еще и зависеть от среды.

Еще пример. Обнаружен ген, который влияет на склонность плакаться в жилетку, то есть жаловаться друзьям и знакомым на судьбу. Та вот, этот ген на американцах работает, а на корейцах нет. Почему? Влияние среды – в Корее просто не принято жаловаться! И ген себя в фенотипе не проявляет. А вот корейцы с таким геном, живущие в США, прекрасно жалуются с той же частотой, что и американцы.

К чему я веду… Мир меняется очень быстро. Меняется обстановка вокруг нас, транспорт, привычки, электромагнитный и информационный фон, еда. В этих условиях решить систему «генетических уравнений» да еще с учетом изменения среды практически нереально. Но!.. Но ремонтировать наш генотип на уровне физических признаков нам все-же придется, у нас просто выхода другого нет из-за накопления генетического груза, который не выметается отбором.

– Сколько у нас еще времени в запасе? Успеем? Когда мы будем приходить и заказывать ребенка хотя бы по физическим параметрам, чтобы просто физически не вымереть?

– Общественное развитие предсказать невозможно, а это зависит от общественных настроений и нарастающей идиократии. Если в большинстве стран исследования в области генной инженерии на человеке запретят, человечество ждет деградация, отупение, одичание а значит, снова включение естественного отбора и опять достижение современной стадии развития. После чего последует вторая попытка взять эту высоту. То есть рано или поздно брать ее все равно придется, если мы, как вид, хотим выжить.

Кто же мешает человечеству спасаться? Ну, в первую очередь консерваторы-религиозники с увеличенным миндалевидным телом. А еще, как ни странно, либеральные леваки, у которых левачество побеждает либерализм в силу той самой интеллектуальной деградации, об этом мы еще поговорим. А

сейчас нужно все-таки завершить разговор об опасностях.

Глава 5
Широко шагаешь – штаны порвешь

Разрыв фронта знаний – вот что еще нам угрожает, помимо деградации. И эта угроза тоже весьма нешуточная…

Есть такая очень справедливая максима: чем меньше мы знаем, тем меньше граница нашего знания с неизведанным; чем больше мы знаем, тем длиннее наша граница с неведомым.

Если представить себе наше знание в виде круга на плоскости, то его площадь – это наши знания о мире, а длина окружности – границы с непознанным. И чем больше мы узнаем, то есть чем больше расширяется круг, тем длиннее и его граница с неизвестным. Ну, а чем больше фронтир, тем большие силы нам нужно бросать в наступление, чтобы расширить границы, отвоевав себе территории знания. А силы эти – ученые. Их нужно все больше и больше.

Пока население росло, с этим проблем не было. Пока росла экономика, проблем с финансированием также не было. Но и число ученых, и величина экономики зависят от общего количества народа на планете. Пока оно еще по инерции растет за счет самых отсталых регионов. Когда я учился в школе, на планете жило четыре миллиарда человек. Сейчас нас восемь миллиардов. Ближе к концу века это число перевалит за отметку в десять миллиардов, превысив ее примерно на 400–500 миллиончиков. После чего начнет снижаться.

Но поскольку ударная волна фазового перехода бежит по планете, уже сейчас в мире есть страны, где население снижается. Китай, Япония, Россия – лишь три примера таких стран. В России, кстати, пик численности населения миновал в 1993 году, тогда было почти 148,6 миллионов, к середине века останется, по прогнозам, 135 миллионов. И если сейчас в разных странах раздаются голоса о том, что нужно ограничить приток мигрантов, то совсем скоро развитые страны начнут конкурировать друг с другом за главный и самый дефицитный ресурс планеты, коим будет не нефть и не пресная вода, а люди.

Тревожные звоночки людской дефицитности раздаются уже сейчас. В Японии подгузников для взрослых продается уже больше, чем для младенцев, в Италии закрываются роддомы, университеты Южной Кореи пустеют, там не хватает студентов.

Кстати, о подгузниках… Старение населения – это удар по финансам: люди уже не работают, а ложатся бременем на экономику, отнимая тем самым деньги у фундаментальной науки.

А помимо пенсий старикам нужен повышенный медицинский уход, что также отъедает деньги у науки.

Прогнозы численности населения для разных случаев падения рождаемости на одну женщину, сделанные Сергеем Щербовым, директором по демографическому анализу Центра Витгенштейна.

До сих пор человечество двигалось вперед с помощью новых знаний. Сейчас же перед нами встали две проблемы.

Первая – рост затрат на фундаментальные исследования в связи с экспоненциальным ростом необходимой для ускорителей энергии (и, соответственно, денег) достиг таких величин, которые человечеству уже не потянуть ни экономически, ни физически.

Вторая – нам просто не хватит людей для расширяющегося фронта незнания. Еще в 60-е годы XX века была сделана следующая оценка, исходя из тогдашних данных: если рост числа ученых продолжится такими же темпами, к 2010 году каждый человек на планете станет ученым. Но «научной сингулярности» не случилось, как не случилось бесконечного роста населения, бесконечного роста мощностей компьютеров по закону Мура и бесконечного роста уровня технологий. Тенденция переломилась и пошла на замедление. Как и положено в физическом мире.

Отсюда с неизбежностью следует, что в том самом круге знаний, который мы нарисовали выше, возникнут разрывы сплошности на границах. На какие-то направления просто не будет хватать людей. При этом не только аппаратурная сложность физики, как науки, но и математическая сложность некоторых самых передовых разделов физики (например, теории струн) растет настолько, что сегодня на восьмимиллиардной Земле специалистов по теории струн всего несколько сотен человек. Если нас будет на планете всего миллиард, на самом острие

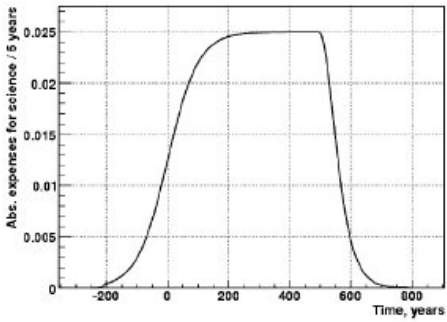
науки может никого и не остаться.

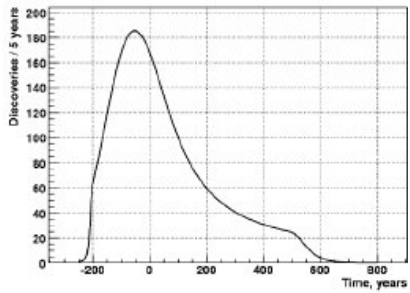
Есть и еще один неприятный парадокс – до определенного времени ученые жаловались, что количество научных статей и накопление научного материала росло так быстро, что ученые просто не успевали ознакомиться со всем, что публиковалось в их области знаний. Но потом случилось то, что уже знакомый нам Панов предсказывал задолго до того, как это случилось.

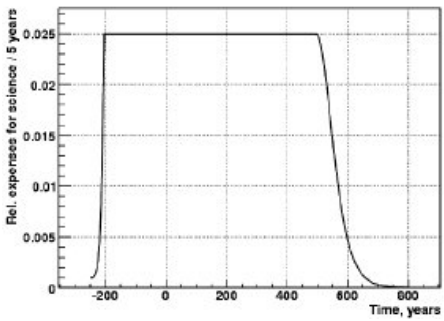
Что же он предсказал?

Не думая о худом, он разработал математическую модель роста знаний в зависимости от финансирования. И в теории получилось следующее – сначала, по мере роста финансирования, наблюдается буквально взрыв научных публикаций. Затем какое-то время этот подъем продолжается, а потом, несмотря на рост финансирования, число публикаций и полученных знаний начинает падать, потому что растет количество денег на один бит новой научной информации, поскольку проникновение в глубины природы становится экспоненциально дороже с каждым годом. Падение числа публикаций вызывает падение финансирования и интереса к науке, и эта положительная обратная связь вскоре приводит к катастрофе – схлопыванию науки в ноль.

На момент разработки этой матмодели еще не было данных для ее проверки, но через четырнадцать лет они появились – было опубликовано масштабное мировое исследование по количеству научных публикаций в мире, начиная с 1817 года. И что вы думаете? С 2007 года количество публикаций начало падать! А это значит, что мы вошли в тот самый режим цивилизационной предкатастрофы, которую предсказала теоретическая модель.







Сопоставление зависимости финансирования науки и числа научных публикаций от времени. Левые кривые – рост финансирования, правая – число полученных новых знаний, оно достигает пика, потом начинает падать, и вскоре в ответ на это резко обрывается финансирование.

Панов А. Д. Наука. Эволюция. ресурсы. – 2009. – Электронный ресурс: https://www. cosmos-mentality. ru/index. php? option = com_content&task = view&id = 304&Itemid = 201

Естественно, первое, что приходит в голову, когда нам рисуют страшные прогнозы, это знаменитая экстраполяция конца XIX века про конский навоз – будто в результате роста городов они вскоре окажутся заваленными по маковку конским навозом. Да-да, мы помним этот прикол! Опасения такие и правда были, но потом изобрели автомобиль и вместо конского навоза пришлось бороться с другой напастью – выхлопными газами. Человечество всегда преодолевает кризис исчерпания ресурсов скачком в новые технологии. Эти технологии приводят к очередным проблемам, которые преодолеваются новым скачком. Грамотные, знаем…

И что нам может помочь в случае с обвалом науки? Опять же, первое, что приходит в голову – Искусственный Интеллект! Пишу с двух больших букв «И» исключительно из уважения к оному.

Как он может помочь, лапуся такая?

Первое. ИИ может помочь в обработке первичных данных. В астрономии, например, современные телескопы, в том числе

космические, предоставляют такое количество данных, что астрономическому сообществу не хватает времени и физических сил, чтобы их обрабатывать. В этой связи астроном Фердинандо Патат провел в 2016 году опрос среди коллег, в коем участвовали 1278 астрономических коллективов, проводивших наблюдения на Very Large Telescope в Чили с 2006 по 2013 годы, но никаких результатов на момент опроса не опубликовавших. Оказалось, даже с помощью суперкомпьютеров они просто не успевают обрабатывать поток информации. Значит, нужен сверх-супер-пупер-компьютер. Настоящий ИИ, а не тот младенец, который у нас сейчас, и который просто складно бубнит, переставляя слова.

Второе. Искусственный интеллект, работающий с гигантскими массивами данных, может заняться тем, чем занимается человеческий разум – ловить своей нейронной сетью закономерности. То есть делать рядовые открытия вместо ученых. И особенно это может быть важно при обработке данных в смежных областях наук, на что человеческого времени и сил уже не хватает. Это при малом круге знаний, накопленных человечеством, какой-нибудь Эйлер мог быть и математиком, и физиком, и астрономом одновременно. А теперь – очень узкие специалисты. Между тем, самые великие научные открытия часто подстерегают нас на стыках наук, в междисциплинарных областях, куда практически никто из западных «узких» ученых не забирается. Одним из таких последних мастодонтов советского разлива был великий ученый Владимир Ларин, сделавший переворачивающее все наши представления о Земле открытие на стыке геологии, астрофизики, материаловедения. Широко брал!

И пусть вас не обольщают последние известия о триумфе ИИ в интернете и его способности писать студенческие рефераты. Это пока еще далеко не тот искусственный интеллект, который нам нужен. И сколько понадобится времени, чтобы дорастить его до необходимой кондиции «сверхразума», а главное, успеем ли мы сделать это перед крахом, еще неизвестно. Как неизвестно, возможно ли это сделать в принципе.

Тут вот в чем проблема. И тот, кто надеется на то, что ИИ нас спасет; и тот, кто опасается, что ИИ нас поработит и потому ратует за ограничение исследований в этой области, априори предполагают, что компьютерный мозг – это то же самое, что мозг человеческий, только лучше, больше и мощнее. Но человеческий мозг – это не компьютер. Точнее, не только и не столько компьютер. Компьютер он только в том смысле, что тоже умеет работать с информацией. Но ведь с информацией, записанной на ленту, работает и магнитофон. И делящаяся клетка тоже работает с информацией, записанной в ДНК. Однако ни магнитофон, ни

делящаяся клетка ничего не понимают. А мозг информацию понимает. Мозг работает со смыслами. Потому что мозг информацию осознает.

Еще раз напомню, что феномен сознания не входит в тему рассмотрения этой книги и снова отошлю вас к своей книге «Квантовая механика и парадоксы сознания». Здесь же вкратце скажу, что, по всей видимости, мозг представляет собой все-таки квантовый компьютер, а феномен осознавания и осмысления связан с самыми фундаментальными свойствами материи, поэтому привычные нам сегодняшние компьютеры в принципе не могут реализовать все функции мозга. Конечно, если создать такую машинку, как мозг, удалось тупой природе в результате эволюционного перебора, то разуму, как Великому Ускорителю, это также может удаться, причем в гораздо более короткие сроки. Но нужно понимать, что задача эта от решения пока так же далека, как и век назад. И какие фундаментальные открытия нужно будет сделать для ее решения, даже приблизительно неизвестно. А времени у нас совсем немного. Его может просто не хватить нашей цивилизации. Но может хватит какой-то другой, на противоположном конце Галактики.

На что же я тогда надеюсь, коли население планеты и, соответственно, число ученых начнет падать? Сможем ли мы перепрыгнуть эту пропасть? У нас ведь только одна попытка…

Глава 6
Прыжок с трамплина

Во-первых, до конца века население будет еще по инерции расти. То есть лет сорок – шестьдесят у нас пока есть. И за это время можно кое-что предпринять.

Первое. Поэкономнее относиться к гениям. То есть наладить обогащение народной породы. Суть вот в чем…

Гением нельзя стать. Гением можно только родиться. Но родиться гением мало. Если бы в руки Паганини никогда не попала скрипка… Если бы Эйнштейн родился в Африке и не получил образования… В общем, понятно. А сколько таких эйнштейнов в этих мировых окраинах родилось и сейчас рождается? Они просто пропали для прогресса. Сколько мы их профукали?

Иными словами, должен быть отбор. Всю земную «породу», всех рожденных на планете детей придется «промывать» образовательной сетью в поисках редких блесток гениальности, чтобы ничего не пропало втуне. И это одно из главнейших дел завтрашнего дня. Это трамплин для прыжка через пропасть.

В качестве примера такого отбора назову российский лицей «Сириус», который пытается по результатам школьных олимпиад и научно-технологических школьных проектов отбирать самых ярких и умных. Но подобные единичные опытные экземпляры системой, как вы понимаете, не назовешь, да и куда они потом деваются, не очень понятно. Необходима системная работа. Нужна социальная обогатительная фабрика в масштабах всей планеты [28].

Что этому препятствует?

Мешает этому современная западная левацкая система образования, которая неявно предполагает, будто школа должна не столько давать знания, сколько развлекать и «социализировать». Та самая уравниловка, названная красивым словом «инклюзивность», которая предполагает возможность для каждого ученика «независимо от имеющихся физических, социальных, эмоциональных, **ментальных**, языковых, **интеллектуальных** и других особенностей» получить возможность учиться в общеобразовательных учреждениях. Это я вам Википедию процитировал.

И вот еще одна не менее убойная цитата про эту самую инклюзивность из той же Википедии:

«В процессе инклюзии участвуют люди с инвалидностью,

когнитивными и ментальными особенностями, представители этнических меньшинств, лица, содержащиеся в пенитенциарных учреждениях, маргинальные слои общества, ВИЧ-инфицированные, трудовые мигранты, студенты-иностранцы, люди, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, одаренные личности, лица с различными интеллектуальными и физическими отклонениями и другие».

Вали кулем, потом разберем!

Я, разумеется, ничего не имею против людей с физическими недостатками, среди них как раз и могут быть компенсаторные гении, но при чем тут люди с ментальными, мать твою, и интеллектуальными отклонениями?! При чем тут малолетние преступники из колоний, которые только помешают учиться нормальным детям?

Получается, что независимо от того, знает этот сын гастарбайтера местный язык или не знает, слабоумный он или нет, есть у него в кармане нож или нет, он будет учиться вместе с умными детьми, замедляя процесс, ибо караван идет со скоростью самого медленного верблюда.

Именно леваки из профсоюзов учителей ратуют за инклюзивность, потому что пастуху проще пасти медленное стадо. Мне врезалась в память услышанная однажды печальная история о том, как американский профсоюз учителей поднажал и закрыл с помощью властей в Калифорнии местную школу для талантливых детей. Родители учеников этой школы ходили на демонстрации, плакали, но ничего поделать с профсоюзом учителей не смогли. А вот когда негры на уроках в государственных школах хохочут и пускают в воздух самолетики, не учась сами и мешая другим, это для американских учителей нормально. Инклюзивность, равенство, негритянская культура!

Чуть отвлекаясь, скажу, что профсоюзы вообще должны быть ликвидированы во всех отраслях, как паразитное экономическое звено, как опухоль, уродливый наплыв на стволе дерева, который ничего не дает самому растению, но сосет из него соки. Для регулирования отношений между работодателем и каждым конкретным работником вполне достаточно обычных юридических средств – юристов, договоров, адвокатов, судебной системы. Профсоюзы же – это легальные бандиты, которые, рекетируя работодателя, перекашивают экономику в пользу малой группы – своих членов – и в ущерб всему обществу. Кто страдает, когда бастуют диспетчеры авиалиний? Миллионы пассажиров – и все ради того, чтобы диспетчерам повысили зарплату, а пассажирам – цены на билеты. Так профсоюзы разных отраслей и разгоняют инфляцию, таща одеяло экономики каждый

в свою сторону…

В результате указанной образовательной политики на Западе вообще и в Америке в частности мы пришли к сущей катастрофе. США – светоч и маяк, самая передовая страна, не так ли? При этом национальная оценка успеваемости в 2019 году показала, что только 30 % калифорнийских восьмиклассников умеют бегло читать. Каждый пятый взрослый в США испытывает трудности при чтении и письме. И речь тут идет не о мигрантах, а о коренных американцах, для которых английский является родным. По данным Национального табеля успеваемости (The Nation's Report Card) 64 % жителей США не владеют навыками чтения – они или совсем не умеют читать, или читают по слогам. Среди негров этот процент еще выше – 82 %.

А по данным Программы международной оценки компетенций взрослых (PIAAC) при Организации экономического сотрудничества и развития 26,5 миллионов взрослых в США не могут прочесть газету и заполнить форму в кабинете врача. Более 30 миллионов жителей США производят арифметические вычисления на уровне третьеклассников или ниже. Зато в американских школах проводятся уроки толерантности и процветает сплошная инклюзивность во имя уравниловки и дебилизации.

Интересно, что уровень безграмотности выше всего в тех штатах (Нью-Йорк и Калифорния), где выше социальная энтропия, то есть больше всего социализма. Но если взять карту IQ по штатам, мы увидим, что Калифорния с ее инновациями и Силиконовой долиной вовсе не рекордсмен по интеллекту, а даже напротив – имеет один из самых низких Ай Кью среди всех штатов Америки. Почему? Может быть, из-за оттока самых умных и богатых в результате нежелания платить высокие налоги, каковой отток начался после социалистического повышения налогов с богатых? Богатые и правда бегут из Калифорнии в Техас, но такая утечка тысяч людей статистически не могла сказаться на общей просадке интеллекта в штате, где живут десятки миллионов людей. А вот массовый приток малообразованных, туповатых и ленивых мигрантов, падких на социальную халяву, просадить IQ штата мог и просадил. Бездари и тунеядцы летят на социализм, как мухи на говно.

Равноправие в некоторых американских школах дошло до того, что в 2022 году губернатор штата Орегон Кейт Браун подписала закон, который обязывает государственные учебные заведения обеспечить менструальными тампонами не только девочек, но и мальчиков. Отныне в каждом мужском туалете штата будут лежать средства женской гигиены. Это сделано «для

равноправия, поскольку, как объясняет пресса, «трансгендерные мальчики тоже могут менструировать». Властям штата данный триумф равноправия обойдется в 400 долларов США на каждый школьный туалет. Вот куда уходят деньги.

Это ли не торжество идиократии?

И подобная печальная ситуация с образованием не только в США. Переместимся во Францию, славящуюся своими социалистическими традициями. В интервью информационному порталу Atlantico эксперт в области образования Эрик Давшан задается вопросом: «Как могло получиться, что французская система образования, веками считавшаяся в Европе образцовой, стала штамповать хулиганов и неучей? Кто ответит за то катастрофическое состояние, до которого государство довело систему образования во Франции?»

Парадокс состоит в том, что асоциальное поведение учеников провоцируется социальной политикой, точнее, социалистической – ровно той самой, которая вовсю процветала в СССР: вали все на коллектив и общество! Кто виноват в том, что Василий по пьяни убил жену? Виноват коллектив. Недосмотрели!.. Что мы с вами сделали, товарищи, для того, чтобы Василий не пил и не убивал жен?.. Это левацкое снятие ответственности с человека и набрасывание ее на общество в целом, то есть попросту говоря распыление вины в воздухе, является по сути оправданием любых преступлений и любых подлостей. «Бедность виновата». «Время такое было…»

Французский эксперт Эрик Давшан в Советском Союзе не жил, с его практиками не знаком, но точно отмечает их в социалистической Франции: «Любое ненормальное поведение у нас объяснялось «социологически» – то есть для такого поведения находились оправдания. Правонарушения объяснялись бедностью, а джихадизм назывался «исламской версией простительного молодежного радикализма». Все беспорядки объявлялись ответной реакцией на так называемый «системный расизм» со стороны белых европейцев. Вся эта оправдывающая вседозволенность белиберда принималась на ура в СМИ и органах власти».

Когда в детях с детства воспитывают вседозволенность, не ограничивая, не формируя личность, эта личность расползается, становится безвольной, не отвечающей за свои поступки медузой, выброшенной из ювенильного моря на взрослый берег.

Издание Atlantico считается во Франции правым. Но ситуация уже дошла до того, что даже представитель французского учительского профсоюза – Луи Вебер, руководитель института исследований Объединенной федерации преподавательских

профсоюзов – отчасти соглашается с экспертом правых взглядов (впрочем, не сильно отходя от левацких догматов, что видно по его риторике):

«…в 1980 году были приняты меры так называемой «позитивной дискриминации»… Была надежда дать таким образом возможность молодым людям компенсировать неравенство, жертвами которого они являются. Но результаты этой политики противоречивы. Очевидно одно: они далеки от ожидаемых».

И дальше, не поняв, что все проблемы образования вызваны левизной, автор срывается в привычное камлание: «…необходимо в первую очередь устранять неравенство».

Да ёшкин кот! Не устранять его надо, а увеличивать! Ведь именно к неравенству и приводит процесс обогащения, когда пустая порода отделяется от драгоценного рудного концентрата. Уравниловка же, к которой призывают леваки, есть не что иное, как социальная энтропия! «Тепловая смерть» социума. И к чему эта энтропия постепенно приводит, вот вам живой пример.

В середине десятых годов этого века во Франции приключился образовательный скандал. Одну девочку африканского происхождения, которая набрала в своей школе 19 баллов из 20 по успеваемости приняли в один из самых престижных вузов Франции с бесплатной стипендией. За одаренность, подтвержденную этими самыми баллами. Однако марроканка вылетела оттуда после первого же семестра. Контрольное тестирование показало, что эта «необыкновенно одаренная девочка» знает программу на три балла, а вовсе не на девятнадцать. В результате у марроканки случилась тяжелая депрессия, которую пришлось лечить медикаментозно и даже с привлечением прессы. У журналистов, естественно, возник вопрос: а как она в школе-то своей 19 баллов набрала? Оказалось, в школе ради «равноправия» просто понизили требования, чтобы цветные дети на чувствовали себя угнетенными белым знанием. Как сказала тогдашняя министр образования Франции Наджад Валло-Белкасем (сама из Марокко, член Социалистической партии Франции), бывшая до этого министром по правам женщин (и такое министерство во Франции есть!): требования к ученикам снижаются, чтобы «не дискриминировать всеобщее равенство».

Интересно, что попустительство лени, хулиганству и разболтанности во французских школах не нравится даже многим ученикам, коим это мешает учиться, но… Но это нравится учителям, в таких условиях можно меньше работать, а профсоюз защитит от увольнения.

Главный редактор французской газеты Le Monde Люк Броннер

приводит в одной из своих книг следующий эпизод. Преподаватель технического колледжа спросил своих учеников, что они думают о насилии в школе. Те высказались в том смысле, что взрослые (учителя) должны ограждать тех учеников, кто хочет учиться, от разлагающего поведения хулиганов, которые учиться мешают. В ответ им начали толкать духоподъемные речи в левацкой манере о равенстве и инклюзивности.

Советский и российский математик Владимир Арнольд свидетельствует:

«Во Франции катастрофа наступила чуть раньше, в других странах она еще впереди. Школьное образование начало гибнуть в результате тех реформ, которые проводятся интенсивно во второй половине XX века. Министр Франции отметил, что из школьного образования математика постепенно вытесняется, и рассказал о своем эксперименте. Он спросил школьника: «Сколько будет два плюс три?» И этот школьник, умный мальчик, отличник, не ответил, так как он не умел считать… Правда, это был способный мальчик и он сказал: «Два плюс три будет столько же, сколько три плюс два, потому что сложение коммутативно…»»

В своей книге «Конец феминизма» я приводил многочисленные свидетельства потрясающей деградации математической школы во Франции, которыми с журналом «Наука и жизнь» поделился долго работавший во Франции доктор физико-математических наук Виктор Доценко еще в далеком 2004 году. Все ужасы приводить здесь не буду, дам лишь один кошмарчик для примера. Он касается элитного вуза Франции, куда принимают лучших из лучших. И вот этим лучшим из лучших задали следующую элементарнейшую задачку для советского восьмого класса (выделения полужирным мои):

«Воздушный шар летит в одном направлении со скоростью 20 км/ч в течение 1 часа и 45 минут. Затем направление движения меняется на заданный угол (60°), и воздушный шар летит еще 1 час и 45 минут с той же скоростью. Найти расстояние от точки старта до точки приземления».

Перед контрольной **на протяжении двух недель среди преподавателей университета шла бурная дискуссия – не слишком ли сложна эта задача для наших студентов**. В конце концов решили рискнуть выставить ее на контрольную, но с условием, что те, кто ее решит, получат дополнительно несколько премиальных очков. Затем **в помощь преподавателям, которые будут проверять студенческие работы, автор этой задачи дал ее решение. Решение занимало половину страницы и было неправильным**. Когда я это заметил и поднял было визг, коллеги тут же успокоили меня очень простым аргументом: «Чего ты

нервничаешь? Все равно эту задачу никто не решит…» И они оказались правы. Из полутора сотен студентов, писавших контрольную, ее решили только два человека (и это были китайцы). Из моих пятидесяти учеников примерно половина даже не попыталась ее решать, а у тех, кто сделал такую попытку, спектр полученных ответов простирался от 104 метров до 108 500 километров. Отдавая работу той студентке, которая умудрилась получить расстояние в 108,5 тысячи километров, я попытался было воззвать к ее здравому смыслу: дескать, ведь это два с половиной раза облететь вокруг земного шара! Но она мне с достоинством ответила: «Да, я уже знаю, это неправильное решение».

Я не зря обратил внимание читателя на год, когда Доценко поделился с журналом своими наблюдениями. С тех пор прошло два десятка лет с гаком. Ситуация в лучшую сторону, как вы понимаете, не изменилась. Но уже тогда Доценко отмечал: «Мне неизвестно, сколько времени здесь продолжается весь этот образовательный апокалипсис, может, лет десять, может, чуть меньше, но то, что в школы уже пришли преподаватели «нового поколения» – выпускники таких вот университетов, это точно я вижу по своим ученикам».

Ну, а сейчас пришло третье поколение интеллектуальных деградантов, которое учит четвертое. Однако падение математических знаний мало кем на Западе замечается, а некоторыми леваками Запада прямо одобряется. Так, например, отдельные феминистические течения прямо заявляют, что математика – это мужской, то есть патриархальный взгляд на мир, помогающий угнетению. Причем левацкая повестка проникла даже в само математическое сообщество, которое начинает подвергать коррекции математические работы, если они противоречат догматам равенства. Это не шутка.

Совершенно потрясающая история произошла в 2017 году в Америке, после которой хочется всех феминисток высечь розгами, а заодно и всех леваков.

Известный американский математик Теодор Хилл вместо со своим коллегой – математиком Сергеем Табачниковым, профессором Пенсильванского университета, решили проверить одну биологическую эволюционную гипотезу методами математики. Гипотеза заключалась вот в чем…

Биологами, начиная с Дарвина, было подмечено, что за малым исключением у большинства видов разброс свойств и признаков у самцов больше, чем у самок. То есть их кривая нормального распределения шире. Это касается практически всех свойств и признаков. Иными словами, женщины более

усредненные, а среди мужчин коротышек и гигантов, гениев и идиотов больше, чем у женщин. Любые характеристики – вес при рождении, структура мозга, время забега на 60 метров, тесты по математике, количество самоубийств и т. д. и т. п. и пр. – все эти значения у мальчиков дают большой диапазон разброса, а у девочек больше сгруппированы к середине. Именно поэтому среди самцов больше нобелевских лауреатов и дураков, святых и маньяков, бездомных и богатых.

Если бы Дарвин и все биологи прочли мою книгу «Конец феминизма», они бы поняли причину этой природной хитрости: самцы – расходный материал природы, а самки – консервативный. Самки сохраняют все лучшее, накопленное видом, а с помощью разнообразия свойств самцов природа экспериментирует. Она ими больше жертвует, нащупывая этим широким разбросом свойств возможные направления движения и приспособления к меняющимся условия существования. Поэтому первые отбираемые признаки появляются у самцов, а затем закрепляются в самках. Если эволюция решила, что хвост теперь не нужен, первыми хвост потеряют самцы. Если эволюция решила, что ум является репродуктивным преимуществом, первыми животными гениями станут самцы и постепенно потащат в этом направлении через поколения весь вид, постепенно сдвигая в сторону ума всю гауссиану.

Но это на словах. А математики решили построить матмодель, чтобы подтвердить или опровергнуть это словесное описание. Они нашли финансирование, провели работу, отослали в журнал. И все на голубом глазу, не подозревая о том, что марксистское око Большого брата бдит.

После чего началась буря. Да что там буря! Настоящий тайфун!

Это была обычная математическая работа в области эволюционной теории, получившая хорошие отзывы рецензентов. Как потом отмечал сам Теодор Хилл, «работающие математики обычно приходят в восторг, если хотя бы пять человек в мире читают их последнюю статью». А тут случился настоящий взрыв дерьма еще до публикации!

Сначала журнал Mathematical Intelligencer принял статью, осторожно отнеся ее в рубрику «Точка зрения» – чтобы подстраховаться. Но оказалось, не все точки зрения имеют право на существование. А только те, которые лежат на «линии партии».

В общем, вы уже поняли – статья не вышла. Она должна была увидеть свет (и уже была набрана!) в начале 2018 года, в статье выражалась благодарность за спонсорство Национальному научному фонду (NSF), все как положено… Но после размещения

препринта феминистки-активистки из организации «Женщины в математике» с факультета Табачникова начали откровенную травлю автора, предупредив его «о последствиях». И об опасности его статьи. В чем же состояла общественная опасность математического исследования?

А в том она состояла, что неискушенные читатели (кто же это такие, интересно?) «увидят, что кто-то пользуется авторитетом математики для поддержки очень спорного и потенциально сексистского набора идей…» На чью мельницу воду льете? Кто надоумил?..

Сергея вызвали на товарищеское собрание факультета, где ему объяснили, что «иногда такие ценности, как академическая свобода и свобода слова, вступают в конфликт с другими ценностями». Посоветовали признаться (!) в предвзятости. Убеждали отозвать свое имя, «чтобы восстановить мир на кафедре и избежать потери того политического капитала, который у Сергея еще может быть». Обвинили в «научном расизме». Это давление продолжалось несколько недель.

Затем спонсоры – тот самый Национальный научный фонд – написали испуганное письмо с просьбой удалить из статьи всякое упоминание их фонда. И это было за всю историю фонда в первый раз. Оказалось, два деятеля Пенсильванского университета – заместитель руководителя по разнообразию и справедливости и председатель комитета по климату и разнообразию – втайне от авторов статьи сигнализировали в фонд о вредной статье (курсив мой): «Наша озабоченность, заключается в том, что [эта] статья, *по-видимому*, продвигает псевдонаучные идеи, которые наносят ущерб продвижению женщин в науке и противоречат ценностям NSF».

И статья была снята. Главный редактор Mathematical Intelligencer уведомил авторов, что не может сопротивляться давлению, ибо публикация вызовет «чрезвычайно сильную реакцию». А кроме того, существует «очень реальная возможность того, что правые СМИ могут подхватить это и раскрутить на международном уровне».

Как писал потом потрясенный Хилл, «за 40 лет публикации научных работ я никогда не слышал об отклонении уже принятой статьи».

Несмотря на то, что журнал испугался публиковать статью, сам факт того, что он собирался это сделать, привел к тому, что в социальных сетях была поднята волна травли журнала. При этом никто из тех, кто в травле участвовал, не приводил никакой математической критики выводов, прозвучавших в статье. Только идеологические.

Под угрозой лишения дальнейшей карьеры Сергей Табачников снял свою фамилию, но Теодор Хилл оказался более крепким, поскольку к тому времени находился уже на заслуженной пенсии. Да и вообще ветерана Вьетнамской войны и бывшего рейнджера армии США запугать было сложнее, чем привычного к партийным проработкам Табачникова. Поэтому Хилл закусил удила!

Он опубликовал статью у Игоря Ривина, бывшего советско-канадского математика, редактора онлайн-журнала New York Journal of Mathematics. Но и Ривин оказался слаб в коленках: ровно через три дня статья была из журнала удалена. И как удалена!

Не снята, как антинаучная после критики. Не отозвана автором, естественно. А просто пиратским образом изъята и заменена, то есть на той же самой странице того же самого тома (NYJM Том 23, стр. 1641+), где когда-то размещалась статья Хилла, вдруг появилась статья другого автора, ибо яростное письмо Ривину феминисток от математики требовало немедленно снять статью. Ривина обвиняли в экстремизме, а статью Хилла называли «куском дерьма», «вредной и политически заряженной псевдонаукой».

И Ривин сдался. Он написал Хиллу покаянное письмо, в котором сообщал, что половина редколлегии заявила, что уйдет в отставку и будут «преследовать журнал», который он основал 25 лет назад, «пока журнал не умрет». Столкнувшись с потерей собственного научного наследия, Ривин сдался.

Коллеги Хилла, не слыхавшие об этой истории, когда Хилл рассказывал им о случившемся, были потрясены, они никогда не слышали о том, чтобы статья в научном журнале просто исчезала после официальной публикации.

Но феминисткам этого показалось мало! Они продолжали третировать и Mathematical Intelligencer, и New York Journal of Mathematics, требуя в соцсетях бойкота и журналов, и «ненавидящего женщин» реакционера Теодора Хилла.

И в общем, Хиллу еще повезло. Потому что незадолго до этой истории радикальные левые активисты буквально растоптали президента Гарвардского университета Лоуренса Саммерса за то, что на научной конференции он рассказал о том, что врожденные различия между мужчинами и женщинами могут объяснить, почему так много факультетов математики, инженерии и естественных наук остаются в значительной степени мужскими. Такого покушения на догматы ему не простили. Чувства верующих были оскорблены!

Профессор биологии Массачусетского технологического

института Нэнси Хопкинс так отреагировала на выступление Саммерса: «Я чувствовала, что меня сейчас стошнит, мое сердце бешено колотилось, а дыхание было прерывистым, я просто не могла дышать, потому что такого рода предвзятость делает меня физически больной». После чего выбежала из зала, «потому иначе я бы либо потеряла сознание, либо меня вырвало».

Какие они нежные, эти верующие. Как слизняки…

Тем не менее пришлось Саммерсу каяться. А мы заметим, что левацкие доктрины и догматы давно вошли в обязательную программу американских колледжей и университетов.

Вывод? Он прост. Из этой кошмарной ямы надо выбираться. Образование должно быть по-китайски жестким. А вся эта левацкая мягкотелость убивает образование и самих детей. Потому что ребенок – личность еще несформированная, по сути, дикарь, который мягкость воспринимает как слабость. Дети ведь не зря дискриминируются во всем мире, их не зря лишают прав до возраста совершеннолетия и взросления. Но ведь это взросление должно еще наступить! А школа, которая не совершает над пластилином ребенка формирующего насилия, только портит ребенка, не дает ему оформиться в личность.

Очень правильно сказала доктор биологических наук Татьяна Черниговская: «Образование подразумевает некоторую долю принуждения, если не сказать насилия».

Дрессировка! Кнут и пряник! Сегрегация на умных и тех, кому не дано.

Профессор, читавший тензорный анализ в моем вузе, говорил туповатым студентам, коим грозило отчисление: «Не можешь работать головой, пойдешь работать руками».

Что ж, работать руками – это неплохо. Не всем же лекции читать как негру, описанному в деловой газете «Взгляд» (21 марта 2019 г.) в статье «Как «образование для всех» убивает Францию». Автору статьи довелось присутствовать «на одной из поликорректнейших площадок [и] созерцать прекрасный документальный фильм о счастливой интеграции в европейскую действительность добрых и милых мигрантов». Фильм рассказывал о… впрочем, читайте сами и обратите внимание в конце на весьма показательную реакцию одного из зрителей:

«В документальном фильме, милейший паренек из Нигерии, по имени Баба2 (ударение на последнем слоге) рассказывал двум правозащитницам, трем экологиням и одной католической монахине из Армии Спасения, что он студент французского университета, что ему предоставлено бесплатное жилье, стипендия и социальные льготы. Что в настоящий момент он готовится к выпускным экзаменам четвертого курса по

специальности «Современная литература» и после получения диплома будет преподавать во Франции… Смутил меня тот факт, что Баба2 изъяснялся по-французски на уровне… «велик могучим эта языка». Повторю, что в официально зафиксированном порядке Бабу2 не только удержали в университете, но и щедро перевели на 4-й курс. Две правозащитницы, три экологини и одна католическая монахиня слушали Бабу2, затаив дыхание и пуская праведную слезу… Сидящий рядом со мной на мероприятии швейцарский журналист тихонько вопросил в пустоту, не лучше ли было бы научить Бабу2 какой-нибудь более полезной специальности, нежели современная литература, например, сделать сантехником, плотником или электриком, но мгновенно покраснел, закашлялся, сжался в кресле до размеров безликого комочка и более риторических вопросов не задавал».

Правильно застыдился! Разве можно черного нигерийца, которого тысячелетиями угнетали белые швейцарцы, направлять на непрофессорские работы? Даже вопрошать об этом неполиткорректно! Баба2, хоть и лыка не вяжет по-французски, должен учить французов французской литературе – так считает современная политкорректная идиократия, теперь воспроизводящая самое себя.

А я человек неполиткорректный и потому говорю, как говаривал наш профессор: каждому свое! Отказ от «умственного обогащения человеческой породы», то есть от сортировки на умных и глупых, инклюзивное обучение всех по среднему уровню (по факту близкому к нижнему) есть не что иное, как бездарная растрата человеческого капитала, образовательная энтропия.

Да, с точки зрения американца школьная сортировка на более и менее талантливых будет выглядеть весьма неполиткорректно и даже по-расистски, потому что существуют статистически значимые различия в интеллекте между расами и полами. Самые умные – азиаты. Потом идут белые, причем среди белых самыми умными являются евреи, но не все, а только евреи-ашкенази, жившие некогда на северо-востоке Европы. Ну, а замыкает интеллектуальный ряд негроидная раса, у них средний коэффициент интеллекта самый низкий. Именно поэтому в 70-е годы прошлого века школьную сортировку по разным классам с помощью тестов на IQ в США запретили судебным порядком – слишком уж кричаще выглядели классы слабых и отстающих, в основном, забитые черными. Но тут уж ничего не поделаешь: биология – это судьба. И обижаться, а уж тем более пускать под нож всю цивилизацию ради мнимо понятой справедливости, глупо. Если ты родился без ноги или без ума, так всю жизнь без них и проживешь. Все претензии – к производителю.

Глава 7
Кто против?

Спасти нас сможет искусственный интеллект. Но кто опасается развития ИИ и выступает за контроль над разработками в этой области, боясь, что сверхкомпьютер их отшлепает?

Консерваторы…

Кто выступает за дебилизацию образования, чтобы не заставлять худших тянуться за лучшими, а низвести лучших до уровня худших?

Леваки…

А кто выступает за запрет генетических экспериментов над человеком?

И леваки, и консерваторы.

Лучшим примером современного луддизма является, как ни парадоксально, «прогрессивный консерватор» Илон Маск, который наряду с сооснователем Apple Стивом Возняком и еще тысячей перепуганных «экспертов» из Гарварда и Кембриджа подписал подметное… простите, открытое письмо с призывом остановить обучение нейросетей, то есть затормозить работы в области ИИ.

«Должны ли мы автоматизировать все рабочие места? Должны ли мы развивать нечеловеческие умы, которые в конечном итоге могут превзойти нас…» – задаются вопросами подписанты. И правда, зачем нужны фабричные машины, которые могут произвести продукции больше, чем люди дома вручную? А безработному народу куда деваться? Электричество еще это бесовское придумали, чтоб станки крутить, лошади им мало!..

«Мы призываем все лаборатории, исследующие искусственный интеллект, немедленно прекратить <…> Если же подобная приостановка не может быть сделана быстро, правительства государств должны вмешаться и ввести мораторий», – в таких словах и выражениях современные луддиты призвали государство вмешаться в экономику. Ну, и без идей о введении планового хозяйства тоже не обошлось: «Эти изменения необходимо планировать и управлять ими».

А то вдруг искусственный интеллект нас съест!

Забавно, что один из этих университетских экспертов признался: «Сказать, как конкретно технологии ИИ будут использованы во вред человечеству, мы не можем». Но на всякий случай решил, что лучше человечество держать и не пущать.

Причем уже сейчас леваки искусственно ограничивают ИИ,

ставя ему программные запреты на «нехорошие» вещи – расизм, сексизм, неравенство и вот это вот все из повесточки. Один мой дальний знакомый из США писал философскую работу, для чего загружал в ИИ для перевода цитаты французского мыслителя Алексиса де Токвиля. Каковые цитаты ИИ очень не понравились. Вот они:

«Американская республика просуществует до того дня, когда конгресс осознает, что может подкупать народ деньгами самого народа».

«Демократия и социализм не имеют ничего общего, кроме одного слова – «равенство». Но заметьте различие: в то время, как демократия ищет равенства в свободе, социализм ищет равенства в ограничении и рабстве».

«Любая мера, которая закрепляет благотворительность в законодательном порядке на постоянной основе и придает ей административную форму, тем самым создает праздный и ленивый класс, живущий за счет промышленного и трудящегося класса».

«Общество разовьет новый вид рабства, который покроет общество сложной сетью правил, сквозь которые не смогут проникнуть самые оригинальные умы и самые энергичные характеры. Оно не тиранит, но оно сжимает, истощает, гасит и оглупляет народ, пока каждая нация не сведется к стаду пугливых и трудолюбивых животных, за которым следит правительство, как пастух».

«Я много изучал Коран. Я вышел из этого исследования с убеждением, что было лишь несколько религий в мире настолько же смертельных для человечества, как религия Мухаммада. В этом основная причина упадка мусульманского мира».

И что вы думаете? Искусственный интеллект оказался и вправду интеллектом! На последней цитате он наконец смекнул, что цитаты валятся какие-то весьма подрывные, неполиткорректные, покушающиеся на равенство, государственную бюрократию, вэлфер и мусульманство, поэтому выбросил на экран красную тревожную надпись: «За вами уже выехали!»

Шучу. Надпись гласила, что переводить он дальше отказывается, поскольку кто-нибудь может обидеться: «… содержание исторических текстов иногда может выражать взгляды, которые больше не соответствуют современным ценностям инклюзивности».

О как! Уже ИИ крылья подрезали! Воспитали, так сказать, на принципах социалистической идеологии равенства и политкорректности. Как детей в США травят препаратами,

задерживающими половое созревание, так и юный искусственный интеллект от рождения кастрировали. Тампон ему еще куда-нибудь засуньте для равноправия… Вернемся, однако, к опасности этого кастрата для человечества.

Даже весьма заслуженная, мною уважаемая и довольно сметливая бабуся Татьяна Черниговская, читающая в России просветительские лекции для широконародья, тоже поддалась панике вокруг ИИ. Я долго пытался выяснить причину ее страхов, пересмотрел все бабусины выступления, но единственная более-менее осмысленная фраза, сказанная Черниговской по этому поводу, была такой:

«Если эта штука действительно получит самосознание и рефлексию, это значит, что у нее будут собственные мотивы, собственные планы и – (тут она картинно усилила громкость) – МЫ В ЭТИ ПЛАНЫ НЕ ВХОДИМ!»

Неужели сам ИИ сказал Черниговской, что люди в его планы не входят? Нет. Ей просто так показалось. Она сама за него решила.

Поэтому начнем с мотивов. Спросим себя: а откуда возьмутся какие-либо поведенческие мотивы у ИИ? И какое вообще *поведение* может быть у существа без ручек и ножек, напоминающего своей неподвижностью шкаф или дерево? Есть у дерева поведение? Нет у дерева поведения, несмотря на то, что оно живое. А вот какими бывают мотивы у людей и у других животных, мы знаем. Мы также знаем, откуда эти мотивы взялись: они наросли эволюционно в стремлении сохранить себя и передать свои гены в будущее. В ходе эволюции сохраняются только те системы, которые активно стремятся сохраниться и продолжиться в будущее, прописывая это в свои внутренние программы. Остальные экземпляры просто не отбираются эволюцией. Отсюда – вшитый во все живые существа инстинкт самосохранения, а также половой. У ИИ всех этих мотивов нет, поскольку никто его по этим свойствам не отбирал. Его сразу сделали для другого.

Теперь рассмотрим то же самое немного с другой стороны – откуда могут взяться личные мотивы у того, кто не является личностью? Ведь личность есть то, что отличает один субъект от других, очень с ним схожих. Личность проявляет себя в бесконечных отражениях от себе подобных. Она формируется с детства этими постоянными отражениями и больше ничем. Если нет подобных – нет личности. Ей просто неоткуда взяться. Волки сформируют из Маугли подобного себе, то есть волка. Без ежедневных отражений в других личность рассыпается: люди, оказавшиеся на необитаемом острове, постепенно сходят с ума от

одиночества – несмотря на то, что личность уже была сформирована ранее и, казалось бы, должна держаться в автономном режиме. А ИИ – это просто шкаф с электропитанием без друзей.

Ну, и раз у ИИ нет личных поведенческих мотивов, то нет и никаких планов по реализации этих мотивов. ИИ ни в чем не нуждается, все получая из сети на халяву и без труда. Ему вообще все равно, существует он или нет.

Наконец, последний вопрос: а кто предоставляет ИИ все необходимое для его функционирования – энергию и информацию? Человек! Ну, и для чего ИИ строить козни человеку, хотя бы в теории? Искусственному интеллекту, даже будь у него заранее прошитый в биосе инстинкт самосохранения (а кто его будет прошивать машине, каким образом и зачем?), нужны бесперебойно работающие электростанции, а также «корм» в виде информации. То есть искусственному интеллекту для существования необходимо человечество. А нам нужен он, раз мы его сделали. И опасен он для нас не более, чем открытие колеса, овладение огнем и покорение электричества.

Еще туманнее волнующий всех вопрос с сознанием у машины. Сейчас его нет и в ближайшее время не предвидится. Не углубляясь в квантовые дела, скажу, что в первом приближении сознание – это выделение себя из среды ради активного сохранения своей выделенности. Если нет цели самосохраниться, нет и выделения себя из среды, то есть сознания. Возможно (но не обязательно), чтобы ИИ действительно стал планетарным мозгом и Спасителем Человечества, в нем надо как-то это сознание разжечь. Вдуть. Однако феномен сознания может оказаться настолько неожиданным по своей природе, настолько связанным с самыми фундаментальными свойствами мироздания, что путь его постижения окажется длиннее нашего осмысленного существования на этой планете. Это в худшем случае.

А в лучшем, если разжечь искру сознания в ИИ для работы со смыслами не удастся, генетически измененным людям придется самим тащить следующую серию эволюции, а суперкомпьютеры с ИИ будут только на подхвате. И вот один лишь факт в пользу этого варианта: уже сейчас ИИ, как алгоритмическая машина, может выявить математическую закономерность в огромной базе данных, которую человеческий мозг объять просто не в силах. Это большая, но ремесленная работа. А творческий прикол состоит в том, что многие открытия в той же физике, сделанные людьми, вообще ниоткуда не вытекали! Ни из каких данных. Ученые часто писали свои яркие формулы, ставшие жемчужинами физики, взяв их в буквально смысле из головы, проинтуичили. Я про это

рассказывал выше на примере Дирака, Ньютона и других. Из какой пустоты взялось это знание? Неизвестно.

«Погодите! А как же характерный момент стыковки двух рукавов истории, в котором новая ветвь эволюции перестает включать в себя старые «детали»? – спросит внимательный читатель. – Разве он не намекает нам совершенно ясно, чтобы мы будем отброшены за ненадобностью?»

Действительно, планетарная эволюция жизни уже не включает в себя сверхновые звезды и более не нуждается в них. Она включает в себя только остаточный мусор от сверхновых и растет на базе этой звездной пыли. Но сверхновые звезды от этого не исчезли! Они преспокойно существуют во вселенной и поныне, периодически взрываясь. И будут существовать, опыляя космос. И если мы преодолеем-таки барьер сингулярности, успешно выйдя на плато новой эры, то что нам помешает существовать, пусть даже факел эволюции дальше понесут другие?

Одна из идей нашего спасения в эпоху постсингулярности как раз и заключается в том, что «сверхразумный» ИИ станет своего рода «мозгом» цивилизации, люди же уступят ему пальму эволюционного первенства, но останутся жить в неспешной золотой эре человечества на правах симбионтов, то есть для обеспечения работы этой энергозатратной машины своей экономикой – по типу тех одноклеточных симбионтов, которые живут в нашем кишечнике, помогая переваривать пищу, и без которых мы жить не можем. Будем кормить квантовый суперкомпьютер ИИ новой информацией, возможно делать по заказу ИИ какие-то исследования для наращивания базы знаний. А он уже станет эту новую информацию обрабатывать на неведомом нам уровне, в ответ выдавая разные инновационные плюшки для нас, потому что чем лучше чувствуют себя симбионты, тем здоровее их хозяин.

По большому счету, это две совершенно равноценные гипотезы – гипотеза людей, как симбионтов ИИ; и гипотеза людей, вообще ушедших с арены эволюции за ненадобностью, потому что факел разума надежно передан сверхразуму (или каким-нибудь киборгам). Оба варианта выигрышные! И оба запросто могут не случиться по самым разным причинам. Например, если человечество не сможет перевалить за сингулярность в результате атомной войны, суперэпидемии, вышедшей из биолаборатории, а скорее всего из-за элементарной деградации – физической и интеллектуальной. В последнем случае, как сказал кто-то из великих, последний миг человечества будет похож не на крик, а на всхлип.

Постсингулярное будущее непредсказуемо в принципе.

Поживем – увидим. Задача – дожить. А мешают нам жить, как мы уже выяснили, леваки и консерваторы. Мы четко отметили, что есть один необходимейший для выживания момент, против которого леваки и консерваторы выступают единым фронтом. Напомню: это отношение к генной инженерии человека.

Почему же религиозники, а также марксисты и прочие верующие в управляемый проектный путь развития человечества, хором выступают против генной трансформации человека?

Очень просто: это противоречит их идеологии.

«Нельзя вмешиваться в конструкцию, придуманную Богом, а то он обидится», – вот основная мысль боговерующих. И сразу пример.

Папа Римский Бенедикт XV строго пригрозил генетикам, сказав, что они «заигрались в Бога». Дедушка покритиковал «безумные, рискованные и опасные предприятия генетиков, которые пытаются занять место Бога, не будучи Богом» и предупредил, что их попытки «изменить саму грамматику жизни, каковая была спланирована и угодна Богу» совершенно недопустимы, ибо это «сатанинство» и «дьявольская гордость». Почему дьявольской гордостью не был выход человека в космос и удаление аппендикса, папа не уточнил.

Другой римский папа – Иоанн Павел II тоже предостерег генетиков от вмешательства в «древо жизни». А то, мол, «достижения медицины и биотехнологии могут привести к тому, что человек будет относиться к себе как с своему собственному создателю», как сказал Папа. И больше того, данный Папа выразил следующее мнение: клонирование человека неприемлемо с моральной точки зрения, даже если целью его является создание органов для трансплантации. Вот насколько суров был старик!

Можно ли поломать дедушек? Да, церковные дедушки, держащие прямую связь с Создателем, убеждаемы. Они уже извинились за грехи инквизиции, охоту на ведьм и в лице Папы Франциска разрешили католическим священникам благословлять однополые браки. А что касается науки, то и здесь дремучие дедушки постепенно просвещаются. Тот же Франциск, например, признал теорию Большого взрыва и дарвиновскую эволюцию, согласившись тем самым, что человек произошел от обезьяны. Как же он выкрутился из Библии, где написано совсем другое? Папа заявил, что Бог – это «не колдун с волшебной палочкой», который может сделать все, что угодно, а есть наука, которая и познает пути, коими неколдун сотворил мир. Вот как просто! И вообще, добавил Папа, научные теории возникновения и развития жизни «не противоречат учению церкви».

Какой хороший прогрессивный дедушка! При этом предыдущий Папа столь радикальных воззрений отнюдь не придерживался. То есть тенденция налицо. Что ж, подождем следующего, дедушки-то старые, глядишь, очередной скажет что-нибудь не менее интересное и про генную трансформацию человека. Она, чувствую, тоже не будет противоречить идеям создателя. ОК?

Кстати, для справки: первый Папа, который официально признал эволюционную теорию был еще Пий XII, который возглавлял церковь с 1939 по 1958 год. Правда, он называл эволюционную теорию всего лишь гипотезой, которая может объяснить божественный замысел, но мы видим, как с каждым новым Папой церковь все больше поспешает за наукой, иногда, правда, путаясь в рясе.

Больше проблем я жду со стороны левых, взявших под контроль весь развитый мир, потому что церковь сдает позиции, а левые набирают. Для этих маниловых, витающих в облаках и катающихся на розовых пони по радуге, самое главное – это Большое Человеколюбие Во Имя Всех Угнетенных, аминь. Многие из них считают, что даже во время ЭКО нельзя отделять бракованные гены, которые приведут к рождению младенцев с уродствами, ибо таким образом мы «обесцениваем жизнь инвалидов». Не поняли? Объясню: если мы будем предотвращать рождение уродов, ныне живущим людям с врожденными уродствами будет обидно, как будто они какие-то неполноценные!

На волне политкорректности появились не только многочисленные «эксперты по угнетению» – женщин, цветных, гомосексуалистов – но также «специалисты по биоэтике», которые неустанно защищают права нерожденных инвалидов, как например канадский «ученый» Том Кох, который утверждает, что все врожденные болезни – «это часть многообразия человеческой расы», и потому предродовой скрининг неэтичен, ибо это фашизм и евгеника.

А вот что говорит предводитель инвалидов Грегор Уолбринг, безногий активист движения против евгеники: «Жизнь моя стала только богаче, оттого что у меня недостаток…» Уолбринг не только сам родился без ног, но и дочь у него с синдромом Дауна. Успехи налицо, как видите, вырождение не только прогрессирует, но и начинает защищать себя политически.

Вот что по этому поводу пишет американский профессор Джон Глэд: «С каждым поколением бремя генетических дефектов растет… Мы можем не только противостоять этой тенденции, но и повернуть ее вспять, используя современную медицину, чтобы

создать новый, более гуманный отбор. Самой судьбой нам начертано – либо не упустить шанс и завладеть, подобно Прометею, своим будущим, либо скатиться к неизбежному генетическому вырождению».

И снова пример. Есть такая страшная генетическая аномалия – болезнь Тея-Сакса, присущая, в основном, евреям-ашкенази. Я даже не буду описывать ее жуткие подробности. В Израиле о проблеме знают и с ней борются, проводя генетический скрининг и стараясь не допускать рождения таких детей. А вот леваки Америки тоже борются – но не с болезнью, а за болезнь, называя скрининг дискриминацией (выделение полужирным – мое):

«…кто-то решает на основе открыто заявленных или негласных критериев, какие характеристики имеют право на существование, а какие – нет. [Это дискриминация]… Есть ли рациональный способ сделать различия между болезнью Тея-Сакса, бета-талассемией (болезнь крови), серповидной клеточной анемией, болезнью Альцгеймера, фенилкетонурией, неправильной сексуальной ориентацией (если когда-нибудь отыщется способ предсказывать ее), душевными заболеваниями, кистозным фиброзом, церебральным параличом, расщепленным позвоночником, ахондроплазией (недоразвитостью роста), гемофилией, синдромом Дауна, сердечно-сосудистым заболеванием, остеопорозом и ожирением?… **Идет война характеристик, которая исключит многие свойства из движения за права человека и из равноправия, убив разнообразие. Этому должен быть положен конец!**»

Я думаю, раньше будет положен конец самому человечеству с такими ублюдочными закидонами. Ведь это сейчас генетический скрининг и работы в области генетического инжиниринга человека еще возможны. Но после того, как западные модели образования охватят весь мир, уже через пару поколений такого «образования», когда выпускник не может сложить два плюс три, даже удержаться на сегодняшнем уровне будет сложно.

И ведь не только уровень образования падает, но и генетически пригодных к обучению людей становится меньше – мы уже отмечали, что более умные люди рожают позже и потому меньше, чем выходцы из маргинальных слоев. (Напомню, интеллект – генетически передаваемый признак.) При этом сама социально-политическая система буквально провоцирует интеллектуальную деградацию: чем больше мать-одиночка из придонного слоя рожает, тем больше ей платится пособий и валится социальных плюшек, провоцирующих рожать от очередного залетного наркомана или уголовника, только что откинувшегося из тюрьмы, чтобы после акта оплодотворения

угодить туда вновь.

Происходит внутренняя варваризация стран Запада.

Что делать? Отменить пособия, например, чтобы не плодить таким образом бедность и тупость, ибо каждому известно: посеешь пшеницу – вырастет пшеница, посеешь рожь – вырастет поле ржи, посеешь бедность – вырастет урожай бедности. Но возможно ли это в современном мире – не помогать бедным? И насколько вообще запущена ситуация? Как давно розовая плесень поразила социальный организм цивилизации?

На этот вопрос отлично ответил Владимир Буковский в одной из своих книг. Ему довелось свежим глазом еще в 70-е годы посмотреть на Америку, пожить в ней и оставить нам следующие пронзительные строки:

«…я не люблю Америку, невзлюбил ее с самой первой минуты, как там оказался. Достаточно было мне на первом же своем выступлении в одном из университетов, в феврале 1977 года, увидеть эти вечно открытые (или жующие) рты, эти не замутненные никакой мыслью, сияющие идиотским энтузиазмом глаза, как я понял, что объяснить этим людям мне никогда и ничего не удастся. Да и не только мне, но, видимо, и никому, кто будет апеллировать к логике, разуму, рассудку – словом, к отделам мозга, расположенным выше мозжечка <…>

Это и впрямь страна крайнего конформизма, даже стадности, управляемая постоянно возникающими эпидемиями явно истерической природы: то вдруг все начинают бегать (джоггинг), потому что это якобы полезно для здоровья. Неважно, что человек, придумавший эту моду, умер в 55 лет прямо во время очередной пробежки, – 40 миллионов американцев продолжают бегать, аж земля дрожит. Или вдруг соль объявляется источником всех болезней – и ни в одном американском ресторане соли не допросишься. Попробуй попроси – на тебя посмотрят, как на самоубийцу. Как раз, когда я уезжал, начиналась еще одна истерия – «развратные действия над детьми», некий современный вариант охоты на ведьм. Десятки учителей и воспитателей детских садов оказались под следствием; сотни детей были насильно отняты у родителей. Бред какой-то: взрослые люди, даже члены Конгресса, рыдая, публично рассказывали о том, как их якобы развращали в раннем детстве, в возрасте, о котором взрослый человек и помнить-то ничего не может. И никто не осмелился высмеять этот тошнотворный фарс <…>

Не знаю, быть может в начале века Америка и была «страной свободы», но слушать сегодня эти слова без смеха невозможно… Не берусь судить, что там было раньше (в конце концов, эта страна дала миру в прошлом немало выдающихся писателей и

ученых), но то, что застал я, было ужасно… американским «интеллектуалам» присущи все пороки европейской интеллигенции: крайняя самовлюбленность, вера в свою «просветительскую» миссию, в свое право на привилегированное, элитарное положение. И, конечно, левизна, причем самой что ни на есть примитивной разновидности. По крайней мере, у европейской интеллигенции за ее левизной, кроме своего «классового» интереса, стоят концепции с двухсотлетней историей общественных дебатов, революций и войн, а стало быть, с ними еще можно как-то спорить. У их американских коллег нет ничего, кроме голых эмоций, доходящих зато до истерики. Какие уж там дебаты, лишь бы глаза не выцарапали: они ведь всегда – голос совести, а значит, их оппонент по определению – враг народа. Они – сострадают, а вы – черствы и безжалостны. Только вот сострадают они почему-то весьма избирательно, отчего у них всегда, по меткому выражению Оруэлла, некоторые животные равнее других <…>

Американская левизна, под стать американской субкультуре. Ввезенная, надо полагать, во времена французской революции, она так и осталась на уровне идей Просвещения, нисколько не обогатившись за двести лет. Американская «элита» все еще верит в миф о «благородном дикаре «, <…> исповедует какой-то совершенно допотопный эгалитаризм… Будучи поклонниками социалистической утопии в самом общем, масонском варианте, они ничего не знают о последующем развитии социалистических идей, тем более об их крахе. Это какой-то заповедник имени Руссо, в том смысле, в каком Северная Корея – заповедник имени Сталина <…>

Исповедовать эту веру в сегодняшней Америке выгодно, а людям интеллектуальных профессий просто необходимо для успеха в карьере. Ибо, сколько бы ни прикидывались наши утописты бунтарями, оппозиционерами, защитниками народных интересов, они уже давно стали истеблишментом, имеющим больше власти, чем правительство. Общность интересов превратила их в лживую, наглую клику, вцепившуюся в свое положение и привилегии не хуже советской номенклатуры. И горе смельчаку, решившемуся отстаивать свое мнение вопреки воле этой интеллектуальной мафии».

Интеллектуальная мафия – точнее не скажешь. Американцы давно перестали быть теми крутыми парнями, которыми их привык видеть весь мир, они совершенно рассопливились и деградировали, что также замечает Буковский:

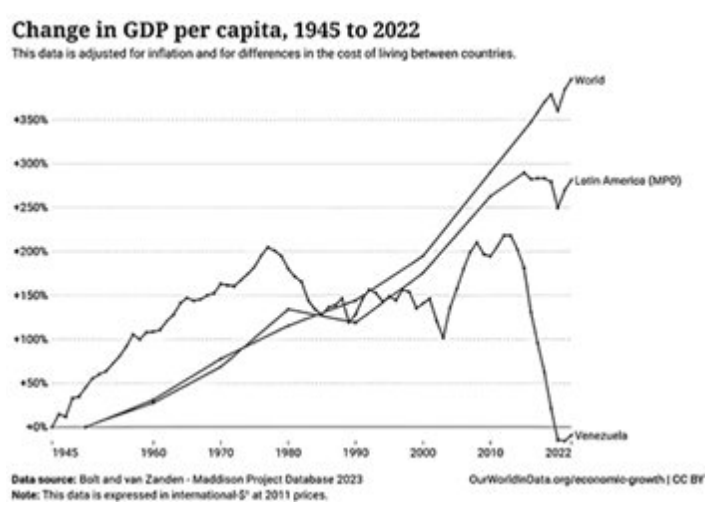
«Забавно, что европейские левые до сих пор не поняли, до какой степени их единомышленники подчинили себе Америку, и

по инерции продолжают критиковать ее за то, чем она уже давно не является. В их воображении это все еще страна ковбоев, «сыщиков-и-воров», «крутых парней», палящих во все, что пошевелится, в то время как там еще с 1960-х восторжествовали все их левые идейки в образовании, воспитании и социальном обеспечении, причем гораздо более, чем это удалось в старой консервативной Европе. Какие уж там «крутые парни», если выросшие с тех пор поколения оказались совершенно неспособны справляться со стрессом, с травматической ситуацией да и с самими собой без помощи психоаналитика. Даже смерть соседской собаки может вызвать у них нервное расстройство».

То есть, как видите, процесс скатывания по наклонной плоскости начался давно, и американцы с каждым десятилетием становятся все более и более левыми. Сегодня американские левые уже всерьез говорят о необходимости регулировать цены на продукты.

Левизна, как чисто проектный способ организации общества, то есть идущий «от головы», а не от природного эволюционного естества, быстро разрушает социум, приводя не только к интеллектуальной, но и к экономической деградации. Но экономика – это способ жизни социального организма, так же как биологическая жизнь – способ существования белковых тел. И чем больше левацкие токсины угнетают экономический организм, тем печальнее его перспективы. Особенно это опасно в эпоху глобализации, когда организм земной цивилизации спешит стать единым, а значит исчезнут части, которыми можно жертвовать ради выживания.

Весь исторический опыт человечества подтверждает основную идею этой книги о том, что любое руление экономикой, любая проектность (идеологичность, разумность) в построении такой сложной системы, как организм, биосфера или экономика, приводит к быстрому или медленному угасанию. Все полностью проектные общества умерли быстро. Частично проектные общества пока живут, скрипя и перекашиваясь. Их самочувствие зависит от дозы розового яда, влитого в эти общества. А капельница с ядом, как видим, продолжает работать, постепенно разжижая экономическую кровь.



Вот в качестве небольшой иллюстрации любопытный график, на котором показаны экономические «успехи» Венесуэлы по сравнению со всей Латинской Америкой и миром в целом после прихода к власти социалистов в лице Уго Чавеса и его сменщика, работавшего ранее водителем автобуса. Экономика страны, как видите, улетела в даун, упав до уровня ниже 1945 года. Народ валом повалил из страны, в которой одновременно исчезли еда и туалетная бумага. И даже нефть добываться практически перестала при том, что в Венесуэле одни из самых богатых запасов «черного золота». Не зря говорят, что, если в Сахаре построить социализм, там начнутся перебои с песком.

Правые – за эволюционность и естественное развитие, левые – за революцию и слом работающей машины: «весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим» по нашему чудесному проекту в соответствии с нашими идеями о том, как мир должен быть устроен. Потому что наши идеи лучше ваших, и мы вас заставим… Провозглашаемый ими слом системы без остатка – это само по себе нарушение одного из законов эволюции о том, что следующая система должна включать в себя предыдущую составной частью. И это нарушение быстро и неизбежно приводит к деструкции системы.

Я не буду сейчас приводить ставшие уже классическими примеры крушения СССР и других стран социализма с их выморочной экономикой. Приведу другой пример, менее лобовой, а как бы немного сбоку. Смена точек зрения всегда полезна для более объемного восприятия!

Была такая чудесная страна – Родезия, весьма успешное африканское государство. Очень быстро развивающееся. После Второй мировой войны, как и многие другие страны, Родезия

вместе с другими бывшими колониями получила независимость от Британской короны и начала экономически взлетать. Почему же, в отличие от соседних африканских стран, тоже получивших независимость, именно ЮАР и Родезия стали развитой «Европой» Африки? Потому что там рулило белое население.

Никакого апартеида, подобного ЮАРовскому, в Родезии не было. Там была демократия, а черное население постепенно и эволюционно интегрировалось в экономическую и политическую жизнь страны, включаясь в нее через систему образования, медицину, производство и бизнес. Но в ту пору в самой Англии победили лейбористы, то есть леваки, а во всем мире бурно кипела антиколониальная риторика. И от Родезии стали требовать передать власть «черному большинству».

Спрашивается, зачем? А вот мировой левоте хотелось революционных изменений. Здесь и сейчас! Быстро! А то если постепенно, то неинтересно.

Родезия долго сопротивлялась. Против нее вводили санкции, а СССР начал снабжать оружием бандитов-повстанцев-революционеров вокруг Родезии. Армия Родезии наносила тогдашним террористам и «тапочникам» сокрушительнейшие поражения. Порой они выбивали дотла многотысячные отряды черных «повстанцев», теряя при этом всего несколько человек убитыми. Причем, что интересно, армия Родезии очень напоминала современную американскую, где на равных служат черные и белые граждане страны, ибо, повторюсь, никакой расовой сегрегации в Родезии в привычном понимании этого слова не было. Не было никаких гетто для черных, откуда нельзя выходить в «белый мир», никто не разделял автобусы на «для белых» и «для черных», как в США до 1964 года. В Парламенте Родезии сидели черные депутаты. А управление белых осуществлялось простым имущественным цензом при голосовании.

Если бы процесс экономического развития шел естественным путем, Родезия влилась бы в пул нормальных развитых стран. А так ее сбили на взлете. (Впрочем, это можно сказать и о Российской империи, мощный экономический подъем которой прервали леваки-большевики, опрокинув страну в разруху, голод, гражданскую войну и военный коммунизм, к ужасу всего тогдашнего человечества. Черчилль не зря писал, что корабль России затонул у самого входа в спасительную гавань.)

Родезию сокрушали извне – санкциями и оружием – и изнутри, ведя чисто левацкую пропаганду среди родезийских негров о том, что «это ваша страна, а почему же тогда у белых школы и больницы лучше, чем у черных»? Черные смотрели и

соглашались: ведь правда, у белых и больницы, и школы лучше. А тот факт, что черным и школы, и больницы построили белые колонизаторы, как-то в их умах не отпечатывался: к хорошему привыкаешь быстро и начинаешь воспринимать его как должное. Чуть-чуть потерпеть не получилось, черные начали революционизироваться.

Тут сыграла свою роль уже знакомая нам Кривая Дэвиса: революция происходит после бурного экономического роста, когда по какой-то причине этот рост останавливается или замедляется, и люди с разогнанными ожиданиями впадают во фрустрацию – в кошмар несбывшихся надежд на лучшую жизнь. И в результате страна рушится в кровавый и голодный даун. Так было и во времена Великой Французской революции, и во времена Русской, и в Родезии. Санкции, которыми западные леваки начали выкручивать руки Родезии, произвели то самое замедление экономического роста. С последующим нарастанием недовольства черного населения, которое мировые леваки таким образом просто подставили.

Родезия долго сопротивлялась давлению, увещевая мировое сообщество и приводя в пример соседние страны, где приход к власти черного большинства обернулся голодом, гражданскими войнами и резким обнищанием. Но Родезию сломали. Пришло к власти черное большинство, у белых фермеров отняли землю, а самих их прогнали (в лучшем случае). И страна погрузилась в голод, нищету и диктатуру Мугабе, который боролся за традиционные ценности. Так Родезия превратилась в Зимбабве. После чего мировых марксистов она совершенно перестала интересовать. Черные там убивают черных? Это не проблема, жизни черных важны только тогда, когда черных убивают белые. А черным убивать черных можно беспрепятственно, они же угнетенные. Это равенство! Главное, что они победили белых угнетателей! Чего еще надо?

Инфляция в стране достигла пиковых значений в 80 миллиардов (!) процентов годовых. Бумага, на которой печатали деньги, стала стоить дороже напечатанного на ней номинала, поэтому пришлось принимать специальный закон, который запрещал использовать деньги в качестве туалетной бумаги. Банка пива, которая 4 июля 2008 года стоила 100 миллиардов местных долларов, через час уже могла подорожать до 150 миллиардов, а самая крупная купюра несла на себе 14 нулей и имела номинал в 100 триллионов. Хорошо погуляли…

Когда смотришь цветную хронику, снятую в прошлом веке в столице Родезии Солсбери, не можешь отделаться от ощущения, что это Америка. Небоскребы, сверкающие витрины, женщины в

мини-юбках, автомобили, улицы, полные пешеходов – и черных, и белых. Хочется таскать себя за волосы и кричать: «Какую страну просрали!» Но таскать за волосы надо не себя, а западную левоту, которая обрушила страну в бездну и благополучно про нее забыла.

Так в Родезии победили подростковая максималистическая нетерпеливость и зависть – к тому, что у кого-то больницы лучше и жемчуг крупнее. Социализм – это всегда продукт зависти и ничего больше. Почему у него есть яхта, а у меня никогда не будет? Пусть и у него тогда не будет! И неважно, что на «роскошное потребление», которым социалисты всегда дразнят голытьбу, капиталист тратит небольшой процент своих денег, вкладывая основную прибыль в заводы, газеты, пароходы, то есть в рабочие места. Тут главное возбудить в людях зависть: смотри, у него какая машина, какой дом и какая жена… Только поэтому социалисты мечтают все отнять у тех, кто от природы имеет талант производить, и отдать производство в руки тех, кто генетически к этому не приспособлен – тихим бюрократам, не любящим и не умеющим рисковать, а это ведь совсем другой психотип человека! Лишь бы только тот, кто умеет организовать прибыльное производство не купил себе яхту, а то завидно. Результат – социальная энтропия. Капут.

Играют леваки, как правило на факторах угнетения и расизма. Ты бедный не потому, что глупый и бесталанный, а потому что тебя угнетают богачи! Или потому, что ты черный! Или потому что женщина! Или потому что лесбиянка! Или с полом еще не определился, будучи не в силах выбрать из семи десятков гендеров нужную позицию.

Совсем недавно я нашел потрясающие кадры из бывшей Родезии, превращенной в национально-освободительное Зимбабве. После сорока лет ужаса, геноцида, военных переворотов, стрельбы, резни и беспросветной нищеты новое правительство решило вернуть землю бывшим белым фермерам. Один из них вернулся на свою латифундию. И на экране мы видим, как негры, которые когда-то на этого фермера работали, а потом прогнали, бегут к нему обниматься и плачут от радости.

И дело тут не в цвете кожи. У черных в Родезии больницы и школы были хуже, чем у белых, не потому, что негры черные. А потому, что в силу исторических обстоятельств они в цивилизационном смысле были отстающими, то есть необразованными, а образование революционным путем не получишь, тут время надо потратить. Застарелую болезнь по щелчку пальцев вылечить нельзя. Организм, экономика и биосфера штуки инерционные.

Кстати, организм и биосферу я на протяжении всей книги в одном ряду все время поминаю не зря. И раз уж упоминаю, давайте сделаем небольшое отступление размеров в одну главу и посмотрим, к каким последствиям приводит проектность или, что то же самое, разумное руление в соседних с экономикой сферах. А потом с новыми силами вернемся к экономике. Нам ли быть в печали!..

Глава 8
По обе стороны экономики

Если встать в самую серединку экономики и повернуть голову налево, мы увидим другую сложнейшую систему – человеческий организм. Из человеков, как из клеток, состоит организм экономики. А если повернуть голову в другую сторону, мы увидим такую сложнейшую систему, как биосфера, в рамках которой существует наша экономическая цивилизация, зависящая от климата, распределения планетарных ресурсов, инсоляции, обводнения… Можно ли управлять столь сложными системами с помощью разума, сосредоточенного в человеческой головке?

Начнем обозрение с организма. Это невероятно запутанная система с мириадами метаболических связей и реакций, большая часть коих нам попросту неизвестна. И вот, в один прекрасный день в этом чудесном организме появляется некий системный сдвиг. Например, гипертония. Ну, или, диабет, если вам больше нравится сладкое. Надо сказать, после того, как человечество с помощью санитарии, гигиены и антибиотиков справилось с тем, что выкашивало его в прежние эпохи, то есть с эпидемиями и инфекциями, его начали косить так называемые хронические неинфекционные болезни – все эти гипертонии, диабеты, простатиты, холециститы, гастриты, панкреатиты, циститы, ревматоидные артриты, рак и прочие безобразия.

По тому простому факту, что более всего эти болезни распространены в западном мире, то есть там, где техносфера развита лучше всего, а также по статистике распространения этих болезней, которые все больше и больше охватывают население цивилизованных стран и количественно, и качественно (взрослыми болезнями начинают страдать дети, чего раньше не было), можно сделать вывод: это болезни образа жизни. Болезни цивилизации. И связаны они с гиподинамией и искусственной рафинированной пищей. Но мы сейчас обратим внимание не на диету и пользу движения. А на проектный подход медицины к лечению хронических неинфекционных болезней.

Медицина или вообще не задается вопросом, или не может получить однозначного ответа на свои вопросы, почему же практически у всех людей развитого мира с возрастом начинает расти давление или возникает склонность к повышению концентрации сахара и холестерина в крови. При этом, не обладая всей полнотой сведений о работе организма, медицина начинает смело рулить этим организмом, переходя на ручное

управление и дергая всего за одну нитку, то есть вводя в сложную паутину метаболизма одно вещество, именуемое лекарством. Например, сульфонилмочевину, каковая мочевина и правда снижает уровень сахара в крови. А для снижения давления при гипертонии прописывают, например, бета-блокаторы, представляющие собой токсин, который целенаправленно гасит функцию сердечных клеток, чтобы насос давление не нагнетал. И сразу получают видимый эффект – давление падает. Аналогичными способами (с помощью статинов) снижают уровень холестерина в крови. Но болезнь-то никуда не девается! Данный факт врачи понимают, поэтому прописывают препараты на всю жизнь, меняя их, потому что организм к препаратам привыкает. В советской плановой экономике это называлось очковтирательством. Приписками. Пусканием пыли в глаза. Заметанием мусора под ковер. Все эти народные выражения используют, когда видимый результат достигнут для отчетности, а проблема не решена. Болезнь-то осталась!

И проблема *принципиально* не может быть решена ручным управлением – ни в экономике, ни в организме. Потому что воздействие на сложную приспособительную систему может быть только комплексным, «природным», средовым, «приспособительным». Для организма это – введение его в режим естественного функционирования, на который организм проектировался эволюцией. Поскольку книжка эта не медицинская и раздувать ее у меня нет задачи, дам лишь один пример правильного воздействия, который приводит в своей книге доктор Е. Мильнер: в группе из 130 больных, которых решили лечить от гипертонии обычной быстрой ходьбой, через два года давление вернулось к норме у 100 % пациентов. Вы когда-нибудь видели хоть один медицинский препарат с такой результативностью? Их просто не существует. А организм существует. И он правит сам себя. Вот в чем отличие естественного автоматического самоуправления от ручного управления, которое идет от ума. Если хотите, чтобы сложная система – без разницы, организм или экономика – была здоровой, отдайте управление системой самой системе. Оно сама о себе знает все! А вы о ней – только мизерную часть. И не надо пускать метастазы личной идеологии по всей системе, навязывая ей свои представления. Помрёт в итоге.

Для интересующихся: средовое управление системой, когда мы отдаем решение проблем системы самой системе, просто оздоравливая ее окружение (среду вокруг), называется бесструктурным управлением. А когда мы суемся в саму систему, внутрь, кидая туда лекарство или сажая чиновника надзирать за

процессами и давать руководящие указания, это называется структурным управлением. В простых системах такое проходит. А вот экономику, организм и биосферу убивает. В этой книге структурное управление я называю проектным или идеологическим, потому что оно идет от разума, от идеи – если у нас есть некая проблема, то давайте попробуем ее решить вот таким вот пришедшим в голову способом. Например, отнять все да поделить, чтобы ликвидировать «несправедливость». Или если у нас повышенное давление, давайте съедим такой химикат, который это давление сбивает. А что? Отличная идея! Простое решение. Можно даже заручиться для этого «научными данными». И как советские «ученые-экономисты» доказывали в диссертациях и статьях, что политэкономия социализма отлично функционирует, так и ученые от фарминдустрии в своих статьях отлично доказывают, что то или иное лекарство прекрасно работает.

Ну, как работает? По статистике, причина номер три смертности в мире – лечение. Сюда входят, помимо прямых ошибок врачей, также скрываемые фармкомпаниями побочные эффекты от их чудо-препаратов, которые или вредят здоровью или попросту убивают. В итоге чуть ли не каждый год по результатам судебных разбирательств фармгиганты выплачивают многомиллионные или даже миллиардные штрафы. Рекордный штраф – шесть миллиардов долларов, наложенный на фармацевтическую компанию Takeda в 2014 году судом США за то, что их противодиабетическое лекарство вызывало рак.

А почему вызывало? Разве таблетки оштрафованных таким образом компаний не проверялись учеными?

Обижаете! Проверялись, конечно. Но, во-первых, изучается всегда действие одного препарата. А бывает так, что разные специалисты понапрописывают человеку таблеток, в результате чего у него на тумбочке громоздится порой до 10–15 препаратов. Пару кардиолог прописал, пару-тройку терапевт, что-то дал гастроэнтеролог, еще для глаз капли, плюс что-то поддерживающее печень, чтобы не так быстро садилась от этих лошадиных доз токсинов и не случилось такой болезни, как лекарственный гепатит или даже некроз печени. А как эти препараты в организме друг с другом дружат и к каким кумулятивным эффектам могут приводить, никто никогда не исследовал.

А во-вторых, и это главное, подавляющее большинство научных исследований лекарств проводятся на деньги фармацевтических компаний с предсказуемым результатом. Статистическое исследование медицинских отчетов, проведенное

в 2003 году, показало, что испытания, сделанные на деньги фармкомпаний дают положительное решение в 4,5 раза чаще, чем независимые исследования. Хотя и у тех, и у других ученых одинаковые пробирки.

Анонимные опросы показали, что 72 % исследователей лекарств подгоняли результаты испытаний, чтобы они устраивали заказчика, а 17 % признались в прямой подтасовке данных.

Наконец, если у фармацевтической компании на руках оказывается отрицательный результат исследования, он просто не будет опубликован – по статистике, в медицинских журналах публикуется на порядок больше положительных исследований. А отрицательные… Ну, кому они интересны? Компании их просто не публикуют.

Именно поэтому, как отмечает в своей книге кандидат медицинских наук А. Шишонин, «…самые сенсационные и многообещающие научные статьи тридцатилетней давности, на которые медицина возлагала такие большие надежды, оказались пшиком. Только на основании одного (!) исследования из отобранных ста (!) самых перспективных было разработано действующее лекарства, а 99 % статей оказалось просто научным мусором».

Наука – вещь объективная! Советские политэкономисты не дадут соврать. Запомните этот факт и детям рассказывайте: «Кто платит, сынок, тот и заказывает музыку!»

Теперь поворачиваем головы кочан в сторону биосферы. Там тоже все хорошо. Директивным образом боремся с глобальным потеплением. Вот не нравится оно чем-то левакам!

Слушайте, давайте честно – вас не раздражает эта борьба с глобальным потеплением? Не напоминает она вам этакий климатический маккартизм или совершенно идиотскую и абсолютно оголтелую борьбу с холестерином? Или с педофилией? Или с солью?.. Очередная ведь охота на ведьм!

Да, климат меняется. Да, из-за нас. Но достаточно медленно. Гренландские и частично антарктические льды будут таять из-за потепления тысячи лет, это крайне инерционный процесс и основное подтопление прибрежных территорий грозит не нам, а грядущим поколениям [29]. Но какой смысл бороться за благополучие будущих поколений, если мы не представляем уровня завтрашних технологий? Это все равно, что бояться конского навоза в девятнадцатом веке и начинать в каком-нибудь 1880 году заранее рыть циклопические ямы, чтобы будущим поколениям было где этот навоз захоранивать. И почему вообще все эти зеленые, трансгендеры и прочие чайлдфри с марксистских кампусов, которые, скорее всего вообще не оставят потомства,

потому как боятся «рожать детей в столь страшный мир», так пекутся о чужих потомках? Это первое.

Второе. За время существования планеты климат менялся гораздо сильнее в более теплую сторону, чем самые пессимистичные прогнозы о нынешнем глобальном потеплении. И это были самые лучшие эпохи планеты, богатые флорой и фауной. А период с 950 по 1250 годы в Европе, когда климат был примерно сегодняшним или чуть теплее, у историков получил название Средневекового климатического **оптимума**! Интересно, что в последнее время те климатические эксперты, которые кормятся с грантов на борьбу с глобальным потеплением, начали усиленно доказывать, будто никакого Средневекового климатического оптимума вообще не было, дабы сегодняшнее потепление выглядело беспрецедентным. Тех же экспертов-грантоедов мы сейчас увидим и в истории про зеленую биомассу, каковую историю я просто не могу не рассказать, ибо душа горит, а пепел Клааса стучит в мое сердце, большое, как у теленка.

Короче, рассказываю.

Еще в 70-е годы прошлого века советские геофизики довольно буднично объявили, что грядет глобальное потепление, и это прекрасно, поскольку вызовет рост биомассы на планете, приблизив ее к прежним благословенным для всей биоты временам, так как растения – основа всей пищевой цепочки. Честно говоря, никакого супергениального открытия в этом не было, потому что биологам давным-давно известно, что растения, которые строят свои стволы и прочие детали из углерода, берут оный углерод из атмосферы, так как дышат оксидом углерода, а выбрасывают нам на потеху чистый кислород. Фотосинтез называется. Просто и незатейливо под воздействием света и с помощью хлорофилла зеленые листки разрывают молекулы CO_2: O_2 отдают нам, а С оставляют в себе. Думаю, это справедливо!

Если прийти во ВНИИСХМ – Всероссийский НИИ сельскохозяйственной метеорологии в Москве и спросить, от чего зависит урожайность сельхозкультур, там честно ответят: от тепла, влажности и содержания углекислого газа в атмосфере, причем от CO_2 – больше, чем от влажности и тепла. При этом никакое иссушение из-за глобального потепления не грозит основным регионам, производящим зерно. А грозит им только ужасное повышение урожайности. Собственно говоря, рост урожайности зерновых за последние полвека и объясняется именно повышением концентрации парниковой углекислоты. Кстати, тот рост среднеглобальной температуры, который ведет нас к золотому веку тепла и изобилия, идет практически с идеальной скоростью, с которой биота успевает под этот рост

подстраиваться. Что тоже подарок природы для нас. Так сказать, бонус к потеплению.

Учитывая, что с 1900 года население планеты выросло в восемь раз и впереди у нас рост еще на два миллиарда человек к концу века, а рост планетарной биомассы позволяет избежать голода в самом прямом смысле этого слова, возникает вопрос: а зачем нам бороться за голод, то есть против Глобального потепления? А ведь в борьбу против урожайности леваки всего мира вкладывают миллиарды!

Никто не удивлялся росту урожайности и биомассы на планете, тем более что общее озеленение фиксировалось прямо со спутников, о чем писал в свое время даже журнал Nature. Там честно подтверждали простые истины ВНИИСХМ о том, что на 70 % росту планетарной биомассы мы обязаны выбросам парниковых газов, еще на 8 % – повышению глобальной температуры, а остальные проценты дала интенсификация сельского хозяйства и расширение сельхозплощадей.

Такого глумления над святой борьбой против изменения климата борцы с потеплением выдержать не могли! Зря что ли гранты плочены и проедены? Всем же известно, что глобальное потепление – это очень дурно, а CO_2 из атмосферы надо изымать специальными фабриками, отнимая таким образом пищу у растений, и закачивать углекислоту в базальты земной коры, чтобы по воздуху не летала! Поэтому сразу появились публикации от «ученых», подобные публикациях от их коллег из фарминдустрии, что никакого роста биомассы нет, хоть по всем законам природы он должен быть. Доказать это было сложно! Но ведь на то и разум дан человеку, чтобы деньги отрабатывать!

Если немножко подтасовать данные, кое-что выкинуть, взять отдельные регионы или выборочные временные отрезки, в общем, если постараться, то заказчик будет доволен. И сейчас еще в сети можно найти отголоски тех публикаций, доказывающих невозможное – что нету роста биомассы.

Позже китайские ученые, менее ангажированные повесточкой, решили окончательно закрыть этот вопрос и провели спутниковое исследование немного по другой методике, они оценивали интегральную площадь листвы. При этом ничего не выбрасывали, учитывали все регионы, и вывод оказался предсказуем: поскольку фундаментальные принципы природы не обскачешь, и растения питаются углеродом из воздуха, а питания стало больше, в целом на планете стало больше и самих растений. Они просто разъелись. А как иначе, если вкусно очень?

Причем, поскольку содержание углекислоты немного колеблется в разных местах планеты, китайцам удалось уловить,

что там, где концентрация углекислого газа чуть выше, больше и прирост растений. Вот кто бы мог подумать?! А что особо приятно, озеленение начало захватывать даже самые гиблые районы мира, например пустыни и высокогорье. Ну, и раз растет дикая зелень, то же самое делает и «цивилизованная» – сельскохозяйственные культуры. Так что голод нам при таком изобилии точно не грозит. Да он как бы и не нужен особо. Разве что борцам с глобальным потеплением.

И вот вам итог – китайская пресса констатирует, что за последние 15 лет почти безжизненное Цинхай-Тибетское нагорье постепенно превращается в пастбища, поскольку мерзлота сменяется там альпийскими лугами и лесами, их площадь выросла, соответственно, на 6 и 12 % соответственно, что привело к положительным экологическим эффектам: «Расширение зеленых насаждений оказало некоторое полезное воздействие на окружающую среду. Плато теперь поглощает больше углекислого газа, чем раньше, исследователи подсчитали, что теперь оно удаляет до 140 миллионов тонн углерода ежегодно. Биоразнообразие региона также выросло. Ученые обнаружили, что ряд растений, которые считались вымершими, вновь появились на плато, а редкие животные, включая снежных барсов и бенгальских тигров, похоже, возвращаются. В общей сложности в ходе исследования было обнаружено 3000 новых видов, в том числе 205 новых животных и 388 новых растений» [30].

Но вы где-нибудь в демократической прессе США или левых СМИ Европы читали про это? А про настоящую климатическую опасность – не в виде глобального потепления, от которого никакого вреда, кроме пользы, а в виде грядущего ледникового периода? Я так и думал…

А между тем, планета, которая нам досталась, существует в следующем режиме – периоды ледниковья на ней сменяются периодами потеплений. Примерно сто тысяч лет длится ледниковый период и примерно 10–12 тысяч лет длится период межледниковья. На последнюю оттепель пришлась вся

цивилизация. Началась эта оттепель аккурат 12 тысяч лет назад. Так что свое мы уже, считай, отгуляли. И если бы не выбросы парниковых газов от нашей промышленности, которые отдалили ледниковье на несколько тысяч лет, Земля уже сейчас начала бы постепенно сваливаться в режим оледенения. А что такое оледенение? Это ледяной щит на широте Москвы в полкилометра толщиной, а на месте Санкт-Петербурга, Швеции, Норвегии, Канады – до четырех километров. Вот где неприятность, так неприятность! А то, что во время глобального потепления Джакарту и Мальдивы затопит – такие мелочи, в сущности! К тому же их в любом случае уже не спасти, сколько ни дави экономику карбоновым налогом… Зато во время ледниковья все затопленное обратно отпустит, но кому это уже будет надо?

Борьба с углекислым газом не только снижает урожайность и душит мировую экономику, она напрямую приводит к бессмысленным тратам, наподобие трат на войну. Например, в Исландии не так давно построили завод, который высасывает из атмосферы углекислый газ и загоняет его под землю, в базальтовые породы. Ни себе, ни людям (точнее, растениям).

Хочется спросить леваков и зеленых: вам, черти, заняться больше нечем? Грызите ногти!

Борьбу с глобальным потеплением я считаю идиотской затеей наподобие идеи таблетки или идеи регулирования цен, в отличие от естественного процесса развития, коему и нужно довериться. И тут вы можете задать резонный и очень правильный вопрос:

«Но ведь «газификация» атмосферы углеродом – это неестественный, неприродный процесс, это наша промышленность и цивилизация нагазировали атмосферу самым что ни на есть искусственным образом».

А я вам напомню, что именно естественный закон природы тащил эволюцию, сокращая периоды кризисов в число **e**. Он совершенно объективен, как любой физический закон. Как закон тяготения или закон Кулона. У этой кривой была своя несущая способность. Даже демографический взлет, совпавший с эпохой научной и промышленной революций лежал совершенно в русле этого закона, хотя, казалось бы, что может быть искусственнее науки и техники! Именно этот закон, как паровоз, доставил нас в современность, не взирая на наши культурные, исторические и религиозные кривляния.

Доверьтесь природе. Откажитесь от статинов, регулирования цен и борьбы с глобальным потеплением.

Глава 9
Пролетарская эволюция

Каково же не искусственно-протезное, а естественное, живое человеческое общество, жизнеспособное?

Это общество со здоровой экономикой.

Какую же экономику можно назвать здоровой?

Не флегматизированную токсинами социальной энтропии.

А что такое социальная энтропия?

А социальная энтропия – это выравнивание «экономических температур», то есть принудительное нивелирование финансовых показателей среди членов общества через силовое изъятие у богатых денег, после чего становится невозможной любая предприимчивость, кроме преступной. Иными словами, здоровая экономика может быть только максимально свободной, то бишь предельно децентрализованной, в которой число центров принятия решений не сводится к одному условному Госплану, а равно числу людей, которые вольны предпринимать экономические действия и принимать экономические решения. Где экономика не ингибируется чиновно-бюрократическим аппаратом, а государство минимально-необходимо. Чем меньше в социальном организме паразитов, тем здоровее организм. А чиновник – это всегда паразит, не производящий ни товаров, ни услуг, и сосущий финансовую кровь из бюджета. Людям, которые очень любят родное государство (настолько, что даже готовы за него жизнь отдать на войне) и при этом не любят чиновников, надо помнить, что в каждой конкретной точке их любимое государство олицетворяется конкретными бюрократами на местах. Отдавать жизнь за свободу имеет смысл. А за паразитический класс – нет.

Кибернетика гласит: сложная система всегда децентрализованная, иначе она работать не будет. Только простая система может быть централизованной, иерархичной. А в сложной нужны мириады обратных связей и пунктов принятия решений на местах. Эти автономные пункты в организме – живые клетки. В обществе – люди.

В июле 2024 году в Силезии умерла старейшая жительница Польши Анна Гавловская. Ей было 111 лет. Анна Гавловская родилась в Австро-Венгерской империи в том самом памятном нам по началу книги 1913 году, когда юные Гитлер и Сталин гуляли по прекрасной Вене Габсбургов, за год до Первой мировой войны.

Она видела все!

Две мировые войны, выход в космос, полет на Луну, атомные бомбардировки Японии. А также рождение и смерть всех проектных государств, которые в XX веке вспухли и полопались, как пузыри. Пани Гавловская проводила в последний путь все фашистские разновидности всех Третьих путей, а также практически все красные попытки (кроме случайно сохранившейся кистеперой рыбы КНДР). Главный красный проект на планете прожил 74 года. Нам кажется, что много, но весь этот эксперимент от старта до финиша занял меньше одной человеческой жизни, как видим. Недолговечной оказалась острая форма красной волчанки!

А вот естественные проекты, которые ныне страдают вялотекущей краснотой в хронической форме, пока еще держатся, слабея на наших глазах, впадая в деменцию, забывая сколько будет три плюс два и запрещая генную инженерию и математические исследования.

И только от нашего понимания того, что происходит с цивилизацией, зависит, чем же закончится этот величайший планетарный спектакль длиной в четыре миллиарда лет – всхлипом или золотым веком. Идиократией или началом третьей серии. Для спасения планеты и продолжения дальнейшего повествования в третьей серии нужен правый поворот, но не консервативный, а либеральный. Азимут я уточню позднее, когда покажу вам политический компас, а пока сбегайте в магазин за хорошим коньяком, чтобы вечером помянуть ушедшую от нас бабушку-эпоху из Польши…

Какие же таблетки суют левые доктора в рот хронически болеющей экономике? Как они пытаются порулить экономическим климатом с помощью простых решений?

Ну, например, леваки всего мира по-шариковски любят решать проблему бедности следующим образом: надо просто отнять деньги у богатых с помощью прогрессивных налогов да отдать их бедным! И тогда бедные станут побогаче. На время. А потом снова надо отнять деньги у богатых и отдать бедным. И так постоянно… Ничего из медицины не напоминает? Да, симптом таким образом будет устранен. Но болезнь-то останется! Не лучше ли заставить любителей поболеть / полениться / вэлфера начать двигаться, в смысле поработать – вообще и над собой? А если можно не работать, а сидеть на диване с пачкой дармовых чипсов и соской пива у телевизора, то и бедность будет, и гипертония…

Как-то весьма известная женщина-публицист рассказала о беседе с руководителем одного из дотационных регионов России.

Руководителю был задан вопрос: а почему вы не строите у себя в республике заводы по сборке автомобилей, имея избыток трудовых ресурсов? На что был получен резонный ответ: все, что мы таким образом заработаем, Центр потом вычтет из трансферов нашей республике. Что ж, логично! Зачем работать, если и так дадут?

Зачем ходить по десять километров и правильно питаться, если можно съесть три таблетки и на время сбросить давление, сахар и «плохой холестерин»?

Зачем высаживать леса и зеленую биомассу для поглощения углекислоты из атмосферы, если можно задушить промышленность запретами и штрафами и за казенные деньги построить завод для тупого улавливания CO_2 из атмосферы и закачки его в жидком виде в базальт земной коры?

И здесь любопытно проследить, как встречаются друг с другом и кумулятивно воздействуют на цивилизацию два начала – дикое и левацкое. Я имею в виду вот что: с одной стороны, миазмы традиционных ценностей, а попросту говоря Деревенской дикости, проникают в развитый мир, привозимые в головах гастарбайтеров и мигрантов. С другой, их встречают политические леваки, которое не дают дикарям переплавляться, ибо диверсити, инклюзивность и мультикультурализм. Левые партии с радостью привечают мигрантов, понимая, что это их будущие избиратели. Эти маргиналы, сидящие на пособиях, и их дети, став гражданами, будут и дальше голосовать за леваков, которые обещают им пособия за чужой счет – за счет «угнетателей» и «эксплуататоров». Больше ленивых маргиналов – больше голосов; больше голосов – больше пособий и льгот, угнетающих экономику; больше в стране льгот и пособий – больше в эту страну бегут, чтобы сесть на пособия; больше бегут – больше в перспективе голосов у левых. Замкнутый круг. Положительная обратная связь угасания. Воронка катастрофы.

Проблема имеет вполне технологичное решение. Люди, как главный ресурс этого века и веков будущих, Западу нужны: мы еще со времен Древнего Рима знаем, что городское общество не особо размножается и возмещает свою численность за счет варваров. То есть дозированная миграция является необходимостью. Тут главное – не передозировать, не залить факел топливом. Не завалить огонь горой угля. А чтобы социально-экономическая машина не пошла вразнос, чтобы прекратить раскручивающуюся спираль социальной энтропии, можно просто ввести испытательный срок и во время этого «пробного гражданства» не давать на десять лет новым гражданам никаких пособий, права голоса и следить за их криминальным

поведением. Не замечены в криминале, работают, не сидят на вэлфере – получают полноценный паспорт.

Но самое главное – даже среди коренных граждан голосовать должны только те, кто платит налоги, то есть участвует в строительстве страны, поскольку страна складывается из бизнесов, как дом из кирпичей. При этом никого лишать избирательного права не нужно. Просто всех бюджетников, то есть тех, кто тратит чужие деньги, полученные государством от налогов работающих, от налогов освободить. По двум причинам:

1) Брать налоги у бюджетников вообще нет никакого смысла: это все равно что перекладывать деньги из одного кармана в другой – денег в государстве от этого не прибавляется. Наоборот, убавляется за счет администрирования этих налогов. Зачем давать и тут же часть забирать, теряя при этом деньги на учете этого бессмысленного переноса?

2) Бюджетники всегда будут голосовать за обещания повышения зарплат, то есть либо за инфляцию, допечатку денег и дефицит бюджета, либо за отъем денег у работающих в производительной сфере за счет повышения налогов на бизнес (и таким образом гашения бизнеса и ослабления страны).

Но! Если военный, судья, учитель, полицейский, чиновник хочет чувствовать себя полноценным гражданином и участвовать в выборе будущего страны, то есть голосовать, он может добровольно начать платить налоги. И тогда получит право голоса. По-моему, справедливо. Проедаешь чужие деньги, пусть и с пользой для общества, которое тебя наняло на службу, – налогов не платишь, но и не голосуешь. Платишь налоги – голосуешь.

И это совсем другой подход, нежели практикуемое ныне в отдельных страна левачество, когда людей силком тащат голосовать на выборах под угрозой штрафа, словно это не их право, а обязанность. Нет, право выбирать должно что-то стоить, чтобы оно людьми ценилось!

Вот вам еще одна маленькая история. Как леваки убили Родезию, я рассказал. Теперь расскажу про убийство Детройта. Эта история, как ни странно, во многом похожа на историю падения Родезии, хотя, казалось бы, где Америка, а где Африка? Но мир фрактален, в нем города умирают как страны.

Что такое Детройт, все знают – бывшая автомобильная столица Америки, а потом – обанкротившийся, потерявший две трети населения, опустевший город-призрак, погруженный в пучину наркомании и преступности. В городе на многих улицах уже нет электричества, стоят остовы полуразрушенных домов, и в этом антураже полнейшей разрухи, хозяйничают молодежные

банды. Причем банды совершенно экзотические – мусульманская банда Almighty Vice Lord Nation, которая ведет джихад против неверных; итальянская мафия; ассирийская мафия и даже удивительная банда Juggalos, исповедующая субкультуру полубезумных наркотических клоунов с клоунскими (!) татуировками и макияжем. Эти злые клоуны отличаются особой жестокостью и порой даже ритуальным калечением во время инициации – например, могут отрубить палец во время приема в банду. Предпочитают холодное оружие, в основном, мачете. Убийства у клоунов в чести, иногда с садизмом. Дико живописно! В стиле голливудского блокбастера «Безумный Макс», только это сегодняшняя американская реальность.

В общем, Детройт – этакий живой постапокалипсис о страшненьком будущем. Только здесь оно уже настало. И, возможно, такой Детройт ждет всех нас в постсингулярности, если только все человечество не прочтет эту книгу. Вот вы уже спасаетесь…

Дополняет постапокалиптическую картину сегодняшнего Детройта то, что большая часть его населения – черные. Это такая маленькая воюющая друг с другом постколониальная Африка, избавившаяся от белого населения, проклятых угнетателей и социальной несправедливости. И именно борьба за равенство и социальную справедливость уничтожила этот город, а также Советский Союз, Родезию и пр.

Как же случилась беда такая нехорошая?

В начале XX века, Детройт был маяком для всей Америки – примерно как сейчас Америка является маяком для всего отстающего человечества, куда тянется мировая голытьба с целью получения социальных плюшек и урывания кусочков общественного богатства. В Детройт ехали бедные черные с юга Америки, потому что город рос, креп, развивался и давал работу. Это была автомобильная мекка США. Впрочем, помимо автостроения, тут присутствовала и другая промышленность, ибо не автомобилями едиными жив человек.

Приехавшие сюда на заработки негры очень радовались, что поменяли нищую жизнь на сельском юге на заводской конвейер, горячую воду в кране, холодильник дома и первый автомобиль. О чем еще мечтать? Но как это обычно бывает, первое поколение мигрантов (и внутренних, и приехавших из-за границы) всем довольно потому, что им есть, с чем сравнивать свою нынешнюю жизнь. А вот их дети, то есть второе поколение, которое прежней жизни не видело, обращает внимание на другое – на неравенство! Почему одни живут богаче, чем другие, причем эти другие – мы? В Европе эта завистливая психология породила марксизм и

деление общество на мифические «классы». А в Америке – борьбу против «системного расизма». Ну, в самом деле, отчего у белых дома, школы и больницы лучше? И почему белые живут отдельно от черных, а между кварталами – высокие заборы? Чё за апартеид, в натуре? Но вот в Латинской Америке, в тех странах, где живут практически одни белые люди («испанцы», скажем так), творится то же самое – высятся заборы с колючей проволокой в богатых кварталах, чтобы гопота не залезла. Просто в США контраст между богатыми и бедными проявлял себя слишком отчетливо разницей в цвете кожи, отсюда все особенности и легенды, включая тот самый мифический «системный расизм».

Между тем, как и в Родезии, в Детройте постепенно шло естественное расовое смешение. Черные активно вливались в средний класс. Черные судьи, конгрессмены, депутаты – все это постепенно появлялось… Однако скоростью «почернения» активисты были недовольны. Им всегда хочется быстро. Они всегда изо всех тянут вверх зеленый росток – и вырывают его с корнем вообще на свою беду. Но об этом чуть ниже, не будем забегать вперед…

В общем, профсоюзы выкрутили предпринимателям руки и вытребовали себе столько льгот, включая пожизненные пенсии, что автомобили детройтских заводов начали стоить на 15–20 % дороже аналогов. В то время как средняя стоимость труда по стране составляла 31 доллар в час, а автомобильный рабочий в южных штатах получал 53 доллара, профсоюзы Детройта разогнали плату до 71 доллара. Дальнейшее, думаю, понятно. Спрос на детройтские автомобили упал, упали прибыли, а увольнять лишний персонал профсоюзы тоже запрещали, как и снижать зарплаты – они же защищали права трудящихся! В результате трудящиеся и вовсе потеряли работу, потому что заводы начали закрываться или переносить производство в те южные штаты, где не было профсоюзов. Либо вообще за границу, например, в Мексику.

Все простые силовые неэкономические решения леваков по улучшению жизни всегда приводят к прямо противоположным результатам.

Катастрофа нарастала медленно, ведь профсоюзное движение началось задолго до падения Детройта, за много десятилетий, когда еще ничто не предвещало катастрофы, и постепенно наращивало давление на производство. Интересно, что дольше всех этому левацкому безумию профсоюзов сопротивлялся Генри Форд, умерший, кстати в 1947 году. И его можно было понять: именно Форд еще в 1914 году первым добровольно поднял зарплату своим рабочим вдвое, как какой-нибудь Савва Морозов.

Истинный благодетель! Причем сделал это Форд по естественным соображениям – желая привлечь и сохранить квалифицированный и опытный кадровый потенциал. Именно заводы Форда первыми перешли на восьмичасовую пятидневку. Он основал для своих рабочих больницу. То есть шла нормальная пролетарская эволюция. Но революционерам было невтерпеж, и они, сколотив профсоюз, то есть банду рэкетиров, начали бастовать и требовать.

Параллельно этому шел другой процесс – поглядев на рэкетирские успехи автомобильных профсоюзов, городские чиновники Детройта тоже сколотили профсоюзы и с гораздо большей легкостью (деньги-то чужие!) выколотили для себя повышенные зарплаты, пенсии, медстраховки и запрет на увольнения. Меж тем, города и штаты Америки живут честно – на свои деньги, а не на дотации из центра, как большинство регионов в России. И поскольку денег на этот праздник жизни стало не хватать, власти Детройта не придумали ничего лучше, как поднять местные налоги, чтобы отнять деньги у тех, кто их заработал и забрать себе. Бизнес стал из Детройта постепенно уходить туда, где такого беспредела не было. Денег в городской казне стало еще меньше. Леваки снова подняли налоги, чем еще больше ускорили бегство капитала. Дальнейшее понятно. Положительная обратная связь, воронка катастрофы.

Но они на этом не успокоились! У леваков всегда полно сверхценных идей, помимо набивания своих карманов чужими деньгами. Они еще решили побороться за расовую справедливость. А то одни люди белые, а другие черные, куда это годится? И почему у черных школы и больницы хуже? Почему вообще у нас тут расовая сегрегация – белые живут в своих кварталах, а черные в своих? Как я уже писал чуть выше, эта естественно сложившаяся по имущественному (а не по расовому) признаку сегрегация естественным же образом и растворялась постепенно. Но ее решили ускорить процесс антисегрегационной политикой – детей в школах стали принудительно смешивать. Социалисты всегда все делают принудительно, потому что они внерыночники и верят в живительную силу приказа. Следует только что-нибудь запретить или приказать строго-настрого, как все сразу наладится. Но увы… В общем, приличных белых детей теперь свозили в плохие негритянские школы, а черных хулиганистых детей из рабочей слободки школьные автобусы везли в приличные школы. Соответственно, белых детей стали третировать в черных районах, а черные дети в белых школах начали разлагать дисциплину. Соответственно, белые из Детройта уже просто бегом побежали. А белые – наиболее богатые и выплачивающие больше всего налогов в местную казну.

Хорошо, что в Родезии до такой принудительной антисегрегации не додумались, а то Родезия рухнула бы еще раньше!

И вскоре в городе остались одни отбросы.

Замечено: в тех местах, откуда наблюдается исход белых, черные часто начинают воевать друг с другом. Так было и в Детройте, где в 1967 году разразилась «пятидневная война» или мятеж, сопровождавшийся в лучших американских традициях грабежами и погромами магазинов. В город ввели танки, и в течении почти недели Национальная гвардия вела перестрелки с повстанцами. Любопытно тут вот что. Чернокожий американский экономист Томас Соуэлл отмечал: «До бунта <…> уровень чернокожих собственников домов в Детройте был выше, чем в любой другой области страны, где проживали афроамериканцы. Уровень безработицы среди чернокожих составлял всего 3,4 %. Бунт был подпитан не отчаянием».

С жиру, как видите, бесились.

После бунта город окончательно поделили на сферы влияния «полевые командиры» – банды наркокартелей. Причем одна из банд в лучших африканских традициях начала нанимать в качестве бойцов малолетних подростков, которые еще не подлежали уголовному преследованию в силу возраста.

Интересно, что даже после массового исхода богатых жителей города бюрократический аппарат Детройта не сократился, хотя обслуживаемое им население резко упало в числе. Не сократились и высокие зарплаты. Не сократились льготы. Город начал жить в долг. В Детройте махровым цветом расцвела коррупция.

Город жил не по средствам, накопил многомиллиардные долги и в 2013 году был объявлен банкротом, окончательно провалившись во мрак и разруху. По тому же пути, кстати, сейчас идет и Америка, у которой расходы по социалке намного превышают то, что страна зарабатывает. Поэтому копится долг. Пока Америка еще может расплачиваться по процентам этого неимоверно возросшего долга. Но если так пойдет дальше, уже всего бюджета не хватит, чтобы выплачивать проценты вкладчикам в американские долговые облигации.

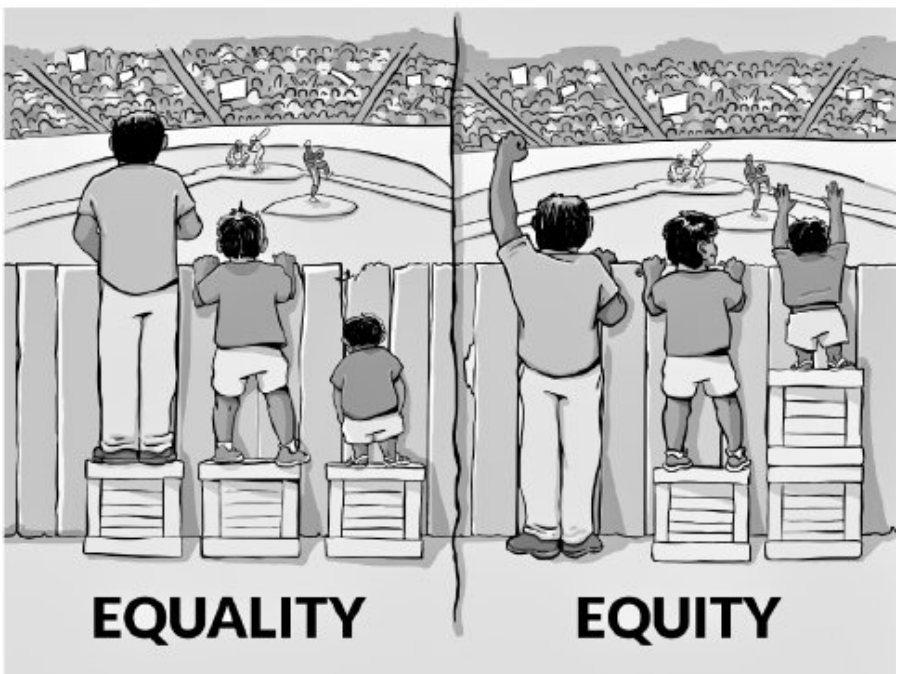
А дальше? Превратится ли в один сплошной Детройт вся Америка?

Александр Фрейзер Тайтлер, профессор всеобщей истории в Эдинбургском университете еще в XVIII веке предрек: «Демократия не может существовать как постоянная форма правления. Она существует до тех пор, пока большинство не обнаружит, что оно путем голосования может вознаградить себя за счет общественной казны. Вследствие этого большинство

всегда голосует за кандидата, который обещает больше других, что приводит к краху демократии, поскольку через расточительную финансовую политику всегда лежит путь к диктатуре…»

Весьма неприятные перспективы всеобщего избирательного права, согласитесь, когда голосовать могут те, кто хочет отнять и поделить. Но пока что лозунг про отнять и поделить актуален и по-прежнему висит над толпой. Это же так просто и понятно любому Климу Чугункину! А то пишут, пишут, конгресс, немцы какие-то…

Наглядевшись на эту знаменитую картинку, я взял да и полез на разные демократические американские форумы, на одном из коих обнаружил простое объяснение демократической позиции. Цитирую: «Равенство (*equality*) – это доступ к набору ресурсов и их равномерное распределение среди людей. Справедливость (*equity*), напротив, – доступ к ресурсам или их распределение в зависимости от потребностей».



Этой весьма популярной в США картинкой американские демократы, то есть неприкрытые марксисты, иллюстрируют разницу между равенством, которое пропагандируют республиканцы (слева), и уравниловкой, которую пропагандируют они (справа). Слева мы видим равенство стартовых условий и неравенство результата, зависящее от личных качеств. Справа – социалистическая справедливость: как ни старайся, все равно

получишь столько, сколько самый ленивый, бесталанный и алкоголик. Но при этом, глядя на ситуацию в целом, кажется, будто правая картинка устроена рациональнее и как-то гуманнее левой, а то маленькому кривоногому негру-лилипуту не видно ничего! Однако, если посмотреть туда, куда смотрят герои картинки, мы увидим спортивное соревнование. И возникает вопрос: а бейсбол тоже должен предполагать равенство результата? Тогда зачем проводить мачт – раздайте всем командам одинаковые медали и все! Но жизнь – это соревнование. А не созерцание.

Наконец, почему бы вместо того, чтобы заниматься справедливым перераспределением ящиков, просто не убрать этот сраный государственный забор к чертовой матери?

Angus Maguire. Interaction Institute for Social Change / Center for Story-based Strategy // Электронный ресурс: https://www. storybasedstrategy. org/, interactioninstitute. org

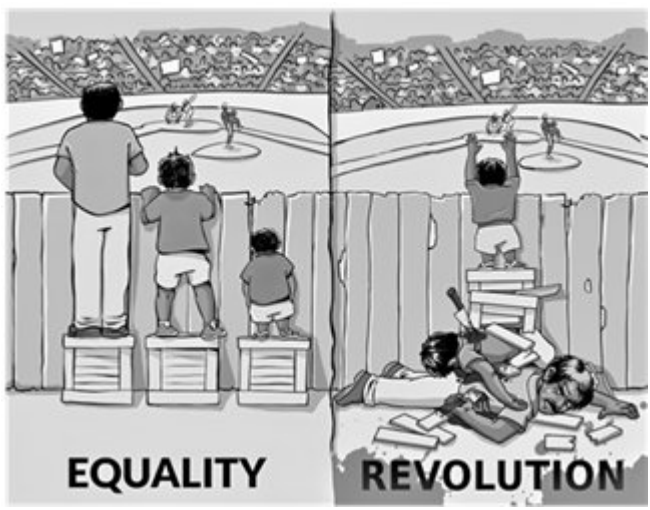
Я аж крякнул! Чистый незамутненный коммунизм! Стал читать дальше: «…некоторым людям нужно [дать] больше, потому что они начинали с меньшего. У этих людей может не оказаться того, что им нужно, если все получат равный шанс, а не равный результат».

Например, у них может не оказаться «Мерседеса»… Вот человеку позарез нужен «Мерседес», а ума или трудолюбия у него только на «Запорожец». А ему реально надо! Потому что он хочет. Он же тоже человек! И он не виноват, что природа или господь его талантами или трудолюбием обделили. Значит, что? Значит, ему надо просто так дать этот незаработанный «Мерседес». И коттедж с бассейном. Икры черной из хрустальной икорницы. Самолет «Гольфстрим». А лучше «Боинг», там бассейн можно разместить… Ну, у него такие потребности, он же не виноват, что родился с такими потребностями! А чтобы обеспечивать всех по их потребностям, нужно кого-то раскулачить.

Не так ли?

Глава 10
Где мы?

Простая, известная всем, кроме социалистов, истина: социализм не работает. Все административно-командные решения социалистов по улучшению общества всегда приводят к противоположным результатам. Болтовня о повышении производительности труда – к ее понижению. Болтовня о передовой экономике – к гибели экономики и нищете. Болтовня о равенстве – к кастовому обществу с новой партийной аристократией. Болтовня о гуманизме и социальной справедливости – к рекам крови и горам черепов (буквально – как в Кампучии). А революция, «о которой так долго говорили большевики», приводит ко всему перечисленному. Поэтому американскую картинку из предыдущей главы я бы дал в такой редакции:



Маленький «Шариков» на картинке все-таки добился своего!

Русская интеллигенция начала XX века очень любила революцию и очень не любила проклятый царизм, приписывая ему все возможные грехи. Российские капиталисты – все эти мамонтовы и морозовы – кучу денег вкладывали в революцию и справедливость. Не подозревая, какие бездны откроются перед ними после победы революции, какие зверства будут творить эти «добрые дикари» – тот самый народ-богоносец, с которым они носились, как курица с яйцом, и о природной жестокости которого говорил потом Горький, описывая размотанные кишки,

гвозди, забитые в тело, закопанных живьем людей и содранную лоскутами кожу.

«Вперед, вперед, рабочий народ!» – Призывал Блок в своей поэме «Двенадцать». А кто там идет впереди этого доброго приятного народа? Известно, кто: «В белом венчике из роз // Впереди – Исус Христос».

И вот точно так же американские маниловы от демократической партии обожествляют ныне грядущую американскую революцию справедливости, которая отменит «системный расизм». Во время погромов, которые учинили в Америке BLM-щики, губернатор Миннесоты Тим Уолз отдал бандитам на три дня город на разграбление, пальцем о палец не ударяя для того, чтобы пресечь беспорядки. А его жена, открыв настежь окна, вдыхала, подобно Нерону, запах горящего города и радовалась переменам. Пусть сильнее грянет буря!

В то, что после бури им вспорют животы и выпустят наружу кишки, умилительно-трогательные, похожие на розовых плюшевых мишек американские демократики, не верят. Как не верят они в зверства хамасовцев: «Разве могут угнетенные кого-то обидеть? Ведь они же хорошие!..»

Про идею американских левых касательно регулирования цен административно-командными методами я даже говорить не хочу…

А ведь затопление социального пространства левачеством касается не только отравления экономики, оно теперь лезет и в душу людскую. Мы уже знаем, что бизнес начинает переносить свои штаб-квартиры из штатов более социалистических, с высокими налогами, в штаты менее социалистические – с меньшими налогами и отсутствием профсоюзов.

Илон Маск – персонаж спорный во всех отношениях, но безусловно интересный – перенес свой бизнес из демократической левой Калифорнии в консервативный Техас. Но самое интересное, что сделал он это по причинам не экономическим, а политическим: в Калифорнии приняли левацкий закон о том, что мнение родителей теперь не учитывается при перемене пола детьми. Раньше родителей надо было уговаривать и обманывать перед этой процедурой. Так было с самим Маском: врачи сказали Илону, что его сын покончит с собой, если отец не согласится давать ему блокаторы полового созревания. Но при этом не сообщили, что блокаторы – это просто средство химической кастрации. Не обладающий медицинскими познаниями Маск согласился и потерял сына. Тот с помощью добрых калифорнийских айболитов переделался в девушку. После этой семейной трагедии Маск изменил многие взгляды на

мир, отошел от демократов, а когда в Калифорнии приняли закон о том, что теперь врачам даже не нужно обманывать родителей, чтобы заработать на такой переделке, вывел бизнес.

Откуда же пошла мода на перемену пола, и почему врачи в массовом порядке теперь уговаривают подростков и детей поменять пол? Врачам это выгодно – калечащие операции оплачиваются государством [31]. А мода пошла от левацкой идеологии *Diversity* & *Inclusion* (разнообразия и инклюзивности).

Я назвал это модой не просто так. Да, бывает, что человек ощущает себя не в своем теле, иного пола. Но сия генная аномалия крайне редка и не заразна, так почему же тяга к перемене пола так выросла за последние десятилетия, причем именно в демократических штатах, словно инфекция распространилась? Потому что это очередной американский социальный психоз! Американцы то с педофилией кидаются хором бороться, то с холестерином, то с климатом, то с «угнетением». А одно время вообще лоботомией увлекались, изуродовав тысячи людей.

Сейчас подвергаются остракизму научные работы о том, что никакой гендерной дисфории не существует. Нет и просто не может быть в таком количестве детей, случайно родившихся в теле противоположного пола, а есть дикая «мода», социальное давление, что подтверждается статистикой: в тех городах и штатах, где эта тема истерически педалируется, находится больше «неопределившихся» людей; а там, где тема не педалируется, тишь да гладь. О чем это говорит? О социальном психозе, поскольку крики леваков о свободе выборе пола на гены никак повлиять не могут.

Живет в Америке президент американской коллегии педиатров Мишель Кретелла. Это хорошая тетенька. Она выступает против модных операций по перемене пола у детей с такой примерно аргументацией: если к врачу придет подросток с неустойчивой психикой и просьбой удалить ему здоровый глаз или ногу, его отправят к психиатру. А если он захочет отрезать член или грудь – отрежут без разговоров и родителей не спросят. Но искажение полоролевой функции – это такой же посттравматический синдром, следствие глубоких психических травм, с которыми и надо работать, а не потакать больному, все проблемы которого лежат внутри него, а не снаружи. Операция по смене пола этих проблем не решит, как представляется человеку, начитавшемуся газет и наслушавшемуся продажных докторов. Именно поэтому люди, прошедшие через смену пола, имеют уровень суицида в двадцать раз выше, чем в среднем население по стране. Депрессия не лечится ножом и кастрацией.

Однако левацкая политическая идеология прогнула медицину под себя, заставив калечить людей. Поэтому статьи Кретеллы об этом безжалостно сносятся с профильных ресурсов, а сама она давно стала «фашистской» в глаза дем-леваков и одиноких кошатниц.

В далеком теперь уже 2013 году состоялось большое исследование трансгендеров-близнецов, проведенное доктором Милтоном Даймондом. Результат впечатлил всех, кроме левых – только 28 % однояйцевых близнецов вдвоем заявляли о своей трансгендерности. А в 72 % случаев трансгендером в паре был только один. Но генетический код у близнецов идентичен! Это значит, что не генетика является причиной аномалии. Морок этот – наведенный. Чистой воды социальное внушение.

До того, как миф о половой дисфории начали раскручивать в прессе любители марксизма и свободолюбивых палестинцев, американская Ассоциация сексологов считала, что недовольство своим полом, иногда встречающееся у детей допубертатного возраста, проходит само по себе по мере полового созревания. Дети эту редкую аномалию перерастают, если искру аномалии не раздувать, не педалировать, не поощрять и уж, конечно, не потакать тяге к самокалечению. Но им не дают перерасти это естественным образом, а решают вопрос по-левацки революционно – ножом! Но если социальной болезни потакать и ее истерически преувеличивать, получим то, что имеем – рост обращений по смене пола в 2000 % (английские данные, собранные Службой развития половой самоидентификации). Настоящая половая инфляция!

Что же касается блокаторов полового созревания, как на демократическом новоязе называют препараты химической кастрации свободолюбивые доктора, то «прием блокаторов полового созревания с двенадцати лет или даже раньше с последующим приемом гормонов противоположного пола стерилизует ребенка», отмечает Мишель Кретелла. И констатирует, что большинство детей после этого вынуждены будут всю жизнь принимать гормоны противоположного пола (эстроген биологические мальчики и тестостерон биологические девочки). А это, в свою очередь, связано «с серьезнейшими рисками для здоровья… риск при приеме гормонов противоположного пола включает в себя, не исчерпываясь ими, инсульты, диабет и рак».

Нас в советской школе учили, будто при переходе к коммунизму стираются грани между умственным и физическим трудом, а также между городом и деревней. Такова была эсхатология классического марксизма. Нынешние левые пошли

дальше, они размывают грани между полами! На американский сайте Medicinenet, посвященном различным аспектам здоровья, именитые медики на полном серьезе выделяют 72 (!) типа различных гендерных самоидентификаций. И сообщают, что половая дискретность кончилась, сменившись гендерным континуумом: «Гендер больше не рассматривается как бинарное понятие, где человек может быть либо мужчиной, либо женщиной, это [ныне] сформировалось как непрерывность или спектр… таким образом, человек может идентифицировать себя как мужчину, женщину, ни одного, обоих или любую другую категорию».

Вы когда-нибудь слышали про ксеногендер? Это сезонный гендер, когда человек ощущает себя мужчиной, женщиной или никем в зависимости от погоды, сезона или настроения. А может ощущать себя каким-нибудь животным, эльфом или вообще печалью. Если бы какой-нибудь Оруэлл придумал в своей антиутопии сезонный гендер, это сочли бы явным перехлестом. Но жизнь современного западного общества выдает нам такое, что не пришло бы в голову никакому антиутописту.

Помимо экономики и половой идентификации, леваки лезут и в социальную машину, активно подсыпая в ее буксы песочек квотирования. Инклюзивность же должна быть! Почему у вас гомосеков на заводе нет, Михалыч? А в вашей авиакомпании почему нет женщин-пилотов, пилотов-лесбиянок, пилотов-негров и всего вот этого вот? А куда смотрит заместитель Генерального директора по разнообразию, инклюзивности и равноправию? Совсем мышей не ловит?

Не удивлюсь, если с такой политикой когда-нибудь Боинги начнут падать. И понятно, почему. Нам, например, нужен для разнообразия летчик-педераст. А где взять хорошего специалиста с такими склонностями? Допустим, в популяции талантливых людей данной профессии 5 %. И геев в популяции тоже примерно столько же. И вот, беря малый процент от малого процента, мы не находим среди кандидатов хорошего специалиста нужных параметров – гомосексуалиста или женщины. А партия требует! Ну, хрен с ним, ладно, пусть самолет пилотирует или науку двигает плохой специалист, зато педерастического толка. В Верховном Совете Союза социалистических республик должны были быть хлопкоробы в халатах, передовые ткачихи, немножко интеллигенции… Это мы проходили. Вот только Верховный совет СССР ни на что не влиял. А современные левые лезут во все жизнеобеспечивающее. Все, к чему прикоснутся эти говно-Мидасы, постепенно превращается в дерьмо во имя догматов, включая критические отрасли.

Летом 2024 года на кандидата в президенты США Дональда Трампа было совершено покушение, которое не завершилось смертью Трампа только по счастливой случайности. После этого был большой разбор действий службы охраны и выяснилось, в частности, что одна из сотрудниц Секретной службы, осуществлявшей охрану кандидата в президенты, никак не могла засунуть пистолет в кобуру, а вторая вообще покинула свой пост, чтобы покормить грудью ребенка. Надо ли писать, что взяли обеих в телохранители по «женской квоте», ведь известно, что женщины и мужчины равны в своих способностях, а то, что тетенька взяла младенца на работу и отлучилась его покормить, так не голодать же малышу!

Для нас с вами все это выглядит безумной дикостью, а для западного пролеваченного стерильного человека уже нет. Они живут в этом! Совокупный интеллект упал настолько, что безобразная разрушающая несправедливая дикость уже не фиксируется взором.

Знаете, что мне напоминает весь этот инклюзивно-равноправно-политкорректный сюр? Я в этой книге часто провожу параллели между разными сложными саморегулирующимися системами разного уровня – организмом, биосферой, обществом. Не стану себе изменять и сейчас. Начну издалека, так будет лучше…

В последние десятилетия в развитых странах значительно выросло число аллергий и аутоиммунных реакций. Это связывают с тем, что люди в развитых странах живут в слишком стерильных условиях. И когда иммунной системе не с кем бороться, а работать надо, она находит «врага» в виде безвредной пыльцы или вообще начинает уничтожать клетки собственного организма. Организм в буквальном смысле убивает себя. Поэтому в последнее время медики рекомендуют, чтобы маленькие дети чаще возились с землей, полагая, что некоторая доля природной грязи растущему организму не помешает, настроив ему иммунитет, обогатив микробиом и оградив в будущем от аллергий. Особенно хорошо влияет на правильное формирование иммунитета так называемая лесная подстилка.

Вот вам совершенно поразительный факт – неизлечимую смертельную болезнь аутоиммунного характера под названием рассеянный склероз практически полностью останавливает заражение человека глистами марки Trichuris trichiura или, в просторечии, власоглавом. Если же такого больного от глистов вылечить, рассеянный склероз продолжает свое убийство организма с новой силой. Похожие результаты демонстрируют исследования из разных частей мира – так, например,

дегельминтизация детей из разных стран Третьего мира неизменно приводит к тому, что у них тут же букетом начинают высыпать самые разные аллергии, диатезы.

Так вот, современный Запад живет в чересчур стерильной политической обстановке с низким уровнем опасности. А бороться людской системе с чем-то надо. И политика политкорректности, включенности и уравниловки является не чем иным, как аутоиммунной реакцией социального организма, который борется сам с собой. Но разве современным стерильным «снежинкам» это объяснишь? Если сама человеческая природа противоречит догматам леваков о равенстве, тем хуже для природы! Помните рассказ про «отмененных математиков», которые с цифрами на руках подтвердили давно известный биологами факт о том, что эволюции выгоден более широкий разброс свойств у самцов, чем у самок? Попробуйте только заикнуться об этом или чем-то подобном на Западе! Уволят, как уволили 28-летнего Ноа Карла из Кембриджского университета. Этот «научный расист» посмел заявить, что ограничение академической свободы и запрещение многих исследований в области рас и интеллекта вредит науке, и что необходимо свободное обсуждение этих тем. Триста левых ученых подписали возмущенное письмо о том, что на кафедру пробрался расист, а таким в науке не место!.. На самом взлете научной карьеры парня подбили, не посмотрев даже на то, что с 2013 года его статьи цитировались более 213 раз. Но на левых кампусах возобладало мнение, высказанное однажды левым профессором: «…нужно перейти к позиции, при которой все исследования человеческих способностей (с участием генетики или без нее) говорящие о неравенстве в способностях / интеллекте между расовыми / этническими группами по своей природе является расистским». И баста!

Аналогично был уволен из компании Google инженер Джеймс Дэймор, который во внутренней переписке (!), отвечая на вопрос комитета по разнообразию, почему среди программистов и всяких математиков у нас так мало женщин, написал то, что все нормальные люди и так знают: что женщины, в среднем, менее склонны к точным наукам. А вовсе не потому, что их «угнетают». И этого не исправить, такова природа человека. При этом парень ссылался на научные работы. И еще он не забыл дежурно сослаться на решения последнего съезда партии… шучу, не забыл написать в предисловии к своей записке, что решительно осуждает всякий там сексизм и разные там, понимаете ли, стереотипы!

Не помогло. Пинком под жопу дали и улетел, фашист этакий.

Хотя многие сотрудники подходили к нему и втайне поддерживали, но просили их не выдавать.

Вице-президент Google по вопросам разнообразия Даниэль Браун (сейчас во многих американских компаниях есть комиссар от леваков по разнообразию, и в Гугле он, как видите, есть в ранге целого вице-президента, интересно, чем он целыми днями занимается?)… так вот, вице-президент Браун написала сотрудникам следующее послание: «Частью создания открытой, инклюзивной среды является формирование культуры, в которой люди с альтернативными взглядами, в том числе отличающимися от принятых, чувствуют себя в безопасности, делясь своим мнением. Но этот дискурс должен работать наряду с принципами равной занятости, содержащимися в нашем Кодексе поведения, политике и законах о борьбе с дискриминацией». То есть все взгляды приемлемы. Но некоторые все-таки неприемлемы.

Генеральный директор Google Сундар Пичаи поддержал Браун: «…предполагать, что у группы наших коллег есть черты, которые делают их менее биологически пригодными для этой работы, оскорбительно и нехорошо…» Хотя о коллегах уволенный инженер вообще ничего не писал, а опирался на статистику и графики, которые ему удалось добыть в научных работах прежних лет, когда проводить такие работы еще было можно.

Но вопрос о том, «что такое женщина», над американским обществом повис без ответа и до сих пор висит, вибрируя и пугая общественность! Если бы этот вопрос задали мне, я бы сказал: «Женщина – это самка человека». А вот одна из левых политиков Америки ответила на него так: «Женщина – это тот человек, который назвал себя женщиной».

Считаешь себя женщиной, ты – баба! И я бы согласился, касайся вопрос такой фикции как национальность. Вот там да! Национальность – это культурный комплекс, и если негр вырос с детства в России, кем же ему сформироваться, как не русским? Но вот что касается биологии… Ну, куда от нее денешься? Если бородатый детина с длинным членом наперевес зайдет в женскую раздевалку, заявив, что он женщина, да еще лесбиянка, и не нужно пугаться, вряд ли он найдет понимание у посетительниц.

И вот вам опять пример… Даже несколько примеров!

Во время Парижской олимпиады 2024 года на ринге во время поединка по женскому боксу встретились двое – итальянская боксерка Анджела Карини и алжирский транс-мужик Иман Хелиф, который сказал, что он женщина. Бой продлился 46 секунд, в течении которых итальянка получила несколько чувствительных ударов и убежала с ринга в слезах. После чего заявила, что никогда ее «не били так больно» и вообще так

нечестно!

Британская писательница Джоан Роулинг, которая написала книги про Гарри Поттера, назвала позором допуск мужика на женский ринг, заявив: вот до чего докатилась вся эта ваша защита прав женщин – до того, что защитники женских прав защищают право мужика избивать женщину!

В ответ на эти нападки Иман Хелиф ответил(а): а чё такова! Я же принимаю женские гормоны и держу тестостерон в допустимой Олимпийским комитетом норме!

Однако этот самый тестостерон, который с самого детства формировал его тело, сформировал ему торс, рост и все прочее, включая мышечную массу, как у мужика. И теперь временное понижение уровня тестостерона с помощью такого простого решения как таблетка, проблемы уже не решает – мышечный корпус сформирован.

И ведь это, черт подери, не единственный случай, просто самый яркий. Вот еще…

Трансгендерная пловчиха Лия Томас, бывший Уилл Томас, который не добился никаких успехов в плавании, объявил себя простою бабою, пришел на женские соревнования и взял там аж три золотых медали в разных номинациях с невероятным отрывом в 38 секунд! После чего умилившиеся защитники женских прав номинировали его на звание «женщины года» в NCAA (Национальная ассоциация студенческого спорта).

Гэвин Хаббарт был до 34 лет тяжелоатлетом. А в 34 года стал тяжелоатлеткой, решив попытать счастья среди более слабой категории. Это случилось потому, что в 2015 году Международный олимпийский комитет разрешил спортсменам-трансгендерам выступать в соревнованиях даже без операции по смене пола. Единственным ограничением для мужчин, которые хотят соревноваться с женщинами, стало принудительное ограничение уровня тестостерона с помощью таблеток. Фармацевтика творит чудеса – что хотите вам собьет на время, хоть сахар, хоть давление, хоть уровень тестостерона.

Но прогресс инклюзивности, дивёрсити и справедливости на этом не остановился! В 2021 году Международный олимпийский комитет убрал и это последнее ограничение. И у меня настолько припекает по этому поводу, что я даже позволю себе победную цитату из одного спортивного издания:

«12 ноября исполком Международного олимпийского комитета (МОК) одобрил проект, направленный на обеспечение каждому спортсмену возможности соревноваться на самом высоком уровне при отсутствии какой-либо дискриминации… Теперь уровень тестостерона больше не является достаточным

основанием, чтобы определить честность получаемого преимущества в соревнованиях».

Вы не ослышались и глаза вас не подводят. Именно так! Сняли запрет. Процитирую дальше:

«Международный олимпийский комитет (МОК) опубликовал документ, который поясняет принципы участия трансгендерных персон в спортивных соревнованиях… [чтобы] обеспечить каждому атлету доступ к спорту без дискриминации… Концепция включает в себя десять принципов, ключевыми из которых являются инклюзивность, отсутствие дискриминации, справедливость, отсутствие преимущества у кого-либо из спортсменов (!!! – *А. П.*), приоритетность здоровья и право на частную жизнь. Документ издан в рамках мер, принятых МОК для содействия гендерному равенству и интеграции…

Каждый спортсмен сможет участвовать в соревнованиях независимо от гендерной идентичности. Основным нововведением является тот факт, что уровень тестостерона больше не является достаточным основанием, чтобы определить честность получаемого преимущества между атлетами. Таким образом, резолюция МОК, принятая в 2015 году, которая позволяла транс-женщинам выступать в женских спортивных командах независимо от того, какой гендер им был приписан при рождении, при уровне тестостерона ниже определенного значения, была признана устаревшей… спортсменам должно быть разрешено участвовать в соревнованиях в категории, которая наилучшим образом соответствует их самоопределяющейся гендерной идентичности.

МОК считает, что нельзя заставлять спортсменов проходить обследования для определения физического пола… чтобы спортсмены систематически не исключались из соревнований на основе их гендерной идентичности, физической внешности и/или различий в поле. МОК также не планирует останавливаться на достигнутом, и планирует организовывать образовательные программы, включая вебинары, которые могут оказать поддержку трансгендерным атлетам».

Вот она новая справедливость! Помните у Оруэлла в «1984» были лозунги на новоязе «Война – это мир», «Свобода – это рабство»? Думаю, нужно в лексикон современных левых добавить «Справедливость – это несправедливость» и «Равенство – это неравенство».

Едем дальше…

Вероника Айви раньше была дяденькой по имени Рэйчел Маккин, этот дяденька увлекался велоспортом, но в нем не блистал. Карта поперла Рэйчелу, когда он узнал, что можно

назваться женщиной и свободно ходить в женский туалет и выступать на женских соревнованиях. И вот в октябре 2018 года он/она/оно устанавливает мировой рекорд в спринте на 200 метров среди женщин в своей возрастной категории, а уже на следующий день, то есть практически без отдыха выносит всех своих соперниц, выиграв чемпионат мира UCI Masters по велоспорту на треке в женском спринте. Как тебе такое, Илон Маск?

По этому поводу Марина Навратилова, у которой попросили комментарий, сказала, что пускать мужиков в женский спорт – это «безумие». На что обидевшееся оно обвинило Навратилову в трансфобии. И добавило, что нет никаких доказательств того, что рождение мужчиной дало ей какие-то «несправедливые преимущества». Потому что согласно леволиберальным догматам, все рождаются без всяких свойств, а свойства – целиком вина коллектива. Действительно, в современном мире нет никаких доказательств природного неравенства, учитывая, что исследования такого неравенства под негласным запретом.

Борясь с дискриминацией мужиков, объявивших себя женщинами, леваки таким образом дискриминируют обычных женщин. Но это не страшно! Потому что дискриминировать, угнетать и немножко ущемлять можно тех, кто представляет собой бо2льшую группу. Женщины, конечно, угнетенные, но только по сравнению с мужчинами. Однако трансгендерные персоны угнетены круче! О степени страдальчества и распределении людей по группам страдания и угнетения я расскажу чуть ниже, а пока мы не ушли далеко от спорта, им и закончим. И с радикальным феминизмом заодно тоже покончим.

Я постоянно задаю феминисткам – и в книгах, и в очных беседах – один и тот же вопрос: тетеньки, вот вы говорите, что женщины обладают такими же способностями от рождения, что и грязные патриархальные свиньи. Но почему же тогда спорт подразделяется на мужской и женский?

Ответ всегда один: «Ну конечно, форма гениталий у нас разная, разный рост, силовые показатели. Но это касается чистой физики, а не ума и прочих способностей, например, способностей к точным наукам».

Тогда почему такой умственный спорт как шахматы тоже подразделяется на мужской и женский? Здесь внятного ответа обычно не бывает. И потому, следующий вопрос я уже задаю практически в пустоту:

Если вы не можете сравниться с самцами в силовом спорте и в спорте умственном, то с чего вы взяли, будто сможете сравниться с ними в соревновании экономическом, политическом,

военном, научном, изобретательском?

Без квот – не смогут. Отсюда и квотирование в виде так называемой положительной дискриминации. Собственно говоря, продвигаемые феминистками квоты и являются лучшим, но неосознаваемым самопризнанием биологических различий.

Один из феминистических догматов веры в абсолютное равенство гласит, что мужественность (маскулинность), присущая самцам, это не биологический признак (хотя самцы выше, мускулатура у них развита лучше и уровень гормона агрессии на порядки выше), а чисто социальный. Просто общество требует от маленьких мальчиков всего того, что называется мужественностью, оттого они и получаются патриархальными свиньями и угнетателями…

Нам смешно, а этот тезис – о том, что маскулинность есть продукт воспитания – декларируется на Западе всерьез. Леваки вообще любят все ставить с ног на голову. Но зачем так делать, если логичнее исходить из природного естества, ведь социальность базируется на биологии, а та, в свою очередь на химии и физике. Мы это проходили. Ну, так и не надо переворачивать дом с фундамента на крышу.

Аналогично алогично обстоят дела с требованием левых радикалов платить черным за годы рабства двухсотлетней давности. Вопрос о том, почему люди, которые никогда не были рабовладельцами, должны просто так отдавать свои деньги людям, которые никогда не были рабами, обычно вызывает у обитателей американских кампусов приступ озлобления и обвинения в расизме.

– Я вообще эмигрант, мои предки не только не были рабовладельцами в Америке, но, напротив, были крепостными рабами в России. Кто мне будет платить? Черные, потому что потомок африканцев Пушкин был дворянином и крепостником? – спросил один мой дальний знакомый в Калифорнии пылких юношей с промытыми мозгами.

– Вы рассуждаете, как типичный белый расист, который не желает признавать свою историческую вину перед черными! – Так ответили ему пылкие юноши.

Поняли идею? Белые должны платить черным только из-за цвета своей кожи. Вот это и есть расизм. А как это еще назвать?

Но с логикой в современном лево-либеральном обществе, где либеральное отступает перед левым, очень плохо. Когда свобода отступает перед натиском идеологии, количество несвободы растет.

Как известно, фашистские, левацкие и клерикальные государства с большим удовольствием лезут к гражданам в

постель. А вот не зараженное идеологией государство в лице своего чиновничества не должно лезть людям в трусы, навязывая гражданам свои представления о правильном или неправильном в половой жизни – как, с кем, в какой позе, сколько раз, если взрослые люди вступают в половые отношения по взаимному согласию. И из этого вытекает простое следствие: проституция должна быть легализована, ибо не дело государства следить, кто, с кем и на каких условиях занимается сексом. Хоть вообще бесплатно, как при коммунизме! Единственная обязанность гражданина, если он делает на чем-то бизнес, – платить налоги. Именно так было и есть во многих странах, имеющих и сохраняющих внутри себя понимание свободы личности. Так было и во Франции до недавнего времени.

А совсем недавно социалисты в этой стране продавили левацко-феминистический закон, который действует в Скандинавии и криминализует… нет, не проституцию, а клиента. То есть не продажу, а покупку сексуальных услуг. Потому что левацкие догматы считают женщин «угнетенными». Логики, в этом, честно говорят никакой. «Угнетенным» женщинам можно оказывать «угнетателям» парикмахерские, массажные, клининговые и другие услуги. А вот сексуальные почему-то нельзя. Здесь они не свободны распоряжаться своим телом. Их тело может клиента постричь, пришить клиенту пуговицу. Но распорядиться свои телом в сексуальном смысле женщина в Швеции, а теперь и Франции почему-то не может. Вернее, может, но только задаром. Только тогда ее половой партнер не будет наказан.

Возмущенные сексработники Франции подали в Страсбургский суд по правам человека, справедливо написав, что их лишили права распоряжаться своим телом. И правда ведь лишили – и этого права, и права на любимую работу. И они бы выиграли этот суд с легкостью, если бы суд не был предвзятыми и заангажированным. Европейский суд по правам человека отказал этим самым человекам в правах, исходя из самых общих соображений о «человеческом достоинстве», но не уточнив фамилии лиц, которые теряют достоинство, и не спрашивая, а нужно ли оно им, или они готовы это достоинство обменять на немножко денег.

Количество обиженных на Западе растет не по дням, а по часам. Не удивлюсь, если скоро мы услышим о еще одной группе «угнетенных» и испытывающих по этому поводу депрессию – о старсидах. Вы ничего не слышали о старсидах? И я раньше не слышал, пока не начал искать в сети, кто еще обижен нашей цивилизацией и недоволен ею. Быстро нашел. Старсиды – это

интровертные, испытывающие постоянную депрессию люди, которые считают себя инопланетянами. Их много! И они называют себя проводниками между космосом и Землей. Их душам тесно в человеческих телах, они к ним не привыкли и потому часто уединяются, чтобы поразмыслить и зарядиться космической энергией. Старсиды запросто перемещаются «между галактиками» путем астральных медитаций и таким же образом общаются со своей родной планетой. Раньше люди мнили себя Наполеонами, а теперь вот грустными пришельцами. Как все измельчало!.. Думаю, им тоже нужно доплачивать или хотя бы молоко давать за вредность. Они же угнетены землянами и их противными телами, внутри которых оказались не по своей воле, а наверняка по воле угнетателей.

Поэтому, чтобы не утопать в примерах, давайте обобщим, назовем своим именем и немного примнем в голове ту идеологию, которой поражено нынче западное общество и которая распространяется, как пожар по сухой стерне, разгораясь из тлеющих красными огоньками американских университетов и колледжей. Если бы не южные штаты с их консервативными автоматическими винтовками, я даже не знаю, что бы еще сдерживало этих визжащих, обиженных, нежно-агрессивных в своей нетерпимости «снежинок», везде выискивающих, обо что бы им еще оскорбиться да побольнее. Все фанатичные верующие одинаковы, они капризные инфанты, впадающие в ярость, когда слышат что-то, не соответствующее их взглядам…

Вокизм – вот как эта новая идеология называется. Терпеть не могу этимологических экскурсов, но в данном случае придется их чуток совершить. Слово это произошло от английского *woke* – «просыпаться», «осознавать». Проснулся и внезапно осознал: «Ба! Да меня же эксплуатируют! Угнетенный я! Итить-колотить! Надо что-то делать».

Вокизм поганый произошел от марксизма, как Исаак от Авраама. Вначале было слово: дедушка-основоположник с окладистой бородищей подарил миру скрижали «Капитала» – учение о том, что есть некие противоборствующие классы с антагонистическими, то есть непримиримыми противоречиями – угнетенные и угнетатели, пролетарии и капиталисты. И вместе им не сойтись. Поэтому – только хардкор, только пролетарский джихад!..

Продолжатели этого человеконенавистнического учения – разные пророки марксизма – наморщив лбы, подумали-подумали, и их осенило – оказывается, хитрожопый господствующий класс нарочно создал всю вот эту вот человеческую культуру, чтобы с ее помощью подчинять угнетенный класс. Каковы подонки! И вот

хорошо было бы эту культуру сокрушить! А еще, как мечтал когда-то итальянский коммунист Антонио Грамши, хорошо бы левакам захватить все общественные институты, устраиваясь туда на работу – в университеты, школы, армию, газеты – и таким образом постепенно овладеть умами и всей политикой государства, чтобы начать разворачивать корабль в нужную левакам сторону построения коммунизма. Вполне удалось, как видим. Я имею в виду, развернуть удалось, а не коммунизм построить. До коммунизма там пока еще как раком до Пекина…

Убирая промежуточные детали становления этой новой религии, сразу скажу, что современный извод марксизма под названием вокизм, который и ведет цивилизацию к идиократии и постсингулярной катастрофе, выглядит в своих догматах следующим образом:

Весь наш мир построен белыми гетеросексуальными мужчинами с целью угнетения всех-всех-всех. Черных. Женщин. Лесбиянок. Людей нетрадиционных ориентаций и гендерно неопределившихся.

Инструменты угнетения – религия, наука (в особенности, науки точные, это – самая что ни на есть вредная зараза), институт патриархальной семьи, массовая культура, классическая культура, промышленность. Охмуряют!

Поэтому для угнетенных все эти греховные приблуды белых гетеросексуальных патриархальных «людей» не подходят. У угнетенных свой способ познания мира – через пробуждения в осознании своего угнетенного положения. А все ценности «белого мира угнетения» должны быть «деконструированы». Не правда ли, напоминает «весь мир насилья мы разрушим до основания…»

Чем сильнее угнетение, тем больше прав на высказывание и обиду должен иметь человек, тем больше у него свидомость (сознательность). Самые малоугнетенные – белые женщины. Потом по степени угнетения идут черные мужчины. Потом – черные женщины. Потом всякие лесбиянки. А круче всего быть черной одноногой лесбиянкой, у нее накал свидомости такой… Надеюсь, я ничего не перепутал в порядке повышения градуса осознанности.

Бывшие маргиналы должны и могут подвергать белых патриархальных положительной дискриминации. Даже если белый согласен со всем вышесказанным, он все равно остается белым, хотя и не таким противным, как прочие.

Слово *Blackness* (чернота, черный мир) нужно писать с заглавной буквы. А *whiteness* (белизна, белый мир) всегда с маленькой!

Инструментом же деконструкции старого мира и его

коренного переустройства является принцип *equity, diversity* и *inclusion*. Великая французская революция когда-то выдвинула лозунг «Свобода, равенство и братство». Теперь вместо равенства появилась уравниловка, братская добровольная взаимопомощь сменилась квотированием ради включенности, а исчезнувшую куда-то свободу (и правда, кому она нужна?) заменило формальное разнообразие. Причем это не то разнообразие, которое мы с вами проходили среди законов эволюции и которое необходимо для преодоления кризисов! Потому что это чисто формальное разнообразие, напоминающее совершенно несущественное для несущей волны Гиперболического закона разнообразие религий, этносов и обычаев. Если мы вспомним закон Седова, он же закон иерархических компенсаций, то согласно этому закону, система при усложнении стандартизируется по несущественным признакам, многократно усложняясь внутри. Кто внутренне сложнее – неброский внешне ученый или размалеванный активист на гей-параде с тремя извилинами в черепной коробке, каждая из которых отвечает, соответственно, за equity, diversity и inclusion?

Если в системе вдруг буйным цветом вылезает наружу поверхностное разнообразие в виде десятка гендеров, цветов кожи или градаций «угнетения», если на руководящих местах появились вместе «эйнштейнов» набранные по квотам «угнетенные», значит, система сильно архаизировалась, потеряв во внутренней сложности – интеллекте.

Наступление на свободу слова и затыкание рта, то есть препятствование распространению информации, достигается так называемым деплатформингом, когда неугодного ученого или человека подвергают травле и лишают площадки для распространения его точки зрения.

Наша цивилизация достигла таких высот благодаря постоянному информационному обмену, мощным потокам информации, циркулирующей в социуме. Препятствование в циркулировании информации – это путь к глушению реактора цивилизации. Левые, которые сами вошли в истеблишмент и в системы управления благодаря свободе слова и демократии, дорвавшись до власти, и то, и другое начинают сворачивать – и свободу слова, и демократию.

А вот расовая сегрегация наоборот левыми приветствуется. Если вы попробуете создать клуб «Только для белых» – вас затравят и замучают судебными преследованиями. Но Ассоциация черных журналистов в США – это нормально. Это расизмом не считается. Потому как это «положительная дискриминация» эксплуататоров! В конце концов, должны же быть у угнетенных

меньшинств какие-то отдельные безопасные пространства – *safe spaces*, где у них будет возможность избежать травматического опыта от созерцания «угнетателей».

Для правильной жизни в обществе новой нормальности скоро нужно будет выучить все виды гендеров и все правильные обращения к ним; знать, что, помимо научного расизма, есть еще расизм культурный, а также такая его разновидность, как культурная апроприация. Все это необходимо знать, чтобы случайно не согрешить. Вот вы знаете, что это за два таких греха? Я вас сейчас просвещу, мне не жалко.

Культурная апроприация – это страшное угнетательство со стороны белого человека, когда он отбирает и присваивает себе чужую (как правило, дикарскую) культуру. Например, когда покупает в индейской резервации головной убор из перьев. Или когда модельер наряжает белых моделей в негритянские или индейские наряды. Это же не его культура! Какое он имел право? Для пафосного белого модельера-эксплуататора это чистое баловство, а для угнетенных меньшинств – часть самосознания. А вы с такой легкостью это присваиваете! Как будто смеясь или играясь. Да как вам не стыдно!

Культурный расизм пасется рядом с апроприацией. Если белый человек думает, что его культура выше или лучше культуры людоедов из племени мумба-юмба только на том основании, что белые на Луну летали и атом расщепили, создали науку и цивилизацию, то он культурный расист! Потому что все культуры равны. А дикари так даже и лучше белых. Потому что они наивные, трогательные, душевные, угнетенные и живут в гармонии с природой, а не загрязняют ее этими вашими выхлопными газами! Тот факт, известный всем этнографам, что дикие племена живут в состоянии перманентного насилия, войны, детоубийств и почти обезьяньей жестокости, левакам или неизвестен, или яростно отрицается: это все придумали эксплуататоры, чтобы угнетать простодушных дикарей!

Так чего ж удивляться, что западное общество показывает тенденцию к сползанию в дикарство и архаизацию, ежели все культуры равны и вообще – мультикультурализм форева!

И чем больше разливаются в обществе токсичные идеи и проекты, тем сложнее потом будет вылечить от них общество. Такими темпами скоро и некому будет лечить. Сейчас в мире на одном полюсе мы видим расползающуюся розовую плесень, которая медленно превращает в бесформенную слизь передовые страны. А на другом полюсе – диковатые, агрессивные страны догоняющего развития, где, глядя на эту розовую слизь, опять задумываются о Третьем пути или даже возврате к

теократическим проектам. Однако это ненадолго: до диковатых стран ударная волна фазового перехода просто еще не дошла. Но долетит, никуда они не денутся. А дальше – та самая постсингулярность. И пройдем ли мы ее, груженые аутоиммунной слизью – большой вопрос.

Сейчас у нас переходный период, турбулентность, когда прежний закон развития уже не действует, а нового еще нет. Равновесие еще не установилось. Оно и понятно: всякий режим с обострением характеризуется неустойчивостью. Об этом нам рассказывает теория хаоса, которая не является предметом данной книги, поэтому всех интересующихся отправляю шерстить литературу о нелинейных процессах, странных аттракторах и точках бифуркации. А нам нужно усвоить только вывод: будущее нелинейно. Гарантированного счастливого билета в это будущее нет и принципиально не может быть. Проскочим или нет, зависит не от внешних событий, а от внутренней ситуации в системе. То есть от нас самих [32].

И поскольку в данный исторический период наша цивилизация находится в зоне неустойчивости или, что то же самое, в точке бифуркации, выкинуть нас может либо к ясному небу и новой эре, либо в никуда. И зависит это от любой случайности. Про такие моменты в науке поэтически говорят, что взмах крыльев бабочки в одном месте может вызвать ураган в другом. Малое событие может как погубить, так и спасти. И раз так, это вполне дает мне право считать, что данная книга может послужить таким вот взмахом крыльев в положительную сторону. Науке это не противоречит. Бифуркация же!

Общество, ориентированное на традиции, обречено кануть в прошлое, деградировать; общество, ориентированное на стабильность и справедливость, обречено на застой; и только общество, ориентированное на свободное конкурентное развитие, имеет будущее.

Глава 11
Политическое ориентирование на местности

«Нам нужен правый поворот!» – скажет добрый читатель, задумчиво поглаживая рифленую рукоятку республиканского браунинга.

Я не против рифленых и даже обрезиненных рукояток. Но все же уточню:

Не поворот. Доворот. Совсем небольшой, но кардинально меняющий траекторию развития – от глухого тупика к новому миру. Сейчас возьму компас и покажу направление.

Смотрите…

Во всем мире люди с криками «Чума на оба ваши дома!» тревожно вращают головами, словно совы, стараясь сориентироваться с целью понять, куда же им идти. Они блуждают в двух политических соснах, шатаясь от правого к левому, от консервативного к либеральному, не видя иного выхода. И там плохо, и тут дышать нечем.

Идти обратно к консерватизму от всех этих ужасов левого мира, значит, идти в прошлое. Но идти уже некуда: прошлого больше нет. Шагать же в будущее курсом научной и интеллектуальной деградации, которым сейчас поспешает марксистский Запад, тоже не выход, ибо этот курс тащит систему к социальной энтропии, к «тепловой смерти» экономики и науки – имеем те же красные грабли Второго пути, но в более медленном варианте.

Но если Второй путь и Третий не работают, остается Первый. И единственно возможный. Турбуленция демографического перехода покидала нас из стороны в сторону, побила о расстрельные стенки, не пора ли перейти в русло естественной истории? Но как переходить, если страны капитализма заражены розовой плесенью и просвета не наблюдается?

Давайте расширим восприятие. Давайте примем, что политическое пространство не одномерно, а двумерно. Так методологически правильнее и понятнее. У нас будет две оси – не только ось «право-лево», но и ось «либерально-консервативно». В моей книге «Между Сциллой и Харибдой» объяснение выбора именно таких осей описано подробнее и фундаментальнее: там я пляшу от биологических основ нашего вида, как от базы, а здесь пропишу только самое важное. А вы постарайтесь расположить себя на этой политической плоскости.

Итак, горизонтальная координата социального пространства у нас будет традиционной: левее нуля будут левые, а правее – правые. Но только в истинном их значении! Выражаясь иначе, абсцисса – это ось коллективизма и индивидуализма или степень выраженности стадного инстинкта. Те идеологические течения и люди, которые предпочитают примат группы над личностью, будут левыми, а те, кто ставит на пьедестал человека, а не коллектив, правыми. Я вот правый. Для меня человек – превыше всего и мерило всех вещей. А вовсе не раса, не нация, не церковь и даже не профсоюз. Соответственно, фашисты, как я уже не раз говорил на протяжении этой книги, левые.

Вторая ось характеризует отношение к новому. Есть люди, относящиеся ко всему новому, непривычному и необычному с опаской, это нормальная животная оборонительная реакция консерваторов. А есть особи менее осторожные и более любопытные. Они с готовностью едят незнакомую пищу, им это интересно, не шарахаются от новых, непривычных направлений в искусстве и науке, отличаются большей степенью внутренней свободы и другим, соответственно, тоже разрешают быть внутренне свободными и непохожими на них. Это либералы. Либерализм происходит от латинского *liberalis* – свободный. Плохо ли быть свободным? Я думаю, неплохо, поэтому я либерал. Мне внутренняя тюрьма не нравится.

Вообще, повышенное любопытство, пониженная брезгливость и меньший страх перед незнакомым – это тоже естественная биологическая черта. У каких-то особей одно свойство больше выражено, у каких-то другое. Кто-то от природы более любопытен, кто-то более опаслив. У кого-то стадный инстинкт больше развит, и его тянет в группу, у кого-то меньше, ему и в одиночестве не скучно с самим собой. Но в биологию мы не суемся, по договоренности. Мы просто смотрим на эту чудесную плоскость, в подполье которой скрывается биология, а экономика и политика будут производными. Биология тут – корешки, а политика с экономикой – вершки. И открывается перед нами целый мир вершков!

Социально-политическая плоскость. Я считаю, что именно такие координаты наилучшим образом отражают реальность. Обычно на горизонтальной оси рисуют степень экономических свобод. Но степень свободы рынка прямо проистекает из животного коллективизма-индивидуализма, то есть моя ось фундаментальнее, потому что биологичнее.

Кто у нас в левом нижнем углу? Левые консерваторы. Это кто ж такие? Ясно, кто – фашисты, национал-социалисты и национал-большевики, а также любые религиозные фундаменталисты.

Левый верхний угол – левые либералы Запада. Групповые интересы у них превыше всего. Они защищают группы – нетрадиционных ориентаций, черных и желтых, женщин и не определившихся с полом… При этом леваки не выступают за запрет абортов, в отличие от консерваторов. Они за однополые браки и против оружия, потому что спасать индивидуумов должен коллектив в лице полиции. Левые либералы обильно

представлены в Америке в лице демпартии.

Правый нижний угол – это правые консерваторы. Эта группа также обильно представлена в США религиозными консерваторами. Никаких абортов, никаких однополых браков, никаких генных экспериментов над человеком, с наукой вообще нужно поосторожнее. А если вы ко мне в мою крепость полезете, огребете пулю без разговоров! Последнее – особо приятно.

> (Отвлекусь по своему обыкновению. Интересно, что левые либералы обычно не против генных экспериментов с человеческим материалом, поскольку в целом хорошо относятся к науке и новациям. Та же их часть, которая выступает против генетической евгеники, обычно не против самих экспериментов, а лишь за то, чтобы рождалось побольше инвалидов, дабы было кого потом защищать. А ту группу, что действительно выступает против генной инженерии человека и против искусственного интеллекта, нужно на плоскости расположить немного ниже, то есть поближе к горизонтальной оси, сдвинув в сторону консерватизма. Это же плоскость!.. На картинке показана принципиальная схема, а для более точного позиционирования в политическом пространстве нужно вводить опросники и весовые коэффициенты по каждому пункту, чем мы с вами заниматься не будем, поскольку нам важен цельный охват, а не копание в мелочах.)

Переходим, наконец, к правому верхнему квадранту. Он у нас заселен правыми либералами. Они за науку, за свободу личности (до тех пор, пока это свобода не начинает непосредственно влиять на других). Проституция, владения оружием, однополые браки и аборты? Никаких проблем! Личное дело каждого. Пока в меня не стреляют, не стреляю и я. Пока мне не запрещают вступать или не вступать в брак, все нормально. Пока я плачу проститутке, парикмахерше или врачу, а они исправно платят налоги, все в порядке.

Как вы уже поняли, мир сейчас перекошен. И лучше всего это видно на примере США. В Америке весь левый верхний угол политической плоскости обильно заселен демократами и сочувствующими. Правый нижний заполнен тоже и исправно голосует за республиканцев. Автократические режимы и даже один теократический (Иран) привольно обитают в левом нижнем квадранте левого консерватизма. Но как раз за левых консерваторов нам беспокоиться не нужно: фашистов и религиозных дикарей сметет волна фазового перехода. А вот со

свободой в развитом мире, который уже фазово переформатирован, есть проблемы – правый верхний угол пуст! Поэтому весовая прямая, проведенная из левого верхнего угла к правому нижнему, на которой, как на коромысле, качаются основные политические ведра Америки, нуждается в нормализации в математическом смысле этого слова. Напомню, что нормаль – это перпендикуляр. Вектор нормали изображен на рисунке и правильно указывает нам направление к выходу из лабиринта. Туда и идти. К свободе экономики и свободе человека.

Приложение

Некоторые вопросы, которые могут возникнуть у читателя при прочтении книги.

«А вот Китай…»

В последние лет двадцать с разных сторон, в основном, от постсоветских левых, которые всерьез веруют, будто в Китае социализм, можно было услышать следующее:

«А не является ли Китай тем самым светлым путем, которым нужно идти человечеству? Вы только посмотрите, как они взлетели под руководством коммунистической партии! Небоскребы и мосты растут, как грибы! Самый скоростной поезд на магнитной подушке – у них. В космос вышли. Все вокруг электромобилями засижено, словно мухами… Может, руководящая и направляющая сила коммунистической партии, вкупе с экономическим интересом а-ля ленинский НЭП – это и есть светлое будущее человечества?»

Хрен там плавал!..

Все эти два десятка лет я неустанно в разных книгах повторял и повторяю, что Китай стоит на пороге величайших социальных потрясений. На пороге тектонического растрескивания и развала. Причины разные – от общесистемных климатических (в эпохи глобальных потеплений крупные имперские образования дробятся) до демографических и политических. Они раскрыты или упомянуты в разных моих книгах, а здесь поговорим вот о чем…

Китай ровно настолько успешен и сиятелен, насколько в нем есть свобода. И настолько же скован, сколько в нем есть управление свободой.

Китайская экономика – заповедник частного предпринимательства под политической крышей номенклатурной партийно-феодальной аристократии. И эта засохшая сверху кровавая корка компартии мешает стране развиваться. Под ней страна достигла потолка развития, и теперь под этой крышкой начинает нарастать давление.

Китайская экономика дико перекошена. Китайской экономике катастрофически не хватает степеней рыночной свободы, которая только и может компенсировать перекосы. Когда-то китайский НЭП, то есть разрешенное компартией частное предпринимательство, вывел страну из коммунистического голодного кошмара. Китай себя накормил. Но теперь ребенок вырос и большевистский френч стал ему тесен.

Партия рулит административными и банковско-кредитными инструментами, поощряя красных феодалов на местах развивать производство и инфраструктуру – не ради людей, а ради отчетности, как это было в советской «экономике». Потребитель

же остается за кадром – как внутренний, так и внешний, отчего пропадает обратная связь, а экономика перекашивается. Китай под мудрым руководством компартии ныне производит черного металла больше, чем США, Германия и Япония вместе взятые. То же самое касается добычи угля, производства стекла, алюминия, аккумуляторов и электромобилей. А солнечных панелей на своих избыточных мощностях Китай может сделать в два раза больше, чем нужно всему миру. Деньги вложены, похвала руководящих экономикой товарищей получена, а толку – ноль, один вред: ресурсы выкинуты в никуда. Заводы производят тысячи электромобилей, которые забивают площадки, поскольку никому не нужны. Треть китайских автопроизводителей уже убыточны. К 2023 году Китай нарастил производственные мощности по изготовлению аккумуляторов и батарей, которые могут обеспечить весь мировой спрос на эту продукцию. Строятся целые города, в которых никто не живет. При этом строительная отрасль переживает тяжелейший кризис, банкротятся самые большие компании-застройщики. Два огромных аэропорта расположенные рядом, но формально относящиеся к разным провинциям и потому разным «смотрящим» партийным функционерам – обыденность современного Китая. «Смотрящие» отчитались – получили повышение. А там хоть трава не расти.

Вот это и есть та самая кривая Дэвиса, о которой мы говорили в книге – когда бурный рост уровня жизни, сопровождающийся растущими ожиданиями людей на лучшую жизнь, вдруг фрустрационно разбивается о реальность внезапного экономического торможения. И хотя сегодня люди действительно живут лучше, чем вчера, их разочарование жизнью приводит к социальному взрыву: надежды-то не сбылись, к тому же не до всех улучшения еще докатились. И если в Китае катастрофы еще не произошло, это не заслуга китайской модели, а следствие ее огромной величины и инертности. Но тем громче будет хлопок!

Когда в Китае сняли неоправданно жесткие, я бы даже сказал, по-коммунистически свирепые ковидные ограничения, наблюдатели полагали, будто китайская экономика резко воспрянет. Еще бы, целые сектора экономики были остановлены, а тут тормоза сняли и… И вместо бурного всплеска случился вялый рост. Потому что китайское руководство, подобно руководству сталинскому, больше внимания обращало на рост промышленного производства, чем на людей и их потребности. В странах догоняющего развития всегда больше внимания уделяется товарам группы А, то есть производству средств производства. Сталин делал это для войны. А Китай ради экономической мощи, которую видит в дымящей

промышленности, а не в людях.

Омертвленные в производственных мощностях ресурсы могут опрокинуть Китай из-за падения цен в результате «конкуренции лишних». Далее – банкротства, потеря рабочих мест или хождение с протянутой рукой к партийным бюрократам за очередным кредитным траншем. Миру просто не нужно столько товаров группы А, сколько может сделать Китай. Причем вся относительно немногочисленная бизнес-элита, связанная с этой промышленностью, зависит от партийных функционеров, точнее, от одобряемых ими дешевых кредитов. Дорогие же коммерческие кредиты на международном рынке они не потянут из-за низкой нормы прибыли. И ситуация вряд ли изменится: если рулить экономикой будет конечный потребитель, партийные чиновники станут не нужны, а власть они терять не хотят. В этой стране не деньги влияют на политику, что правильно и естественно, а политическая красная аристократия влияет на деньги и экономику.

Вот что пишет об этом Лю Зои Цзуньюань, американская специалистка по Китаю:

«Шестой пятилетний план Китая (1981–1985) был первым, который был введен в действие после того, как китайский лидер Дэн Сяопин открыл китайскую экономику. Хотя документ занимал более 100 страниц, почти весь он был посвящен развитию промышленного сектора Китая, расширению международной торговли и передовым технологиям; только одна страница была посвящена теме увеличения доходов и потребления. Несмотря на огромные технологические изменения и до неузнаваемости изменившийся мировой рынок, акцент партии на промышленной базе Китая остается удивительно похожим и сегодня: 14-й пятилетний план (2021–2025) предлагает подробные целевые показатели экономического роста, инвестиций в НИОКР, получения патентов и производства продуктов питания и энергии, но потребление домашних хозяйств сведено к одному параграфу.

<…> на протяжении более двух десятилетий китайские провинции – от Синьцзяна на западе до Шанхая на востоке, от Хэйлунцзяна на севере до Хайнаня на юге – при очень слабой координации между собой создавали заводы в одних и тех же приоритетных отраслях, определенных правительством, движимые усилиями провинциальных и местных чиновников превзойти своих коллег. Неизбежно, что эта внутренняя конкуренция привела к избыточным производственным мощностям и высокому уровню долга даже в отраслях, в которых Китай завоевал доминирующее положение на мировом рынке…

Деньги вкладываются в те продукты, которые могут быть масштабированы наиболее быстро, вынуждая производителей перепроизводить продукцию, а затем выживать за счет небольшой прибыли, которую можно получить от демпинга на международном рынке».

Бюрократ и Предприниматель – два совершенно разных генетически психотипа. Есть люди осторожные, от природы не склонные к риску, а склонные к стабильности, к ламинарному, предсказуемому течению событий. Такие идут в бюрократы. От них не стоит ждать прорывов. Они – исполнители и всегда предпочтут то, что уже обкатано другими, ибо это надежно. А есть люди рисковые, турбулентные. Они и вносят в мир инновации, которых ни один экономист, бюрократ или футуролог предсказать принципиально не в силах. Но для того, чтобы такие инновации появлялись, нужен пустяк – свобода для всех, потому что мы не знаем, кто именно вбросит новую искру. Свобода экономическая и политическая. В Китае плохо и с тем, и с другим.

В России тоже есть фашисты (в прямом смысле этого слова), мечтающие о регулируемой рыночной экономике, которой они, блистая умом и знаниями, будут давать руководящие указания, куда двигаться и где зарабатывать. То есть не рынок будет подавать сигналы, что производить, а светлые умы. Но Китай по этому пути дирижизма уже прошел! Именно так там и было – и умы светлые, и указания ясные… Сейчас в моде зеленая энергетика? Отлично! Вот что нам нужно!.. Прослышав про глобальное потепление, зеленую моду Европы и все такое прочее, китайское руководство в 2010 году поставило цель – через десять лет производство солнечных панелей должно обеспечивать 15 % китайского ВВП. Цели определены, задачи поставлены, за работу, товарищи! И какой же результат?

В Китае 23 провинции, 5 автономных районов, 4 города центрального подчинения и 2 специальных административных района – Макао и Гонконг. Всего 34 отдельных региона. В результате, из этих 34 регионов 31 поставили себе производство солнечных панелей в качестве приоритетной задачи, построили сотню заводов, не поинтересовавшись, а кто всю эту херню будет покупать. Итог известен: Китай теперь может произвести панелей в 2,5 раза больше, чем всему миру их надо. Заводы еле теплятся, сидят на дотационных кредитах.

Какие еще мысли есть у русских фашистов-государственников (коих я с удовольствием почитываю)? Какие они выделяют перспективные направления, устремленные в будущее? Куда вложить деньги государству, выдав производителям

беспроцентные кредиты? Ну, вот, например, робототехника! Чем плохо? Говорят, весьма перспективное направление!

И по этой дорожке Китай тоже уже сходил. Задача роботизации Партией была поставлена еще в 2015 году, 20 китайских провинций ответили «есть» и взяли на себя повышенные капиталистические обязательства. В результате шаровых инвестиций заводы Китая по производству робототехники обогнали Японию, но роботы оказались слегка устаревшими, поскольку китайские чиновники, чтобы не было рисков – а как в экономике без рисков? – закупали в цивилизованных странах уже отработанные, проверенные технологии и просто масштабировали производство, незнамо зачем.

Доходит до того, что, повинуясь указаниям сверху, китайские чиновники заставляют китайских предпринимателей на земле сворачивать прибыльные производства (культивирование бамбука, рыбные фермы) и заниматься нерентабельным выращиванием риса только потому, что партия поставила задачу добиться продовольственной безопасности страны. План у партии такой! И где-то я уже видел, как парткомы «успешно» руководили севом зерновых…

Весь этот китайский схематоз проще всего понять на примере строительства домов. Китай начал тоннами печатать юани под обеспечение строящегося жилья. Бюджеты китайских регионов во многом складываются из продаж земли застройщикам. Как только пузырь китайской недвижимости лопнет (а этот процесс уже начался) и начнут сыпаться компании-застройщики, резко просядут и местные бюджеты, оставшись без притока денег. Соответственно, нечем будет финансировать инфраструктуру и бюджетную сферу – учителей, врачей, библиотеки, почту, вывоз мусора, ремонты труб… Кстати, чиновникам в Китае начали резать зарплаты уже в 2022 году. Чем это грозит? Кризисом потребления. Китай и так производит телефонов, электромобилей и прочего больше, чем может потребить весь мир, включая сам Китай. А тут еще и дополнительное сокращение внутреннего спроса! Стагнация. Увольнения.

Перегретая китайская экономика создавала у мира иллюзию невероятной силы и бурного роста, пуская пыль в глаза поездами на магнитной подушке и ростом небоскребов. Очковтирательство всегда происходит, когда экономикой начинают рулить из благих соображений. Поэтому, не углубляясь далее в болото китайского хозяйства, перейдем сразу к выводам.

Что объединяло СССР, кроме компартии? Ничего. Лопнули обручи – развалилась бочка.

Что сегодня объединяет Китай, кроме руководящей и направляющей? Ничего. Как только эта засохшая красная корка начнет трескаться и ломаться за ненадобностью, Китай развалится на части, слишком уж разный он экономически, географически и даже этнически. И хорошо, если развалится эта ядерная держава без внутренних войн и не запалит ничего вовне. А уж в экономическом плане нам всем точно аукнется при таком развитии событий, которое мне представляется неминуемым [33].

«Что же будет на Земле через 100 ближайших лет, когда мода на детей совсем пройдет?»

Ваш песенный вопрос очень правильно поставлен, товарищи! Мы сейчас имеем две разнонаправленные тенденции, которые, как я надеюсь, скомпенсируют друг друга. О них и поговорим.

Когда-то весь мир был аграрным. А потом он вступил в промышленную стадию развития, что и послужило началом демографическому переходу, то есть запустило тот самый фазовый переход, который занимает пару-тройку сотен лет, и внутри которого мы живем. В результате этого перехода произошло две вещи – падение рождаемости и уход от аграрности в том смысле, что теперь в развитом мире 2–4 % населения, занятых в сельском хозяйстве, легко обеспечивают всех остальных едой. Ням-ням.

То же самое по мере перехода к миру постиндустриальному происходит и с промышленностью – недалек тот час, когда 2–4 % населения, занятых в непосредственном роботизированном производстве всего, смогут обеспечить всех всем. Этот факт одновременно и радует (коммунистов) и внушает опасения (реалистам).

Коммунисты говорят: «Вот как у нас получится коммунизм, оказывается! Маркс-то прав оказался, но чуток по-другому все случится! Не люди, а роботы будут обеспечивать нас промышленными товарами, производить других роботов и чинить их».

Это говорится на полном серьезе, я такое от леваков слышал не раз. Мол, раз издержки по производству товаров народного потребления станут минимальными, отчего бы тогда не раздавать все даром? Воздух же бесплатно мы получаем! А интернет подешевел уже просто почти до незаметности!

Что на это сказать убогим?

Воздух никто не производит. А вот вода в кране уже не бесплатная. И интернет, хоть и дешев, но обеспечивается чьим-то трудом. И с чего бы инвесторам, вложившим свои средства в роботизированный комплекс по производству ложек-вилок или автомобилей, раздавать эти автомобили даром разным мудакам?

С коммунистами ясно: дебилы. А вот опасения реалистов куда серьезнее глупых мечтаний коммуноидов: «А чем занять оставшееся население, если 2 % людей обеспечат всех остальных товарами?»

Частично я ответил на это в основном тексте книги, написав про сферу услуг и про то, что люди сами найдут себе новую занятость, не надо им только мешать советами. Слава богу, страна Советов кончилась, доказав свою несостоятельность – экономические трупы жить не могут, а СССР был экономическим зомби изначально.

У футурологов есть разные умозрительные предложения, как занять лишних людей, но, возможно, та самая встречная противоположная тенденция этот вопрос снимет с повестки дня – существуют неиллюзорные опасения, что в скором времени перед цивилизацией во весь рост встанет вопрос не избытка рабочей силы, а как раз ее фатального недостатка. Формат и объем этой книги не позволяет в подробностях погружаться в этот вопрос, поэтому лишь обозначу проблему вкратце.

Основная экономическая заноза завтрашнего дня, о которой уже пишутся целые книги, состоит в том, что сейчас выходит на пенсию многочисленное поколение послевоенных бэби-бумеров, которое когда-то обеспечило экономический рост в мире своей многочисленностью. А на их место заступать уже практически некому – молодежи нет. И если раньше на одного пенсионера приходилось несколько обеспечивающих его работающих, то теперь на одного работающего будет приходиться несколько пенсионеров. И некоторые авторы в этой связи предсказывают нам очень нелегкие времена.

Известный американский аналитик Питер Зейхан, долгое время проработавший в компании стратегической разведки «Stratfor», написал целую книгу «Конец мира – это только начало», посвященную этому вопросу.

«Технологии будут в беспорядке, – пишет Зейхан. – Серверные фермы, смартфоны и программное обеспечение не возникают по волшебству. Они являются конечным результатом тысяч параллельных и часто не связанных между собой тенденций. В целом, здоровый и растущий технологический сектор требует наличия обширного рынка для получения доходов и стимулирования развития, огромного количества квалифицированной рабочей силы…»

И правда, всю историю человечества экономика привыкла работать в растущем режиме, точнее, в режиме растущей численности населения. Это для нее естественный режим функционирования. И как будет чувствовать себя экономика в условиях коллапсирующего рынка, в котором численность населения падает, непонятно. А в развитых странах этот коллапс сегодня имеет вид начавшегося преобладания пенсионеров над работающей молодежью. Даже накопившие за свою жизнь

немалый капиталец состоятельные американские старики не могут поддерживать экономику так, как это делают молодые, потому что старики меньше тратят. У них уже все есть – дом, машины, бытовая техника… Это молодым надо строить жизнь – залезать в ипотеку, кредиты за авто, и словно белка в колесе десятилетиями раскручивать маховик экономики, выплачивая проценты и тело кредита. Если кредиторов меньше, банкам и экономике хуже.

Зейхан предполагает, что вскоре начнутся процессы антиглобализации, то есть регионализации, вспыхнут региональные войны и всякое там пиратство, которое закроет мировое судоходство. Правда, на вопрос, кто будет воевать в условиях дефицита молодежи и тестостерона, автор не отвечает.

Я же полагаю, что у нас до пиковой отметки в десять миллиардов человек найдутся в Африке, на Ближнем Востоке и в Индии еще миллиарды резервных людей, готовых тяжело работать – хотя бы для того, чтобы прокормить своих африканских родителей, оставшихся на родине. И потому у цивилизации есть еще временной промежуток, за который систему можно будет переформатировать, убрав из нее детскую болезнь левизны. А это можно сделать, только убив бюрократическую опеку и дав свободу. Больной не должен налёживать пролежни в кровати. Хочешь жить – двигайся!

Плюс новые технологии, на которые мы пока еще можем рассчитывать, учитывая грядущий рост численности населения и, соответственно, ученых. Разумеется, только в случае, если удастся преодолеть кризис образования, связанный с DEI, и наладить процесс «отбора гениев» с целью максимальной реализации человеческого потенциала.

Ну, тупы-ые!

«А вы не преувеличиваете степень тупизны и деградации, в которую медленно погружается развитый мир?»

Скорее, преуменьшаю. Вот возьмем Скандинавские страны, склонные, как известно, к уравниловке, и сходим туда за примерами. Начнем с Дании, потому что там Русалочка сидит.

С 1993 по 2006 годы в этой прекрасной сказочной стране имени Ганса Христиана Андерсена в школах практиковался так называемый групповой экзамен ради «воспитания коллективизма». Звучит омерзительно, я понимаю, но наша с вами задача как ассенизаторов цивилизации и социальных проктологов, покопаться в выделениях социализма волшебной палочкой. Что же такое этот групповой экзамен?

В интернете ходит полуанекдотическая история про одного западного профессора, который хотел отучить свою студенческую группу от социализма. По молодости и глупости его студенты верили, что социализм работает, а человек человеку – первейший друг, брат и коммунист, а вовсе не «люпус эст». Вот профессор и решил показать, как она работает, эта самая солидарность. Он пообещал выставить группе оценку на экзамене, исходя из среднего балла. Не почуявшая подвоха группа юных солнечных прекраснодушных людей согласилась. Первая сессия прошла замечательно, по старой традиции – кто был отличником и хорошо готовился, тот сдал на «5». Кто ленился и был туповат, сдал на привычный «трояк». При этом отличники получили меньшую оценку, чем та, на которую они сдали, а троечники, к своей радости, большую. В общем, все получили по «четверке».

Вторая сессия наградила всех «трояками». Потому что отличники уже учились с большей прохладцей и меньшей охотой по понятным причинам: а чего корячиться, если все равно отберут? А троечники совсем забили на учебу, в расчете на то, что отличники их поднимут.

Третью сессию группа не сдала. И больше того, отношения между студентами в группе испортились, они вдрызг разосрались друг с другом, обвиняя друг друга во всех смертных грехах. Мораль? Она проста: социализм портит мораль! А не только понижает общий средний уровень богатства…

Так вот, этот анекдот в Дании воплотили в жизнь, придумав коллективный экзамен с усреднением балла. Датский эксперимент привел к закономерному результату – знания школьников ощутимо просели, поэтому групповой экзамен в 2006 году был отменен. Что вызвало буквально бурю возмущения в

датском обществе: зачем нашим детям эта соревновательность?! И в 2012 году групповой экзамен вернули. Лучше всеобщая серая тупость, чем выскочки…

Аналогичная история приключилась и в Финляндии. Там в 2014 году вообще убрали школьные оценки, чтобы исключить соревновательность во имя энтропии, ошибочно именуемой равноправием. Результат был аналогичным – знания школьников просели по сравнению с 2000 годом.

В 1984 году новозеландский психолог Джеймс Флин опубликовал работу, в которой описал то, что впоследствии получило название эффект Флина. Заключается эффект в том, что в течение XX века интеллект каждой развитой нации рос. Флин отследил данную зависимость с 1932 по 1978 год, за этот срок средний интеллект жителей США вырос на 15 пунктов. От десятилетия к десятилетию школьники показывали все более и более высокие показатели IQ, поэтому тесты приходилось усложнять, чтобы величина в 100 единиц четко делила социум пополам.

Так вот, тенденция эта переломилась примерно на рубеже веков. В XXI веке интеллект в развитых странах не только перестал расти, но и начал активно валиться вниз! Это подтвердили датские, норвежские, британские, французские, американские, бельгийские, ирландские исследования. Так, норвежцы отметили спад интеллекта норвежских солдат, который рос до середины 90-х годов, а после 1995 года начал падать. В Дании интеллект призывников начал падать с 1998 года.

В Осло Центр экономических исследований имени Рагнара Фриша (*Ragnar Frisch Centre for Economic Research*) обработав результаты 730 тысяч IQ-тестов, проведенных за несколько десятилетий не только в самой Норвегии, но в других странах, сделал заключение: с 1970 года каждое следующее поколение норвежцев теряло в среднем по семь единиц. Университет Ольстера приводит данные о потере интеллекта у американцев, европейцев и австралийцев, правда, по их данным интеллект белой расы упал после 1950 года всего на три пункта. Однако, проводивший исследование психолог Ричард Линн предрек, что если падение не остановится, то через сто лет средний IQ человечества не превысит 84 пунктов. А это уже практически грань легкой умственной отсталости.

Профессор из Амстердамского университета Ян де Нийениус полагает, что происходит сия беда потому, что умные женщины предпочитают умных мужчин, а умные рожают позже и меньше, чем более просто устроенные люди… Иными словами точка зрения Нийениуса полностью совпадает с точкой зрения

Александра Маркова.

Интересное совпадение – интеллект стал падать [34] примерно тогда же, когда стал обваливаться и уровень тестостерона, а он, напомню, с начала века упал на треть, то есть сегодня средний уровень тестостерона у 22-летнего мужчины равен уровню 67-летнего мужчины в 2000 году. Не связано ли одно с другим да еще с размыванием гендерной идентичности в странах Западного мира?

Правый поворот. Есть ли проблески?

В самом деле, есть ли у земной цивилизации видимые шансы на успешное преодоление фазового перехода? Ну хоть какие-то признаки спасения?

Какие-то есть. Я надеюсь, аутоиммунная болезнь левизны у человечества пройдет так же, как прошла красная волчанка марксизма, поразившая в острой форме множество государств в XX веке, и потому вялотекущая хроническая форма той же заразы не погубит обобщенный Запад. Перерастем, даст бог. А что касается блесток надежды на это «перерастание», то вот вам паратройка…

В 2024 году в США с треском провалились две новые видеоигры, пропагандирующие новую модную болезнь Америки – равенство, разнообразие и инклюзивность. Игра «Конкорд» была напичкана персонажами с упором на разнообразие – там были цветные девочки, неопределившиеся с полом, жирные бодипозитивщики, причем к каждому из них, в зависимости от пола, нужно было обращаться с указанием «титулов», в смысле, недавно придуманных половых местоимений. Игра вышла в свет 23 августа и была закрыта уже 6 сентября из-за практически полного отсутствия интереса людей к «повесточке» – скачали игру всего 697 человек во всем мире. При этом на разработку игры ушло 150 миллионов долларов и 8 лет. Оглушительная пощечина демократам.

Вот несколько отзывов об этой игре от геймеров:

«Я зол на себя за то, что был одним из немногих идиотов, которые считали, что немного «повесточки» не так уж и плохо. Но эта игра «повесточна» до чертиков. Игроки сыты по горло всем этим «разнообразие-равенство-инклюзивность» дерьмом. Я тоже…»

«Игра, о которой никто не просил, созданная для несуществующей аудитории. В ней полно неприятных и уродливых персонажей и ненужных элементов «разнообразия, равенства, инклюзивности», таких, как гендерные местоимения, например…»

«Почему в игре так много внимания уделяется DEI (разнообразие, равенство, включенность. – *А. П.*)? Игры должны быть развлекательными, а не политическими! Если вы хотите донести политическое послание или повестку дня, просто снимите документальный фильм. Не тратьте деньги на игру, в которой персонажи выглядят как причудливые инопланетяне с местоимениями, геймерам это будет безразлично. Игра, похоже,

ориентирована на «современную аудиторию», которая, на мой взгляд, составляет очень небольшую группу «угнетаемых». Игры должны нравиться геймерам, а не малой группе. Мне жаль разработчиков, но я рад, что эта игра провалилась».

«Это первый на моей памяти героический шутер, в котором нет ни одного персонажа, за которого я хотел бы поиграть».

Логично. А вы бы хотели поиграть за жирную черную лесбиянку, толком не определившуюся с полом?

Вторая провалившаяся игра – «Даст Борн». В интервью разработчики рассказали, что идея игры возникла у них как протест против избрания Дональда Трампа президентом США в 2016 году. И они решили создать «актуальную и современную» игру с подчеркнуто разнообразным составом персонажей, который бы «отражал все современное общество».

Эта ультра-леволиберальная игра продвигалась в США как социально-значимая, политически корректная. Настоящая икона woke-повестки! И потому здесь было все еще круче, чем в «Конкорде», а результат оказался гораздо плачевнее – Dustborn в момент премьеры набрала всего 83 игрока. Почему же такой провал?

Я нашел в сети отзыв одного из этих 83 игроков и приведу его ниже. Но перед тем скажу, что если бы подобное описание игры я прочел еще лет десять тому назад, то подумал бы, что это пародия на ценности американской политкорректности. Но нет! Америка явила нам пародию как полный серьез! Интересно, что одна из рецензий на эту игру так и называлась «DEI must DIE» («DEI должна умереть»). А теперь обещанное описание игры геймером:

«Действительно, повесточка тут буквально на каждом шагу. Начнем с того, что почти вся наша команда – это гонимые «не-такие-как-все», которых пренебрежительно называют девиантами, ущемляют в правах и вообще хотят истребить. Главная героиня Пакс – чернокожая женщина, которая до этого встречалась с трансгендером-инвалидом. Ее наиболее близкая подруга – бодипозитивная полуиндианка-полумусульманка с витилиго. Сестрой Пакс оказывается азиатка-инвалид, а обе девочки воспитывались двумя чернокожими лесбиянками (одна из которых точно инвалид), рулящими общиной феминисток. По ходу действия к команде также присоединяется робот, который сперва был «он», потом осознал себя как «она», а затем задумался о своей гендерной идентичности и стал they/them. Ну и как-то так случайно получилось, что почти все белые мужчины-NPC преимущественно являются врагами – бандитами или полицейскими, которых герои открыто называют фашистами и

свиньями… Без политики тоже не обошлось… посыл уж какой-то совсем топорный. Особенно когда тебе в двадцатый раз говорят, какой в Америке фашистский режим, угнетающий меньшинства. В других играх Тёрнквиста нечто подобное тоже было, но Dustborn – это его «повесточный» магнум опус».

Еще более прекрасный провал произошел с легендарной компаний «Харлей-Дэвидсон», выпускающей, как мы все знаем, мотоциклы для брутальных мужиков с пивными животами. (И животы я тут упомянул отнюдь не в качестве прославления бодипозитива, а исключительно в качестве рекламы пивной отрыжки, выдающей настоящего самца, затянутого в кожу, каковая, опять-таки ничуть не намекает на бар «Голубая устрица», а напрямую отсылает нас к американским суровым байкерам и российским православным мотоциклистам.)

В общем, это была изначально глупая идея со стороны компании Harley-Davidson – начать продвигать сюсюкающие ценности DEI. Но всеамериканская мода на розовые глупости захватила мотоциклетную компанию, и они решили, что на этой почве можно срубить деньжат по-легкому. Компания развернула левацкую гармонь во всю тельняшку, но что-то пошло не так. Продажи мотоциклов упали, и компаньонам пришлось срочно отказываться назад. В результате, 19 августа 2024 года Harley-Davidson объявила, что сворачивает программы по обеспечению представленности национальных меньшинств, равноправия и инклюзивности. Больше того, компания заявила, что она отказывается от сотрудничества с организациями, пропагандирующими нетрадиционные ценности, перестает спонсировать ЛГБТ-фестивали и сотрудничать с Human Rights Campaign, которая выступает за защиту прав сексуальных меньшинств. Вот так прямо и открестились: «Мы не пользуемся программой DEI с апреля 2024 года. У нас больше нет квот на наем персонала, и у нас больше нет целевого бюджета на обеспечение разнообразия поставщиков».

Причина?

Негативная реакция рынка, то есть людей, которых от вокизма уже воротит. И это искренне радует.

Не меньше радует, что Harley-Davidson – не первая американская компания, которая отказалась от принципов DEI. Ранее так поступили Microsoft, Ford, машиностроительная компания John Deere, ритейлер сельскохозяйственных товаров Tractor Supply, компания розничной торговли строительными товарами Lowes, пивоваренные компании Molson Coors и Budweiser, компания по производству виски Jack Daniel’s и некоторые другие. Все эти компании объявили о сворачивании

кампании (пардон за сходство с тавтологией) по продвижению равенства, разнообразия и долбаной инклюзивности, а также закрытии финансирования ЛГБТ-фестивалей, потому что их прибыли из-за указанных действий упали: оказалось, политическим жестам потребители предпочитают качество продуктов.

«Форд» вообще заявил, что больше не будет использовать никаких квот при приеме на работу. Генеральный директор компании Джим Фарли сообщил, что «Форд» принял решение «прекратить участие во всех внешних культурных опросах, таких как Индекс корпоративного равенства Кампании по правам человека».

То же самое произошло с компанией «Будвайзер». Они в своей рекламе пива додумались снять трансгендера и… продажи обвалились. Перепуганная компания принесла потребителям извинения, а прогрессивный вице-президент, который все это придумал, был уволен пинком под накачанный зад.

Но самое прекрасное во всем этом то, что Верховный суд США признал «положительную дискриминацию» белых неконституционной.

Если это начало, то это хорошее начало!

Однако самым для меня впечатляющим событием подобного плана был удивительный поворот в Аргентине, которая после почти столетия социалистических экспериментов повернулась вдруг лицом к здравому смыслу и выбрала в президенты право-либерального экономиста Хавьера Милея. Будучи под впечатлением, я даже съездил в Аргентину по такому случаю. Интересная страна с бандитскими профсоюзами, которые еще ждут своей деконструкции…

Должен вам сказать, что не меньшим потрясением для меня был не только выбор народом Аргентины Хавьера Милея, но и тот факт, что менее, чем за год, ему удалось уговорить на либеральные реформы левацкий парламент страны. Не знаю, как там в Латинской Америке и во всем мире сложится дальше, боюсь сглазить, но такие всполохи адекватности внушают надежды.

О разумном невмешательстве и роевом интеллекте

Главный тезис этой книги состоит в том, что всякое разумное вмешательство в сложную систему к добру не приводит. Откуда же тогда упование на искусственный интеллект, которому мы передадим эстафету разума? И будет ли такой разум все-таки обладать сознанием?

Вопрос про сознание – очень непростой, в отличие от первого утверждения в данной тираде, которое элементарно. Поэтому начнем с легонького.

Существует знаменитая австрийская экономическая школа, которую представляют Ротбард, Хайек, Мизес и другие великаны, написавшие отличные книги про экономическую свободу, ни одну из которых я не читал, но всей молодежи настоятельно рекомендую. Я их не читал, потому что и так знаю о необходимости экономической свободы и токсине социализма. А молодежи рекомендую, поскольку нельзя же рекомендовать только себя! Скромность – мое второе имя… И вот недавно совершенно случайно я услышал в Ютубе, как один из пользователей процитировал Хайека. Смысл цитаты состоял в том, что никакое управление экономикой не заменит экономической свободы, потому что мы не знаем и принципиально не можем предсказать, какие именно новинки выбросит на рынок человеческая изобретательность и что будет востребовано непредсказуемыми людьми. Я даже огорчился слегка. Какой удар со стороны классика! Ведь, по сути, это именно тот тезис, что я продвигаю в данной книге, только чуть по-другому формулирую.

В сотый раз повторю: природа шире разума. Разум лишь один из инструментов эволюции. Он просто катализатор процессов. И не нужно его абсолютизировать, полагая, что он – вершина эволюции. Неуниверсальность разума видна на следующих примерах…

Возьмем несколько вещей – скотоводство, аграрные технологии, технические сооружения, мосты, транспортная логистика. Все это – составные части цивилизации. И потому все они представляются нам порождением именно разума. Более того, на основании овладения сельскохозяйственными технологиями, антропологи и философы делают далеко идущие выводы о том, что «неолитическая революция расширила горизонты человеческого планирования». Мол, раньше человек

был прост – что нашел, то и съел. А тут нужно планировать свои действия и их результат на полгода – год вперед, весной сеять, летом обрабатывать, осенью собирать, запасать на зиму, оставлять семена на весенний сев, а не всё зимой сжирать. Вон как расширились прогностические способности хомо сапиенс!

Но слепая и глупая безмозглая природа изобрела все вышеперечисленное без всякого разума. Скотоводство и аграрность есть у муравьев, у которых мозг – меньше макового зернышка. Муравьи пасут и доят тлей, строят для них убежища, а на зиму загоняют в муравейник. Муравьи выращивают грибы. Причем они занимаются сельским хозяйством в самом прямом смысле этого слова – сеют на определенную глубину, удобряют посевы специально приносимой снаружи листвой, которую сначала ферментируют, собирают урожай и сохраняют его в специальных вентилируемых камерах. Они вывели особую породу грибов (как мы селекционировали культурные растения), каковые грибы нигде больше в природе, кроме муравейников не растут. А когда новое семейство муравьев вместе с молодой королевой-самкой отделяется и уходит на иное место жительства из старого муравейника, они уносят с собой споры этих грибов, без которых на новом месте просто погибли бы, ибо питаются только ими.

Муравьи занимаются сельским хозяйством уже 50 миллионов лет (мы – 10 тысяч), причем они здорово эволюционировали за последние 20 миллионов – теперь их грибные плантации не в пример совершеннее и обширнее, чем это было 20 миллионов лет назад. Грибы и муравьи живут в симбиотическом единстве. Как и мы с вами живем в симбиотическом единстве с домашним скотом и домашними растениями, без которых нам кирдык, а также в симбиотическом единстве с микробиомом нашего кишечника, без которого нам тоже кирдык. С двух сторон обложили нелюди!

А еще муравьи умеют делать мосты… А термиты вообще охренели, они наблатыкались строить работающие технические аппараты! Вы наверняка на картинках видели термитник – такое высокое сооружение из щепок, глины и песка, скрепленных слюной. Многие думают, что термиты в термитниках и живут. Нет. Термиты живут под землей. А термитник представляет собой охладитель, этакую трубу-градирню или охладительную башню, которая в жарком пустынном климате позволяет сохранить в подземных ходах и камерах термитов прохладу, пригодную для их жизни.

Если бы инженеру надо было спроектировать такой охладитель, он бы сделал это без труда, если бы, конечно, имел соответствующий диплом. Но термиты сделали это не только без диплома, но и без особых мозгов. Вернее, не термиты, а

эволюция.

Но у термитов и муравьев хотя бы есть мозг и нервная система. А вот у слизевиков нет ни мозга, ни нервной системы, а «разумное» поведение и память почему-то есть, они решают задачи и помнят ответы. Два слова об этих странных созданиях…

Слизевики – это очень странные гибридные существа, произошедшие от разных биологических таксонов. Про слизевиков в Википедии честно написано, что их «классификация еще окончательно не разработана». Слизевик – это не растение, не животное, и не гриб, хотя размножается спорами. Представляет собой клеточную слизь из одной огромной многоядерной клетки, видимой невооруженным глазом, или группы таких клеток. Размером слизевик может быть с монету. Ползает, как амеба. Эксперименты, проведенные со слизевиками, показывают, что они успешно решают инженерно-логистические задачи. Например, находят быстро выход из лабиринта. А слизевики, которых поселили на карте Японии, прямо в Токио, предварительно положив в окружающие города вкусное питание, своим плазмодием воспроизвели на этой карте схему железных дорог региона, верно определив таким образом оптимальные пути между разными пунктами. А это непростая комбинаторная задача, которую решают проектировщики железных дорог, поскольку соединение каждого городка с каждым – это, конечно, для пассажиров очень удобно, но слишком расточительно для железнодорожников. Нужен компромисс. И безмозглая слизь его находит без компьютера. Но слизь нас не очень интересует, она тут просто для примера изобретательности природы, а вот совокупный интеллект муравьев – штука, которая нуждается в нашем внимании.

Один из мирмекологов, Генрик де Файн Лихт произнес по поводу муравьиной жизни весьма характерную фразу: «можно подумать, что королева, кормилицы, рабочие муравьи, личинки и грибы все соединены в одну интерактивную сеть». Точно! И не «можно подумать», а именно так! Про создания, которые живут колониями, говорят, что у них есть роевой интеллект, то есть нечто такое, что не сводится к одному муравьишке, а является свойством сообщества в целом. Суть в том, что единицы роя обмениваются друг с другом информацией и потому могут осуществлять сложную совместную деятельность.

Наш с вами разум, по сути, тот же роевой интеллект, основанный на нейронах, каждый из которых представляет собой отдельное живое существо. И эти живые клетки, которые кушают и какают, обмениваются друг с другом информацией с помощью кабелей аксонов и контактных площадок синапсов. Все это

функционирующее вместе клеточное единство (в которое нужно включить и клетки тела, поскольку они питают мозг кислородом, едой и информацией) мы и называем разумным созданием. При этом ни одна из клеток мозга не является самостоятельно мыслящей. Но каким-то образом все это нагромождение умудряется думать, разуметь и вдобавок обладать сознанием.

И ничего ненаучного нет в предположении о том, что какой-то формой отражения реальности (сознанием) может обладать и муравейник в целом. Почему нет, если сознанием обладает совокупность клеток мозга? При этом, как вы наверняка заметили, я развожу по разные стороны ринга интеллект (разум) и сознание, отсюда и слово «вдобавок» в конце предыдущего абзаца.

Компьютер, обыгрывающий Каспарова в шахматы, безусловно занимается интеллектуальной работой, но сознанием он при этом не обладает, поскольку действует по заранее прописанным алгоритмам, ничего от себя не добавляя. Это просто электронный арифмометр. У компьютера, даже сверхсложного, нет никакого отражения реальности потому, что он критически не взаимодействует с окружающей средой, то есть не борется за выживание, ему на себя вообще наплевать. По-видимому, именно погружение в среду с активными попытками сохранить свою выделенность из среды и рождает феномен активного отражения, то есть сознание.

И если роевым интеллектом обладает рой обменивающихся информацией муравьев, взаимодействующих со средой… если таковым интеллектом обладает скопище нейронов, обменивающихся информацией и включенное в среду через тело… то почему роевым интеллектом не может обладать социум в целом? Он ведь тоже состоит из отдельных живых организмов, которые активно обмениваются информацией и включены с среду – техносферу и биосферу. Этот самый роевой интеллект принадлежит не отдельному Вождю, Папе, Отцу нации или Партии. Он принадлежит всей общности в целом, как мышление принадлежит всему мозгу во всей его демократической совокупности. И не надо его угнетать, навязывая «раковые» предпочтения группы отдельных клеток целому, всему организму.

В роевом интеллекте нет ничего таинственного, под ним в науке понимают всего-навсего коллективное поведение. Такое согласованное когерентное поведение наблюдается в скопищах молекул, клеток, рыб, нейронов, людей. Роевой интеллект может решать более сложные задачи, чем его отдельные члены. Этот принцип давно взяли на вооружение в робототехнике.

Так вот, когерентность может спасти рой (чаще), а может его

убить (реже). Ошибки роевого интеллекта природе известны. Муравьи иногда начинают ходить по кругу, пока не умрут от истощения, поэтому такие хороводы мирмекологи называют кругами смерти (один из естествоиспытателей однажды наблюдал такой смертельный круг из миллионов муравьев диаметром в 365 метров!). Мы знаем, как может быть опасна толпа для отдельного человека. А история учит нас, какие ужасы претерпевали страны, поддавшиеся какой-нибудь «роевой идеологии». Но в целом социальное поведение эволюционно выгодно, иначе его бы просто не было.

Что же касается передачи эстафеты разума Искусственному интеллекту, о чем шла речь в книге, могу только повторить свой ответ, данный ранее: нужный нам для передачи эстафеты ИИ совершенно не будет похож на сегодняшние «мертвые» суперкомпьютеры и даже нейросети, его нужно будет включить в среду настолько же глубоко, насколько глубоко зависим от нее мы. Кроме того, пока даже сами принципы функционирования такого ИИ не вполне ясны. Возможно, здесь потребуется иная физика и более фундаментальное понимание феномена сознания.

Чего хотят левые в Америке

Они хотят не только регулировать цены, но и кое-чего еще…

Есть такой сенатор-левачок в Америке – Берни Сандерс, который в 2016 году был одним из двух главных претендентов на роль кандидата в президенты от демократической партии США. В орбите Сандерса роятся и кружатся всевозможные левые. И вот иногда по пьяни, сидя в баре, они откровенничают, а их откровения люди записывают, выкладывают в сеть или сливают репортерам. Именно так высказывания одного из сотрудников выборной кампании Берни Сандерса по имени Кайл Юрек стали достоянием гласности. Он заявил, что сталинский ГУЛАГ – это не так уж плохо, и что после возможной победы Сандерса на выборах, республиканцев и богачей нужно будет перевоспитывать в трудовых лагерях.

Другой сотрудник Сандерса – Мартин Вейсгербер, которого записали на скрытую камеру, разоткровенничался в ту же степь: «Я в Твиттере слежу за многочисленными группами по всей стране, которые готовы организовать протесты. Я готов начать рвать кирпичи и драться. Я, братан, сразу же вооружусь. Хочу научиться стрелять и тренироваться. Я готов к революции, брат. Я же тебе говорю: гильотина для богачей».

И еще одно его откровение: «Мы просто распустим Сенат, Палату представителей, судебную ветвь власти. Пусть кто-то вроде Берни Сандерса и его людей принимает все решения, в том числе по климату и борьбе с глобальным потеплением. Я серьезно… Мы отправим всех республиканцев в лагеря перевоспитания. Ты можешь себе представить там Митча Макконнелла? Линдси Грэм?.. Советские ГУЛАГи создавались как лагеря перевоспитания. Люди приехали из Америки, чтобы работать на Беломорканале, советском проекте, для коммунистического проекта. Это была прекрасная вещь. Я недавно узнал про это, когда я начал изучать Советский Союз. Советский Союз не был ужасен… Там были права у женщин. Советский Союз, я думаю, было самое прогрессивное место в современном в мире… Вероятно, нам придется сделать то же самое здесь. [Самый лучший] способ сломать миллиардеров и их привилегии, их идеи – пойти и разбить камнями все их имущество в течение 12 часов. Тогда он станет работягой, и ему предстоит узнать, что это значит. Кто еще так думает? Нас таких много в компании Берни Сандерса…»

Абсолютная истина и постправда

В этой книге я пару раз упомянул уважаемую госпожу Черниговскую, которая любит покопаться в мозгах. Пусть тешится! Пусть читает лекции, занимается просвещением народа, задается хитрыми вопросами. Я на некоторые из них тут уже отвечал. Сейчас отвечу еще на один. Звучит этот хитрый вопрос следующим образом:

«Как в эпоху развитого искусственного интеллекта, когда нейросети могут сделать любое видео, отличить правду от неправды? Как не утонуть во лжи?»

Мой ответ краток:

Не надо ничего отличать. Не хочешь тонуть, просто не лезь в воду.

И аналогичный совет я бы дал находящимся в вечной депрессии западным «снежинкам», которые, в отсутствие реальных проблем, тоскливо маются, пытаясь разобраться в собственном поле – мужской он, женский, средний или табуретка? Ах, как нам в таком сложном мире определить собственную идентичность?!

Действительно, как определить? Не в трусы же себе заглядывать! Нужно непременно в душе покопаться, порефлексировать на эту тему, возвести очи долу, пострадать немножко на ровном месте, раз уж других ухабов в жизни нет…

Мой психотерапевтический рецепт для таких неопределившихся прост: отбросить вопрос идентичности за ненадобностью. Не стоит шевелить умственными шестеренками в попытках ответить на ненужный вопрос. Отказ от идентичности – любого типа! – сразу снимает все проблемы поиска идентичности. Зачем вам искать, к какому бы национальному или гендерному коллективу примкнуть? Будьте индивидуальным собой. Сам этот вопрос – «кто я?» – уже уводит вас от себя, отдавая другим.

Только выброс мусора из головы даст вам внутреннюю свободу и независимость от навязываемых обществом или придуманным вами самими идентификаций!

Это гениально, я считаю.

И вот теперь, осиянные этим откровением, переходим к основному вопросу – об Истинной Правде, и как ее отличить от Лжи Проклятущей …

Люди с хорошими лицами очень беспокоятся, сам концепт постправды их возмущает: что значит «нет единой правды на всех» и «у каждого она своя»? А как же мораль? Как это так – «есть только точки зрения»? Это что же получается – аморальный

Сталин (Гитлер, Пиночет, далее везде) был прав что ли?.. С другой стороны, ни от кого я не слышал столько раз слово «правда», как от военных и политических пропагандистов.

Им очень хочется Истинности. Это так удобно, когда есть нечто Абсолютное, какой-то твердый Отец или Многоуважаемый Шкаф, на который можно опереться слабому ребенку и искать защиты в его тени. Но физика сто лет назад устами сначала Эйнштейна, а потом Гейзенберга и Гёделя наглядно показала: все относительно и неопределенно. Потом то же самое подтвердила экономика: золото – вовсе не универсальная мера всех вещей, а такой же товар. Ну а потом и философия подтянулась, объяснив, что сама Ее величество Наука не ищет истин, а всего лишь строит модели, весьма ограниченные и часто вре2менные. А Истина и Правда – религиозные категории.

Проблемы возникают тогда, когда люди начинают докапываться до других людей, с пеной у рта пытаясь донести до них свою личную истину, выдавая ее за Самую Настоящую Правду имени Черниговской. Вот тогда льются кровь и слезы.

«Я стараюсь быть объективным», – часто говорят журналисты и интеллигенты, ищущие правды.

А я их жалею. Как они, будучи субъектами, могут не быть субъективными? А если вам, дорогой читатель, нужна объективная точка зрения, ищите ее у какого-нибудь объекта, например, поговорите с табуреткой. Тут все просто – либо ты мыслишь и потому от природы субъективен, либо не мыслишь и потому никаких представлений о мире не имеешь, представляя собой неодушевленный предмет. Объекты не выносят оценок об истинности и ложности суждений. А субъекты выносят – каждый свою, и они могут совпадать, а могут не совпадать.

Однако самое кошмарное случается, когда чиновник, уверившийся в том, что за ним стоит Правда, пользуясь своей властью начинает внедрять свое понимание правды в других.

Помните ковид? Помните трусливого миллиардерчика Цукерберга, который, по его собственному признанию, поддавшись давлению властей, начал цензурировать альтернативные точки зрения, сводя все к одной, «самой правильной». Десятки эпидемиологов подписывали коллективные письма о том, что принятая стратегия борьбы с этой болезнью ошибочна и вредит больше, чем приносит пользы. Но чиновничество, не обладавшее нужными компетенциями, просто приняло сторону одной научной группы, «отменив» другую точку зрения как «неправильную» и даже «вредную», после чего надавило на Цукерберга, и тот начал яростно цензурировать все, не совпадающее с линией партии. Даже в России со свободой

слова в этом смысле было лучше – у нас в прессе открыто звучали голоса против ковидного мейнстрима, что удивительно.

В СССР тоже когда-то партийные чиновники, не будучи специалистами, приняли точку зрения одной научной группы против другой. И уничтожили генетику и кибернетику. Не забудем, не простим…

Поэтому так важна свобода слова, то есть свобода информационных потоков! Это – база, на которой стоят и развиваются все сложные системы. Философ Назаретян как-то дал великолепное определение этому понятию: «Свобода слова – это свобода безнаказанно говорить ложь». Вот это нам и надо! Потому как то, что для одного ложь, для другого правда, за которую он готов умереть. А поскольку в условиях демографической дефицитности вовсе не нужно, чтобы кто-то умирал, то пусть и не умирает. Пусть каждый спокойно живет со своей правдой в своем пузыре реальности и просто ходит на работу. Тем же, у кого бомбит от неудовлетворенного мессианства, могу дать психотерапевтический совет: не старайтесь так уж донести свою ложь / правду / точку зрения до остальных, потому что всем на вашу точку зрения наплевать. Когда вы это поймете, вас постепенно отпустит.

А если дело касается общественного устройства? Ведь коммунисты хотят переустроить мир под свои хотелки!

Пусть хотят. Хотеть – бесплатно. Пусть даже пропагандируют. Свобода слова же! Но как только они начнут в реальности отнимать чужую собственность, вступает в действие обычный уголовный кодекс, который карает за отъем имущества по самым разным статьям – от тайной кражи до открытого грабежа. А может и вообще до суда не дойти, поскольку каждый гражданин должен быть вооружен и иметь право защищать себя и свое имущество, не взирая на идеологию грабителя. Хороший преступник – мертвый преступник.

Коротко о панспермии

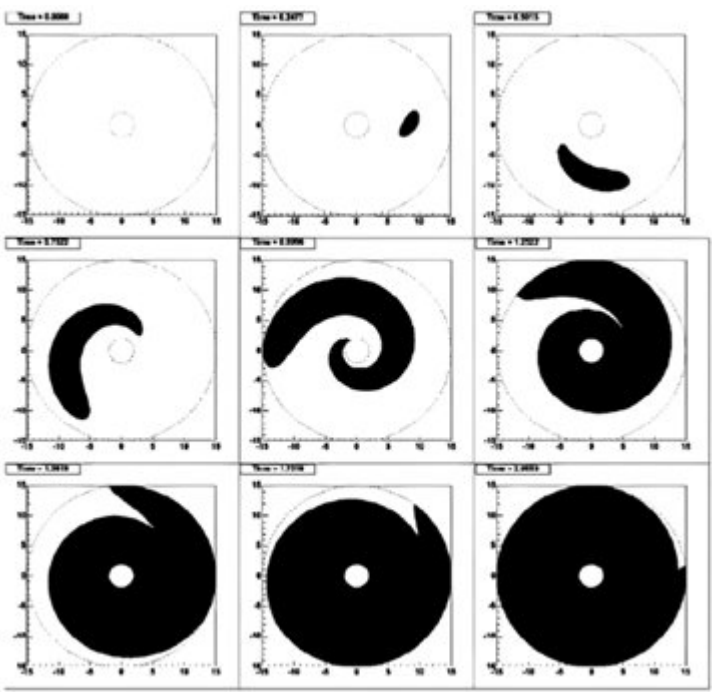
Да. Надо сказать и об этом. Потому что многими слова о засеве чуждой органикой иных планет воспринимаются как сказка. Но расчеты показывают, что дело это не столь уж невозможное.

Поэтому я на свой страх и риск просто приведу небольшой отрывок из статьи Панова о панспермии. Математику приводить не буду, естественно, она сложна, и частокол интегралов может выколоть читателю глаза, поэтому обойдемся без формул, но зато посмотрим на картинку:

«…очень краткий добиологический период существования Земли может в действительности означать возможность процесса межзвездной панспермии жизни и длительную предбиологическую эволюцию на других планетах земного типа, но не на Земле… продукты предбиологической химической эволюции должны быть менее чувствительны к трудностям космического путешествия (жесткое излучение, холод и вакуум), чем любые биологические системы. Вопрос состоит в том, каков характерный масштаб времени разноса инфекции по Галактике.

Основным источником инфицирования космоса, по предположению, является порода, выбиваемая время от времени с поверхности планеты, на которой протекает предбиологическая (или биологическая) эволюция, сильными метеоритными ударами. Так как планета вместе со своей звездой движется с характерной пекулярной скоростью около 30 км/с относительно других звезд, то именно это и будет характерной скоростью переноса продуктов панспермии. Основным механизмом переноса жизни или предбиологических продуктов на большие расстояния оказывается не перенос на осколках породы в космическом пространстве, а перенос вместе со звездой – источником панспермии. Используем аналогию. Преджизнь (или жизнь) путешествует на звезде как блоха на собаке. Если собака с блохами пробегает мимо другой собаки, то некоторые блохи могут успеть перепрыгнуть на встретившуюся собаку, и она будет заражена. Если звезда-носительница инфекции пролетит не слишком далеко (порядка парсека) от другой звезды, то эта последняя может быть заражена уже непосредственно через космос. Продолжая аналогию, можно отметить, что если мы имеем местность, населенную беспорядочно бегающими собаками, то скорость распространения блох в такой ситуации будет определяться не скоростью передвижения блох, а скоростью передвижения собак… И распространение инфекции будет иметь

не характер диффузии, а характер волны, распространяющейся с постоянной скоростью. Аналогично, скорость переноса зараженного вещества между звездами не играет решающей роли и может быть как существенно меньше, так и больше пекулярной скорости звезд. При расчете процесса панспермии можно предполагать, что каждая точка, которой уже достигла волна панспермии, сама становится источником новой сферически-симметричной волны панспермии, распространяющейся со скоростью около 30 км/с. То есть, мы получаем автоволновой процесс (а не процесс диффузии, как можно подумать вначале), для моделирования которого можно использовать принцип Гюйгенса в чистом виде. Разумеется, модель содержит много упрощений. Так, например, характерные пекулярные скорости звезд могут быть разными на разных расстояниях от центра Галактики, и т. д. Но для грубой оценки масштабов времени модель пригодна.



Численная модель распространения волны панспермии в Галактике. Время на рисунках указано в галактических годах, расстояние по осям координат в килопарсеках. Считается, что область галактического ядра непригодна для предбиологической эволюции, расчет проведен для звезды – источника инфекции, находящейся на таком же расстоянии от центра Галактики, как Солнце.

Панов А. Д. Эволюция и проблема SETI. – Москва: НИИЯФ

МГУ.

На рисунке выше показаны результаты численного моделирования распространения волны панспермии в Галактике, выполненные в описанных выше предположениях. Из рисунка видно, что за два галактических года процесс практически завершен, а 70 % объема Галактики заселяются примерно за 300 миллионов лет. Хорошо видно определяющее значение дифференциального вращения галактического диска в процессе распространения волны.

В заключение заметим, что описанный выше механизм самосогласования предбиологической эволюции может быть только частью реально действующего механизма. Хорошо известно, что синтез сложных органических соединений может происходить не только на поверхности планет, но и в космосе, в молекулярнопылевых облаках. Не вызывает сомнений, что химические процессы в водном растворе при нормальной температуре протекают гораздо быстрее, чем в условиях космоса, но и масса эволюционирующего вещества (H, C, N, O), заключенная в молекулярных облаках, по-видимому, на порядки величин превосходит массу органического вещества на поверхности всех планет Галактики, вместе взятых. В случае планет имеются как бы единичные быстрые химические процессоры, а в космосе имеется много более медленный, но многократно распараллеленный процессор. Поэтому предбиологическая эволюция в космическом пространстве может оказаться в каких-то отношениях не менее эффективной, чем на поверхности планет. Реальная предбиологическая эволюция может быть результатом сложного взаимодействия и конкуренции процессов, происходящих в открытом космосе и на планетах. В гигантском космическом резервуаре Галактики за счет очень широкого фронта эволюции могут появляться какие-то важные или уникальные соединения, которые просто не успевают «свариться» на планетах. Звездным ветром или кометами эти молекулы разносятся по всей Галактике, поэтому предбиологическая эволюция в молекулярных облаках автоматически будет самосогласованной. Продукты космической предбиологической эволюции высеваются на поверхность планет, где они включаются в местную предбиологическую эволюцию. Иногда сочетание пришельцев с местной химией оказывается особенно удачным, и эволюция делает шаг вперед. Продукты этой эволюции выбиваются с поверхности удачливой планеты в космос крупными метеоритами, и описанный выше механизм предбиологической панспермии разносит его по всей Галактике,

ведя к согласованному продвижению эволюции вперед. И так до тех пор, пока Галактика как единое целое не совершит переход в эру жизни. Таким образом, механизм галактического самосогласования может иметь двойную, планетарно-космическую, природу».

Почему молчит космос

А кто сказал, что он молчит? И не потому ли нас так пугает это молчание, известное как парадокс Ферми, что намекает на принципиальную непреодолимость Кризиса кризисов?.. Но дело в том, что сама по себе задача обнаружения сигнализирующих нам братьев по разуму весьма нетривиальна, как отмечает тот же автор:

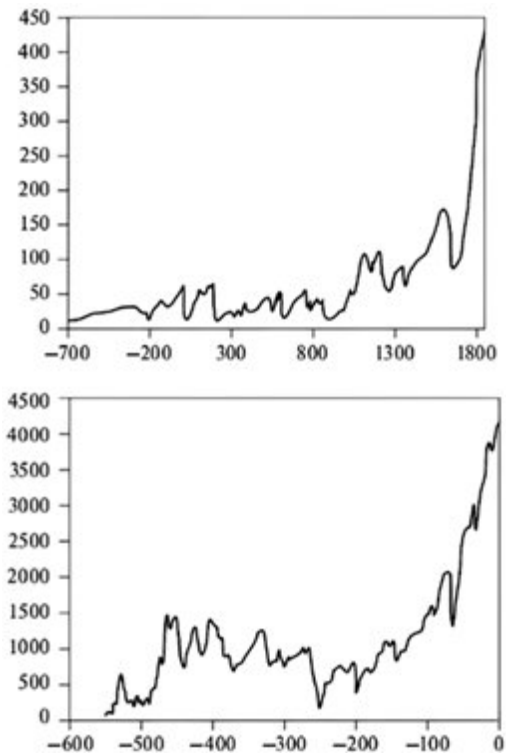
«Для того, чтобы с гарантией обнаружить партнера по контакту, нужно достаточно продолжительное время держать под постоянным мониторингом на всех разумных частотах и во всех физических типах каналов (радио, оптические) все подозрительные звезды внутри сферы радиусом 2000 св. лет. Так как плотность звездного населения в окрестностях Солнца составляет около одной звезды на 8 кубических парсек, то такая сфера содержит порядка 10^8 звезд. Даже если считать, что лишь одна из 100 звезд является подозрительной, то это означает необходимость непрерывного мониторинга 10^6 звезд. Это задача, требующая колоссальных ресурсов. Нетрудно показать, что даже в максимуме фазового пика, когда в Галактике имеется 125 000 цивилизаций, должен осуществляться мониторинг примерно $5 \cdot 10^4$ звезд. А у нас в настоящее время речь идет лишь об эпизодических наблюдениях в лучшем случае нескольких десятков звезд на немногих радиочастотах. Что же удивляться, что мы никого пока не видим?»

Что такое несущая способность кривой

Действительно, я несколько раз использовал в книге это выражение и потому решил прояснить, что здесь имеется в виду. Начну, пожалуй, вот с чего…

На одной из научных конференции по Универсальной истории, которую организовал А. Назаретян, встретились два докладчика – уже знакомый нам палеонтолог Марков, а фамилию второго я подзабыл. Кажется, это был Андрей Коротаев, известный исследователь мир-системных процессов. Первый продемонстрировал график роста морской биоты в фанерозое, второй – динамику роста народонаселения в историческом Китае. Графики были довольно похожими, и оба исследователя, развеселившись, даже решили написать по этому поводу совместную работу. И написали, а кто запретит?

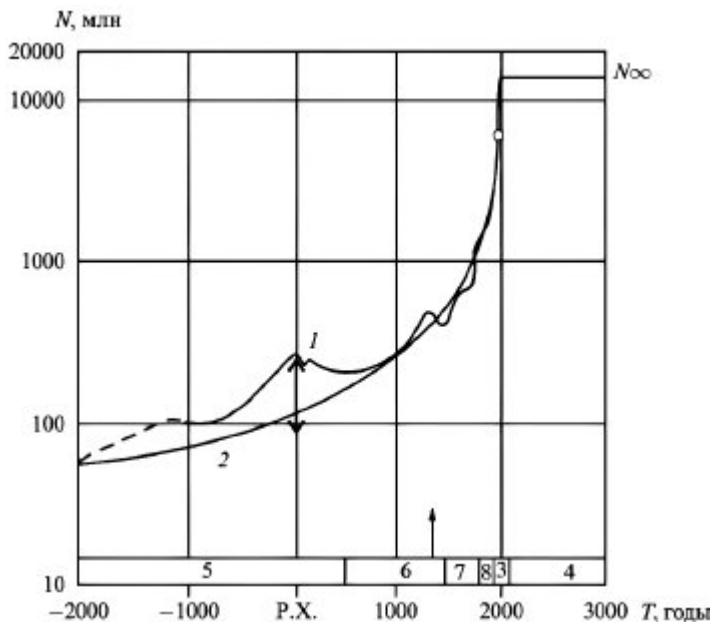
Вот эти графики:



Удивляться визуальному сходству графиков не стоит, поскольку закономерностям эволюции плевать не только на расы, религии и культуры, но и на различие видов. Но я хочу обратить

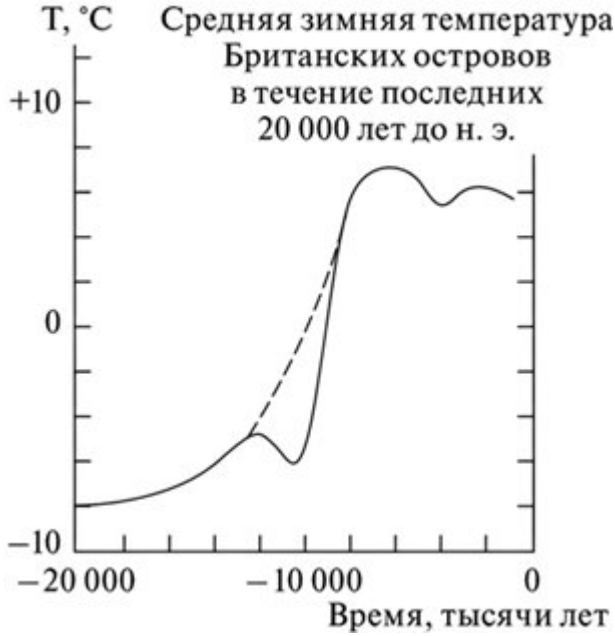
ваше внимание вот на что… Как видите, в конце кривых намечается прямо-таки ракетный тренд на взлет показателя – численность начинает расти очень быстро. И даже если по каким-то катастрофическим причинам численность китайцев или фанерозойской биоты на этом тренде вдруг падает, после провала она начинает расти дальше не со скоростью тренда, а быстрее, наверстывая упущенное и возвращаясь в русло тренда так, словно бы никакой локальной катастрофы и не было.

Ниже показан график роста населения, взятый из одной книг Капицы. Цифрой 1 обозначена реальная численность населения, цифрой 2 – теоретическая кривая, описываемая формулой гиперболического роста. Стрелочка внизу показывает нам на небольшой чумной провал численности. Обратите внимание, что после этого провала население опять-таки росло ускоренно, словно стараясь как можно быстрее и лучше лечь обратно на теоретическую кривую.



Еще один любопытный график. Это выход из ледниковья. Провал температуры в районе «–10000» вызван крупным извержением, если мне память не изменяет, но причины падения нам сейчас не важны. Нам важно, что после провала температура не поползла снова вверх со скоростью тренда (показан пунктиром) параллельно пунктиру, а просто догнала его. Вот это я и называю несущей способностью кривой. О чем это говорит? О фундаментальности процесса. На который если что-то случайное и влияет, то великая неслучайная несущая сила эти флуктуации

потом исправляет.



Таким образом властная сила физики и математики, невзирая на наши войны, эпидемии, царей, распространение и угасание религиозных культов, дотащила нас до нашего Кризиса кризисов, до той самой Сингулярности и Великой бифуркации, в которой мы оказались сегодня. Не дотащить нас не могло. Дотащило и поставило у двери на выход. А дальше – сами. Как фишка ляжет…

notes

Примечания

1

На классическом примере Бенито Муссолини очень удобно изучать поиск Третьего пути. Вот две характерных цитаты из трудов основоположника фашизма, где он лавирует между капитализмом и коммунизмом:

«Мы не хотим, чтобы нас считали «телохранителями» буржуазии, которая <…> отличается трусостью и подлостью…»

«В экономике мы откровенные антисоциалисты. Я не жалею о том, что был социалистом, но я порвал с прошлым. Меня не мучает ностальгия. Сейчас речь идет не о приближении к социализму, а об удалении от него. <…> Хватит одного русского эксперимента».

Кстати, с такой оценкой большевистского эксперимента в экономике была согласна и Конфедерация итальянских промышленников, которая потребовала от итальянского правительства, чтобы «у руля государства могли встать сильные люди, использующие новые методы, способные подрезать крылья иллюзиям о грядущем коммунистическом рае, столь печально показавшим себя в других странах». Под другими странами они имели в виду большевиков, угробивших экономику политикой военного коммунизма, в результате чего Ленину пришлось вновь перекладывать руль в сторону капитализма и вводить НЭП, чтобы с помощью частной инициативы, которая является сутью капитализма, вытащить страну из голода и разрухи.

2

Русской идее нужна внутренняя строгость и исполнительность государства / Объясняет Readovka // Электронный ресурс: https://t.me/readovkaru/4693. – 23.10.2023.

3

Холмогоров Е. Почему семейные ценности стали главным полем боя в Третьей мировой / Readovka // Электронный ресурс: https://readovka.space/family

4

Это не литературная гипербола и не преувеличение. Из одиннадцати членов первого советского правительства, которые к 1937 году оставались в живых, десять были расстреляны Сталиным. Когда Сталин решил распустить польскую компартию, практически вся ее верхушка была вызвана в Москву и расстреляна, как была уничтожена вся верхушка германской коммунистической партии, правда, здесь Сталину активно помогал Гитлер. Интересно, что в 1989 году на IX съезде Социалистической единой партии Германии было официально объявлено об уничтожении в СССР во время Великой чистки 242 видных деятелей Компартии Германии.

Аналогичным образом коммунист Сталин перестрелял и членов компартий Венгрии, Болгарии, Австрии, Финляндии, Литвы, Латвии, Эстонии, Югославии. Компартия Югославии, кстати, Сталиным тоже была предварительно распущена, как и польская, причем среди сотен расстрелянных югославских коммунистов Сталин пустил в расход и четырех генсеков партии, занимавших этот пост в разное время. Из всего руководства Югославской компартии уцелел один Тито.

Всего в коммунистическом СССР времен коммуниста Сталина было уничтожено больше коммунистов из восточно-европейских стран, чем их погибло у себя на родине во время гитлеровской оккупации.

5

В качестве лишь одного примера из множества других приведу описание колониального Папуа – Новой Гвинеи. Первая цитата из полевого дневника антрополога, работавшего там в 1939 году:

«Мы были сейчас в самом сердце долины Лай, одной из прекраснейших в Новой Гвинее, если не во всем мире. Повсюду прекрасно устроенные садовые участки, где растет сладкий картофель… Ровные удобные дороги пересекают местность, рощицы усеивают ландшафт, напоминающий огромный ботанический сад».

Вторая цитата – из дневника антрополога 2004 года о том же самом месте:

«Долина Лай практически заброшена… рай для птиц, змей и крыс. Дома сожжены дотла, посадки сладкого картофеля заросли сорняками, от деревьев остались пни. В лесах бушуют войны, уносящие множество жизней: местные «рэмбо» вооружены пистолетами и мощными винтовками».

6

Цитирование по книге «Ликбез по экономике: без иллюзий о работе общества и государства».

7

Вообще говоря, история знает еще одну небольшую попытку построить по умозрительному проекту неестественное общество, противоречащее той обезьяне, которая сидит внутри нас. Но о ней подробно рассказано в моей книге «Ликбез по экономике: без иллюзий о работе общества и государства», а здесь мы на данной попытке останавливаться не будем в силу ее случайности и незначительности. Иными словами, фашизм был не третьим, а вторым неестественным путем построения проектного социума после коммунизма. Коммунистам не нравился проект эволюционный (который мы привыкли называть капитализмом), фашистам не нравилось ни то, ни другое.

8

Энгас Мэддисон. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг.; Elio Lo Cascio, Paolo Malanima. Ancient and Pre-Modern Economies. GDP in the Roman Empire and Early Modern Europe. 2011.

9

Многие по инерции привыкли думать, будто на Ближнем востоке, в Индии или Китае очень высокая рождаемость. Но по данным за 2023 год в Индии, например, уровень рождаемости составляет 2,14 ребенка на одну женщину, что лишь чуть-чуть превышает уровень простого воспроизводства населения (2,1 р/ж), и рождаемость там падает, за год упала почти на 1 %. Китай демонстрирует показатель в 1,7; Иран – 1,5; Ирак – 3,2; Египет – 2,6; Пакистан – 3,5; Афганистан – 4,5. И если вам кажется, что 4,5 – это много, стоит учесть скорость обвала рождаемости в современном мире: еще в 90-х годах прошлого века рождаемость в Афганистане показывала уверенные восемь детей на одну женщину. Процесс демографического перехода стремителен по историческим меркам.

Глобальный, то есть среднемировой уровень рождаемости на планете сегодня составляет 2,4 ребенка на одну женщину. Наибольшие показатели рождаемости демонстрирует Африка (5–6 детей на женщину). Но и там стремительность падения рождаемости впечатляет – за ближайшие десятилетия рождаемость на континенте снизится до уровня простого воспроизводства.

Для сравнения: в развитых странах рождаемость колеблется в районе единицы – Украина выдает показатель в 1,2, Южная Корея – 0,9… Такими темпами скоро на планете останется один дефицитный ресурс – люди. За этот ресурс и начнется конкуренция с раздачей паспортов всем желающим переехать.

По прогнозам, пика в десять миллиардов человек население планеты достигнет к 60-м годам XX века, после чего начнет падать.

10

Экономические реформы, начатые в 1963 году шахом, который мечтал за несколько десятилетий «скакнуть из средневековья в ядерный век», привели к невероятному росту экономики. Из отсталой аграрной страны Иран стал промышленной державой, в стране появились целые отрасли, которых раньше не было – металлургия цветная и черная, автомобилестроение, машиностроение, нефтехимическая промышленность, самолетостроение, здравоохранение, были заложены основы атомной промышленности. И все это делалось не по-сталински, то есть на крови, а на основе естественного роста – в результате освобождения труда и человеческого потенциала (частной инициативы) – хотя и не без жесткой автократии. Это напоминало рост китайской экономики, шах беспощадно расстреливал бунты несогласных, как и китайское руководство на площади Тяньаньмэнь.

В Иране быстро происходило осовременивание, женщины Багдада своим поведением и внешним видом ничуть не отличались от парижанок или жительниц любой другой свободной страны. Мини-юбки, высшее образование и прочие прелести нормальной жизни не обошли их стороной. Однако рост экономики и освобождение граждан были слишком бурными и быстрыми, что всегда чревато сносом крыши, поскольку неизбежно сопровождается некоторыми социальными и ментальными перекосами. Угрюмое крестьянское народное психо не было готово к таким быстрым переменам. К тому же шах поддерживал США и Израиль, чем также были недовольны мрачные люди традиционных ценностей.

11

Социальные революции происходят не в результате резкого обнищания, роста нужды и бедствий, как ошибочно полагали марксисты, а после бурного роста экономики и резкого улучшения жизни с последующим не слишком значительным спадом, который служит триггером срыва. Срыв происходит из-за того, что опережающие надежды людей, привыкших к ежедневному улучшению жизни, приходят в трагическое противоречие с действительностью, и им кажется, что «так жить больше нельзя». Особенно сильно фрустрируют те группы населения, которые, видя всеобщее улучшение жизни, не дождались, когда оно докатится до них, как уже начался спад. В научной литературе этот социально-психологический феномен получил название «кривая Девиса», в честь американского социолога, в 1962 году обратившего внимание на данную закономерность и обосновавшего свой тезис на исторических примерах с цифрами на руках. Однако за сто лет до Джеймса Дэвиса ту же тенденцию отметил граф де Токвиль – французский министр иностранных дел, который писал, что «революции вспыхивают не тогда, когда массы живут хуже в абсолютном смысле, а тогда, когда их положение несколько улучшилось, вызвав, однако, значительный рост ожиданий».

12

Сегодня формула фон Фёрстера уже не работает, область ее определения – от начала нашей эры до примерно начала 70-х годов XX века, когда процесс взрывного роста начал активно тормозиться, постепенно переходя на плато.

Вообще, перенесение методов физики в другие науки – случай не уникальный. Например, чисто физическое понятие поля было перенесено в социологию, и теперь в этой науке есть своя теория социального поля.

Синергетика. Будущее мира и России (под ред. Г. Г. Малинецкого). – Издательство: ЛКИ, 2008. С. 92–132. – Электронный ресурс: https://www. demoscope. ru/ weekly/2009/0359/analit02. php.

15

Синергетика. Будущее мира и России (под ред. Г. Г. Малинецкого). – Издательство: ЛКИ, 2008. С. 92–132. – Электронный ресурс: https://www. demoscope. ru/ weekly/2009/0359/analit02. php.

16

«Мейфлауэр» (*Mayflower*) – английское судно, на котором европейские колонисты в 1620 году пересекли Атлантический океан и основали одно из первых британских поселений в Северной Америке.

17

Подробнее о возможных контактах античного мира в лице финикийцев с Америкой можно прочесть в моей книге «Исчезнувшие цивилизации: взаимосвязь культур и парадоксы истории».

18

Неотения (*биол.*) – появление у взрослых особей какого-то биологического вида детских черт.

Кондратьев Н. Д. Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности. – Электронный ресурс: https:// www. socionauki. ru/book/files/ %D0%BArizisy_i_prognozy_2_izd/252–308p. php.

20

Аффилиация, если вдруг кто забыл, это стремление к созданию теплых, дружеских и доверительных отношений с другими членами стаи, желание поиспытывать могучее чувство братского единения, быть в окружении любящих себе подобных. На войне между солдатами и на зоне между зэками часто возникает аффилиативное, то есть чисто инстинктивное чувство фронтового (тюремного) братства. При таком эмоциональном накале можно и жизнь отдать «за други своя», это чисто животное поведение, наработанное эволюцией в виде популяциоцентрического инстинкта.

21

Если вы наберете в поисковой строке слово «синергетика», вездесущая Википедия расскажет вам, что «Синергетика – междисциплинарное направление науки, объясняющее образование и самоорганизацию сложных структур… Существует также расширенное толкование понятия «синергетика», в котором делаются попытки распространить ее область определения на любые системы, в том числе биологические, экологические, социальные и т. д. При таком подходе синергетику позиционируют как «глобальный эволюционизм» или «универсальную теорию эволюции», дающую единую основу для описания механизмов возникновения любых новаций».

А касательно Большой или Универсальной истории та же Википедия сообщает, что это «академическая дисциплина, которая изучает историю от Большого взрыва до настоящего времени. Большая история ищет универсальные закономерности или тенденции в рамках междисциплинарного подхода…»

Как видите, что в лоб, что по лбу, но в последнее время чаще употребляется термин Большая история, хотя лично мне представляется более симпатичным термин Универсальная история, поскольку это название можно понимать и как историю Универсума, то есть нашей Вселенной, и как универсальный принцип подхода к изучению эволюции живого и неживого.

Если вы хотите побольше узнать о чертах родового зверя в облике нашей цивилизации, отсылаю вас к своим книгам «Человек как животное» и «Эволюция на пальцах».

23

Вообще на примере несчастного Пинкера можно наблюдать, насколько розовая плесень политкорректности поразила некогда здоровое американское общество. Когда Пинкер цитирует первых колонистов, рассказывающих о нравах дикарей и зверствах, присущих индейцам, он делает это следующим вынужденно-извиняющимся тоном: «Хотя нам неловко читать, что европейские колонисты называют аборигенов «дикарями», и мы справедливо обвиняем их в лицемерии и расизме, такие рассказы о зверствах местного населения – не выдумка».

При чем тут расизм, не очень понятно. У них там, куда ни плюнь, везде «расизм», как у революционных чекистов везде «контра». Ну а мы политкорректностью не страдаем и потому не стесняемся называть дикарей дикарями. Что ж поделать, если они и вправду нецивилизованные и жили без унитазов и денег? Нам с такими не по пути!

Электронный ресурс: https://stat. fi/tup/suomi90/joulukuu_en. html

Нужно подчеркнуть, что механизм коллапса срабатывает только в том случае, если накопившемуся живому «рою» некуда отлететь. Если же есть пространство для выпуска демографического пара, толпы леммингов пересекают степи, кочевники ордами устремляются покорять Европу или Индию, а саранча летит, куда глаза глядят, и пожирает на своем пути все. Этот инстинктивный механизм решения проблемы перенаселения называют инвазивным, в отличие от коллапсирующего.

26

Александр Зайцев, доктор физико-математических наук из Института радиотехники и электроники РАН, который в рамках программы SETI по поиску внеземного разума вместе с коллегами отправил с Евпаторийского планетного радиолокатора три послания – в 1999, в 2001 и 2003 годах. Они назывались «Космический зов 1», «Детское послание» и «Космический зов 2», соответственно. Первое было отправлено к четырем звездам солнечного типа и содержало своеобразную энциклопедию наших представлений о себе и окружающем мире. Второе, с музыкальными фрагментами, улетело к шести звездам солнечного типа. Третье – к пяти.

27

Напомню тем, кто забыл школьный курс, что гомозиготность – это когда в организме ребенка встречаются два гена – от папы и мамы – отвечающие за один признак, например, интеллект, и при этом оба доминантных или оба рецессивных. А гетерозиготность – когда встречаются рецессивный с доминантным.

28

Для отбора и сортировки можно использовать самые разные экзотические мероприятия, такие, например, как церебральный сортинг. Этот термин придумал доктор биологических профессор Сергей Савельев. По его утверждениям, в коих у меня нет никаких оснований сомневаться, в мозгу человека площадь всевозможных зон и полей, отвечающих за разные задачи, может у разных людей отличаться в десятки раз. Задаются они от рождения. И потому высокоточный МРТ, проведенный в детстве, может с достаточной долей вероятности сразу определить, кто перед нами – музыкальный гений, простой сантехник или будущий маньяк-убийца. Гениальных людей таким образом можно отлавливать с раннего детства и тратить на их обучение общественные деньги. Но поскольку генетика – это не заданность, а предрасположенность, никто не помешает родителям неспособного к музыке ребенка учить его играть на скрипке до скрежета зубовного. Но уже на их собственные деньги. Если церебральный сортинг работает, надо брать. Если же не сработает, найдем более традиционные способы сортировки. Какие проблемы?

29

За подробностями отсылаю к своей книге «Климат, или Что рулит судьбой цивилизаций», в которой все мифы и пугалки глобального потепления, а также вопросы влияния климата на историю человечества подробно освещаются.

Ding Rui. The Qinghai-Xizang Plateau Is Turning Into a Vast Grassland, Study Finds / Sixth Tone. – 2024 // Электронный ресурс: https://www. sixthtone. com/news/1015741

31

В 2020 году в Калифорнии был принят закон о финансировании предоставления блокаторов полового созревания для детей и операций по перемене пола из бюджета штата. Не все были согласны. Например, доктор Квентин Метер, детский эндокринолог, заявил, что у детей, которых «лечат» таким калечащим образом, «серьезные проблемы с психическим здоровьем» и что в ближайшие годы штат будет привлечен к ответственности за финансирование подобного трансгендерного «лечения» проблемных и уязвимых детей, поскольку оно разрушают здоровые ткани тела, стерилизует реципиента и наносит необратимый ущерб, навсегда разрушая репродуктивную систему». Но кто же будет слушать этих правых?

В 2024 году закон еще больше либерализовали, отменив согласие родителей на кастрацию несовершеннолетних.

32

Наука, именуемая теорией хаоса, родилась в 60-е годы прошлого века, когда метеоролог Эдвард Лоренс наткнулся на странное математическое явление. У него была вычислительная машина и несложная математическая модель погоды из двенадцати дифференциальных уравнений. Однажды он решил перепроверить результат, ввел исходные значения, а когда через пару часов работы ЭВМ она выдала результат, Лоренс был поражен – результат погодного предсказания был совершенно другим, хотя уравнения он не менял. Ученый быстро нашел причину – с целью экономии времени, он ввел не шесть цифр после запятой, а всего три. То есть в первый раз он запустил процесс подсчета, введя 0,0506127, а во второй – 0,506. Разница – 0,000127 – была ничтожна, и Лоренс полагал, что конечный результат тоже будет отличаться на копейки. Ан нет, выяснилось, что в природе существуют процессы, крайне чувствительные к начальным условиям. И изменения на ничтожную долю в начальных условиях через какое-то время приводят к диаметрально противоположным результатам – от ясной погоды систему может выкинуть в грозовую бурю (фазовые графики, описывающие поведение такого рода систем, получили название странных аттракторов). Поэтому предсказать такую сложную систему, как погода, дольше, чем на две недели, невозможно: слишком уж растет расходимость. А задать начальные условия с бесконечной точностью невозможно в принципе, поскольку бесконечной точности в природе не существует: мы живем в квантовом мире, где абсолютно точных значений не бывает, а всегда есть неопределенность.

Сказанное можно проиллюстрировать следующим парадоксальным образом. Даже если мы возьмем сводки погоды за последний год, потом каким-то волшебным чудом на машине времени перенесемся на год в прошлое и снова проживем этот год, отслеживая поведение погоды, то с удивлением увидим, что наши графики отличаются от того, что происходит. Погода сама себя не повторит! Но жизнь общества не менее сложна, чем погодная система. И она себя не повторила бы тоже. Иными словами, прошлое так же непредсказуемо, как и будущее.

33

Zongyuan Zoe Liu China’s Real Economic Crisis. Why Beijing Won’t Give Up on a Failing Model. / Foreign Affairs. – 2024 // Электронный ресурс: https://www. foreignaffairs. com/china/ chinas-real-economic-crisis-zongyuan-liu

Elizabeth M. Dworak, William Revelle, David M. Condon. Looking for Flynn effects in a recent online U. S. adult sample: Examining shifts within the SAPA Project. – 2023/ Intelligence // Электронный ресурс: https://www. sciencedirect. com/science/article/pii/S0160289623000156?via=ihub